

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

исследования по российской и всеобщей истории

№ 3 (43) 2024

St. Petersburg
Historical Journal

Research on Russian and General History

Учредитель

Санкт-Петербургский
институт истории РАН
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98
E-mail: SPbHistoryStudies@mail.ru

Адрес редакции

197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-41-98

Издатель

Издательство «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург,
ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
E-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Типография

«Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

Издается с 2014 г.
Выходит 4 раза в год
ISSN 2311-603X

Редакционный совет:

академик РАН, д. и. н. И. П. Медведев (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
д. и. н. Т. В. Андреева (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
д. и. н., профессор А. К. Гаврилов (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
д. и. н., профессор И. Геровска-Каллаур (Институт истории им. Тадеуша Мантейфеля Польской академии наук, Варшава)
д. и. н., профессор А. Х. Даудов (Санкт-Петербургский государственный университет)
д. и. н. О. П. Илюха (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск)
д. и. н. Б. Н. Ковалев (Санкт-Петербургский институт истории РАН)
д. и. н., профессор Т. Г. Леонтьева (Тверской государственный университет)
профессор У. Г. Розенберг (Мичиганский университет, США; Европейский университет в Санкт-Петербурге)
д. и. н., профессор Н. Н. Смирнов (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербургский государственный университет)
д. и. н., профессор М. В. Ходяков (Санкт-Петербургский государственный университет)
д. и. н., профессор В. И. Шишкин (Институт истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск)
д. и. н. С. Е. Эрлих (генеральный директор издательства «Нестор-История»)

№ 3 (43) 2024

Редакционная коллегия:

Главный редактор — чл.-корр. РАН,
д. и. н. *А. В. Сиренов* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

д. и. н. *Л. А. Герд* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

д. и. н., профессор *Т. В. Кудрявцева*
(Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена)

д. и. н., профессор *А. С. Лавров* (Университет
Сорбонна, Франция)

д. и. н. *И. В. Лукьянов* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

профессор *А. Мартин* (Университет
Нотр-Дам, США)

д. и. н., профессор *А. П. Павлов* (Санкт-
Петербургский государственный университет)

д. и. н. *А. И. Рупасов* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

профессор *С. Франклин* (Кембриджский
университет, Великобритания)

д. и. н. *А. Н. Чистиков* (Санкт-Петербургский
институт истории РАН)

Секретариат

Ответственный секретарь — *М. В. Друзин*
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН)

А. А. Ефимов
(Санкт-Петербургский институт истории
РАН)

Дата подписания в печать: 11.09.2024
Дата выхода в печать: 12.09.2024

Перепечатка материалов
допускается только с письменного
разрешения редакции журнала.

Тираж 500 экз.

Заказ № 3194

Цена свободная

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации

ПИ № ФС77-64510

от 31.12.2015

© Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук, 2024

© Издательство «Нестор-История», 2024

На обложке

Доходный дом Ведыкиных. Большой
проспект Васильевского острова, 52/15.
1911-1912 гг. Архитектор П. К. Бергштрессер.
Деталь: скульптурный портрет
владельца дома промышленника
Роберта Эдуардовича Ведыкина.
Фото А. В. Сиренова

Founded by

St. Petersburg Institute
of History of the RAS
197110, St. Petersburg,
Petrozavodskaya str., 7
Tel. (812)235-41-98
E-mail: SPbHistoryStudies@mail.ru

Editorial Board Address

197110, St. Petersburg,
Petrozavodskaya str., 7
Tel. (812)235-41-98

Publisher

“Nestor-Istoriya” Publishing House
197110, St. Petersburg,
Petrozavodskaya str., 7
Tel. (812)235-15-86
E-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Printing house

“Nestor-Istoriya”
Tel. (812)235-15-86

Established in 2014
Published 4 times a year
ISSN 2311-603X

Editorial council:

Academician of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Sciences in History I. P. Medvedev
(St. Petersburg Institute of History of the RAS)

Doctor of Sciences in History *T. V. Andreeva*
(St. Petersburg Institute of History of the RAS)

Doctor of Sciences in History, Professor
A. K. Gavrilov (St. Petersburg Institute
of History of the RAS)

Doctor of Sciences in History, Professor
Joanna Gierowska-Kallaur (Tadeusz Manteuffel
Institute of History Polish Academy of Sciences,
Warsaw)

Doctor of Sciences in History, Professor
A. H. Daudov (St. Petersburg State University)

Doctor of Sciences in History *O. P. Ilyukha*
(Institute of Language, Literature and History
of the Karelian Scientific Center of the RAS,
Petrozavodsk)

Doctor of Sciences in History *B. N. Kovalev*
(St. Petersburg Institute of History of the RAS)

Doctor of Sciences in History, Professor
T. G. Leontieva (Tver State University)

Professor *W. Rosenberg* (University of Michigan,
USA; European University in St. Petersburg)

Doctor of Sciences in History, Professor
N. N. Smirnov (St. Petersburg Institute of History
of the RAS, St. Petersburg State University)

Doctor of Sciences in History, Professor
M. V. Khodyakov (St. Petersburg State
University)

Doctor of Sciences in History, Professor
V. I. Shishkin (Institute of History of the Siberian
Branch of the RAS, Novosibirsk)

Doctor of Sciences in History *S. E. Ehrlich*
(General Director of the publishing house
“Nestor-Istoria”)

№ 3 (43) 2024

The Secretariat

Executive Secretary — *M. V. Druzin*
(St. Petersburg Institute of History
of the RAS)

A. A. Efimov
(St. Petersburg Institute of History
of the RAS)

Date of signing to the press: 11.09.2024
Date of publication: 12.09.2024

Reprinting of materials is allowed
only with the written permission
of the editorial board of the journal.

The circulation is 500 copies

Order No 3194

The price is free

Registered as a scholarly periodical
by the Federal Service for Supervi-
sion of Communications, Informa-
tion Technology and Mass Media.

Journal Registration Certificate

PI No FS77-64510

as of 31.12.2015

Editorial board:

Editor-in-Chief — Corresponding Member of the
Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences
in History *A. V. Sirenov* (St. Petersburg Institute
of History of the RAS)

Doctor of Sciences in History *L. A. Gerd*
(St. Petersburg Institute of History of the RAS)

Doctor of Sciences in History, Professor
T. V. Kudryavtseva (A. I. Herzen Russian State
Pedagogical University)

Professor *A. Lavrov*
(Sorbonne Université, France)

Doctor of Sciences in History *I. V. Lukoyanov*
(St. Petersburg Institute of History of the RAS)

Professor *A. Martin*
(University of Notre Dame, USA)

Doctor of Sciences in History, Professor
A. P. Pavlov (St. Petersburg State University)

Doctor of Sciences in History *A. I. Rupasov*
(St. Petersburg Institute of History of the RAS)

Professor *S. Franklin*
(University of Cambridge, UK)

Doctor of Sciences in History *A. N. Chistikov*
(St. Petersburg Institute of History of the RAS)

Содержание

К 170-летию Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг.

- *П. В. Ильин*
Бывшие участники декабристского движения — военачальники
и военные деятели на фронтах Крымской войны 10
P. V. Ilyin
Former participants in the Decembrist movement — military leaders
and military figures on the fronts of the Crimean War
- *Т. В. Андреева*
Крымская война глазами ее участников: мифы и реальность 23
T. V. Andreeva
The Crimean War through the eyes of its participants: myths and reality
- *В. В. Латин*
Историческая память о событиях Крымской войны 1853–1856 гг. на Кавказе 33
V. V. Lapin
Historical memory of the events of the Crimean War of 1853–1856 in the Caucasus
- *С. К. Лебедев*
Внешние займы России до и после Крымской войны 40
S. K. Lebedev
External loans of Russia before and after the Crimean War

История России

- *А. В. Сергеев*
Общественное и служебное положение княжеских фамилий
Московского государства после Смуты начала XVII в.
(на примере Ярославских Рюриковичей) 49
A. V. Sergeev
The social and official position of the princely families of the Moscow state after the Time
of Troubles at the beginning of the 17th century (using the example of the Yaroslavl Rurikovichs)
- *М. М. Дадькина*
Оплата труда работников-солеваров и цены на соль в годы Соляной реформы 59
M. M. Dadykina
Wages of salt-workers and salt prices during the years of the Salt Reform
- *А. Л. Грязнов, А. Н. Гуслистова*
Торговая компания вологжан Мериновых на Сухоно-Двинском речном пути
в XVII в. 74
A. L. Gryaznov, A. A. Guslistova
Vologda Merinov Trading Company on the Sukhono-Dvinsky river route in the 17th century

- *С. А. Никонов*
Строительство китобойного судна Беломорской компании «Граф Румянцев» (1804–1805 гг.)86
S. A. Nikonov
Construction of the whaling vessel of the White Sea Company “Count Rumyantsev” (1804–1805)
- *И. Н. Васильев*
Татьянинский комитет в период между двух революций (весна — осень 1917 г.)95
I. N. Vasiliev
The Tatiana Committee between two revolutions (spring — autumn 1917)
- *К. А. Болдовский*
Практика организации трудовых мобилизаций в Ленинграде в первые месяцы Великой Отечественной войны 106
K. A. Boldovskiy
The organizing practices of labor mobilizations in Leningrad during the first months of the Great Patriotic War

Всеобщая история

- *И. А. Данилов*
Каспар фон Шенберг / Гаспар де Шомберг — слуга двух господ 117
I. A. Danilov
Caspar von Schönberg / Gaspard de Schomberg — the servant of two masters
- *Б. М. Горелик*
Дискуссии вокруг англо-бурской войны в национальных движениях Российской империи..... 127
B. M. Gorelik
Debates on the South African War by national movements in the Russian Empire
- *М. И. Серова*
К вопросу об объемах советской экономической помощи во время освобождения и восстановления Восточного Финнмарка 139
M. I. Serova
Some comments on the question of Soviet economic aid during the liberation and reconstruction of Eastern Finnmark
- *О. И. Онианва, У. Б. Окпева*
A review of British policy and influence on the external meddling in the peacemaking and conflict resolution of the Nigerian-Biafra War, 1967–1970 149
О. И. Онианва, У. Б. Окпева
Обзор британской политики и роль внешнего вмешательства в разрешении конфликтов и миротворческом процессе в ходе Нигерийско-биафрской войны 1967–1970 гг.
- *К. А. Зверев*
Праздничные и памятные даты как инструмент исторической политики стран Балтии 164
K. A. Zverev
Holidays and memorable dates as an instrument of the historical policy of the Baltic states

Историография и источниковедение

- *С. В. Селиверстов*
«Все должно прийти, если затрачен труд и есть желание и настойчивость “искать и познавать”»: Николай Евгеньевич Носов как наставник 175
S. V. Seliverstov
“Everything should come if you put in the work and have the desire and perseverance to ‘search and learn’”: Nikolai Evgenievich Nosov as a mentor
- *Е. З. Панченко*
Портрет ученого в рабочем кабинете: библиотека академика С. А. Жебелева 187
Ye. Z. Panchenko
Portrait of a scholar in his study: academician S. A. Zhebelev’s book collection
- *Е. С. Кальченко*
К вопросу о времени появления коптских апокрифов с темой небесного восхождения и открытия божественных тайн: проблемы и новые наблюдения..... 198
E. S. Kalchenko
Towards the question on the time of appearance of Coptic apocrypha with the theme of heavenly ascent and revelation of divine mysteries: problems and new observations
- *И. В. Михайлов*
Подтверждение версии конфиденциальной тезаврации сокровищ Иерусалимского храма в сопоставлении текста мишнайтот из «Емеq НаМеlekh» и текста кумранского манускрипта 3Q15..... 212
I. V. Mikhaylov
Confidential thesaurus version justification the Jerusalem Temple treasures in comparison the text of the mishnayots from “Емеq НаМеlekh” and the text of Qumran manuscript 3Q15

Публикации

- *И. Е. Барыкина*
Письма Н. П. Лихачева к графу И. И. Толстому из фонда Отдела рукописей Российской национальной библиотеки..... 221
I. E. Barykina
Letters of N. P. Likhachev to Count I. I. Tolstoy from the collection of the Department of Manuscripts of the Russian National Library
- *В. Е. Бередникова*
«Со стороны рабочих имеется большое количество жалоб...»: к вопросу об организации труда молодежи в промышленности блокадного Ленинграда (1941–1942 гг.) 232
V. E. Berednikova
“There are a large number of complaints from workers...”: on the issue of organizing youth labor in the industry of besieged Leningrad (1941–1942)

Рецензии

- *И. К. Богомолов*

Рецензия на книгу: *Carradice Ph. Keeping the Home Fires Burning: Entertaining the Troops at Home and Abroad During the Great War.* Barnsley: Pen & Sword History, 2022. 224 p. 241

I. K. Bogomolov

Book Review: *Carradice Ph. Keeping the Home Fires Burning: Entertaining the Troops at Home and Abroad During the Great War.* Barnsley: Pen & Sword History, 2022. 224 p.

Требования к публикации статей и материалов 247

П. В. Ильин

Бывшие участники декабристского движения — военачальники и военные деятели на фронтах Крымской войны

В задачу статьи входит актуализация малоизвестных сведений о бывших деятелях декабристского движения, принявших участие в военных действиях на фронтах Крымской войны. Для просопографического изучения участников декабристских обществ определенное значение имеет изучение фактографии боевой службы представителей дворянской оппозиции 1810–1820-х гг. в одну из последних военных кампаний, в которых им довелось принимать участие. Освещение этого сюжета проясняет положение в военной иерархии и военной политике, которое занимали на исходе николаевского царствования участники политического движения эпохи Александра I, обсуждавшие проекты конституционного ограничения самодержавия.

Рассмотрение этого вопроса видится обоснованным и в контексте исторической памяти, поскольку бывшие участники движения декабристов играли заметную роль в военных действиях на фронтах Крымской войны. Учет прежнего политического опыта военачальников и военных деятелей середины XIX в., изучение последующей служебной деятельности деятелей декабристских союзов, продолживших свою карьеру в царствование Николая I, освещение их личностных черт в позднейшие годы способствуют формированию более полного и достоверного образа этих исторических деятелей. Участие в военных действиях

на различных театрах Крымской войны бывших декабристов, в особенности тех, кто не занимал видных руководящих должностей в военной иерархии, ранее в исторической литературе специально не обозревалось.

Декабристы принадлежали к тому поколению дворян, которое вступило в жизнь под боевыми знаменами в эпоху антинаполеоновских войн, включая Отечественную войну 1812 г., а завершило служебное поприще, участвуя в сражениях Крымской войны, привнося в действия русской армии накопленный боевой опыт и военные навыки уже в статусе заслуженных офицеров, занимавших, как правило, высокое служебное положение. Это поколение связывало собой реформаторскую эпоху Александра I и царствование Александра II, также отмеченное коренными переменами.

После 1825 г. значительное число участников декабристского движения, избежавших репрессий, продолжило служебную карьеру, позднее к нему присоединились некоторые из тех, кто был репрессирован без суда и восстановил возможности карьерного продвижения благодаря боевым и служебным заслугам¹. Декабристское поколение к началу Крымской войны находилось в зрелом возрасте, а старшие его представители, по представлениям того времени, — в весьма преклонном. Строго говоря, правильно было бы вести речь о трех поколениях внутри генерации, принявшей участие в оппозиционном движении в царствование Александра I. Представителям поколения конца 1780-х — начала 1790-х гг. рождения на момент начала Крымской военной кампании уже исполнилось 60 лет, по меркам исторической эпохи они перешли в преклонный возраст, многие из них к этому времени оставили службу. Поколение середины — конца 1790-х гг. рождения приближалось к 60 годам, представляло собой старшую, умудренную опытом генерацию военных деятелей, нередко занимавших значительные посты. Оба этих поколения в большинстве случаев имели опыт участия в антинаполеоновских войнах, и прежде всего в Отечественной войне 1812 г. Наконец, младшее поколение декабристов (1800-х гг. рождения) приближалось к рубежу 50 лет или только перешло этот рубеж и, как правило, занимало менее значимые должности в служебной иерархии (хотя и здесь были исключения²). Во всех трех поколениях можно обнаружить военных деятелей, оказавшихся не на последних ролях на фронтах Крымской войны и оставивших заметный след в хронике событий тех лет.

Для большей части декабристского поколения Крымская война стала последней военной кампанией, в которой представители данной генерации принимали непосредственное участие. Многие офицеры и генералы, принадлежавшие к этому поколению, уже покинули службу или не могли находиться в строю. Тем более важным представляется хотя бы краткий обзор и первичная оценка роли бывших членов тайных обществ 1810–1820-х гг., оказавшихся в рядах военных деятелей Крымской войны.

Обращаясь к Крымскому театру военных действий, следует в первую очередь остановиться на центральной фигуре военного командования — бывшем

участнике раннедекабристского масонско-политического кружка «Орден русских рыцарей» 66-летнем адмирале А. С. Меншикове (здесь и далее возраст указывается на момент начала войны), являвшемся с осени 1853 г. командующим войсками, а с сентября 1854 по конец февраля 1855 г. — главнокомандующим сухопутными и морскими силами в Крыму³. Его имя не упоминалось в ходе следственного процесса, поэтому репрессии 1825–1826 гг. обошли будущего морского министра стороной, однако об участии его в «Ордене русских рыцарей» известно благодаря мемуарным свидетельствам С. П. Трубецкого и Н. И. Тургенева⁴. К осени 1853 г., когда Меншиков после неудачной дипломатической миссии в Константинополе стал командующим войсками в Крыму (на правах командира корпуса), он состоял в должностях морского министра, начальника Главного морского штаба, Финляндского генерал-губернатора и командующего войсками в Финляндии, являлся членом Государственного совета⁵. Репутация Меншикова, сложившаяся в публицистике, современной событиям и последующих лет, а затем в исторической литературе (М. И. Богданович, Н. Ф. Дубровин, Е. В. Тарле и др.⁶), возникла под влиянием поражений, испытанных русской армией во время его командования в Крыму, а также по причине бездействия военачальника во время высадки десанта союзных войск под Евпаторией. В период его командования, в том числе по его личной вине, противник нанес поражения русским частям при реке Альме, у Балаклавы и Инкермана, были захвачены Евпатория и Балаклава, войска отошли к Севастополю, была предпринята безуспешная попытка вернуть назад Евпаторию. С другой стороны, несмотря на превосходящие силы противника, Меншикову удалось уберечь действующую армию от полного поражения и дать возможность защитникам Севастополя подготовиться к длительной обороне. Тем не менее 19 февраля 1855 г. Меншиков был уволен практически со всех должностей, что можно считать признаком острого недовольства его командованием со стороны смертельно больного Николая I, а затем взошедшего на трон Александра II⁷.

Не менее критическое отношение в русском обществе вызвал к себе сменивший А. С. Меншикова на посту главнокомандующего в Крыму 60-летний генерал от артиллерии М. Д. Горчаков. Согласно воспоминаниям С. П. Трубецкого, Горчаков состоял членом Союза благоденствия, о чем правительство так и не узнало; он продолжил свою успешную карьеру⁸. В дни Крымской войны и в позднейшей военно-исторической литературе, публицистике и мемуаристике его обвиняли в нерешительности, несамостоятельности, слабом командовании, неверных решениях, принятых во время решающих сражений на крымском театре военных действий⁹. В начале войны (июнь 1853 — лето 1854 г.) Горчаков возглавлял отдельный корпус, вошедший в Дунайские княжества, где войска, находившиеся под его командованием, успешно противостояли турецкой армии, но затем под дипломатическим давлением Австрии корпус вынужден был выйти из дунайских земель. После этого (с августа 1854 г.) Горчаков

начальствовал Южной армией, находившейся в прибрежье Черного моря, по собственному почину оказывал помощь войскам в Крыму подкреплениями, боеприпасами и продовольствием. Наконец, 24 февраля 1855 г. он был назначен вместо Меншикова главнокомандующим в Крыму, руководил обороной Севастополя, действиями армии в кровопролитном сражении при р. Черной (4 августа), закончившемся поражением русской армии, при нем противник захватил Керчь, а 30 августа, после потери Малахова кургана, по его приказу была оставлена южная часть Севастополя; вскоре после этого (в декабре 1855 г.) он был уволен с поста главнокомандующего¹⁰.

В крымских сражениях ухудшил свою репутацию энергичного военачальника и 57-летний генерал-лейтенант П. П. Липранди, имя которого как участника Союза благоденствия было названо на следственном процессе 1825–1826 гг. «по слухам»; к ответственности он не привлекался¹¹. Первоначально являясь командующим Мало-Валахского отряда в составе корпуса Горчакова, Липранди силами отряда вел оборонительные бои против турецких войск, в сентябре 1854 г. был переведен в Крым и назначен на должность командира дивизии. Находясь в этой должности, он предложил план сражения при Балаклаве, руководил войсками в этом неудачном для России сражении, в ходе которого достиг лишь незначительного успеха; в этом сражении был ранен, но остался в строю. Возглавив затем 6-й пехотный корпус, Липранди принял участие в других неудачных сражениях при Инкермане и на Черной речке, в которых не проявил самостоятельной активности, хотя и был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость»¹².

60-летний генерал от кавалерии Н. А. Ред, бывший участник Союза благоденствия (о чем стало известно правительству из доноса М. К. Грибовского, оказавшегося в распоряжении следствия), избежавший наказания¹³, в течение 1853 г. исполнял должность инспектора войск Кавказского корпуса, затем был утвержден в должности главнокомандующего корпусом (март 1854 г.), а в начале 1855 г. возглавил 3-й пехотный корпус, находившийся в Крыму, командовал левым краем русской армии на позициях у Бахчисарая¹⁴. Ред погиб 4 августа 1855 г. в сражении при Черной речке. Его гибель произвела большое впечатление на русское общество, став наглядным проявлением несогласованности решений командования: вследствие преждевременного распоряжения Горчакова о начале сражения Ред открыл артиллерийский огонь и приступил к атаке Федюхиных гор, почти одновременно Липранди занял Чоргунские высоты. Действовавшие разрозненно на флангах 3-й и 6-й пехотные корпуса обоих военачальников не координировали свои действия между собой, а также с частями, находившимися в центре русских позиций. Вследствие этого, несмотря на помощь подоспевшего подкрепления, полки Реда были отброшены. Во время атаки Галицкого пехотного полка у Реда, следившего за ходом сражения, взорвавшейся над ним гранатой была снесена голова, причем, ввиду поспешности отступления, обезглавленное тело генерала так и не было подобрано.

По отзывам И. Ф. Паскевича, а также военных историков, Реад имел способности энергичного, лично храброго и неустрашимого военачальника; вместе с тем о нем сохранился негативно-иронический отзыв Л. Н. Толстого в «Песне про сражение на реке Черной...»: «Туда умного не надо, / Ты пошли туда Реада»¹⁵. Горчаков пытался представить Реада главным виновником неудачного сражения при Черной речке, но последний лишь исполнял его приказания.

Говоря о причинах поражения русской армии при Черной речке в контексте интересующего нас вопроса, нельзя не привести мнение современного военного историка Б. В. Никольского: «При... разборе последствий Чернореченского сражения уже один только факт, что генералы Горчаков, Реад и Липранди в свое время являлись активными членами декабристских организаций и удачно избежали заслуженных наказаний, мог явиться основанием для “длительной сибирской командировки”. Явно преждевременно умер император Николай Павлович, да и он последние годы своего правления был уже далеко не тот, что в 1825 году», — сожалеет современный автор, выражающий монархические взгляды¹⁶. При оценке его суждений следует иметь в виду: заключение о том, что перечисленные лица были «активными членами» декабристских союзов, не находит подтверждения в документальном материале¹⁷.

Среди военных деятелей Крымской войны, правда, на короткое время, оказался один из осужденных по приговору Верховного уголовного суда, бывший основатель первых тайных обществ декабристов 61-летний А. Н. Муравьев, в начале 1830-х гг. восстановивший ход служебной карьеры, на момент начала войны — полковник Генерального штаба, с августа 1854 г. состоявший при Главном штабе действующей армии, а с января 1855 г. занимавший пост начальника штаба 2-го пехотного корпуса¹⁸. Муравьев сначала находился в резервной армии, затем был направлен в Крым. 27 марта 1855 г. он был произведен в генерал-майоры, в июле в непосредственной близости наблюдал боевые действия при героической обороне Севастополя, но уже 28 июля вынужден был уйти в отпуск для лечения болезни глаз (катаракты), на фронт более не возвращался¹⁹. Ветеран антинаполеоновских войн в письмах к брату Н. Н. Муравьеву-Карскому оставил любопытные оценки событий на Крымском фронте. В частности, А. Н. Муравьев отмечал: «Нестерпимо грустно на сердце, что мы воюем в Крыму как ученики в военном деле, и что нет там никакой решительности в действиях, кроме Севастополя... который защищался беспримерно, но в котором в последний день... врасплох взят был Малахов курган...»²⁰ Приводя слова генерал-квартирмейстера Главного штаба В. К. Ливена («Мы не сможем устоять перед неприятелем с равными с ним силами»), Муравьев реагировал на них: «При таких мнениях главных лиц едва ли мы удержимся в Крыму — у всех дух упал и все ожидают одних неудач! И Горчакова терпят главнокомандующим! Правда, здесь чрезвычайно ласкают Лидерса, и похоже на то, что он будет на месте Горчакова. Каков бы он ни был, но все будет лучше, чем Горчаков, который показал и доказал свою неспособность»²¹.

Бывший член Северного общества, в 1826 г. наказанный без суда 3-месячным крепостным заключением, а затем переведенный с Балтийского на Черноморский флот и вскоре восстановивший свое служебное положение²², 57-летний капитан-лейтенант в отставке В. П. Романов после начала войны в апреле 1854 г. поступил на службу добровольцем в морское ополчение. Своими личными пожертвованиями способствовал оснащению малых судов в составе Балтийского флота, а затем принял участие в боевых действиях против английских кораблей в финляндских шхерах, командуя флотилией из 15 гребных канонерских лодок, построенных на пожертвованные средства. В июле 1854 г. Романов руководил операцией по переводу из Свеаборга в Або пяти военных судов на виду у английских крейсеров, за успешное завершение которой был отмечен высочайшим благоволением. В августе того же года по повелению Николая I подорвал Гангутские укрепления на виду того же неприятеля, затем перевез тремя рейсами из Роченсальма в Гельсингфорс 3,5 тыс. человек десанта, также в виду британского флота. За эти отличия был произведен в чин капитана 2-го ранга, в декабре 1854 г. Николай I особым указом выразил благодарность «волонтеру гребной флотилии <...> Владимиру Романову»²³. В следующем году по собственной просьбе Романов переводится на Черноморский флот, где становится участником обороны Севастополя, состоя для особых поручений при главном командире Севастопольского порта, в августе 1855 г. получает ранение и контузию. Обстоятельства ранения заслуживают внимания: Романов одним из последних покинул осажденную южную сторону Севастополя; будучи раненым, продолжал командовать судном, перевозившим последних защитников Севастополя под огнем противника на северную сторону. В ходе одного из рейсов произошло второе ранение осколком разорвавшейся бомбы в ногу. 26 августа 1856 г. за отличия Романов был произведен в капитаны 1-го ранга²⁴.

Не все военные деятели и администраторы проявили себя в сложных условиях Крымской кампании с лучшей стороны. Младший брат казненного П. И. Пестеля, бывший участник Союза спасения, избежавший привлечения к следствию, 58-летний генерал-лейтенант В. И. Пестель занимал должности таврического губернатора и военного губернатора Херсона²⁵. Осенью 1854 г. он руководил получившей скандальную известность эвакуацией из Симферополя ценных бумаг и казначейских сумм. Ему было приказано, в случае высадки в окрестностях неприятеля, вывезти из Симферополя документы присутственных мест и казенные суммы. После того как 4 сентября противник высадился в Евпатории и стал проводить маневры войск недалеко от Симферополя, пришло известие о поражении на реке Альме, а посланные за указаниями к Меншикову курьеры не возвращались. В этих условиях Пестель решил не дожидаться подтверждения приказа об эвакуации и распорядился в спешном порядке вывезти губернский архив и казну, а всем чиновникам с семьями покинуть город. Взяв на подводах бумаги присутственных мест и большие, по случаю военного времени, суммы из казначейства, утром 10 сентября Пестель выехал из города

во главе обширного обоза. Жители, оставшиеся с несколькими ротами местного гарнизона, запаниковали и бросились вслед за губернатором, их оставленные дома подверглись расхищению. Известие о блокировании противника застало Пестеля в дороге, по приказу разгневанного Меншикова весь обоз повернул назад. Сразу по возвращении в город Пестель объявил себя больным и не выходил из дома несколько дней. Сведения о «бегстве» таврического губернатора достигли Петербурга и подорвали репутацию опытного администратора. Несмотря на то что Пестель пытался объяснить причины, побудившие его к не согласованному с вышестоящим начальством выезду из Симферополя, 11 ноября он был уволен от должности; тем не менее это не стало полной опалой: в апреле 1855 г. он назначается сенатором и производится в тайные советники²⁶.

На Дунайском (Балканском) театре военных действий отличился находившийся 14 декабря 1825 г. в рядах «бунтующего» Гвардейского морского экипажа на Сенатской площади, но по итогам расследования избежавший наказания²⁷ 51-летний А. Р. Цебриков, достигший к 1853 г. чина контр-адмирала и занимавший должности сначала командира 3-й бригады 4-й флотской дивизии, затем командира отдельной гребной флотилии, располагавшейся в устье Дуная. В течение 1854–1855 гг. он охранял город и крепость Измаил от турецких нападений и контролировал фарватер вверх по Дунаю. Летом и в конце 1854 г. огнем своей флотилии Цебриков обеспечил переправу войск, возвращающихся из балканских княжеств, через Дунай, за что в феврале 1855 г. получил монаршее благоволение, а в марте 1856 г. — орден Владимира 3-й степени²⁸.

На Кавказском театре военных действий главную роль играл бывший участник декабристского общества (о чем мы знаем из записок С. П. Трубецкого), оставшийся в этом качестве неизвестным правительству²⁹, 59-летний генерал от инфантерии Н. Н. Муравьев, с марта 1855 по 22 июля 1856 г. занимавший должности главнокомандующего Кавказским корпусом и наместника на Кавказе. Он возглавил военные действия на кавказском фронте, в мае 1855 г. начал поход на Карс, 17 сентября руководил первым (неудачным) штурмом этой крепости и города, затем вел длительную осаду и, наконец, 16 ноября занял Карс, за что получил в русском обществе именование «Карский», был награжден орденом Георгия 2-й степени³⁰. Значение руководства Муравьева российской армией на Кавказе не требует пояснений: оно достаточно известно в военно-исторической литературе³¹. Бывшему главнокомандующему на Кавказе пришлось выступить и на другом поприще — возглавить расследование деятельности различных служб российской армии в период Крымской войны: именно Муравьев в декабре 1858 г. был назначен председателем военного суда в Москве над лицами, виновными в злоупотреблениях по снабжению войск Крымской и Южной армий³².

Бывший участник заговора декабристов в Петербурге, в 1826 г. освобожденный от наказания³³, 50-летний генерал-майор И. А. Базин с начала 1855 г. возглавлял резервную пехотную дивизию на Кавказе, затем был назначен началь-

ником Ахалцихского отряда, участвовал в походе на Карс, занял своим отрядом Ардаган, сыграл важную роль при штурме Карса в сентябре 1855 г. Он командовал ударной пехотной колонной при успешной атаке на особо укрепленные турецкие рубежи перед Карской крепостью — так называемые английские линии на Чахмахских высотах, построенные по плану и под руководством британских военных инженеров, за что был награжден орденом Георгия 4-й степени и произведен в генерал-лейтенанты³⁴.

Бывший участник заговора декабристов и выступления 14 декабря 1825 г., прощенный императором Николаем I во время следствия³⁵, 52-летний генерал-майор А. И. Гагарин с началом Крымской войны был назначен начальником Гурийского отряда, имел несколько успешных для русской стороны столкновений с турецкими войсками, в июне 1854 г. за отличие был произведен в генерал-лейтенанты и назначен командиром 13-й пехотной дивизии, во главе которой проделал поход до Карса. При первом, неудачном штурме Карса 17 сентября 1855 г. проявил личную храбрость, но был тяжело ранен в плечо и в бессознательном состоянии вынесен с поля боя, после чего больше года лечился за границей от полученной раны³⁶.

Один из самых юных участников заговора декабристов в Петербурге и событий 14 декабря 1825 г., избежавший наказания только благодаря молчанию заговорщиков на следствии³⁷, А. Ф. Багговут (племянник героя Отечественной войны 1812 г. К. Ф. Багговута, погибшего при Тарутино) в 1853 г., в возрасте 47 лет, в чине генерал-майора стал участником важнейших сражений на Кавказском фронте: в ноябре 1853 г. при Башкадыкларе и в июле 1854 г. при Курюк-дара. Во время первого из них Багговут занимал должность командующего кавалерией Кавказского корпуса. В ходе боя возглавляемая им конница опрокинула обходившую русские позиции турецкую кавалерию и устремившиеся вслед за нею соединения курдов. После этого отряд Багговута атаковал правое крыло неприятельской армии, в ходе сражения была захвачена громившая русскую пехоту батарея из 19 турецких орудий, что обеспечило окончательную победу. По оценке военных историков, сражение при Башкадыкларе было выиграно русской армией благодаря одновременной атаке гренадерской бригады и кавалерии Багговута. Не меньшую роль возглавляемая им кавалерия сыграла в сражении при Курюк-дара; «в воздаяние отличной храбрости и мужества» Багговут был произведен в генерал-лейтенанты, награжден орденами Георгия 3-й степени и Владимира 2-й степени с мечами³⁸.

На Балтийском театре военных действий нельзя не отметить успешную военно-административную и организационную деятельность 56-летнего вице-адмирала Ф. П. Литке, известного мореплавателя и исследователя Арктики. Участие его в тайных обществах декабристского ряда отражено в мемуарах С. П. Трубецкого; правительству оно осталось неизвестным³⁹. Бывший воспитатель и попечитель великого князя Константина Николаевича в ноябре 1853 г. был назначен кронштадтским военным губернатором и главным командиром

Кронштадтского порта; вскоре занял положение начальника обороны Кронштадта и всей близлежащей части Финского залива от пришедшей сюда в апреле 1854 г. англо-французской эскадры. Литке предложил план обороны крепостей и защитных действий крепостных гарнизонов Финского залива, под его руководством проводились укрепление фортов и минирование подступов к Кронштадту. В июле 1855 г. недалеко от Кронштадта подорвались на минах четыре британских судна, что повлекло за собой отказ от прямой атаки кораблей эскадры на город-крепость. За «сохранение порядка и бдительности во время состояния Кронштадта на осадном положении» Литке получил монаршее благоволение от Николая I (ноябрь 1854 г.) и благодарности от Александра II (май 1855 г.), был произведен в полные адмиралы (март 1855 г.), назначен членом Государственного совета; наконец, в знак особой признательности ему был пожалован дом в Петербурге⁴⁰.

Воспитанник Царскосельского лицея, однокашник и друг А. С. Пушкина, бывший участник Северного общества 54-летний контр-адмирал Ф. Ф. Матюшкин (его имя упоминалось в следственных показаниях, но к самому следствию он не привлекался и наказания не понес⁴¹) в 1853 г. сначала исполнял должность, а затем был утвержден главным командиром Свеаборгского порта и крепости, защищавшей подступы к Гельсингфорсу. В июле — ноябре 1854 г. он руководил оборонными работами, строительством и оснащением крепостных и прибрежных укреплений, в следующем году, 28–29 июля, возглавил успешную оборону Свеаборга от английской эскадры, которая подвергла свеаборгские укрепления усиленной, но безрезультатной двухдневной бомбардировке; за эти отличия Матюшкин был произведен в вице-адмиралы (1856 г.)⁴².

В заключение следует отметить, что участники дворянского оппозиционного движения первых десятилетий XIX в., избежавшие наказания или вернувшие себе за годы службы чины и звания, в период Крымской войны командовали армиями, корпусами и отдельными подразделениями, в ходе военных действий сыграли заметную, порой решающую роль в ключевых сражениях на крымском и кавказском театрах военных действий, в одних случаях достигнув значительного успеха, в других — испытав горечь поражений (А. С. Меншиков, М. Д. Горчаков, П. П. Липранди в Крыму, Н. Н. Муравьев (Карский), А. Ф. Багвут на Кавказе), обороняли Кронштадт и Свеаборг от угрожавших им морских сил противника (Ф. П. Литке, Ф. Ф. Матюшкин). Некоторые из них запечатлели свое участие в военной кампании личным героизмом, несомненными боевыми отличиями (И. А. Базин, А. И. Гагарин, В. П. Романов). По результатам военных действий одни бывшие деятели декабристского движения приобрели негативную репутацию — из-за поражений, которые были нанесены частям русской армии под их командованием, а также нерешительности и бездействия, проявленных на занимаемых должностях, неэффективных распоряжений, отданных в ходе решающих сражений в Крыму (А. С. Меншиков, М. Д. Горчаков), несогласованных административных решений (В. И. Пестель). Другие, напротив,

приобрели статус героев войны (Н.Н. Муравьев (Карский), А.Ф. Багговут, И.А. Базин, А.И. Гагарин). Нельзя не признать, что военачальники и военные деятели, находившиеся когда-то в рядах дворянской оппозиции (тайных обществ и заговора декабристов), в годы Крымской войны оказали в одних случаях определяющее, в других — заметное влияние на исход военных операций, предпринятых на основных театрах военных действий, а следовательно — на исход войны в целом.

- ¹ См. об этом: *Ильин П. В.* Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004; *Шкерин В. А.* Декабристы на государственной службе в эпоху Николая I. Екатеринбург, 2008.
- ² См. сведения о А. Ф. Багговуте, А. Р. Цебрикове, а также не отраженные в настоящей статье случаи А. А. Корнилова, И. Д. Лужина, в начале 1850-х гг. занимавших губернаторские посты, А. А. Суворова (внука полководца), находившегося в эти годы в должности генерал-губернатора Прибалтийского края (Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 85, 105, 170).
- ³ *Шилов Д. Н.* Главы высших и центральных государственных учреждений Российской империи. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2024. Т. 2. С. 38.
- ⁴ *Трубецкой С. П.* 1) Записки // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. Идеологические документы, воспоминания, письма, заметки. Иркутск, 1983. С. 245; 2) Записки // Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб., 2011. С. 60, 82; *Тургенев Н. И.* Россия и русские. М., 2001. С. 101, 684.
- ⁵ *Шилов Д. Н.* Главы высших и центральных государственных учреждений Российской империи. Т. 2. С. 38.
- ⁶ Основная литература приведена: Там же. С. 42–45.
- ⁷ Там же. С. 38.
- ⁸ Декабристы. Биографический справочник. С. 211–212; *Трубецкой С. П.* 1) Записки // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 245; 2) Записки // Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. С. 82. Ср. *Ильин П. В.* Новое о декабристах. С. 415–417.
- ⁹ Военная энциклопедия. Т. 8. СПб., 1912. С. 418–419 (указания на критические отклики мемуаристов).
- ¹⁰ *Шилов Д. Н.* Главы высших и центральных государственных учреждений Российской империи. Т. 1. С. 393–394.
- ¹¹ Восстание декабристов. Документы. Т. XVI. М., 1986. С. 232; *Ильин П. В.* Новое о декабристах. С. 327, 549–552.
- ¹² *Дубровин Н. Ф.* Генерал от инфантерии П. П. Липранди // Военный сборник. 1871. № 8. С. 312–315; *Липранди Р. П.* Генерал от инфантерии П. П. Липранди // Военный сборник. 1900. № 12. С. 223–224.
- ¹³ *Шильдер Н. К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. Т. 4. СПб., 1898. С. 211; *Ильин П. В.* Новое о декабристах. С. 410–412.
- ¹⁴ *Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А.* Члены Государственного совета Российской империи: Биобиблиографический справочник. 1801–1896. СПб., 2007. С. 662–663.
- ¹⁵ *Толстой Л. Н.* Песня про сражение на реке Черной 4 августа 1855 г. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М., 1935. Т. 4. С. 307–308.

- ¹⁶ *Никольский Б. В.* Липранди Павел Петрович — герой Крымской войны. Севастополь, 2010. С. 176.
- ¹⁷ М. Д. Горчаков и П. П. Липранди упоминаются в следственных показаниях и мемуарах декабристов как участники тайного общества без каких-либо сведений об их активности; о Н. А. Реаде в доносе М. К. Грибовского сообщается как о поступившем в число участников Союза благоденствия.
- ¹⁸ Декабристы. Биографический справочник. С. 117–118.
- ¹⁹ *Герасимова Ю. И., Думин С. В.* Декабрист А. Н. Муравьев // Муравьев А. Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 48–49.
- ²⁰ Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. Т. 2. СПб., 2008. С. 251 (письмо А. Н. Муравьева от 19 сентября 1855 г.).
- ²¹ Там же. С. 252.
- ²² Декабристы. Биографический справочник. С. 158–159.
- ²³ Приношения // Морской сборник. 1854. № 12. С. 156; *Романов В. В.* Дополнения к рассказу Н. В. Шеншина о поездках его на Аландские острова в 1854 г. // Русский архив. 1864. Вып. 5–6. Стб. 624–627; Романов Владимир Павлович // Русский биографический словарь. Т. 17. Пг., 1918. С. 26–28.
- ²⁴ Общий морской список (далее — ОМС). Ч. 8. СПб., 1894. С. 140–142; Ч. 11. СПб., 1900. С. 385–388; Декабристы. Биографический справочник. С. 159.
- ²⁵ Там же. С. 141.
- ²⁶ Свод данных об этом: Владимир Иванович Пестель // Русский биографический словарь. Т. 13. СПб., 1902. С. 591–592; *Кравчук А. С.* Неизвестный брат известного революционера: херсонский и таврический губернатор В. И. Пестель // Пространство и время. 2015. № 3 (21). С. 183–187.
- ²⁷ Декабристы. Биографический справочник. С. 191; *Ильин П. В.* Новое о декабристах. С. 61–62.
- ²⁸ ОМС. Ч. 8. С. 415–417; Действия Дунайской флотилии под начальством контр-адмирала А. Р. Цебрикова, с 24 октября по 30 декабря 1854 г. // Морской сборник. 1855. № 3. С. 211–213.
- ²⁹ *Трубецкой С. П.* 1) Записки // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 245; 2) Записки // Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. С. 82; Декабристы. Биографический справочник. С. 212–213. Ср. *Ильин П. В.* Новое о декабристах. С. 415–416.
- ³⁰ *Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А.* Члены Государственного совета Российской империи. С. 522.
- ³¹ Основная литература приведена в издании: *Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А.* Члены Государственного совета Российской империи. С. 523–524.
- ³² Там же. С. 522.
- ³³ Декабристы. Биографический справочник. С. 12; *Ильин П. В.* Новое о декабристах. С. 96–104.
- ³⁴ Базин Иван Алексеевич // Русский биографический словарь. Т. 2. СПб., 1900. С. 417; Военная энциклопедия. Т. 4. СПб., 1911. С. 343.
- ³⁵ Декабристы. Биографический справочник. С. 48–49; *Ильин П. В.* Новое о декабристах. С. 53–54.
- ³⁶ Гагарин Александр Иванович // Русский биографический словарь. Т. 4. СПб., 1914. С. 55–56.
- ³⁷ *Багговут А. Ф.* Записки // Русская старина. 1883. Т. 40. № 10. С. 114–115; Воспоминания Бестужевых. СПб., 2005. С. 390, 398. Ср. *Ильин П. В.* Новое о декабристах. С. 443–446.
- ³⁸ Генерал-лейтенант А. Ф. Багговут // Сборник известий, относящихся до настоящей войны. Кн. 4. СПб., 1854. С. 115–138; *Градовский Г. К. А. Ф.* Багговут. Очерк жизни его с 1831 по 1883 г. // Русская старина. 1889. Т. 63. № 8. С. 241–264.
- ³⁹ *Трубецкой С. П.* 1) Записки // Трубецкой С. П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. 1. С. 245; 2) Записки // Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. С. 82; Декабристы. Биографический справочник. С. 212. Ср. *Ильин П. В.* Новое о декабристах. С. 415–418.

- ⁴⁰ Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи. С. 456; Литвиненко Е. Я., Сидоренков В. В. Первое боевое применение минного оружия русскими военными моряками в XIX в. // Военно-исторический журнал. 2006. № 3. С. 48–51.
- ⁴¹ Шешин А. Б. Друг Пушкина Ф. Ф. Матюшкин — декабрист // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 23. Л., 1989. С. 161–166; Ильин П. В. 1) К вопросу о принадлежности Ф. Ф. Матюшкина к тайному обществу декабристов // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 29. СПб., 2004. С. 170–184; 2) Новое о декабристах. С. 496–505.
- ⁴² ОМС. Ч. 7. С. 498; Адмирал Ф. Ф. Матюшкин. Биографический очерк // Морской сборник. 1872. № 12. С. 1–13.

References

- GERASIMOVA Yu. I., DUMIN S. V. *Decabrist A. N. Murav'ev* [Decembrist A. N. Muravyov. In Russ.] // Murav'ev A. N. Sochineniya i pis'ma. Irkutsk, 1986. S. 3–64.
- IL'IN P. V. *K voprosu o prinaldzhnosti F. F. Matyushkina k tajnomu obshchestvu dekabristov* [On the issue of F. F. Matyushkin's membership in the secret society of the Decembrists. In Russ.] // Vremennik Pushkinskoj komissii. Vyp. 29. St. Petersburg, 2004. S. 170–184.
- IL'IN P. V. *Novoe o dekabristah. Proshchennye, opravdannye i ne obnaruzhennye sledstviem uchastniki tajnykh obshchestv i voennykh vystuplenij 1825–1826 gg.* [New about the Decembrists. Forgiven, released and not involved in the investigation members of secret societies and military uprisings 1825–1826. In Russ.]. St. Petersburg, 2004.
- Iz epistoljarnogo nasledstva dekabristov. Pis'ma k N. N. Murav'evu-Karskomu.* [From the epistolary legacy of the Decembrists. Letters to N. N. Muravyov-Karsky. In Russ.]. T. 2. St. Petersburg, 2008.
- KRAVCHUKA S. *Neizvestnyj brat izvestnogo revolyucionera: hersonskij i tavriceskij gubernator V. I. Pestel'* [Unknown brother of a famous revolutionary: Kherson and Tauride governor V. I. Pestel. In Russ.] // Prostranstvo i vremya. 2015. No. 3 (21). S. 183–187.
- LITVINENKO E. Ya., SIDORENKOV V. V. *Pervoe boevoe primenenie minnogo oruzhiya russkimi voennymi moryakami v XIX veke* [The first combat use of mine weapons by Russian sailors in the 19th century. In Russ.] // Voенно-istoricheskij zhurnal. 2006. No. 3. S. 48–51.
- NIKOL'SKIJ B. V. *Liprandi Pavel Petrovich — geroy Krymskoj vojny.* [Liprandi Pavel Petrovich — hero of the Crimean War. In Russ.]. Sevastopol', 2010.
- SHESHIN A. B. *Drug Pushkina F. F. Matyushkin — dekabrist* [Pushkin's friend F. F. Matyushkin is a Decembrist. In Russ.] // Vremennik Pushkinskoj komissii. Vyp. 23. Leningrad, 1989. S. 161–166.
- SHILOV D. N. *Glavy vysshih i central'nykh gosudarstvennykh uchrezhdenij Rossijskoj imperii.* [Heads of the highest and central government institutions of the Russian Empire. In Russ.]. 1802–1917. Biobibliograficheskij spravochnik. St. Petersburg, 2024. T. 1–3.
- SHILOV D. N., KUZ'MIN Yu. A. *Chleny Gosudarstvennogo soveta Rossijskoj imperii.* [Members of the State council of the Russian Empire. In Russ.]. Biobibliograficheskij spravochnik. 1801–1896. St. Petersburg, 2007.
- SHKERIN V. A. *Dekabristy na gosudarstvennoj sluzhbe v epohu Nikolaya I* [Decembrists in the state service in the era of Nicholas I. In Russ.]. Ekaterinburg, 2008.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

П. В. Ильин. Бывшие участники декабристского движения — военачальники и военные деятели на фронтах Крымской войны // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 10–22

Аннотация: Автор затрагивает мало освещенный в научной литературе вопрос об участии бывших деятелей декабристского движения в военных действиях на фронтах Крымской (Восточной) войны: Крымском, Дунайском, Кавказском и Балтийском. Участники дворянского оппозиционного движения в России первых десятилетий XIX в. (известного как движение декабристов), не пострадавшие по итогам следствия 1825–1826 гг., вернувшие себе гражданские права, чины и звания за годы службы, а также оставшиеся неизвестными правительству, к началу Крымской войны достигли солидного возраста, высоких чинов и должностей в военно-административной иерархии. С началом войны некоторые из них заняли ключевые посты в русской армии, командуя армиями и корпусами, сыграв значительную, а порой решающую роль в боевых действиях (А. С. Меншиков, М. Д. Горчаков, П. П. Липранди, Н. А. Реад в Крыму, А. Р. Цебриков на Дунае, Н. Н. Муравьев (Карский), А. Ф. Багговут, И. А. Базин, А. И. Гагарин на Кавказе, Ф. П. Литке и Ф. Ф. Матюшкин на Балтийском море). В задачу настоящей статьи входит обзор сведений о роли бывших участников тайных обществ декабристов и военных выступлений 1825–1826 гг. в событиях Крымской войны, что служит определенным вкладом в сложившийся в истории образ деятелей декабристского движения, представления о биографии и личности русских военачальников и военных деятелей 1850-х гг.

Ключевые слова: политическая история России XIX в., декабристы, военная история, Крымская война, военачальники и военные деятели, А. С. Меншиков, М. Д. Горчаков, Н. Н. Муравьев-Карский, Ф. П. Литке, Ф. Ф. Матюшкин.

FOR CITATION

P. V. Ilyin. Former participants in the Decembrist movement — military leaders and military figures on the fronts of the Crimean War // Petersburg historical journal, no. 3, 2024, pp. 10–22

Abstract: The author addresses the understudied topic of the participation of former figures from the Decembrist movement in military operations on the fronts of the Crimean War, also known as the Eastern War: Crimean, Danube, Caucasian and Baltic. This article considers the fate of those figures of the opposition movement of nobility in Russia in the first decades of the nineteenth century (known as the Decembrist movement) who were not harmed as a result of the investigation of 1825–1826. Those who had been reinstated to their civil rights, ranks and titles during their period of service, as well as those who remained unknown to the government, had reached a respectable age and occupied high ranks and positions in the military-administrative hierarchy by the beginning of the Crimean War. Since the commencement of hostilities, a number of these individuals have assumed prominent roles within the Russian military, assuming command of armies and corps and exerting a considerable influence on the course of combat operations. This includes A. S. Menshikov, M. D. Gorchakov, P. P. Liprandi, and N. A. Read in the Crimea, as well as A. R. Tsebrikov on the Danube, N. N. Muravyov (Karsky), A. F. Baggovut, I. A. Bazin, A. I. Gagarin in the Caucasus, F. P. Litke and F. F. Matyushkin on the Baltic Sea, and so forth. The objective of this article is to present hitherto little-known information about the role and actions of former participants in the Decembrist societies and military uprisings of 1825–1826 in the context of the Crimean War. This serves to contribute to the established historical image of the figures of the Decembrist movement and to provide insights into the biography and personality of Russian military leaders and military figures of the 1850s.

Key words: political history of Russia of the 19th century, the Decembrists, military history, the Crimean War, military leaders and military figures, A. S. Menshikov, M. D. Gorchakov, N. N. Muravyov-Karsky, F. P. Litke, F. F. Matyushkin.

Автор: Ильин, Павел Владимирович — к. и. н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Ilyin, Pavel Vladimirovich — PhD in History, senior researcher, St. Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: pavil@pi9402.spb.edu
ORCID 0000-0001-6058-2186

Т. В. Андреева

Крымская война глазами ее участников: мифы и реальность

Проблема формирования и трансляции исторической памяти остается одной из актуальных тем в современной отечественной и зарубежной историографии. Основное внимание специалистов в различных областях гуманитарного знания — истории, социологии, культурологии — обращено на изучение самого процесса меморизации. Различные стратегии и тактики, а также институты и процедуры сохранения, осмысления и передачи прошлого отражают сложное сочетание объективного и субъективного факторов (законодательства, научного знания, публицистики, мемуаристики) в складывании исторического сознания общества. В огромной мере это относится к Крымской войне, которая вызвала поистине тектонический сдвиг исторической памяти.

Нашедший отражение в огромном числе источников личного происхождения, которые уже с конца 1850-х гг. публиковались в «Военном сборнике», «Русском архиве», «Русской старине» или хранились в архивохранилищах, он свидетельствовал о внимании общества к проблемам Крымской кампании. При этом коллективный и индивидуальный опыт пережитого в 1853–1856 гг., экстраполированный в письмах, дневниках и воспоминаниях современников, обусловил как историзацию, так и мифологизацию важнейшего исторического события XIX в., его главных героев и антигероев, сыграл важную, но в то же время противоречивую роль в формировании исторической памяти. С одной стороны, беспримерная оборона Севастополя породила чувство гордости россиян самоотверженностью и храбростью его защитников и восхищение европейцев,

с другой — потеря Черноморского флота, хотя и временная, была воспринята как национальное унижение.

Статья посвящена выявлению соотношения реального и мифологического дискурсов в эпистолярной и мемуаристике участников Крымской войны на основании материалов, отложившихся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН.

Прежде всего речь идет о неавторизованной «Записке неизвестного лица о Южной Крымской армии», отложившейся в фонде-коллекции И. Н. Шляпкина. Это рукопись чернилами с указанием места написания — Кишинев и датой 22 февраля 1855 г. На задней обложке есть помета карандашом: «Эта записка не Менькова ли?»¹ На самом деле сравнение текста данной записки с авторизованными архивными материалами генерал-лейтенанта П. К. Менькова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки² и Российском государственном историческом архиве³, а также с его опубликованными записками⁴ позволило установить, что рукопись из Научно-исторического архива СПб ИИ РАН является списком части записок П. К. Менькова из ОР РНБ.

Петр Кононович Меньков (1814–1875), в годы Крымской войны — полковник Генерального штаба, главный редактор (с 1859) «Военного сборника» и газеты «Русский инвалид» (1865), генерал-лейтенант (с 1867). В 1853–1855 гг. он находился в распоряжении командующего войсками Южной Крымской армии генерала от инфантерии М. Д. Горчакова на Дунайском фронте и в Севастополе, участвовал в осаде Силистрии и сражении у Черной речки.

Осада Силистрии в мае — июне 1854 г. — одна из важнейших тем записок П. К. Менькова. В этой связи он писал, что, «несмотря на всю странность и неправильность осадных работ, производимых под руководством полусумасшедшего инженера-генерала Шильдера, осада достигла своей цели: крепость была близка к сдаче»⁵. И хотя столь негативная характеристика профессиональных качеств генерал-адъютанта, «начальника инженеров действующей армии» К. А. Шильдера не подтверждается ни дореволюционными, ни советскими и современными исследованиями⁶, оценка П. К. Меньковым влияния сложной внешнеполитической ситуации на принятие военным командованием важнейших решений вполне укладывается в исследовательский нарратив работ Е. В. Тарле, Л. В. Выскочкова, С. С. Курочкина⁷. Мемуарист подчеркивает, что «неопределенные и неустойчивые отношения России и Австрии», угроза вступления Австрийской империи в войну, стягивание ее войск к границам Дунайских княжеств заставляли главнокомандующего действующей армией против союзных войск И. Ф. Паскевича действовать с большой осторожностью. На самом деле генерал-фельдмаршал даже пытался уговорить Николая I отложить наступление за Дунай до осени 1854 г. Однако император, под влиянием чрезвычайного посла в Константинополе, адмирала (с 1833) А. С. Меншикова, считал необходимым добиться решительных успехов на Дунайском театре военных действий прежде, чем Англия и Франция успели бы вмешаться в дело,

и настаивал на овладении Силистрией. При этом разработка планов ее осады была поручена К. А. Шильдеру, который полагал вполне реальным ее взятие даже после того, как союзники объявили войну России. И все же И. Ф. Паскевич, которого поддерживал М. Д. Горчаков, опасаясь не только вступления Австрии в войну, но и поддержки турок со стороны Шумлы французским экспедиционным корпусом, убедил Николая I, что Дунайские княжества должны быть очищены. После заявления Австрии о возможном выступлении против России, 9 июня 1854 г. осада Силистрии была снята, и начался вывод русских войск из Дунайских княжеств. В этой связи П. К. Меньков писал: «Изменчивая и постоянно предательская политика Австрии останавливала движение нашей армии. Все распоряжения наши, находясь в зависимости от шаткой политики Австрии, имели характер нерешительности», а турки, «отпраздновав необъяснимое для них снятие осады Силистрии, вздохнули свободно»⁸.

Между тем это отсутствие единства в оценках военно-политической ситуации среди русского верховного командования негативно повлияло в целом на ход военных действий не только на Дунае, но и в Крыму.

Крым и оборона Севастополя — главная тема записок П. К. Менькова. После выступления Британии и Франции на стороне Турции и угроз Австрии присоединиться к антироссийскому союзу центр противостояния сместился на Крымский полуостров. Высадка 60-тысячной армии союзников была произведена 2 сентября 1854 г. южнее Евпатории. Целями «домогательств союзных держав», по мнению мемуариста, были «завладение Крымом, взятие Севастополя и уничтожение Черноморского флота»⁹.

П. К. Меньков прибыл в Крым 24 февраля 1855 г. вместе с М. Д. Горчаковым, сменившим князя А. С. Меншикова на посту главнокомандующего сухопутными и морскими силами в Крыму, и провел в осажденном городе более шести месяцев. Именно П. К. Меньков (после подполковника Генерального штаба Н. Б. Герсеванова, назначенного начальником штаба А. С. Меншикова) продолжил составление «Журнала военных действий в Крыму» в 1855 г.¹⁰

Надо сказать, что князь Александр Сергеевич Меншиков является одним из главных антигероев записок П. К. Менькова не только потому, что он был человеком М. Д. Горчакова, но исходя из его оценки деятельности князя как военачальника. После возвращения из Константинополя в июне 1854 г. А. С. Меншиков командовал русскими войсками в Крыму. В начале наступления англичан на Севастополь он попытался задержать неприятеля у р. Альмы 8 сентября 1854 г., но проиграл сражение. «Смятение было общее, отсутствие порядка повсеместное», — сокрушался П. К. Меньков, даже фургон, где находился портфель с перепиской командующего с императором, попал в руки англичан. С точки зрения мемуариста, во многом это было обусловлено тем, что у князя «не было сотрудников, он не нуждался в штабах. Ему не нужны канцелярии». «Русский вельможа, стяжавший славу воина, администратора, дипломата», А. С. Меншиков «на все учреждения штабов и помощников

смотрел с усмешкою!». При подобной организации армии, «в каких бы силах она ни была, порядка существовать не могло»¹¹.

Тем не менее 30 сентября 1854 г. А. С. Меншиков был назначен главнокомандующим сухопутными и морскими силами в Крыму, но, по словам мемуариста, «не сделал ничего» для защиты Крыма. В этой связи П. К. Меньков ставил два важнейших вопроса: верил ли князь «в избыточность» высадки союзных войск в Крыму и допускал ли возможность потерять Севастополь и флот? С точки зрения мемуариста, верил и не верил. Верил, потому что «находил себя слабым в Крыму» и осознавал невозможность борьбы в открытом море нашего флота с союзным, и в силу этого «запер его в Севастопольской бухте», а часть морских орудий перевез в Севастополь, для защиты которого предназначались моряки. Не верил, поскольку считал, что неприятель «никогда не осмелится сделать высадки», да еще осенью¹².

Хотя укрепления Севастополя были «весьма слабые с сухого пути», поскольку на его бастионах стояли всего 80 орудий, А. С. Меншиковым не было ничего сделано для его защиты. Более того, когда за шесть месяцев до высадки союзных войск начальник штаба Черноморского флота генерал-адъютант В. А. Корнилов предложил проект создания надлежащих защитных сооружений, которые предполагалось соорудить на средства по подписке офицеров флота и жителей Севастополя, главнокомандующий «с негодованием» отверг предложения генерала, говоря: «Я не хочу видеть списка трусов»¹³.

Поскольку от А. С. Меншикова не поступало никаких распоряжений, то оборону Севастополя взяли на себя В. А. Корнилов, герой Синоп вице-адмирал П. С. Нахимов и инженер-полковник Э. И. Тотлебен. Этот сюжет ярко описан в работе А. М. Зайончковского, а также в монографии С. С. Курочкина¹⁴. П. К. Меньков еще добавлял, что, когда Э. И. Тотлебен, осмотрев укрепления Севастополя, продемонстрировал А. С. Меншикову «всю слабость» защиты города со стороны суши, то главнокомандующий ехидно сказал, «что со стороны крымских татар он никаких покушений на крепость не ожидает». «Никогда не здоровающийся и весьма редко показывающийся солдатам и матросам», подчеркивал мемуарист, А. С. Меншиков отказался от перемирия для эвакуации раненых и убитых, поэтому моряки зовут его «Анафема», а жители Севастополя «князем изменщиков»¹⁵. Подобное отношение к главнокомандующему было связано еще и с тем, что после поражения под Инкерманом, которое стало ошеломляющим ударом для русских войск, адмирал, уверенный, что падение Севастополя неизбежно, в официальном письме от 9 ноября 1854 г. военному министру В. А. Долгорукому рекомендовал оставить город. А во время инкерманского сражения, как писал П. К. Меньков, князь неоднократно говорил: «Я не тактик! Не мое дело вести бой! Генералов нет что ли!» В этой связи мемуарист заметил: «Князь Александр Сергеевич забыл, что он не тактик, а русский главнокомандующий»¹⁶. Николай I, уязвленный поражением своего главнокомандующего, писал ему 13 ноября 1854 г.: «Зачем же столько

геройства, столько горьких жертв, ежели исход дела должен быть столь гибельный!» Не удивительно, что 15 февраля 1855 г. А. С. Меншиков был отставлен от командования, покинул Севастополь, как писал П. К. Меньков, «бросал город и флот на жертву». На вопрос В. А. Корнилова, что делать с флотом, князь отвечал: «Положи его к себе в карман». При этом мемуарист подчеркивал, что «лишение Черноморского флота отодвинуло Россию нравственно на полтора столетия назад»¹⁷. Однако стратегические цели союзников не были достигнуты, широкомасштабная война с Россией так и не состоялась, занятие ими только Южной стороны Севастополя и потеря флота не решили проблемы.

Что же касается А. С. Меншикова, то не все так однозначно. После неудачи на р. Альме главнокомандующий, прикрывая путь неприятелю внутрь России, организованно отвел армию сначала на Южную сторону Севастополя, а затем к Бахчисараю. В октябре 1854 г. у Балаклавы А. С. Меншиков дважды пытался контратаковать противника, а 5 февраля 1855 г. — прорвать оборону Евпатории¹⁸. Отказ же от предложения союзников о перемирии был обусловлен, вероятно, его опасениями, что наши войска будут деморализованы, увидев огромное число убитых и раненых с нашей стороны и сравнив его с гораздо меньшими потерями неприятеля. Предложение же о сдаче Севастополя было продиктовано стремлением главнокомандующего сосредоточить силы для обороны остальной части Крыма. Да и в целом оценка роли А. С. Меншикова в истории России, в том числе в период Крымской войны, в современной историографии пересматривается и ставится вопрос о необходимости осмысления его административной и военной деятельности на новом уровне исследовательских задач. Об этом свидетельствуют как публикации источников личного происхождения, так статьи и кандидатская диссертация К. В. Доник¹⁹.

Большой интерес представляют также автографы писем Александра Дмитриевича Комовского (1815–1863) (после его смерти — Камовского), управляющего военно-походной по флоту канцелярией А. С. Меншикова²⁰, за 1853–1855 гг. Отправленные из Севастополя к Марии Афанасьевне, они отложились в фонде 115 (Собрание рукописных книг) Научно-исторического архива СПбИИ РАН и являются дополнением к его опубликованному дневнику²¹. Как выяснил Л. В. Выскочков, написавший статью об этом источнике в сборнике материалов Всероссийской конференции, посвященной Крымской войне и проходившей в Севастополе в сентябре 2019 г., адресатом Комовского являлась Мария Афанасьевна Татищева (1820–1866), супруга камер-юнкера статского советника Спиридона Федоровича Татищева и мать известного дипломата и историка Сергея Спиридоновича Татищева. По справедливому мнению Л. В. Выскочкова, данные письма существенно дополняют наши представления о Севастопольской обороне, ее предыстории, повседневной жизни города до и во время осады. Помимо этого, письма содержат информацию, уточняющую его официальную переписку²². Следует только подчеркнуть, что, помимо этого, данные письма добавляют новые важные штрихи к портрету князя

А. С. Меншикова. Так, уже в первом письме из Севастополя от 23 декабря 1853 г. А. Д. Комовский писал, что «по совету князя» намеревается посетить пленного турецкого вице-адмирала Османа-пашу, обстоятельства пленения которого хорошо известны в научной литературе. Во время Синопского сражения 18 ноября 1853 г. эскадра П. С. Нахимова, в которой отличился пароходо-фрегат «Владимир» под командованием капитана 1-го ранга Г. И. Бутакова, основоположника тактики парового броненосного флота, в будущем адмирала (с 1878), разгромила черноморскую эскадру турок под командованием Османа-паши (1832–1897), а сам он был взят в плен²³. Что же касается А. Д. Комовского, то в следующем письме от 29 декабря 1853 г., описывая свою встречу с пашой, он подчеркивал, что А. С. Меншиков отправил его с поручением передать пленнику письмо от его сына, поступившее из Константинополя на имя главнокомандующего, «обрадовать и утешить этою весточкою». А. Д. Комовский писал, что «старик был тронут ласковым обхождением с ним победителей», что паша «очень симпатичный, говорит свободно по-итальянски», с ним два офицера, командир фрегата и корвета и один мичман, которых «князь Меншиков всякий день потчует на свой счет отличным кофеем, приказав достать им турецкий кофейник и турецкие чашечки». В письме от 13 января 1854 г. А. Д. Комовский с сожалением оповещал М. А. Татищеву, что «Осман-паша скоро поедет отсюда в Петербург»²⁴. Действительно, в 1856 г. Осман-паша был обменен на генерал-майора (с 1855), коменданта крепости Бомарзунд на Аландских островах Я. А. Бодиско (1794–1876), который был взят в плен при взятии союзниками данной крепости 4 августа 1854 г.

Еще одним ценным эпистолярным источником, отложившимся в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН и посвященным «ходу Крымских дел», являются автографы писем из Севастополя в Одессу Ипполита Матвеевича Дебу (1824–1890) к его супруге Александре Ивановне (урожд. Красильниковой) за 1854–1855 гг.²⁵ Петрашевец И. М. Дебу в 1849 г. был арестован, но смертный приговор был заменен на арестантские роты с отдачей в солдаты. Участник Крымской войны, за отличие в бою у Черной речки 16 августа 1855 г. он был произведен в подпоручики. В письмах И. М. Дебу есть интересная уточняющая информация. Так, в письме от 2 ноября 1854 г., описывая действия 12-й пехотной дивизии под командованием генерал-лейтенанта П. П. Липранди 13 октября 1854 г., когда в «Долине смерти» под Балаклавой «было нанесено поражение английской кавалерии», И. М. Дебу указывал, что «среди убитых и пленных кавалеристов было много представителей великобританской аристократии». В силу этого командующий британской кавалерией генерал-лейтенант принц Дж. Кембридж «объявил это дело весьма постыдным для английского оружия». В рассказе же об обстоятельствах пленения 9 октября 1854 г. капитана английской гвардии Улика Каннинга лорда Дункеллина, сына английского посла в Петербурге, И. М. Дебу указывал, что лорд имел 40 человек конвоя, которые разбежались, а взяли его в плен только восемь казаков. Причем этот сюжет

находит подтверждение в материалах дела из Российского государственного военно-исторического архива с указанием, что казаками были «охотники Севастопольского гарнизона»²⁶. В письме от 25 ноября 1854 г. И. М. Дебу писал, что накануне на их батарею прибыл парламентар от англичан, который «привез нашего пленного офицера в обмен на лорда Дункеллина»²⁷. Это также находит подтверждение в том же деле РГВИА, где указано, что лорд Дункеллин по высочайшему повелению был обменян на штабс-капитана 16-й артиллерийской бригады Н. Ф. Кузовлева, взятого в плен 13 сентября 1854 г., и отправлен через Варшаву в Лондон²⁸.

Помимо записок и писем военных — участников Крымской войны — в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН в том же собрании рукописных книг отложились копии поденных писем в виде дневника известной московской актрисы Прасковьи Ивановны Орловой-Савиновой (1815–1900) (урожд. Куликовой) брату, актеру и режиссеру Александринского театра, автору водевилей и комедий Николаю Ивановичу Куликову. В самый разгар Севастопольской обороны три месяца, с 17 мая по 22 июня 1855 г., по собственной инициативе в качестве сестры милосердия она работала в госпитале в Симферополе и была награждена медалью «За храбрость». В опубликованные в 1994 г. ее воспоминания²⁹ симферопольский дневник не вошел, хотя имеет несомненное историческое значение. Дневник в виде писем дает представление о сложной ситуации в Симферополе в 1855 г., куда устремился поток беженцев, которые «без обуви и куска хлеба» пришли за сотни верст, потеряв детей и стариков. Уже в первый день приезда 17 мая в письме брату П. И. Орлова писала: «Здесь весь город набит битком, и все ужасно дорого». В других поденных майских письмах она описывала жизнь в госпитале, где много тифозных больных и раненых, главным образом «гангренозных», не хватает продуктов и «крадут ужасно». Чтобы накормить больных, П. И. Орлова сама покупала продукты и варила им еду. В письме от 7 июня 1855 г. она делилась с братом своими впечатлениями после штурма французами Малахова кургана 6 июня 1855 г.: «Дело было страшное, и много убитых и раненых, и главное взятых в плен. Кроме наших 400 человек в госпиталь привезли раненых неприятелей. Невозможно описать этих ужасов, какие у них раны — наши просто колотили их камнями»³⁰. Это находит подтверждение в письме от 9 июня 1855 г. подполковника английской королевской артиллерии Сент-Джорджа, который наблюдал штурм: «С Малаховой башни открыли такой ураганный огонь, какого мне еще никогда не приходилось видеть... Подоспели многочисленные подкрепления, и французы вновь пошли в атаку... И снова потерпели неудачу и отступили... Они проявили замечательную храбрость и понесли тяжелые потери — от 2 до 3 тысяч убитых и раненых»³¹.

Итак, процесс формирования исторической памяти о Крымской войне, происходивший путем соединения ее различных моделей и сочетания объективного и субъективного факторов, в своей основе имел коллективный

и индивидуальный опыт пережитого участниками войны, который определил как ее историзацию, так и мифологизацию. И все же в эпистолярной, дневниковой и воспоминаниях участников Крымского испытания доминировала репрезентативность информационного пространства.

- ¹ Записка неизвестного лица о Южной Крымской армии // Научно-исторический архив СПБНИИ РАН (далее — НИА СПБНИИ РАН). Ф. 154 (Коллекция И. Н. Шляпкина). Д. 71. Л. 1 — 65 об.
- ² Восточный вопрос. 1853–1855 гг. Крым. Записки ген. П. К. Менькова // ОР РНБ. Ф. ОФРК Q IV. Д. 365. Л. 1–139.
- ³ П. К. Меньков. Журнал-дневник осады Севастополя. 1 декабря 1854 по 27 августа 1855 г. // РГИА. Ф. 651 (Васильчиковы). Оп. 1. Д. 369.
- ⁴ [Меньков П. К.] Записки Петра Кононовича Менькова. Т. 1: Дунай и немцы. (Восточный вопрос). 1853–1855. СПб., 1898.
- ⁵ Записка неизвестного лица о Южной Крымской Армии. Л. 1 — 1 об.
- ⁶ Мазюкевич М. Н. Жизнь и служба генерал-адъютанта Карла Андреевича Шильдера. СПб., 1876. С. 54–55; Мазинг Г. Ю. Карл Андреевич Шильдер. М., 1989. С. 280–281; Курочкин С. С. Э. И. Тотлебен и русская императорская армия: 1853–1879. СПб., 2023. С. 34–37.
- ⁷ Тарле Е. В. Крымская война: в 2 т. 1941–1943. Т. 1. М., 1941. С. 140–141; Выскочков Л. В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М., 2018. С. 888–893; Курочкин С. С. Э. И. Тотлебен и русская императорская армия. С. 35–36.
- ⁸ Записка неизвестного лица о Южной Крымской армии. Л. 3 — 4 об.
- ⁹ Там же. Л. 7 об.
- ¹⁰ Журнал военных действий в Крыму. Сентябрь — декабрь 1854 года / Сост. А. В. Ефимов. Симферополь, 2010; Журнал военных действий в Крыму. Январь — август 1855 года / Сост. А. В. Ефимов. Симферополь, 2016.
- ¹¹ Записка неизвестного лица о Южной Крымской армии. Л. 16–17.
- ¹² Там же. Л. 8 — 8 об.
- ¹³ Там же. Л. 9–10.
- ¹⁴ Зайончковский А. М. Краткая характеристика кн. А. С. Меншикова, кн. М. Д. Горчакова, адм. В. А. Корнилова, П. С. Нахимова и ген. Э. И. Тотлебена // История русской армии и флота: в 15 т. Т. 10. М., 1911. С. 115–118; Курочкин С. С. Э. И. Тотлебен и русская императорская армия. С. 37–74.
- ¹⁵ Записка неизвестного лица о Южной Крымской армии. Л. 10–11.
- ¹⁶ Там же. Л. 37.
- ¹⁷ Там же. Л. 8, 20 — 20 об.
- ¹⁸ Выскочков Л. В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. С. 904–905.
- ¹⁹ А. С. Меншиков в Крымской войне: Дневники. Письма. Воспоминания / Сост. А. В. Ефимов. Симферополь, 2018; Доник К. В. 1) «Герой проигранных сражений»: фигура князя А. С. Меншикова (1787–1869) в историографии и проблемы исторической памяти // Военная история России XIX–XX вв. Материалы X Международной военно-исторической конференции. СПб., 2017. С. 125–154; 2) Князь А. С. Меншиков и морское ведомство: реформы флотской администрации в начале царствования Николая I: автореф. дис. ... ист. наук. СПб., 2023.
- ²⁰ Письма Александра Дмитриевича Комовского, состоявшего при кн. А. С. Меншикове в Севастополе, Марии Афанасьевне [Тагищевой]. 29 ноября 1853 г. — 23 марта 1855 г. // НИА СПБНИИ РАН. Ф. 115 (Собрание рукописных книг). Оп. 1. Д. 229. Л. 1–180.

- ²¹ Комовский А. Д. Под громом Крымской войны. (Из дневника, веденного в Крыму во время военных действий) // Русский вестник. 1878. Т. 133. № 2. С. 659–686; Т. 134. № 3. С. 163–197.
- ²² Высокочков Л. В. Осажденный Севастополь в письмах А. Д. Камовского «к милой Марье Афанасьевне» (по материалам Архива Санкт-Петербургского института истории РАН) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Крымская (Восточная) война 1853–1865 гг. и оборона Севастополя 1854–1855 гг.: результаты и перспективы исследований. К 165-летию обороны Севастополя 1854–1855 гг». 8 сентября 2019 г. Севастополь, 2020. С. 23–33.
- ²³ Высокочков Л. В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. С. 892.
- ²⁴ Письма Александра Дмитриевича Комовского. Л. 13–14, 19 – 22 об.
- ²⁵ Письма из Севастополя в Одессу Ипполита Матвеевича Дебу к его супруге Александре Ивановне // НИИ СПбИИ РАН. Ф. 48 (Письма Ипполита Матвеевича Дебу). Д. 11, 12, 14, 21, 23.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 395 (Инспекторский департамент). Оп. 1. Д. 324. Л. 3–7.
- ²⁷ Письма из Севастополя в Одессу Ипполита Матвеевича Дебу. Ф. 48. Д. 14. Л. 1 – 3 об.
- ²⁸ РГВИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 324. Л. 8–10.
- ²⁹ Орлова-Савина П. И. Автобиография / Изд. подг. И. С. Преображенская. М., 1994.
- ³⁰ Дневник П. И. Орловой. (Письма поленные в виде дневника П. И. Орловой к брату с 17 мая по 22 июня 1855 г.) // НИИ СПбИИ РАН. Ф. 115. Оп. 1. Д. 241. Л. 1–78.
- ³¹ Цит. по: Файджес О. Крым. Последний крестовый поход. М., 2021. С. 455.

References

- DONIC K. V. “Geroj proigramnyh srazhenij”: figura knajzja A. S. Menshikova (1787–1869) v istoriografii i problemy istoricheskoi pamjati. [“Hero of lost battles”: the figure of Prince A. S. Menshikov (1787–1869) in historiography and problems of historical memory. In Russ.] // Voennaya istoriya Rossii XIX–XX vv. Materialy X Mezhdunarodnoj voenno-istoricheskoi konferencii [Military History of Russia 19th–20th centuries. Materials of the 10th International Military History Conference]. St. Petersburg, 2023. P. 125–154.
- FIGES O. *Krym. Poslednij krestovy pokhod*. [Crimea. The last crusade. In Russ.]. Moscow, 2021.
- KUROCHKIN S. S. *E. I. Tottleben i russkaja imperatorskaja armiya. 1853–1879*. [E. I. Tottleben and the Russian Imperial Army. In Russ.]. St. Petersburg, 2023. P. 34–36.
- MAZING G. U. *Karl Andreevich Shil'der*. [Karl Andreyevich Schilder. In Russ.]. Moscow, 1989. P. 54–55.
- TARLE E. V. *Crymskaya voina: v 2 t.* [Crime war. In 2 vols. In Russ.]. Moscow, 1941–1943.
- VYSKOCHKOV L. V. *Nicolaj I i ego epokha. Oчерki istorii Rossii vtoroj chetverti XIX veka*. [Nicholas I and his epoch. Essays on the history of Russia in the second quarter of the 19th century. In Russ.]. Moscow, 2018.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Т. В. Андреева. Крымская война глазами ее участников: мифы и реальность // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 23–32

Аннотация: В статье, основанной на эпистолярных и мемуарных источниках — письмах, дневниках, воспоминаниях участников Крымской войны 1853–1856 гг., отложившихся в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, — исследуется процесс формирования и трансляции индивидуальной и коллективной исторической памяти о войне, создания образов ее героев и анти-героев. Продемонстрировано сложное соотношение историзации и мифологизации в складывании представлений о важнейшем военно-политическом событии XIX в., их параллельное существование на всех этапах осмысления и сохранения памяти о нем. Реконструкция механизмов меморизации Крымского испытания показывает, что культура исторической памяти, ценностное отношение к военному прошлому формировались одновременно с созданием источников личного происхождения. Отражающие не только персональный, но и коллективный опыт пережитого, они соединяют «свою историю» с историческим сознанием общества.

Ключевые слова: Крымская война 1853–1856 гг., письма, дневники, воспоминания участников, историзация, мифологизация, модели исторической и памяти.

FOR CITATION

T. V. Andreeva. The Crimean War through the eyes of its participants: myths and reality // St. Petersburg historical journal, no. 3, 2024, pp. 23–32

Abstract: The article, which is based on epistolary and memoir sources, namely letters, diaries and memoirs written by participants of the Crimean War of 1853–1856 and deposited in the Scientific and Historical Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, explores the process of formation and translation of individual and collective historical memory of the war, as well as the creation of images of its heroes and anti-heroes. The author illustrates the intricate interconnection between historicisation and mythologisation in the formation of ideas about the most pivotal military and political event of the 19th century, their simultaneous existence at all stages of comprehension and preservation of memory about it. The reconstruction of the mechanisms of memorialisation of the Crimean Trial demonstrates that the culture of historical memory and value attitude to the military past were formed simultaneously with the creation of sources of personal origin. Reflecting not only personal experience, but also collective experience, they connect “their history” with the historical consciousness of society.

Key words: The Crimean War of 1853–1856, letters, diaries, memoirs of participants, historicization, mythologization, models of history and memory.

Автор: Андреева, Татьяна Васильевна — д. и. н., ведущий научный сотрудник отдела новой истории России Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Andreeva, Tatiana Vasilyevna — Dr of Sciences in History, leading researcher of the Department of Modern History of Russia at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: ta-a.andreeva2014@yandex.ru

В. В. Лапин

Историческая память о событиях Крымской войны 1853–1856 гг. на Кавказе*

Осенью 1853 г. грохот пушек возвестил о начале нового крупного европейского конфликта, получившего затем сразу два названия, которые с разной степенью частоты употреблялись в обиходе и в исторической литературе. Первое — Восточная война, поскольку она стала одной из составляющих так называемого Восточного вопроса, представлявшего собой клубок политических проблем, связанных с интересами различных стран на Балканах, в Причерноморье и в Средиземноморье. В нее оказались втянуты сильнейшие европейские державы — Россия, Турция, Франция, Англия и Франция. Австрия (не участвовавшая напрямую в войне) оказала огромное влияние на развитие событий. Бои шли сразу на нескольких театрах: в Балтийском море англо-французский флот бомбардировал Свеаборг, взял недостроенную крепость Бомарзунд на Аландских островах, разорял побережье Финляндии, угрожал Санкт-Петербургу, устроив якорную стоянку под Кронштадтом. Корабли союзников обстреляли Соловецкий монастырь и сожгли городок Колу на берегу Баренцева моря. На Дальнем Востоке французы и англичане атаковали Петропавловск-Камчатский, но потерпели неудачу. Правда, после ухода противника защитники города сами покинули его и перебрались на материк. На Дунае русские войска сняли осаду Силистрии и под угрозой вступления Австрии в войну покинули Валахию и Молдавию. На Черном море противники России активно действовали на побережье от Новороссийска до Поти, бомбардировали

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00325 «Российская армия XVIII — начала XX в. как социокультурный феномен».

Одессу и крепость Кинбурн, прикрывавшую вход в Днепровский лиман. Главные же события развернулись на Крымском полуострове, а наиглавнейшие — в окрестностях Севастополя, выдержавшего 11-месячную осаду (сентябрь 1854 — август 1855 г.). Защита этого города стала одним из важнейших событий в истории России, одним из паролей ее воинской славы, одной из важнейших глав национального «исторического романа». Герои этой эпопеи — адмиралы П. С. Нахимов, В. А. Корнилов, Истомин, Тотлебен, а также легендарные фигуры из народа (матрос Кошка и сестра милосердия Даша Севастопольская) заняли самые высокие позиции в российском военном пантеоне.

Петербург всегда планировал операции на Кавказе для отвлечения турецких сил от Балканского театра военных действий. Насколько это удавалось — вопрос спорный, но бесспорным является то, что все кампании на пространстве между Каспийским и Черным морем для России были победными. В 1853–1856 гг. русская армия в Западной Армении сначала сдержала натиск противника, а затем перешла в наступление. В ноябре 1853 г. турки были наголову разбиты под Ахалцыхом. Затем они потерпели поражения при Баш-Кадыкляре, Чолоке, Игдыре, Кюрук-Дара. Несмотря на полное господство англо-французского флота на Черном море, союзникам не удалось добиться успехов в Западной Грузии. Штурм ключевой турецкой крепости Карса в 1855 г. оказался неудачным, но голод заставил гарнизон капитулировать. К моменту заключения Парижского мира русская армия заняла значительные территории азиатской Турции. Можно говорить о явной исторической несправедливости, даже о парадоксе: в европейской части империи армия сдавала крепости и терпела неудачи в полевых сражениях, а азиатской — крепости брала и нещадно била противника, но внимание современников и потомков было приковано в первую очередь к событиям в Крыму.

В дореволюционной России память о Крымской войне увековечена в 42 монументах, из которых 34 находятся на одноименном полуострове. Обращает на себя внимание тот факт, что с сугубо военной точки зрения кампании 1854–1855 гг. представляли собой череду неудач (противник добивался своих целей, русские войска несли тяжелейшие потери, отступали с поля боя). Однако все значимые события отмечались монументальными сооружениями. 8 сентября 1854 г. союзники разбили русскую армию на реке Альме и открыли себе путь на Севастополь. К 30-летию на месте сражения был установлен 10-метровый обелиск и отдельно памятник чинам 61-го Владимирского пехотного полка, почти полностью уничтоженного в этом бою. 13 октября 1854 г. русские части безуспешно атаковали Балаклаву, намереваясь уничтожить базу снабжения осадного корпуса. В 1904 г. там появилось два памятника: колонна с лаконичной надписью «Сражение Балаклавское 13 октября 1854 г. Убито 7 офицеров и 124 нижних чина». Неподдалеку в 1912 г. потомки тех, кто служил в Киевском

гусарском полку, поставили небольшой обелиск своим героическим предкам, отличившимся при попытке взять этот город. В 1900-е гг. в Крыму появились еще три памятника трем боям, которые закончились неудачей для российской стороны — на Инкерманских высотах, на реке Черной и у Евпатории. Далее список памятников Крымской войны на полуострове пополнили бронзовые фигуры Корнилова, Нахимова, Тотлебена, Остен-Сакена, матроса Шевченко и 13 знаков на местах севастопольских укреплений. В Белом море стычки с вражескими кораблями закончились бескровно, что не помешало появлению на Соловках и возле деревни Лямцы скромных памятных сооружений. Летом 1855 г. англо-французская эскадра безнаказанно обстреляла Свеаборг, лишив жизни 63 русских матроса и солдата, на могиле которых уже в 1857 г. была установлена шестиметровая пирамида, увенчанная чугунным крестом. Трудно назвать эпохальной битвой срыв высадки англо-французского десанта в Петропавловске-Камчатском 20 и 24 августа 1854 г., но представление о характере и масштабах столкновения формируется двумя памятниками. Первый установлен в 1882 г. в Петропавловске и представляет собой обелиск, очень похожий на типовые монументы по проекту Д. Адамини, которыми отмечались места важнейших битв Отечественной войны 1812 г. Трудно не увидеть в этом попытку придать особую значимость обороне Петропавловска. В 1908 г. во Владивостоке открыли памятник адмиралу В. С. Завойко, командовавшему гарнизоном Петропавловска¹.

Этот экскурс в историю поминовения героев Крымской войны со всей очевидностью показывает, что гораздо более значимые события 1853–1856 гг. на Кавказе не удостоились монументальных сооружений. Ни одна битва, ни один военачальник, отличившийся в 1853–1856 гг., не были запечатлены не только в граните или бронзе, но даже в сооружениях из менее дорогих материалов. В этом регионе в XIX — начале XX в. из местного камня усилиями жителей и войск были возведены несколько обелисков: в честь побед над горцами и персами при Иори (1800 г.), Елизаветполе (1826), Эчмиадзине (1827), Гунибе (1859) и др.

Особо следует отметить историю памятника в Ахалцыхе. В 1828 г. войска под командованием генерала И. Ф. Паскевича, любимца Николая I, взяли город приступом, разгромив предварительно турецкие войска, стянутые для защиты этого важного стратегического пункта. Император в 1837 г. повелел установить соответствующий монумент, причем выбран был типовой обелиск, отмечавший места сражений 1812 г. Царское решение исполнили только в 1863 г., т. е. через 10 (!) лет уже после второго сражения при Ахалцыхе. Однако на установленном мемориале все надписи касались исключительно событий 1828 г.²

Единственным памятником воинам Кавказской армии в годы Крымской войны стала часть монумента «Русским воинам, доблестно павшим при штурмах крепости Карс в 1828, 1855 и 1877 гг.». На бронзовых досках перечислены воинские части, brave город приступом, взятые трофеи и число павших. Кроме того, на постаменте были бронзовые барельефы главнокомандующего

на Кавказе великого князя Михаила Николаевича и трех генералов, руководивших осадой (И. Ф. Паскевич, Н. Н. Муравьев-Карский, М. Т. Лорис-Меликов)³. Нет сомнений, что данная коммеморативная акция имела место исключительно в рамках прославления подвигов армии России в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Монумент, установленный в 1910 г., служил важнейшим символическим знаком, утверждавшим господство империи Романовых в Западной Армении, где Карс являлся главным военно-стратегическим пунктом.

Имя на борту военного корабля — показатель высокого положения упомянутой персоны в национальном пантеоне, а события — в перечне самых важных в военной истории страны. Такую традицию заложил Петр Великий, называя фрегат, спущенный на воду в 1702 г., «Шлиссельбург» в честь взятия этой крепости. Почти каждое третье крупное боевое судно российского флота (линейный корабль, фрегат, крейсер, корвет и пр.) носило памятное имя: «Полтава», «Бородино», «Чесма», «Адмирал Нахимов» и т. д.⁴ После Крымской войны этот мемориальный список пополнили броненосец и линкор «Севастополь» (спущены на воду в 1895 и в 1911 гг. соответственно), броненосец «Синоп», крейсера «Адмирал Нахимов», «Адмирал Корнилов» (спущены на воду в 1885, 1887 гг.). Это не вызывает вопросов, поскольку оборона города в 1854–1855 гг. прочно и заслуженно вошла в героическую летопись отечественных вооруженных сил, заняла в ней высокое место наряду с викториями Северной войны и с победами над Наполеоном Бонапартом, что отразилось и в названиях боевых судов (более двух десятков парусных и паровых кораблей «Нарва», «Полтава», «Бородино», «Лейпциг» и пр.). Как и в ситуации с монументами, налицо явное и трудно объяснимое внимание к событиям 1853–1856 гг. на Дальнем Востоке на фоне столь же явного и трудно объяснимого забвения успехов русского оружия в Закавказье. В 1858 г. в списках флота появился фрегат «Петропавловск», а в 1892 и в 1911 гг. соответственно — эскадренный броненосец и дредноут. В 1910 г. был спущен на воду сторожевой корабль «Адмирал Завойко». Крейсер «Аврора», знаменитый своим участием в событиях 1917 г., получил имя в память о фрегате, отличившемся в обороне Петропавловска.

Нельзя исключать, что забвению боевых действий на Кавказе в 1853–1856 гг. способствовала национальная окрашенность, присущая военно-историческим мифам. Несмотря на явно имперский характер вооруженных сил России XVIII — начала XX в., в коммеморации заметно благоволение к персонам с русской фамилией. Победителями турок при Ахалцихе, Башкадыкляре, Игдыре, Чолоке, Курюк-Дара были генералы Андроников (Андроникашвили), Эристов (Эристави), Майдель, Бруммер, Филипсон, Врангель, Бебутов (Бебутян). Н. Н. Муравьев-Карский в историографии традиционно числится в категории антигероев, что не могло не повлиять отрицательно на его шансы получить благодарность потомков.

Военные успехи в Закавказье позволили России сохранить лицо при подготовке Парижского мирного договора. Занятые союзниками территории в Кры-

му возвращались в обмен на Карс, Баязет, Олты, Ардаган, Кагызман и земли, прилегающие к этим крепостям. Англия, заинтересованная в максимальном ослаблении морской мощи России, первоначально требовала уничтожения Николаева — центра судостроения на Черном море. Но реальный русский гарнизон в Карсе угрожал британским интересам больше, чем возможное возрождение русского флота. Поэтому Лондон был вынужден смягчить свои требования. Если бы не победы Кавказской армии, отечественным дипломатам пришлось бы очень нелегко: у них не было бы козырей на переговорах. Изменения границы в пользу России в Закавказье неизбежно обесценивали взятие Севастополя союзниками, наносили удар по отношениям европейских держав с Турцией (получалось, что свои интересы Англия и Франция обеспечивали за счет последней).

Историки всех эпох также проявляют большее благоволение к боям на этом полуострове. Поэтому нет ничего удивительного, что название «Крымская война» занимало все более и более прочные позиции и наконец окончательно укрепилось в текстах об этом конфликте. В некоторой степени такое переименование объясняется тем, что в 1853–1856 гг. на Кавказе шла война с горцами, тянувшаяся уже не одно десятилетие, и в сознании россиян известия о сражениях с турками и персами сливались в один информационный поток с реляциями о боях в Чечне, Дагестане и Черкесии.

«Четыре раза в XIX столетии Азиатская Турция становилась для нас театром военных действий, и каждый раз, когда нам там приходилось иметь дело, внимание наше было отвлечено другим театром войны, событиями на Дунае, на Балканах, в Крыму, вообще ходом дел в Европе решалась участь наших войн с Турцией. То же, что совершалось в Азии, служило только придатком к летописям нашей военной славы. <...> Война в Азиатской Турции в представлении русского общества рисовалась чем-то отдаленным и малозначащим — точно не наши сыновья и не наши братья совершали там чудеса геройства и проливали кровь свою, и каждый раз, как громаы ее умолкали, самая память о ней как бы исчезала бесследно...» — писал один из участников боев в Закавказье⁵.

Главными противниками в Крыму являлись не турки, а французы с англичанами, и война 1853–1856 гг. воспринималась прежде всего как война с Западом. И центральным пунктом этого политического, военного и «духовного» столкновения был не абстрактный и разноликий Восток, а конкретный Крым, к тому времени уже семьдесят лет как российский. Это обстоятельство и определило «мемориальную географию» Крымской войны, памятники которой посвящены Крыму и Дальнему Востоку при полном забвении Закавказья.

¹ Сокол К. Г. Монументальные памятники Российской империи. Каталог. М., 2021.

² Москвич Г. Г. Кавказ. Иллюстрированный практический путеводитель. Пг., 1915. С. 341.

- ³ Потто В. А. Карские торжества в 1910 году и четыре штурма Карса. Тифлис. 1911. С. 26–50.
- ⁴ Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872; Lapine V. Les noms des navires de guerre // Les sites de la memoir russe. Т. 1. Geographie de la memoire russe / Sous la direction de G. Nivat. Paris, 2007. P. 333–349; Моисеев С. П. Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.). М., 1948.
- ⁵ Кишмишев С. О. Война в турецкой Армении. 1877–1878 гг. СПб., 1884. С. I. Пар. 1-я.

References

- LAPINE V. *Les noms des navires de guerre* // Les sites de la memoir russe. Т. 1. Geographie de la memoire russe / Sous la direction de Georges Nivat. Paris, 2007. P. 333–349.
- MOISSEEV S. *Spisok korabley russkogo parovogo i bronenosbogo flota (s 1861 po 1917 g.)* [List of ships of the Russian steam and armored fleet (from 1861 to 1917). In Russ.] Moscow, 1948.
- SOKOL K. *Monumentalnie pamiatniki Rossiyskoy imperii*. Katalog [Monumental monuments of the Russian Empire. Catalog. In Russ.]. Moscow, 2021.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. В. Лапин. Историческая память о событиях Крымской войны 1853–1856 гг. на Кавказе // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 33–39

Аннотация: Среди трех десятков вооруженных конфликтов XVIII — начала XX в. с участием России четыре войны выделяются своим отражением в исторической памяти государства и общества. Это Северная война 1700–1721 гг., Отечественная война 1812 г., Крымская война 1853–1856 гг. и русско-турецкая война 1877–1878 гг. Конкуренцию последней в коммеморативном отношении составила русско-японская война 1904–1905 гг., но Первая мировая война и крушение империи прервали процесс мемориализации событий на Дальнем Востоке. Такое повышенное внимание профессиональных историков, государства и общества к указанным четырем войнам объясняется их особым местом в российском историческом мифе, частотой и остротой актуализации образов участников и событий. При этом борьба империи Романовых с коалицией Англии, Франции, Турции и Сардинии происходила на нескольких театрах военных действий, и только на двух (в Крыму и на Кавказе) бои имели соизмеримые масштабы. Но если в первом случае союзники одержали победу (взяли Севастополь), то во втором успех был на стороне царских войск, что позволило при заключении мира обменять захваченные турецкие земли в Западной Армении на Крым, оккупированный французами и англичанами. Во всех русско-турецких войнах XVIII–XIX вв. обе стороны считали главным Балканский (Дунайский) театр военных действий, тогда как сражения в Закавказье должны были, по замыслу российского командования, отвлечь силы противника. Все это стало причиной того, что в исторической памяти победы в Европе имели гораздо больший символический вес, чем успехи русского оружия в так называемой Азии. Этот евроцентризм отечественного военно-исторического мифа — главная причина более чем скромного отражения боевых действий Кавказской армии в 1853–1856 гг. Это подтверждается количеством различных знаков ратной славы (названия боевых кораблей, количество и объем литературы, баталистика, характер упоминаний в справочниках и учебниках, топонимика, награды, названия воинских частей, фигуры отечественного военного пантеона и т. д.).

Ключевые слова: Крымская война, Кавказский театр боевых действий, историческая память, евроцентризм российского военно-исторического мифа.

FOR CITATION

V. V. Lapin. Historical memory of the events of the Crimean War of 1853–1856 in the Caucasus // Petersburg historical journal, no. 3, 2024, pp. 33–39

Abstract: In the historical record of Russia spanning the 18th to the early 20th centuries, four wars stand out as particularly significant in terms of their reflection in the country's collective memory. These are the Northern War of 1700–1721, the Patriotic War of 1812, the Crimean War of 1853–1856, and the Russian-Turkish War of 1877–1878. The latter competed in commemorative terms with the Russo-Japanese War of 1904–1905. However, the First World War and the collapse of the empire interrupted the process of memorialisation of events in the Far East. This heightened interest among professional historians, the state and society in these four wars can be attributed to their unique position within the Russian historical narrative, as well as the frequency and intensity with which images of participants and events have been actualised. Concurrently, the conflict between the Romanov Empire and the coalition of England, France, Turkey and Sardinia unfolded across multiple military fronts. However, only two of these fronts, namely Crimea and the Caucasus, exhibited comparable levels of intensity. However, in the initial conflict, the Allied forces emerged victorious, capturing Sevastopol. Conversely, in the subsequent war, the Tsarist troops achieved a decisive triumph, enabling the exchange of captured Turkish territories in Western Armenia for Crimea, which was occupied by the French and British. In all the Russian-Turkish wars, both parties regarded the Balkan (Danube) theatre of military operations as the primary one. The battles in the Transcaucasus were intended to repel the enemy forces in accordance with the Russian command's strategic plan. This resulted in historical memory associating victories in Europe with greater symbolic weight than the successes of Russian weapons in the so-called Asian theatre. The Eurocentrism of the Russian military-historical myth is the primary reason for the relatively limited reflection of the military operations of the Caucasian army in 1853–1856. This is corroborated by the multitude of indications of military glory, including the names of warships, the quantity and volume of literature, battle statistics, the nature of references in reference books and textbooks, toponymy, awards, names of military units, figures of the domestic military pantheon, and so forth.

Key words: Crimean War, Caucasian theater of military operations, historical memory, eurocentrism of the Russian military-historical myth.

Автор: Лапин, Владимир Викентьевич — д. и. н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, исполнитель по гранту Тульского государственного педагогического университета имени Л. Н. Толстого (Санкт-Петербург — Тула, Россия).

Author: Lapin, Vladimir Vikentyevich — Dr of Sciences in History, St. Petersburg Institute of History of the RAS, European University at St. Petersburg, the contractor under the grant of the Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy (St. Petersburg — Tula, Russia).

E-mail: lapin.ww@yandex.ru; lapin@eu.spb.ru
ORCID: 0000-0002-6231-1977

С. К. Лебедев

Внешние займы России до и после Крымской войны

В течение 1820–1855 гг. правительство Российской империи выпустило в Европе 13 займов на 346 млн руб.¹ Лондон, Париж и Амстердам с начала XIX в. считались первоклассными денежными рынками. Позднее в международной финансовой иерархии возросло значение Брюсселя, Франкфурта-на-Майне, Гамбурга и Женевы. Между 1814 и 1860 гг. в Амстердаме было выпущено иностранных займов на 345 млн гульденов. Из этой суммы доля русских займов при посредничестве крупнейшего в Голландии банкирского дома «Гоппе и Ко» (Hoppé & Co) составляла 312 млн гульденов. Амстердам, главный в XVIII в. эмиссионный центр, в XIX в. постепенно становился вторичным рынком для займов, выпущенных в других местах. И это происходило не только вследствие ослабления банкирских домов Амстердама, но и из-за конкуренции Лондона и Парижа. В период между 1861 и 1865 гг. в Лондоне было выпущено 42 займа на общую сумму 2,127 млрд франков, против 14 займов в Париже на общую сумму 2,106 млрд франков (из которых 447 млн франков были займы французского правительства). Из 73 займов, выпущенных на европейских денежных рынках в этот период, 56 (соответственно из 4,2 млрд 5,6 млрд франков), т. е. $\frac{3}{4}$, были размещены в Лондоне и Париже².

С ганзейских времен для русской коммерции большое значение имели северогерманские города Любек и Гамбург с его эмиссионным банком с твердой валютой — гамбургскими банковыми марками и гамбургским счетом, вошедшим в русскую речь. Гамбург был ключевым учетным центром для векселей

и других коммерческих обязательств, возникавших в сфере внешней торговли. Они стекались к нему из северной и восточной частей Европы с тем, чтобы далее отправиться для переучета в Лондон. Гамбург был оккупирован и разрушен войсками наполеоновского маршала Даву, но после освобождения русскими войсками в 1813 г. отчасти восстановил свое значение, хотя и не вернул его полностью. В Гамбурге обращались и русские займы.

В один из трудных периодов для русского государственного кредита, в 1831 г., от гамбургских негодантов поступило предложение, переданное для рассмотрения в Особом комитете (секретном Комитете финансов, высшем совещательном учреждении по вопросам кредита и внешних займов). Проект передал комиссионер казны, придворный банкир барон Людвиг Штиглиц. Бумаги поступили к Ф. П. Вронченко, товарищу министра финансов Е. Ф. Канкрин и директору Особенной канцелярии по кредитной части. Речь шла о сравнительно малом авансе в 5–6 млн гамбургских банковых марок под залог всей казенной штыковой меди, которая должна была быть сосредоточена в распоряжении торгового дома «Л. Штиглиц и К^о» в С.-Петербурге³. Этот проект в итоге не был реализован, но из переписки фирмы «Л. Штиглиц и К^о» конца 1830-х — начала 1840-х гг. с парижским домом Ротшильдов⁴ видно, что Штиглиц вел интенсивную морскую торговлю медью с Ротшильдами в больших объемах. К этому времени Ротшильды стали воистину мировыми банкирами и крупнейшими оптовыми торговцами цветными металлами (медью и в дальнейшем никелем). Они владели почтовыми пароходами (пакетботами) на Черном море, изучали и финансировали железнодорожные линии в разных странах.

В июне 1838 г. Л. Штиглиц сообщал фирме «Братья Ротшильд», что его торговый дом грузит в С.-Петербурге для отправки в Бордо медь: 1 тыс. пудов на французские корабли «La nouvelle Eliza» («Новая Элиза») и 1,5 тыс. пудов — на «La jeune Adèle» («Юная Адель»); в Кронштадте — для отправки в Антверпен 1200 пудов на бременский корабль «Union» («Союз»). Квитанции об отгрузке на половину товара на пароход (коносаменты) Штиглиц предлагал оформить на фирму-получателя, которую назначат Ротшильды, в письмах идет речь о финансировании торговли казенной медью частью за свой счет, частью за половинный счет с Ротшильдами⁵. В письме 1 августа 1840 г. Штиглиц сообщает, что его фирма продала 1430 пудов меди Пашкова поставкой через две недели. «Мы продали медь на 30 000 франков = 7 246 руб. 38 коп. серебр., на которые мы вас дебетуем за половинный счет»⁶ (т. е. Ротшильды покупали медь у Штиглица). Далее в том же письме Штиглиц сетует на отсутствие оказии «послать вам нашу медь» и сообщает, что он только что задержал французские корабли «Intrépide» («Неустрасимый») на Руан, чтобы взять 2400 пудов меди на фрахт, и «Virginie» («Вирджиния»), чтобы зафрахтовать 5400 пудов меди со страховкой в Гамбурге⁷. Переписка с Ротшильдами того периода интенсивна: было письмо в Париж и от 15 августа. 17 августа того же года Штиглиц сообщал

о погрузке на ганноверский корабль «*Юно*» 1,5 тыс. пудов меди на Антверпен⁸. На Марсель и Геную Штиглиц отправлял грузы за счет одесских торговых домов «*Иоахим Эфрусси*» и «*Эфрусси Рафалович и К^о*»⁹. Таким образом, торговля казенной медью оставалась в руках Штиглица и связывала с Ротшильдами русское правительство даже в период, когда, казалось бы (и это отмечается часто в литературе), в финансовых отношениях России этого периода с французской стороны доминировали акционерные банки типа «*Crédit Mobilier*», теснившие традиционных купцов-банкиров.

Валютная реформа 1839–1843 гг. стабилизировала рубль, и состояние иностранных денежных рынков позволило правительству вновь выйти на них. В 1840 г. английские и австрийские ценные бумаги поднялись в цене, французская 5%-ная рента котировалась на биржах выше 119 за 100, прежние русские 5%-ные займы также значительно превышали паритет, а 6%-ные доходили до 140 за 100. При обилии свободных капиталов на рынках и усиленном погашении займов Англии и Франции (вследствие дешевизны денег) министр финансов России Е. Ф. Канкрин считал возможным понизить процентную ставку по новым государственным займам. И в 1840 г. был выпущен 4%-ный заем по цене 86,45 за 100 от нарицательной суммы в 25 млн руб. То есть выручка казны от этой операции составила чуть более 21,6 млн руб. серебром. Заем был выпущен для покрытия дефицитов бюджета и реализован в Амстердаме при посредничестве старого корреспондента русской казны «*Гоппе и К^о*».

С началом строительства железных дорог в сфере государственного кредита появились займы, выручка от которых предназначалась не на нужды бюджета империи, по большей части связанные с военными расходами, но на финансирование железных дорог. Так, через придворного банкира Штиглица в 1842–1843 гг. были выпущены два 4%-ных займа по 8 млн руб. серебром для нужд сооружения С.-Петербургско-Московской магистрали. Облигации по 500 руб. имели подпись Штиглица и могли обращаться либо как именные ценные бумаги, либо как билеты на предъявителя, попадая в частный кредитный оборот. Оба эти займа были размещены не только в Амстердаме, но и в Лондоне и Берлине: заем 1842 г. по курсу 90,41 за 100, а заем 1843 г. — 91,57 за 100. Выручка от эмиссии двух займов на 16 млн руб. составила 14,6 млн руб.¹⁰ Два этих займа Канкрин завершили его управление финансами России. Всего за его министерство в 1828–1843 гг. было выпущено за границей шесть займов на 104,94 млн руб. серебром в среднем по цене реализации 87,86 за 100.

Между 1842 и 1847 гг. в Амстердаме, Лондоне и Берлине была размещена серия 4%-ных займов в металлической валюте на 42 млн руб. В 1849 г. для завершения строительства С.-Петербургско-Московской железной дороги при посредничестве банкирского дома «*Беринг и К^о*» в Лондоне был выпущен бессрочный 4,5%-ный заем в 5,5 млн фунтов стерлингов на 35,2 млн руб. серебром. Итак, на железнодорожное строительство только на европейских рынках было размещено займов номиналом в 77,2 млн руб., при реализации ко-

торых выручка составила около 70,3 млн руб. К ним добавились внутренние займы 1846 и 1849 гг. и четыре серии казначейских билетов. Таким образом, только за десятилетие (1842–1852) для строительства железной дороги между С.-Петербургом и Москвой государство заняло около 92,3 млн руб.¹¹

Крымская война (1853–1856) понизила котировки всех ценностей на главном денежном рынке — в Лондоне. Даже самые солидные из них, британские 3%-ные и французские 4,5%-ные ренты упали в цене на 15% к апрелю — маю 1854 г. Котировки австрийских 5%-ных металлических займов и прусских 3,5%-ных облигаций потеряли в декабре 1854 г. соответственно 24 и 11%¹². Заем в 1850 г. Россия разместила в Лондоне у Берингов. Подписка прошла с успехом, и комиссия банкиров с номинальной суммы займа 5,5 млн фунтов стерлингов составила 105 тыс. Но с началом войны Пальмерстон в палате общин уже называл Берингов «агентами царя»¹³. Уже по окончании Крымской войны в марте 1859 г. при посредничестве «Томсон, Бонар и К^о» и берлинского дома Ф. М. Магнуса был выпущен 3%-ный внешний бессрочный заем на 12 млн фунтов стерлингов, но проба займа с 3%-ной ставкой оказалась неудачной: из номинала 12 млн фунтов стерлингов удалось реализовать лишь 7 млн¹⁴ (попытку 3%-ного займа Министерство финансов повторило в начале 1891 г., уже при И. А. Вышнеградском, и также без успеха).

Попытки оценить финансовые потери России и ее противников в Крымской войне предпринимались уже современниками. Вот один пример. Восточная экспедиция стоила союзникам 3,968 млрд франков (или 158,720 млн фунтов стерлингов). Русский консолидированный долг к началу войны составлял 336,2 млн руб. серебром, или 1,5 млрд франков. В 1857 г. долг вырос до 522 млн руб. металлом или на 185,8 руб. (т. е. на 743,1 млн франков). Сумма обязательств по траттам (переводным векселям) с объемом бумажной денежной массы до войны не превышала 300 млн руб., а в конце 1854 г. она составила 356 млн руб., в 1855 г. — 509 млн руб., в 1856— 689 млн руб., в послевоенном 1857 г. — 735 млн руб. (или 2,94 млрд франков). То есть инфляция продолжалась. Кроме того, правительство отозвало 100 млн руб., которые были инвестированы в ценные бумаги других стран в 1847 г., из которых 50 млн были во французских облигациях. Эта вынужденная мера ослабила расчетную сторону внешней торговли России, так как отвлекла значительную часть средств, служивших гарантией погашения переводных векселей. И если в марте 1854 г. эти средства доходили до 160 млн руб. металлом, то в сентябре того же года их оставалось на 146,5 млн руб. За время войны они снизились примерно до 100 млн руб. По некоторым оценкам, добровольные взносы (а они также относятся к военным расходам страны) для нужд правительства со стороны духовенства в начале 1854 г. составили сумму 80 млн франков, а другие пожертвования составили примерно 100 млн франков. Если до конца войны они были удвоены (т. е. при сумме 180 млн от духовенства), то общая сумма составила 3,183 млрд франков (или 127 млн фунтов стерлингов). Были повышены все основные акцизы

(так, пошлина на соль возросла с 28 до 44 коп.). В общей сложности Россия потратила на Крымскую войну не менее 4 млрд франков (или 160 млн фунтов стерлингов). А государственным финансам европейских стран Крымская война обошлась в 8,5 млрд франков (или 340 млн фунтов стерлингов)¹⁵. То есть потери России составили приблизительно половину от убытков, которые понесли все участники Крымской войны.

После Крымской войны правительство России обратилось к частному капиталу для развития экономики и особенно для финансирования железнодорожного строительства, которое в последующие десятилетия стало важнейшим стимулом индустриализации. Александр Штиглиц, сменивший умершего в 1843 г. Людвига Штиглица в качестве придворного банкира, поддерживая старое сотрудничество с континентальными банкирами и Берингом в Лондоне, для финансирования железнодорожного дела в России вошел весной в 1856 г. в соглашение с преимущественно французской по составу банковской группой «Crédit Mobilier», созданной братьями Перейра в 1852 г. для эмиссий ценных бумаг промышленных и транспортных предприятий по всему миру. Это был вызов международной группе Ротшильдов, также занимавшейся планами и изысканиями железнодорожных линий в России и особенно в западной ее части, в Царстве Польском. Ротшильды потребовали осенью того же 1856 г. от правительства России, в качестве гарантий уже сделанных вложений и будущих инвестиций, передачи им в откуп или продажи Николаевской магистрали между двумя столицами. Это предложение было отвергнуто властями, и в итоге был принят представленный А. Л. Штиглицем проект акционерной компании «Главного общества российских железных дорог»¹⁶ группы братьев Перейра. Отныне вся история взаимодействия с международными рынками капиталов русского Министерства финансов и частных банкиров (и появившихся с 1860-х гг. коммерческих банков) до конца империи была определена тесным сотрудничеством с этими двумя конкурировавшими группами, создавшими консорциумы для размещения ценностей многих стран, вступивших на путь индустриализации¹⁷.

Что касается внешних железнодорожных займов, то они выпускались с 1858 по 1914 г. в основном двумя упомянутыми выше банковскими группами, составившими свои консорциумы с участием русских банков. С конца 1880-х гг. лидерство в железнодорожных займах принадлежало международной группе Ротшильдов, предлагавших русскому правительству наиболее конкурентные условия эмиссий¹⁸.

Русские займы 1850-х гг. выпускались Берингами и братьями Перейра, выступавшими конкурентами Ротшильдов. Однако Ротшильды, ставшие к тому времени воистину мировыми банкирами, вели за собой деловых друзей и клиентов, которые инвестировали в облигации займов 1852 и 1855 гг., о чем свидетельствуют списки подписчиков в архиве парижского дома Ротшильдов за 1852–1861 гг.¹⁹

Крымская (Восточная) война пришлась в целом на период высокой конъюнктуры на мировых денежных рынках (1851/52–1857 гг.), время торжества кредитной экспансии, когда происходило массовое расширение основного капитала в горячке учредительства акционерных компаний в сфере промышленности и железнодорожного строительства. Этот период сменился мировым финансовым кризисом 1858–1859 гг. В Российской империи в конце 1857 г. произошли банкротства ряда торговых фирм в Варшаве и С.-Петербурге. В 1858 г. из 178 компаний в России прекратили платежи 40, не открывали действий 15, не подавали о себе знать 30 — всего 85. Курс рубля падал, иностранные держатели продавали русские ценные бумаги, их скупали русские капиталисты и комиссионеры правительства с целью удержать их стоимость на рынках. В 1857–1859 гг. за границу ушло на 73 млн руб. золота. Потребовались платежи звонкой монетой за векселя, переводы за границу для покупки облигаций займов, выпущенных ранее, возрастали и негативно влияли на курс²⁰. Смена экономической политики периода Великих реформ положила конец столетнему существованию в России финансово-кредитной системы, созданной при Екатерине II, в частности ушел в прошлое институт придворных банкиров. «Главный банкир России» А. Л. Штиглиц ликвидировал вексельные дела и стал первым управляющим новообразованного Государственного банка. Находясь в ликвидации, банкирский дом Александра Штиглица и К^о сообщал с сожалением Ротшильдам в апреле 1861 г., что не может вернуть им доверенности, которые от них получил относительно русской ренты, поскольку эти доверенности должны остаться депонированными в качестве документов в Комиссии погашения долгов²¹.

¹ *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991. С. 14.

² *Cassis Y.* Les Capitales du Capital. Histoire des places financières internationales 1780–2005. Genève, 2006. P. 25–27, 95–96.

³ ОР РНБ. Ф. 484. Собрание материалов по истории финансов в России. Ед. хр. 32. Л. 1–3.

⁴ Мы благодарим Е. В. Ширияева, любезно разрешившего ознакомиться с его коллекцией писем торгового дома «Л. Штиглиц и К^о» с банкирами «Rothschild frères».

⁵ L. Stieglitz & Co, St. Petersburg — Rothschild frères 21.06.1838 // Коллекция Е. В. Ширияева.

⁶ L. Stieglitz & Co, St. Petersburg — Rothschild frères 01.08.1840 // Там же. Штиглиц и в этом письме отмечает, что часть меди продает за свой счет.

⁷ Там же.

⁸ Речь шла о сумме 10 000 ф. ст. = 60 855 руб. 78 коп. серебром за половинный счет (Там же).

⁹ Там же.

¹⁰ *Мигулин П. П.* Русский государственный кредит. (1769 – 1899). Опыт историко-критического обзора. Т. I. Харьков, 1899. С. 121–123. В середине 1840-х гг. Россию сравнивали с другими крупными континентальными странами: Францией, Австрией, Пруссией. Население: Франция — 34,5 млн чел.; Австрия с Венгрией — 36,3 млн чел. (без Венгрии —

- 21,2); Пруссия — 14,7 млн чел.; Россия (без Польши и Финляндии) — 55 млн чел. Курс серебряного рубля (в 1845 г.): 1 франк = 25 коп. серебром; 1 флорин (гульден) голландский = 67 коп. серебром; 1 эку прусский = 92 коп. серебром.
- ¹¹ Соловьева А. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 56.
- ¹² Фергюсон Н. Дом Ротшильдов. Мировые банкиры. 1849–1999. М., 2019. С. 120.
- ¹³ Там же. Беринги продолжали обслуживать довоенные русские займы, выплачивая проценты держателям облигаций. Даже во время войны в Лондоне продолжали торговать русскими ценными бумагами (Там же. С. 709). Вексельный оборот по товарным сделкам одесских банковских фирм с парижскими Ротшильдами (на них выставлялись тратты) шел путем корреспонденции, в то время как в Крыму и на Кавказе шли боевые действия (об этом свидетельствуют письма банкирскому дому «Rothschild frères» в коллекции Е. В. Ширяева). Одесский филиал торгового дома «L. Stieglitz & Co» начал операции с 1 июля 1829 г. (н. ст.), поглотив торговый дом «Gary & Co», глава которого стал управляющим компаньоном Штиглица в Одессе (L. Stieglitz & Cie, Odessa — Thuret & Co, Paris 28.02/12.03.1830 // Archives Nationales. 68 AQ 121). См. также: Морозан В. В. Деловая жизнь на Юге России в XIX — начале XX века. СПб., 2014. С. 73.
- ¹⁴ Бржеский Н. Государственные долги России. Историко-статистическое исследование. СПб., 1884. С. 203.
- ¹⁵ Crimean War. Section II. Loss of Money // The Advocate of Peace. New Series. 1869. Vol. 1. No. 8 (August). P. 117–125.
- ¹⁶ См.: Лизунов П. В. Петербургские купцы, фабриканты и банкиры Штиглицы. СПб., 2014. С. 310–369.
- ¹⁷ Литература об этом значительна во всем мире. С 1960-х и особенно 1970-х гг. историки разных стран сотрудничали в изучении феномена взаимодействия коммерческих банков с промышленностью. В России отметим труды школы экономической истории А. Л. Сидорова — В. И. Бовыкина, ученики и адепты которой известны изучением привлечения банками прямых инвестиций в промышленные районы, и школы Б. А. Романова — Б. В. Ананьича, сосредоточившей внимание на государственных и железнодорожных займах, выпускавшихся группами парижских инвестиционных банков и их соперниками — широкой международной группой Ротшильдов. Русские банкиры и акционерные коммерческие банки участвовали в обеих группах (см.: Лебедев С. К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М., 2003; Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва. СПб., 2005).
- ¹⁸ См. состав эмиссионных групп и анализ условий этого рода займов в работе: Ананьич Б. В., Лебедев С. К. Международные банковские консорциумы для выпуска облигаций российских железнодорожных обществ до 1914 года // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX века. Сб. статей памяти Валентина Семеновича Дякина и Юрия Борисовича Соловьева. СПб., 1999. С. 434–460.
- ¹⁹ Archives Nationales. 132 AQ 64. Emprunts russes. Архив Ротшильдов в Париже был частично разграблен оккупантами во время Второй мировой войны и содержит также купленные на рынке антиквариата документы.
- ²⁰ Мендельсон Л. Экономические кризисы и циклы XIX века. М., 1949. С. 356.
- ²¹ «Stieglitz & Co en liquidation» — Rothschild frères 28.04.1861 (ст. ст.) // Коллекция Е. В. Ширяева.

References

ANANICH B. V. *Bankirskie doma v Rossii 1860–1914. Ocherki istorii chastnogo predprinimatel'stva*. [Banking houses in Russia 1860–1914. Essays on the history of private enterprise. In Russ.]. Leningrad: Nauka, 1991.

ANANICH B. V., LEBEDEV S. K. *Mezhdunaridnye bankovskie konsirziумы dlia vypuska obligatsii rossiiskikh zheleznodorozhnykh obchestv do 1914 goda // Problemy socialno-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii XIX–XX veka. Sb. statei pamiati Valentina Semenovicha Diakina i Iurii Borisovicha Solovieva*. [International banking consortia for issuing bonds of Russian railway companies before 1914 // Problems of socio-economic and political history of Russia in the 19th – 20th centuries. Coll. articles in memory of Valentin Semenovich Dyakin and Yuri Borisovich Solovyov. In Russ.]. St. Petersburg: Aleteia, 1999. S. 434–460.

CASSIS Y. *Les Capitales du Capital. Histoire des places financières internationales 1780–2005*. Genève: Éditions Slatkine, 2006.

FERGUSON N. *Dom Rotshildov. Mirovye bankiry. 1849–1999*. [The House of Rothschild. The World's Banker. 1849–1999. In Russ.]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2019.

Kredit i banki v Rossii do nachala dvadzatogo veka: Sankt-Peterburg i Moskva. [Credit and banks in Russia before the beginning of the twentieth century: St. Petersburg and Moscow. In Russ.] / B. V. Ananich, M. I. Arefieva, S. G. Beliaev, A. V. Bugrov, M. M. Dadykina, O. V. Dragan, Z. V. Dmitrieva, S. K. Lebedev, P. V. Lizunov, V. V. Morozan, Yu. A. Petrov, S. A. Salomatina. St. Petersburg: Izdatel'stvo St. Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005.

LEBEDEV S. K. *S.-Peterburgskii Mezhdunarodnii kommercheskii bank vo vtoroi polovine XIX veka: evropeiskie i russkie sviazi* [St. Petersburg International Commercial Bank in the second half of the 19th century: European and Russian connections. In Russ.]. Moscow: ROSSPEN, 2003.

LIZUNOV P. V. *Peterburgskie kuptsy, fabrikanty i bankiry Shtiglitsy*. [Stieglitzes: St. Petersburg Merchants, Industrials and Bankers. In Russ.]. St. Petersburg: Aleteia, 2014.

MENDELSON L. *Ekonomicheskie krizisy i tsykly XIX veka*. [Economic crises and cycles of the 19th century. In Russ.]. Moscow: OGIZ, 1949.

MOROZAN V. V. *Delovaya zhizn' na yuge Rossii v XIX – nachale XX veka*. [Business life in the South of Russia in the 19th – early 20th centuries. In Russ.]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2014.

SOLOVIEVA A. M. *Zheleznodorozhnyi transport Rossii vo vtoroi polovine XIX v.* [Railway transport in Russia in the second half of the 19th century. In Russ.]. Moscow: Nauka, 1975.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

С. К. Лебедев. Внешние займы России до и после Крымской войны // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 40–48

Аннотация: На фоне изложения истории подъема и упадка международных денежных рынков в статье показано взаимодействие Российской империи с меняющимися посредниками по реализации государственных займов. В статье впервые использованы деловые письма парижским Ротшильдам торгового дома Л. Штиглица, сосредоточившего в своих руках не только комиссионные операции с займами в качестве придворного банкира в первой половине XIX в., но и широко развернувшего вексельные операции, экспортную морскую торговлю с европейскими странами и — специально с Ротшильдами — медью. Экспансия континентальных акционерных коммерческих банков поставила их в положение конкурентов международной группе Ротшильдов в области русского государственного кредита до конца существования Российской империи. Автор сосредоточил внимание на начальных этапах этого процесса, проходивших во второй четверти XIX в.

Ключевые слова: Россия, государственный кредит, европейские денежные рынки, Крымская война 1853–1856, Ротшильды, Штиглиц.

FOR CITATION

S. K. Lebedev. External loans of Russia before and after the Crimean War // Petersburg historical journal, no. 3, 2024, pp. 40–48

Abstract: Against the backdrop of a history of the rise and fall of international money markets, the article demonstrates the interaction of the Russian Empire with evolving intermediaries for the sale of government loans. This article represents the inaugural utilisation of business letters to the Parisian Rothschild of the trading house of L. Stieglitz. The latter concentrated its activities not only on commission transactions with loans as a court banker during the initial six decades of the nineteenth century, but also on significantly expanded bill transactions, export maritime trade with European countries and, in particular, copper. The expansion of continental joint-stock commercial banks positioned them as competitors of the international Rothschild group in the field of Russian state credit until the end of the Russian Empire. The author concentrated on the initial stages of this process, which occurred during the second quarter of the nineteenth century.

Key words: Russia, state credit and government loans, European money markets, Crimean War 1853–1856, Rothschilds, Stieglitz.

Автор: **Лебедев, Сергей Константинович** — д. и. н., ведущий научный сотрудник, и. о. заведующего отделом новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Lebedev, Sergei Konstantinovich** — Dr of Sciences in History, Leading Researcher, Acting Head of the Department of Modern History of Russia at St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: lebsk@yandex.ru

ORCID 0000-0002-0619-6169

WoS Researcher ID: AAO-4266-2020

А. В. Сергеев

Общественное и служебное положение
княжеских фамилий
Московского государства
после Смуты начала XVII в.
(на примере Ярославских Рюриковичей)

Деление ветви Ярославских Рюриковичей на фамилии, а также история князей во второй трети XVI — начале XVII в. рассмотрены в монографии автора¹.

В историографии социально-политическая эволюция князей Ярославских в 1613–1645 гг. изучена мало. Ряд аспектов этого процесса освещен А. П. Павловым². М. Р. Белоусов собрал и систематизировал биографические данные, в том числе князей Ярославских, из неопубликованных Боярских списков второй трети XVII в.³ Ценные сведения о служивших «по Новгороду» в XVI — первом десятилетии XVII в. князьях Шаховских содержит созданная А. А. Селиным электронная биографическая база данных «Новгородцы конца XVI — начала XVII в.»⁴. Важные данные о княжеском землевладении, воеводствах, местнических спорах имеются в работах С. В. Лобачева, Е. Н. Горбатова, О. Е. Кошелевой, Ю. М. Эскина, М. Рое⁵.

Тенденция уменьшения общего количества и поколенной численности княжеских фамилий проявилась еще в 1570-х гг. и сохранялась в последующее время. В ветви князей Ярославских из существовавших в 1550-х гг. 33 фамилий⁶ до 1613 г. пресеклись 12 (в порядке родового старшинства): Алабышевы, Аленкины, Сисеевы, Курбские, Пенковы, Юхотские, Кубенские, Охлябиныны,

Моложские, Судские, Шуморовские, Шаminy (Глебовы), а около 1616 г. угасли Ушатые. Таким образом, сокращение составило 40 %.

В середине XVI и первом десятилетии XVII в. в составе Боярской думы числились один или двое Ярославских Рюриковича из Троекуровых, Курбских, Сицких, Шестуновых, Хворостининых, Гагиных, Засекиных⁷. Между 1584 и 1598 гг. это число было значительно выше — пятеро бояр и трое окольничих. В 1610 г. думные чины имели только братья князя И. Д. и Ю. Д. Хворостинины, но князь Иван Дмитриевич находился в Астрахани, где вскоре погиб, а окольничество князя Юрия не было подтверждено новым правительством⁸. Таким образом, в первые годы царствования Михаила Федоровича князья Ярославские в Боярской думе фактически отсутствовали.

Очевидный упадок Хворостининых, занимавших одно из первых мест среди князей Ярославских в последних десятилетиях XVI в., был вызван событиями Смуты и значительным сокращением численности этой фамилии. К 1615 г. на службе оставались только два князя⁹. Один из них, князь Иван Андреевич, получил известность как писатель, но к службе, по-видимому, был мало способен¹⁰. Успеху служебной карьеры его двоюродного брата князя Юрия, вероятно, мешала прежняя ориентация на Бориса Годунова¹¹. По этой или иным причинам расположением Романовых князь Ю. Д. Хворостинин не пользовался. Тем не менее в «Осадном сидении в королевичев приход» Хворостинины участвовали¹². Князь И. А. Хворостинин умер, не оставив потомства, 28 февраля 1625 г.¹³ Князь Ю. Д. Хворостинин в 1616 г. упоминался в чине стольника, затем служил в московских дворянах¹⁴. В Боярской книге 1629 г. записано: «Князь Юрьи княж Дмитреев сын Хворостинин — 146-го, июня в "" день, постригся и умре. В боярской книге 136-го году помесной ему оклад 700 чети, денег 100 рублей ис Костромские чети. А в государеве жаловальной грамоте, какова ему дана за московское осадное сиденье королевичева приходу на новосилскую вотчину в 127-м году, помесной ему оклад 900 чети»¹⁵. День кончины князя Юрия (13 июня) указан в Боярском списке 1637/38 г.¹⁶ При пострижении он принял имя Герасим¹⁷ и, вероятно, был погребен в родовой усыпальнице в Троице-Сергиевом монастыре. Фамилия Хворостининых в 1638 г. оказалась на грани угасания. Единственный оставшийся князь Федор Юрьевич в 1630-х гг. служил стольником¹⁸. Только при царе Алексее Михайловиче он вошел в состав Боярской думы, восстановив этим статус фамилии, но вскоре Хворостинины угасли¹⁹. Известны пять местничеств с участием князя Ю. Д. Хворостинина, что существенно меньше в сравнении с последней третью XVI в.²⁰ Это снижение также свидетельствует о пошатнувшемся статусе фамилии. Земельные владения Хворостининых сократились. Часть их вотчин перешла князьям Волконским. Возможно, с этим обстоятельством связаны подозрительные разночтения в двух сохранившихся списках завещания вдовы князя Ф. И. Хворостинина княгини Антонида Васильевны (княжны Волконской)²¹. Все же крупные земельные владения за Ю. Д. Хворостининым оставались²².

Карьере князя С. И. Гагина, вероятно, мешали прежние связи его родителя, князя И. В. Гагина, с Б. Ф. Годуновым. Пробриться в Боярскую думу, получив в 1584 г. чин окольничего, без поддержки правителя последний не смог бы. Князь И. В. Гагин умер весной 1598 г., а двое его сыновей «поспели в службу» только после 1605 г. Заметной роли в событиях Смуты они не сыграли. Князь Степан Иванович служил в стольниках и умер в 1640 г.²³ Его брат князь Петр, по замечанию родословной, был «в уме плох», поэтому не служил, а постригся под именем Парфений и скончался 30 апреля 1640 г.²⁴ Снижение статуса Гагиных отразилось в динамике местничеств. Князь Степан участвовал только в одном местническом споре, тогда как его отец — в шести²⁵. Повысить статус фамилии удалось только сыну князя Степана Даниле, начавшему службу в конце 1630-х гг.²⁶ Он достиг окольничества в 1655 г.²⁷

Видной фамилией в Ярославской ветви Рюриковичей во второй трети XVII в. являлись князья Сицкие. Их успех вполне объясняется близким родством с Захарьиными (Романовыми) и высоким положением, достигнутым во второй половине XVI в. отчасти благодаря этому родству. Неблагоприятным фактором в данном случае являлась большая смертность князей. В Боярских списках 1620-х гг. указаны все жившие в это время Сицкие²⁸. Боярский чин имели князь Алексей Юрьевич, приходившийся троюродным братом царю Михаилу Федоровичу по материнской линии, и его «дядя» (младший сводный брат отца) князь Андрей Васильевич.

Князь Алексей был женат на дочери окольничего князя Дмитрия Петровича Елецкого Бороды²⁹, а князь Андрей (вторым браком) на вдове Фетинье Андреевне Годуновой (княжне Гундоровой)³⁰.

В чине московского дворянина служил дальний родственник князей А. Ю. и А. В. Сицких князь Андрей Данилович. Его сын Юрий и сын князя Алексея Федор начали службу в чинах стольников около 1616 г.³¹ Князья Андрей Васильевич и Андрей Данилович умерли около 1630 г.³² Князья Алексей Юрьевич и Юрий Андреевич скончались в 1644 г.³³ С их смертью фамилия угасла. О характере землевладения Сицких можно судить по вотчине в родовом гнезде. Она являлась крупнейшей латифундией в уезде (6500 четей)³⁴. Кроме того, у Сицких имелись земли в других местах³⁵. Известны семь местнических споров с участием Сицких. Большинство их вел князь Юрий Андреевич³⁶.

Возвышение Сицких прервалось под действием естественного демографического фактора. По этой же причине не укрепились на высших степенях в Государевом дворе родственники новой династии из Троекуровых и Шестуновых.

С 1550-х гг. видное место в ветви Ярославских Рюриковичей занимали Троекуровы, но в Боярских списках 1620-х гг. князья этой фамилии не значились. Все же статус у них оставался высоким. Его поддержанию способствовало родство с Захарьиными³⁷. Боярство 12 марта 1620 г. получил князь Иван Федорович, но через год (29 мая 1621 г.) он умер³⁸. Его единственный сын князь Борис остался малолетним и начал службу стольником в конце 1630-х гг.³⁹ Только

в царствование Алексея Михайловича он стал окольным (21 ноября 1653 г.), а затем (11 апреля 1673 г.) — боярином⁴⁰. Отсутствие Троекуровых в Боярской думе в 1621–1653 гг. объясняется действием демографического фактора.

Князю И. Ф. Троекурову в 1613–1615 гг. пришлось участвовать в пяти местнических спорах, а в последующие десятилетия у Троекуровых случился только один — у вдовы князя Романа Федоровича княгини У. В. Троекуровой (княжны Прозоровской) с Е. И. Бутурлиной⁴¹. Едва ли не единственный пример, когда вдове княгине самой пришлось вести местническую тяжбу, подтверждает отсутствие дееспособных мужчин среди Троекуровых в это время. Распределение местнических конфликтов во времени подтверждает, что князей Троекуровых между 1621 и серединой 1630-х гг. не было на службе. В распоряжении этой фамилии оставались крупные земельные владения⁴².

Последний из Шестуновых князь Андрей Иванович числился в московских дворянах в 1616 г.⁴³ Он участвовал в «Осадном сидении» 1618 г.⁴⁴, но в Боярских списках 1620-х гг. не упоминался. Скончался князь Андрей около 1630 г.⁴⁵ Сделать карьеру он не смог по состоянию здоровья (был «в уме плох»)⁴⁶.

В царствование Михаила Федоровича возвысились князья из некоторых второстепенных и «закосневших» фамилий. В Ярославской ветви Рюриковичей подобными примерами являются Львовы и Прозоровские.

Более всех преуспели князья Львовы. Это видно уже из количества лиц этой фамилии в Боярских списках 1620-х гг. — 19 князей в чинах стольников и московских дворян⁴⁷. Столь значительный успех был подготовлен службой нескольких князей этой фамилии в последних десятилетиях XVI в., но главным фактором стала выдающаяся карьера князя Алексея Михайловича. Он удостоился окольности в 1627 и боярства в 1634 г.⁴⁸ Все Львовы служили в Государевом дворе. Думные чины бояр и окольных получали позднее другие лица этой фамилии. Возросший статус дал им возможность приобретать земли в Ярославском (около 20 небольших владений)⁴⁹ и других уездах. Родовым гнездом Львовых являлся Романовский уезд, а не Ярославский, но князь Алексей Михайлович именовался Львов-Ярославский⁵⁰. Из «закосневших» князей середины XVI в. Львовы выросли в 1613–1645 гг. до первостепенной фамилии. Не вполне обычно небольшое число местничеств с их участием (всего 7)⁵¹. Возвышение Львовых происходило так, что местнических споров почти не возникало. Возможно, эта особенность объясняется дипломатическим талантом князя Алексея Михайловича.

Значительно возрос статус князей Прозоровских. На службе после 1613 г. состояли князья Семен и Матвей Васильевичи. Их третий брат, князь Иван, погиб в боях под Москвой в 1611 г.⁵² Князь Семен был стольником и около 1627 г. получил чин московского дворянина⁵³. Он первым из Прозоровских вошел в Боярскую думу, став окольным 31 марта 1630 г. Вскоре после воцарения Алексея Михайловича ему было «сказано» боярство (15 августа 1646 г.). Князь С. В. Прозоровский умер 14 сентября 1659 г.⁵⁴ Князь Семен Васильевич, несомненно, обладал способностями к службе, сделал выдающуюся карьеру,

поднял статус фамилии. Князь Матвей служил в стольниках⁵⁵ и дворянах московских⁵⁶. Он скончался около 7178 (1669/70) г., приняв монашество под именем Евсигней, затем схиму⁵⁷.

Возвышение Прозоровских сопровождали местнические споры. Число их (10) в 1614–1624 гг. было рекордным для данной фамилии⁵⁸.

Ярким примером вступления в Государев двор захудавших «городовых князей» в 1613–1645 гг. являются Шаховские. В Боярских и Жилецких списках отмечены 19 князей этой фамилии⁵⁹. Данный случай иллюстрирует рассмотренный А. П. Павловым процесс вхождения новгородского дворянства в Государев двор при Михаиле Федоровиче⁶⁰.

Общественное и служебное положение остальных фамилий Ярославских Рюриковичей (Щетининых, Засекиных, Морткиных, Бельских, Деевых, Шехонских, Голыгиных, Дуловых) по сравнению с предшествовавшим временем изменилось мало.

Эволюция общественного и служебного положения князей Ярославских в 1613–1645 гг. имела тенденции, характерные и для других княжеских родов: уменьшение общего числа и поколенной численности фамилий, изменения в составе князей, получавших думные чины, вхождение в Государев двор «закосневших» фамилий.

На служебную карьеру влияла политическая ориентация князей в прошлом. Между 1615 и 1646 гг. боярами были шесть Ярославских Рюриковичей, из них трое Сицких. Вытеснение из Боярской думы Хворостининых, Гагиных, по-видимому, обусловила «прогодуновская» позиция этих фамилий в 1584–1605 гг. Возвышение сторонников и родственников новой династии из Сицких, Троекуровых, Шестуновых ограничивала высокая смертность. Впервые вошли и закрепились в Боярской думе Львовы и Прозоровские. Влияние демографического фактора выразилось в том, что к 1645 г. здесь остались только два князя Ярославских: боярин А. М. Львов и окольничий С. В. Прозоровский.

Сохранялась тенденция ослабления, угасания фамилий, первенствовавших до Смуты (Хворостининых, Троекуровых, Шестуновых, Сицких), и замещение их фамилиями второстепенными (Львовы, Прозоровские). В данном аспекте есть сходство с ситуацией 1584–1605 гг.⁶¹

Сокращение общего числа и поколенной численности княжеских фамилий Ярославской ветви Рюриковичей продолжалось. Около 1630 г. угасли Шестуновы; в 1644 — Сицкие; один-два князя остались у Троекуровых, Гагиных, Хворостининых.

Тем заметнее расширение интеграции князей Ярославских в Государев двор. В последних десятилетиях XVI в. их здесь насчитывалось 76⁶², а в 1620-х гг. — около 100.

Вследствие многочисленности Ярославских Рюриковичей процесс уменьшения князей в составе «служилых городов» и переход в Государев двор шел небыстро. Так, Щетинины, Шаховские вошли в Государев двор в 1613–1645 гг. не в полном составе, а Голыгины и Дуловы оставались «городовыми князьями».

Большинство князей имели поместья и вотчины. Только в отдельных случаях (у некоторых Шаховских) можно констатировать чисто поместное землевладение. Увеличение доли вотчинного землевладения у князей Ярославских объясняется наградами за «осадные сидения» 1618 г. и «при царе Василии». Эти земли могли переходить князьям не только в виде царских пожалований, но и в качестве приданого.

Князья Ярославские были тесно связаны с «родовым гнездом». Сохранить здесь земли с XVI в. до 1620-х гг. удалось Сицким, Жировым-Засекиным, Шехонским и, возможно, Троекуровым, но «при боярех» в 1611–1612 гг. вернули потерянные вотчины князя Ю. П. Ушатый и С. В. Прозоровский. Князья приобретали земли в Ярославском уезде также через покупку и брачные союзы. В писцовых книгах конца 1620-х гг. отмечены небольшие владения князей Деевых, Засекиных-Солнцевых, а также потерявших поземельные связи с родовым гнездом примерно 100 лет назад Морткиных, Хворостининых, Шаховских⁶³. Наряду с ярославскими землями у всех перечисленных княжеских фамилий имелись владения в других районах Московского государства.

В целом по сравнению с предшествующим периодом положение большинства князей Ярославских улучшилось. Изменения общественного статуса князей почти всегда отражались в динамике местнических конфликтов.

¹ *Сергеев А. В.* Княжеские фамилии в Московском государстве второй трети XVI — начала XVII века. СПб., 2023. Т. 1. С. 133–187, 447–470, 512–531, 573–580, 630–644, 681–687; Т. 2. С. 4–14, 259–328.

² *Павлов А. П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. СПб., 2019. Т. 1–2.

³ *Белоусов М. Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Казань, 2009. Т. 2.

⁴ *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 11–16. Обновленная версия базы размещена по адресу: <https://spb.hse.ru/humart/chr/socialhistory> (дата обращения 05.03.2023).

⁵ Ссылки на перечисленные труды приведены ниже в тексте статьи.

⁶ *Сергеев А. В.* Княжеские фамилии в Московском государстве второй трети XVI — начала XVII века. Т. 2. С. 259.

⁷ Пребывание «при Разстриге» в составе бояр князя П. М. Шаховского (если принять достоверность этого факта) было очень недолгим и не отразилось на статусе этой фамилии (Древняя Российская вивлиофика, издаваемая Николаем Новиковым. М., 1791. Ч. XX. С. 79).

⁸ *Павлов А. П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 1. С. 45.

- ⁹ О судьбе увезенного в Польшу двоюродного брата князей Ю. Д. и И. А. Хворостининых князя Григория Федоровича его матери княгине Антониде не было известно еще в 1617 г. В синодике Троице-Сергиева монастыря князь Г. Ф. Хворостинин поминался «убиенным» (ОР РГБ. Ф. 303. Кн. 532. Л. 243 об.; Ф. 304/III. № 25. Синодик. Л. 243).
- ¹⁰ Морозова Л. Е. Русский вольнодумец XVII в. Иван Хворостинин // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 145–150.
- ¹¹ Его сестра Евдокия Дмитриевна была супругой С. С. Годунова (Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. / Под ред. А. В. Антонова, А. Береловича, В. Д. Назарова. М., 2010. С. 656).
- ¹² Памятники истории Восточной Европы: источники XV–XVII вв. Осадный список 1618 г. / Сост.: Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М.; Варшава, 2009. Т. VIII. С. 38, 43, 192.
- ¹³ Список погребенных в Троицкой Сергиевой Лавре, от основания оной до 1880 года. Н. Новгород, 2012. С. 28.
- ¹⁴ «Подлинные» боярские списки 1626–1633 годов: Сб. документов / Сост. Е. Н. Горбатов. М., 2015. С. 37, 122, 200, 284, 362, 413, 474.
- ¹⁵ Горбатов Е. Н. Боярская книга 1629 года // Российская генеалогия: научный альманах. М., 2022. Вып. 11. С. 118–119.
- ¹⁶ Горбатов Е. Н. «Подлинный» боярский список 1637/38 г. // Российская генеалогия: научный альманах. М., 2019. Вып. 5. С. 57.
- ¹⁷ ОР РГБ. Ф. 304/III. № 25. Синодик. Л. 284.
- ¹⁸ Горбатов Е. Н. «Подлинный» боярский список 1637/38 г. С. 47.
- ¹⁹ Князь Ф. Ю. Кривошей Хворостинин стал окольным 17 марта 1651 г.; боярином 12 января 1653 г.; умер в 1655 г. (Poe M. The Russian Elite in the Seventeenth Century. Helsinki, 2004. Vol. 1. P. 446; Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Т. 1. С. 281–282).
- ²⁰ Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв.: хронологический реестр. М., 2021. С. 185, 186, 191, 195, 227.
- ²¹ Кошелева О. Е. Духовные грамоты княжеской четы Хворостининых, относящиеся к смутному времени // Порядок и смута. Государство, общество, человек на востоке и западе Европы в Средние века и раннее Новое время: К 85-летию Владислава Дмитриевича Назарова / Под общ. ред. А. А. Фролова. М., 2023. С. 94–108.
- ²² Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 2. С. 101–109.
- ²³ Список погребенных... С. 33. № 325.
- ²⁴ Список погребенных... С. 33. № 324; РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. № 173. Родословная книга князя А. И. Лобанова. Л. 77 об.
- ²⁵ Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. С. 131, 135, 143, 145, 148, 246.
- ²⁶ Горбатов Е. Н. «Подлинный» боярский список 1638/39 г. // Российская генеалогия: научный альманах. М., 2019. Вып. 6. С. 168.
- ²⁷ Poe M. The Russian Elite in the Seventeenth Century. Vol. 1. P. 382.
- ²⁸ «Подлинные» боярские списки... С. 21, 22, 37, 101, 103, 122, 181, 200, 257, 258, 284, 327, 329, 361, 413, 474.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. № 173. Л. 158.
- ³⁰ Сергеев А. В. Князья Гундоровы в Русском государстве XVI–XVII вв.: историко-генеалогическое исследование // Российская генеалогия: научный альманах. М., 2023. Вып. 13. С. 157–158.
- ³¹ Акты Московского государства <...> / Под ред. Н. А. Попова. СПб., 1890. Т. 1. С. 139–140, 141.
- ³² Боярин князь А. В. Сицкий скончался 25 апреля 1629 г., а князь А. Д. Сицкий умер в 1631/32 г. (Poe M. The Russian Elite in the Seventeenth Century. Vol. 1. P. 435; «Подлинные» боярские списки... С. 474).
- ³³ Poe M. The Russian Elite in the Seventeenth Century. Vol. 1. P. 435.
- ³⁴ ОР РНБ. Ф. 550. Кн. F.IV.529/3. Л. 1167 об. – 1170, 1512–1552, 1568–1594.
- ³⁵ Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 2. С. 109–119.

- ³⁶ Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. С. 191, 209, 216, 219, 236, 241.
- ³⁷ Сергеев А. В. Княжеские фамилии в Московском государстве второй трети XVI — начала XVII века. Т. 1. С. 141.
- ³⁸ Рое М. The Russian Elite in the Seventeenth Century. Vol. 1. P. 443.
- ³⁹ Горбатов Е. Н. «Подлинный» боярский список 1637/38 г... С. 44.
- ⁴⁰ Рое М. The Russian Elite in the Seventeenth Century. Vol. 1. P. 442.
- ⁴¹ Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. С. 186, 188, 190–192, 225.
- ⁴² Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова. Т. 2. С. 93–95.
- ⁴³ Акты Московского государства... Т. 1. С. 145.
- ⁴⁴ Памятники истории Восточной Европы... С. 43.
- ⁴⁵ Сергеев А. В. К истории землевладения князей Шестуновых в XVI — начале XVII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время: Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Матер. к междунар. науч. конф. Москва, 26 октября — 1 ноября 2015 г. М., 2015. Вып. 4. С. 108–113.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 181. Оп. 2. № 173. Л. 77 об.
- ⁴⁷ «Подлинные» боярские списки... С. 102, 104, 106, 107, 113, 117, 128, 131, 145, 182, 184, 185, 191, 195, 206, 208, 222, 258, 260–262, 264, 265, 272, 273, 275, 289, 291, 304, 306, 328, 331, 332, 334, 337, 338, 340, 345, 347, 353, 365, 368, 371, 386, 387, 402, 416, 420, 424, 454–456, 461, 477, 481, 484, 505, 525, 527.
- ⁴⁸ Рое М. The Russian Elite in the Seventeenth Century. Vol. 1. P. 409.
- ⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 550. F.IV.529. № 86. Л. 316 — 321 об., 517–520, 638 — 640 об., 646 — 647 об., 719 — 719 об., 733 — 734 об., 743, 790, 966–968, 1002 — 1005 об., 1034, 1045, 1067–1068; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 545. Л. 347 об. — 348, 516–518; Кн. 546. Л. 1014 об. — 1016 об.
- ⁵⁰ Павлов А. П. К вопросу о княжеских родовых прозвищах в XVII в. // Связь времен и творчество историка: памятный сборник к 90-летию Виктора Моисеевича Панеяха. СПб., 2021. С. 211.
- ⁵¹ Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. С. 235, 240, 242, 252, 254, 255.
- ⁵² Родословная книга князей и дворян российских и выезжих <...>, которая известна под названием Бархатной книги / Изд. Н. И. Новиков. М., 1787. Ч. 1. С. 173.
- ⁵³ «Подлинные» боярские списки... С. 22, 122.
- ⁵⁴ Рое М. The Russian Elite in the Seventeenth Century. Vol. 1. P. 426.
- ⁵⁵ «Подлинные» боярские списки... С. 23, 103, 181, 259, 329.
- ⁵⁶ Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Т. 1. С. 272.
- ⁵⁷ Лобачев С. В. Изучение генеалогии боярской аристократии XVII века на материале духовных завещаний // Русское прошлое. СПб., 1998. Кн. 8. С. 327–333.
- ⁵⁸ Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. С. 189, 191, 195–197, 200, 209, 214.
- ⁵⁹ Акты Московского государства... Т. 1. С. 143, 146; «Подлинные» боярские списки... С. 33, 38–40, 43, 45, 49–51, 99, 111, 113, 116, 123–125, 128, 130, 134–136, 189, 192, 194, 201–203, 206, 208, 211, 213; Горбатов Е. Н. 1) «Наличный» боярский список 1624 года // Российская генеалогия: научный альманах. М., 2018. Вып. 3. С. 75, 83, 85, 89, 91, 93; 2) Жилецкий список 7133 г. // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2016. Вып. 19. С. 314, 326, 341.
- ⁶⁰ Павлов А. П. Вхождение новгородского дворянства в государев двор в годы царствования Михаила Федоровича // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27; № 3. С. 179–193.
- ⁶¹ Сергеев А. В. Княжеские фамилии в Московском государстве второй трети XVI — начала XVII века. Т. 1. С. 644.
- ⁶² Там же. Т. 1. С. 630–635.
- ⁶³ Там же. Т. 2. С. 12–14.

References

- BELOUSOV M. R. *Boyarskie spiski 1645–1667 gg. kak istoricheskij istochnik* [Boyar lists 1645–1667 as a historical source. In Russ.]. Kazan', 2008. Vol. 1.
- GORBATOV E. N. "Nalichnyj" boyarskij spisok 1624 goda ["Nalichnyj" boyar list of 1624. In Russ.] // Rossijskaya genealogiya: nauchnyj al'manah [Russian genealogy: scientific almanac]. Moscow, 2018. Iss. 3. P. 71–102.
- GORBATOV E. N. "Podlinnyj" boyarskij spisok 1637/38 g. ["Podlinnyj" boyar list of 1637/38. In Russ.] // Rossijskaya genealogiya: nauchnyj al'manah [Russian genealogy: scientific almanac]. Moscow, 2019. Iss. 5. P. 41–113.
- GORBATOV E. N. "Podlinnyj" boyarskij spisok 1638/39 g. ["Podlinnyj" boyar list of 1638/39. In Russ.] // Rossijskaya genealogiya: nauchnyj al'manah [Russian genealogy: scientific almanac]. Moscow, 2019. Iss. 6. P. 163–235.
- GORBATOV E. N. *Boyarskaya kniga 1629 goda* [Boyar book of 1629. In Russ.] // Rossijskaya genealogiya: nauchnyj al'manah [Russian genealogy: scientific almanac]. Moscow, 2022. Iss. 11. P. 63–254.
- GORBATOV E. N. *Zhileckij spisok 7133 goda* ["Zhileckij" list 7133. In Russ.] // Ocherki feudal'noj Rossii [Sketches of Feudal Russia]. Moscow; St. Petersburg, 2016. Iss. 19. P. 300–363.
- Zapisnye votchinnye knigi Pomestnogo prikaza 1626–1657 gg.* [Record patrimonial books of the Local Order of 1626–1657. In Russ.]. Moscow, 2010.
- KOSHELEVA O. E. *Duhovnye gramoty knyazheskoj chety Hovorostininyh, odnosyashhiesya k smutnomu vremeni* [Testaments of the princely couple Khvorostinin, relating to the Time of Troubles. In Russ.] // Poryadok i smuta. Gosudarstvo, obshchestvo, chelovek na vostoke i zapade Evropy v Srednie veka i rannee Novoe vremya: K 85-letiyu Vladislava Dmitrievicha Nazarova [Order and Troubles. State, society, people in the East and West of Europe in the Middle Ages and early modern times: To the 85th anniversary of Vladislav Dmitrievich Nazarov] / Under the general editorship A. A. Frolov. Moscow, 2023. P. 94–108.
- LOBACHEV S. V. *Izuchenie genealogii boyarskoj aristokratii XVII veka na materiale duhovnyh zaveshchaniy* [Study of the genealogy of the boyar aristocracy of the 17th century based on the material of testaments. In Russ.] // Russian past. St. Petersburg, 1998. Book 8. P. 314–338.
- MOROZOVA L. E. *Russkij vol'nodumec XVII v. Ivan Hovorostin* [Russian freethinker of the 17th century Ivan Khvorostinin. In Russ.] // Voprosy istorii [Questions of history]. 1998. No. 8. P. 145–150.
- PAVLOV A. P. *Vozhdenie novgorodskogo dvoryanstva v gosudarev dvor v gody carstvovaniya Mihaila Fedorovicha* [The entry of the Novgorod nobility into the sovereign's court during the reign of Mikhail Fedorovich. In Russ.] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional studies. International relationships]. 2022. Vol. 27; no. 3. P. 179–193.
- PAVLOV A. P. *Dumnye i komnatnye lyudi czarya Mihaila Romanova: prosopograficheskoe issledovanie* [Duma and chamber people of Tsar Mikhail Romanov: a prosopographic study. In Russ.]. St. Petersburg, 2019. Vol. 2.
- PAVLOV A. P. *K voprosu o knyazheskih rodovyh prozvizhchah v XVII v.* [On the issue of princely family nicknames in the 17th century. In Russ.] // Svyaz' vremen i tvorchestvo istorika: pamyatnyj sbornik k 90-letiyu Viktora Moiseevicha Paneyaha [Connection of times and the work of a historian: a commemorative collection for the 90th anniversary of Viktor Moiseevich Paneyakh]. St. Petersburg, 2021. P. 211–224.
- Pamyatniki istorii Vostochnoj Evropy: istochniki XV–XVII vv. Osadnyj spisok 1618 g.* [Monuments of the history of Eastern Europe: sources of the 15th–17th centuries. Siege list 1618. In Russ.] / Comp. Yu. V. Anhimyuk, A. P. Pavlov. Moscow; Warszawa, 2009. T. VIII.
- "Podlinnye" boyarskie spiski 1626–1633 godov: sb. dokumentov ["Podlinnye" boyar lists of 1626–1633: collection of documents. In Russ.] / Comp. E. N. Gorbatov. Moscow, 2015.
- POE M. *The Russian Elite in the Seventeenth Century*. Helsinki, 2004. Vol. 1.
- SELIN A. A. *Novgorodskoe obshchestvo v epohu Smuty* [Novgorod society in the era of Troubles. In Russ.]. St. Petersburg, 2008.
- SERGEEV A. V. *Knyaz'ya Gundorovy v Russkom gosudarstve XVI–XVII vv.: istoriko-genealogicheskoe issledovanie* [Princes Gundorovs in the Russian state of the 16th–17th centuries: historical and genealogical research. In Russ.] // Russian genealogy: scientific almanac. Moscow, 2023. Iss. 13. P. 116–178.
- SERGEEV A. V. *K istorii zemlevladieniya knyazej Shestunovyh v XVI – nachale XVII v.* [On the history of land ownership of the Shestunov princes in the 16th – early 17th centuries. In Russ.] // Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Vyp. 4: Chetvertye chteniya pamyati akademika RAN L. V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 26 oktyabrya – 1 noyabrya 2015 g. [Rus', Russia: Middle Ages and Modern Times. Vol. 4: Fourth readings in memory of Academician of the Russian Academy of

Sciences L. V. Milov. Materials for the international scientific conference. Moscow, October 26 – November 1, 2015]. Moscow, 2015. P. 108–113.

SERGEYEV A. V. *Knyazheskiye familii v Moskovskom gosudarstve vtoroy treti XVI – nachala XVII veka* [Princely families in the Moscow state of the second third of the 16th – early 17th centuries. In Russ.]. St. Petersburg, 2023.

Spisok pogrebennykh v Troiczkoj Sergievoj lavre, ot osnovaniya onoj do 1880 goda [List of buried in the Trinity Sergius Lavra, from the foundation of this until 1880 year. In Russ.]. Nizhny Novgorod, 2012.

ESKIN Yu. M. *Mestnichestvo v Rossii XVI–XVII vv.: hronologicheskij reestr* [Mestnichestvo in Russia in the 16th–17th centuries: a chronological register. In Russ.]. Moscow, 2021.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. В. Сергеев. Общественное и служебное положение княжеских фамилий Московского государства после Смуты начала XVII в. (на примере Ярославских Рюриковичей) // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 49–58

Аннотация: В статье путем анализа биографических данных выяснены факторы, повлиявшие на изменение общественного и служебного положения княжеских фамилий после Смуты начала XVII в. Рассмотрены следующие характеристики общественного и служебного положения князей: присутствие в Боярской думе, включенность в Государев двор, районы землевладения, динамика местнических споров, изменение численности фамилий. Установлено, что успех или неуспех служебной карьеры в царствование Михаила Федоровича в значительной мере определялся политической ориентацией князей во время Смуты и в правление Бориса Годунова. Большое значение имел естественный демографический фактор. Численное сокращение княжеских фамилий привело к тому, что в конце царствования Михаила Федоровича в Боярской думе остались только два князя Ярославских. Как правило, князья, достигшие боярства, перед этим состояли в окольных.

Ключевые слова: князья Ярославские, социальный статус, служба, землевладение, местничество, Государев двор, служилый город, вотчина, поместье.

FOR CITATION

A. V. Sergeev. The social and official position of the princely families of the Moscow state after the Time of Troubles at the beginning of the 17th century (using the example of the Yaroslavl Rurikovichs) // Petersburg historical journal, no. 3, 2024, pp. 49–58

Abstract: In the article, an analysis of biographical data was conducted in order to elucidate the factors that influenced changes in the social and official position of the princely families following the Troubles of the early 17th century. The following characteristics of the social and official position of the princes are considered: their presence in the Boyar Duma, their inclusion in the Sovereign's court, the extent of their land ownership, the dynamics of the *mestnichestvo* disputes, and the changes in the number of families. It has been demonstrated that the success or failure of an official career during the reign of Mikhail Fedorovich was largely contingent upon the political orientation of the princes during the Time of Troubles and during the reign of Boris Godunov. The natural demographic factor was of significant consequence. The reduction in the number of princely families resulted in the demise of two Yaroslavl princes in the Boyar Duma by the end of Mikhail Fedorovich's reign. In the majority of cases, princes who attained the rank of boyar had previously held the position of *okolnichy*.

Key words: princes of Yaroslavl, social status, service, land ownership, *mestnichestvo*, sovereign's court, *sluzhilyy* город, patrimony, estate.

Автор: Сергеев, Антон Вадимович — к. и. н., Институт промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Sergeev, Anton Vadimovich — PhD in History, Institute of Industrial Safety, Labor Protection and Social Partnership (St. Petersburg, Russia).

E-mail: sergeev1967@inbox.ru

М. М. Дадыкина

Оплата труда работников-солеваров и цены на соль в годы Соляной реформы*

В недавно вышедшей работе М. С. Черкасовой, посвященной специально экономике, демографии и культуре Спасо-Прилуцкого монастыря, несколько глав посвящены его солеваренным промыслам¹. В книге собраны важные сведения о том, как, когда и на каких основаниях были приобретены те или иные составляющие комплексов — варницы, земельные наделы, деревни крестьян, какими таможенными пошлинами облагалась соль при продаже, какие льготы получал монастырь, как осуществлялась транспортировка товаров.

Между тем если мы хотим понять механизмы того типа экономики, генезис которой происходит (и довольно активно) в Московском государстве в XVII в., нам необходимо выйти за рамки описания структуры владений тех или иных участников экономических отношений, а в равной степени не ограничиваться проблематикой формирования национального рынка (безусловно важной) и задаться вопросами анализа внутренней логики устройства этих комплексов. Это означает исследование связей между их элементами и различными структурами, технологиями управления, иными словами, тем, что входит в большей степени в круг исследований истории управления в экономических процессах (Management and Business History), поскольку именно различия и инновации в технологиях управления экономикой отличают один ее тип от другого и смена этих технологий отмечает важные вехи в ее развитии. Важным элементом в формировании новой экономики было увеличение числа жителей,

* Исследование выполнено при поддержке РНФ в рамках проекта № 23-28-01716 «Соляной рынок Русского Севера в XVII в.: открытая база данных».

вовлеченных в отношения наемного труда. Для исследователей периодов протопромышленности и индустриальной революции одним из показателей происходивших изменений является анализ динамики оплаты труда и покупательной способности индивидов и домохозяйств. В их исследованиях фигурируют сравнительные данные по Северной, Центральной и Южной Европе, Северной Америке и странам Азии (Китай, Япония, Индия)², но до XIX в. нет представительных данных о ситуации в России. Вопросы оплаты труда поденных рабочих затрагивались в 1950-е гг. Н. В. Устюговым³, существуют отдельные исследования по XVIII в.⁴, но более раннее время пока больше напоминает белое пятно. Между тем анализировать экономику без внимания к вопросам стоимости труда невозможно.

С точки зрения концептуального подхода это означает возвращение к структурализму, но обогащенному современными взглядами на то, как конструируются ресурсы (природные и трудовые), как работает сочетание так называемых экономики капитала и моральной экономики⁵. Постановка этих вопросов требует своих источников, важнейшими из которых являются приходо-расходные книги компаний, торговых домов, промысловых комплексов монастырей. В данном исследовании использован комплекс приходо-расходных книг трех соляных промыслов Спасо-Прилуцкого монастыря XVII в.⁶ — Унском, Тотемском и Вычегодском, который содержит массив данных, позволяющих исследовать очерченную выше проблематику формирования новых типов управления производством и связями с локальным рынком в России раннего нового времени. Книги представляют собой рукописи в четверку, разделенные на несколько частей: книги прихода денег и продажи соли, книги расхода денег на монастырский обиход, книги расходов денег на оплату труда солеваров и учета вываренной соли, книги дровяной поставки. На основе создаваемой базы данных цен на соль на Русском севере были предварительно проанализированы цены на соль за указанный период на двух локальных рынках — Тотемском и Вычегодском.

В задачи данной статьи не входит анализ всего имеющегося и собранного материала. Я постараюсь показать экономическую структуру соляного производства, ее вариации и возможности реагирования на внешние вызовы с помощью управленческих решений в трех локациях на коротком отрезке времени: 1645 — начало 1650-х гг., когда, с одной стороны, солеварение как вид прибыльной (а значит, относящейся к интересующему нас типу новой экономики) деятельности достигает своего наибольшего размаха, а с другой, именно в эти годы проведение известных налоговых реформ должно было отразиться на динамике таких показателей, как стоимость ресурсов (энергия и труд) и конечного продукта. Поиск взаимосвязи между стоимостными показателями⁷ является отправной точкой анализа, который методологически опирается на количественный метод с использованием создаваемых таблиц и базы данных по ценам на соль.

Записи о продаже вываренной соли (приходная часть) и учет денег, выданных работникам солеварен (расход), входили в приходо-расходные книги соляных монастырских промыслов — Тотемского, Вычегодского и Унского, — формуляр которых в основном сложился уже к началу XVII в., но имел свою специфику для каждого промысла. Каждая запись фиксировала дату продажи, статус и имя покупателя (не всегда), количество проданной соли, цену за пуд, общую сумму сделки.

Тотемский промысел был более других вовлечен в операции на местном рынке соли, являясь здесь, по-видимому, основным ее производителем и продавцом крупных и средних партий перекупщикам. Записи о продаже соли составляли в Тотемском промысле иногда до трети всей приходо-расходной книги. В условиях роста издержек в момент продаж можно было бы ожидать резкого повсеместного повышения цен на соль в эти годы, но собранный материал дает более сложную картину: первоначально сразу после известий о введении пошлины на Тотемском рынке наблюдается короткий подъем цен с 16–17 до 20–21 денег за пуд, но затем ситуация меняется. С апреля 1646 по сентябрь 1647 г. на местном рынке Тотьмы монастырь стабильно продает соль перекупщикам по сниженной цене 10–11 денег за пуд с небольшим повышением осенью 1646 до 12 денег (рис. 1) и новым

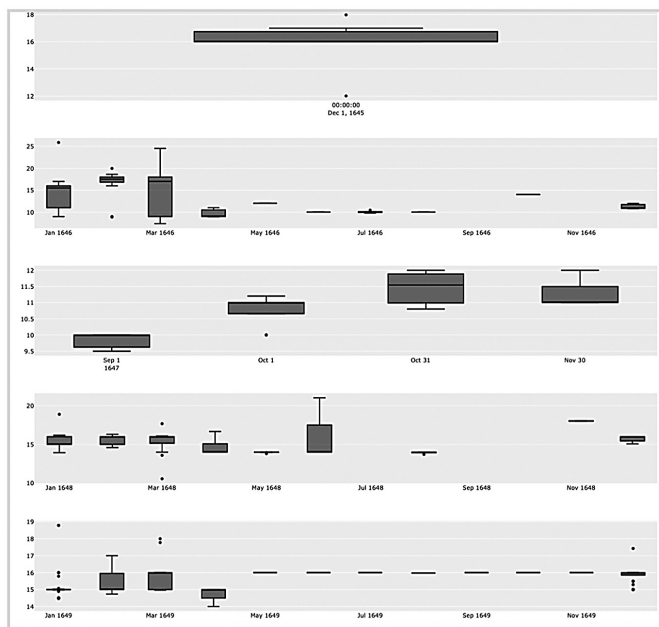

Рис. 1. Динамика цен на соль (в деньгах) на Тотемском рынке, 1645–1649 гг.

Источники: Книги приходно-расходные Тотемского соляного промысла Спасо-Прилуцкого монастыря за 1645–1649 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 28–32).

снижением к сентябрю 1647 г. до 9,5–10 денег⁸. С октября 1647 г. цены вновь немало повышаются, до 11–12 денег за пуд, и окончательно восстановление рынка происходит в течение января — марта 1648 г., когда средняя стоимость пуда соли вновь достигает 16–17 денег. В период низких цен заметно уменьшаются объемы партий товара, при этом возрастает частота сделок, т. е. мы видим, как идет игра на понижение с явным стремлением во что бы то ни стало избавиться от излишков ставшего проблемным товара.

Иная ситуация сложилась в Вычегодском промысле, гораздо сильнее связанном с развитым локальным рынком: здесь повышение цен на соль (а также и другие продукты, включая хлеб), было отмечено еще в 1642–1643 гг., когда зимой стоимость пуда соли доходила до 17–18 денег, но к 1645/46 г. ситуация улучшилась и цены на продукты, включая и соль, снизились до 14 денег, что было ниже стоимости пуда соли в Тотьме, купленной у того же монастыря.

Введение двугривенной пошлины привело к тому, что цены на соль выросли до 52–54 денег за пуд к январю 1647 г., причем монастырь перестал продавать (или фиксировать эти продажи в книгах) сразу после получения указа о новой пошлине в начале марта по конец 1646 г. (рис. 2). После отмены пошлины этот рынок отреагировал также довольно быстро и уже зимой 1648 г. цены вернулись к прежнему уровню: 14–16 денег в январе — феврале и 12–14 денег

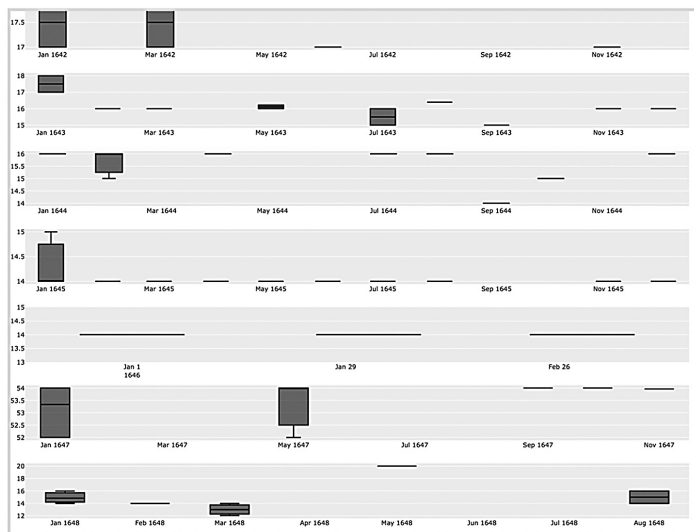

Рис. 2. Динамика цен на соль (в деньгах) в Соли Вычегодской, 1642–1648 гг.

Источники: Книги приходно-расходные Вычегодского соляного промысла Спасо-Прилуцкого монастыря, 1642–1648 гг. (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 46, 96; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 271. Оп. 2. Д. 193, 198, 199, 200, 205, 214). Диаграмма построена на основе БД «Соляная торговля на Русском Севере, XVII в.», разработчик А. Д. Гусак, руководитель М. М. Дадыкина.

в марте — апреле 1648 г. Период высоких цен вынудил монастырских старцев, управлявших промыслом, проявить изобретательность, чтобы избавиться от излишков товара, который было трудно продать по таким ценам.

Расходная часть книг этого периода содержит записи об отдаче соли «безденежно» или по прежней цене различным контрагентам, от верхушки посада (например, Строгановым, воеводе, подьячим) и некоторых перекупщиков до собственных работников (выдача соли «на лопату») и крестьян прилегающих к городу деревень. Интерпретировать эти акции можно по-разному: как накопление символического капитала через укрепление связей, если соль действительно раздавали даром⁹, или как временный (и вынужденный) возврат к старой практике частичной оплаты производимым продуктом в случае с солеварями¹⁰. И то, и другое свидетельствует о низкой степени монетизации экономики, поскольку даже небольшое и кратковременное сокращение возможности получать деньги на промысел через реализацию его продукции сразу привело к необходимости искать решения проблем оплаты различных нужд (и одной из существенных была оплата труда работников) без использования монет¹¹.

Стремление сократить расходы на производство соли в условиях сложности ее сбыта (один из моментальных результатов введения двугривенной пошлины на продажу пуда соли в 1646–1648 гг.) заставляло владельцев солеварен использовать различную тактику. Инструментов для решения этой задачи было два:

- 1) сократить объем производимого товара (остановить на некоторое время варницы);
- 2) снизить затраты на труд, сократив оклады работникам в солеварне.

С конца 1646 г. и далее на протяжении последующих лет до 1649/50 г. в Тотьме и Соли Вычегодской варницы останавливали для ремонта один-два раза в год. Иногда мелкий ремонт действительно был необходим и являлся обычной практикой (как правило, прогорал црен), но периоды простоя 1646–1649 гг. значительно превосходили необходимое для текущего ремонта время. Вторым инструментом сокращения издержек было снижение размеров оплаты труда солеваров, который использовался не менее гибко, чем частичные, замаскированные под необходимый ремонт остановки варниц.

Самая большая артель солеваров была в Тотьме и включала повара и подварка, четырех водолеев, тцанника, пескаря и дрововоза. Учет денег, выданных первым двум категориям, велся слитно, что не позволяет определить долю каждого (повара и его помощника) в указанной сумме, поэтому в таблицах они посчитаны вместе. Тцанник и пескарь должны были заниматься своевременной выгрузкой вываренной соли на просушку из црена, а также его очисткой от пригоревших частиц. Дрововоз в Тотемском промысле, в отличие от двух других, был включен в артель, но был фигурой почти факультативной: его трудами

не пользовались в январе — феврале, иногда и в другие месяцы, при этом, судя по уровню оплаты его труда, он ценился немного выше пескаря, чья работа оставалась всегда самой низкооплачиваемой.

Артель в Соли Вычегодской была меньше, в нее входил один повар, два водолея и пескарь. Дрововоза нанимали отдельно на год «от Филипова заговинья до Филипова заговинья» (14 ноября), в артель он не входил и потому не фигурирует в таблицах. В ряде случаев записи свидетельствуют о том, что дрова приходилось «подвигать» самим солеварам. Оплата и в Тотемском, и в Вычегодском промыслах производилась за поварную неделю¹², составлявшую каждая в среднем по 8–11 дней, немного короче в Тотьме и чуть длиннее в Соли Вычегодской, что, вероятно, было обусловлено слабыми растворами последней. Продолжительность недели не зависела от времени года, в сильные морозы вся артель или только ее часть (дрововоз и пескарь) получали «наддачу» за сложность условий. Текущий или внезапный ремонт приводил к сокращению количества отработанных недель, а следовательно, и годового заработка артели. В среднем при благоприятных условиях одна артель в течение года отработывала до 39–40 недель в Тотемском и 29–30 недель в Вычегодском промыслах.

Несколько сложнее анализировать оплату труда в Унском промысле из-за особенностей ведения здесь учета. В унских книгах учет оплаты труда солеваров выражен короткой формулой о том, сколько всего в год израсходовано денег, причем здесь оплата была сдельная — за единицу учета взят сугреб, равный 50 пудам соли. Поскольку по двум другим промыслам мы знаем о делении поварной недели на «уимки» (обычно их четыре), в каждой в среднем по 50 пудов соли, можно попытаться привести унские данные в соответствие с годовым и понедельным расчетом стоимости труда местной артели, разумеется, осознавая все ограничения подобной операции¹³.

Перерывов на праздники, включая Рождество или Пасху, не было, т. е. в отличие от принятого в литературе для периода раннего нового времени рабочего года в 252 дня, в солеваренном производстве, требующем непрерывного цикла, количество рабочих дней в году практически совпадало с календарным годом (что необходимо учитывать, например, при сопоставлении заработков солеваров с работниками в других сферах). Наиболее ценными были повара, от которых требовалось наличие определенных навыков и профессиональных знаний, далее по уровню оплаты труда следовали водолеи и тщанник, хотя, возможно, в этом случае большую роль играли физические данные, поскольку их работа была наиболее тяжелой.

Данные об оплате труда работников солеварни в Тотьме в одном неполном цикле дают информацию об оплате за 1 уимку: повару и его подварку — 30 денег, каждому водолею по 12 денег, тщаннику — 8 денег, пескарю и дрововозу по 5 денег¹⁴. Еще одна запись позволяет уточнить сведения о том, когда именно подсчитывали расходы на выварку каждой партии соли за полуварю и сколько дней она длилась: после ремонта потекшего црена варницу запустили 1 дека-

бря, что отметили в книге, а закончили полуварю соли 8 декабря, к которому и относится запись о расходах на оплату труда солеваров¹⁵.

Жалование водолеям учтено всегда как общая сумма на четверых. Стоимость их труда была единственной, которая в благополучный дореформенный год не менялась, при этом стоимость труда всех прочих работников была подвержена небольшим колебаниям. В период реформы наименее эластичным оставалось именно жалование водолеев и тцанника. Последние позиции по уровню оплаты труда занимали пескарь, очищавший црен после каждой уимки, и дрововоз, задачей которого было придвигать ближе к варнице дрова и топить печь. С 1646/47 г. их жалование записывали вместе, но более ранние записи, а также подсчеты размера заработка пескаря при отсутствии дрововоза показали, что и здесь шаг был равен 2 деньгам, при этом при сокращении оплаты пескарь всегда получал на 2 деньги меньше дрововоза.

Анализ динамики размеров жалований разным категориям работников в Тотемском промысле за 1645–1650 гг. показывает, что на первом этапе реформы (весна — осень 1646 г.) управляющие промыслом старцы стремились сохранить неизменным жалование водолеям и тцаннику, жертвуя наймом дрововоза, снижая жалование ему и пескарю, а также ощутимо снижая оплату труда поварам. Подсчеты показали, что повара потеряли около 27% заработка, водолеи — 25%, тцанник, пескарь и дрововоз — до 30%. Со второй половины 1649 г. ситуация начинает стабилизироваться, что отразилось как в небольшом росте цен на соль на Тотемском рынке, так и в увеличении жалования основным категориям работников-солеваров. Так, за декабрь 1649 — лето 1650 г. размер оплаты труда водолеев вырос на 13%, тцанника — на 7%, поваров — на 10%. И только для пескаря и дрововоза фактически не происходит существенных изменений за исключением восстановления обычного графика найма последнего (табл. 1).

Таблица 1

Оплата труда в поваренную неделю работников в Тотемском соляном промысле Спасо-Прилуцкого монастыря, в деньгах

Варница Харламовская*

Дата	Повар и подварок**	Водолей	Тцанник	Пескарь	Дрововоз***
Сентябрь 1645	132	48	34	20	20
Октябрь 1645 — январь 1646	120	48	34	20	20
Февраль — июнь 1646	120	48	34	20	0/20
Сентябрь 1646	120	48	34	20	20
Октябрь — ноябрь 1646	108	44	34	18	20
Декабрь 1646 — февраль 1647	108	44	30	20	20/18/0

Окончание табл. 1

Варница Харламовская*

Дата	Повар и подварок**	Водолей	Тщанник	Пескарь	Дрововоз***
Март – июнь 1647	96	40	34	16	16
Август 1647	88	36	26	14	14
Декабрь 1647	84	34	24	14	0
Январь 1647 – декабрь 1648	88	36	24	14	0/14
Январь – февраль 1649	92	38	26	14	16/0
Март – июнь 1649	88	36	24	14	16
Июль – август 1649	104	44	26	14	16
Февраль – август 1650	100	42	26	14	16

Примечания. * Данные приведены для одной из варниц, но релевантны для всего промысла. ** Всегда указаны вместе, поэтому установить соотношение оплаты между ними не представляется возможным. *** В январе и некоторые иные месяцы не нанимался, соответственно оплата не производилась.

Источники: Книги приходо-расходные Тотемского соляного промысла Спасо-Прилуцкого монастыря за 1645–1649 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 61. Оп. 1. Д. 28–32).

Динамика оплаты труда в Вычегодском и Унском промыслах (при всех сделанных ранее оговорках) также показывает снижение как общей суммы, получаемой артелями, так и жалованья по отдельным специальностям. При этом в Уне низкая стоимость труда сохранилась и после отмены соляной пошлины и даже при сохранении высокой выработки (если это не является фикцией составителя книги) продукта, в то время как, например, стоимость сажени дров вернулась к дореформенной довольно быстро (табл. 2). В Соли Вычегодской тенденция как можно дольше сохранять и как можно раньше вернуть к прежнему уровень оплаты труда водолеям при менее гибкой системе оплаты поварам совпадает с той, что была отмечена для Тотемского промысла, хотя и без столь тонких нюансов и с иной амплитудой колебаний: повара потеряли 30 %, водолеи – 33 %, тщанник – 27 % жалования (табл. 3). При этом если в среднем в Тотемском и Вычегодском промыслах (где было и производство, и рынок частичного сбыта) произошло сокращение размера оплаты труда солеваров в среднем на 30 % и сокращение времени их занятости (количества отработанных недель), в Уне (только производственный комплекс, поскольку в Холмогорах эта соль не реализовывалась) они потеряли лишь 10 % заработка, но при этом в 1647–1649 гг. интенсивность их труда возросла до 44–46 недель.

Таблица 2

**Оплата труда работников в Унском соляном промысле
Спасо-Прилуцкого монастыря, в деньгах**

Год	1643, февраля 27 — августа 31	1643/44	1645/46	1646/47	1648/49	1649/50	1650/51	1651, сентября 1 — 1652, февраля 24
Оплата труда солеварам (за сугреб = 50 пудов), денег	55	54	55	49	49	49	49	49
Оплата труда артели со- леваров в поварную неде- лю (из расчета в среднем 200 пудов/нед.)	220	216	220	196	196	196	196	196
Среднее количество от- работанных поварных недель в год	21	38	43	46	36	33	31	18
Оплата труда артели солеваров в год	4675	8127	9350	9081	7007	6468	6125	3512

Источники: Книги приходо-расходные Унского соляного промысла Спасо-Прилуцкого монастыря за 1643–1652 гг. (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 15, 132; Архив СПбИИ РАН. Ф. 271. Оп. 2. Д. 218, 224, 229, 233).

Таблица 3

**Оплата труда в поваренную неделю работников в Вычегодском
соляном промысле Спасо-Прилуцкого монастыря, в деньгах**

Год	Варница	Повар	Водолей	Пескарь
1644 / апрель 1645	Передняя	260	180	140
Июнь — август 1645	Передняя	260	160	140
1645/46	Передняя	260	160	140
1646/47	Передняя	200	140	120
1647 / март 1648	Передняя	200	120	100
Июль — август 1648	Передняя	200	140	120
1644 / апрель 1645	Задняя	260	180	140
Июль — август 1645	Задняя	260	160	140
1645/46	Задняя	260	160	140
1646/47	Задняя	200	140	120
1647 / апрель 1648	Задняя	200	120	100
Июнь — август 1648	Задняя	200	140	120

Источники: Книги приходо-расходные Вычегодского соляного промысла Спасо-Прилуцкого монастыря за 1644–1648 гг. (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 46, 96; Архив СПбИИ РАН. Ф. 271. Оп. 2. Д. 193, 198, 199, 200, 205, 214).

Сравнение годовых заработков (см. табл. 2, 4 и 5) солеваров разных специальностей в трех промыслах дает интересную картину как до, так и в период кризиса 1640-х гг. Артель в Уне, которая была примерно такой же по составу, как и вычегодская, зарабатывала столько же, но трудилась гораздо интенсивнее с точки зрения количества отработанных дней. При меньшем количестве рабочих дней в году повара и остальные работники в Соли Вычегодской имели заработки примерно на 20% выше тотемских солеваров. Но в расчет следует принять:

- а) более слабые растворы солей в вычегодском промысле, что означало, например, большее количество бадей, необходимых для выпаривания того же объема соли, а следовательно, более интенсивную ежедневную работу;
- б) более высокие цены на продукты питания на Вычегодском рынке по сравнению с Тотемским, что снижало реальную заработную плату вычегодцев примерно на 10–15%.

Таблица 4

**Годовые заработки работников в Вычегодском соляном промысле
Спасо-Прилуцкого монастыря, в деньгах**

Год	Варница	Повар	Водолей*	Пескарь	Вся артель	Количество поварных недель
1644/45	Передняя	2990	2010	1610	8620	23
Сентябрь 1645 – март 1646	Передняя	2080	1280	1120	5760	16
Июль 1646 – август 1647	Передняя	2200	1540	1320	6600	22
Сентябрь 1647 – март 1648	Передняя	1200	760	640	3360	12
1644/45	Задняя	2470	1680	1330	7160	19
Сентябрь 1645 – апрель 1646	Задняя	2340	1440	1260	6480	18
Ноябрь 1646 – март 1647	Задняя	1200	840	720	3600	12
Октябрь 1647 / апрель 1648	Задняя	1200	770	650	3390	12

Примечание. * В каждой артели по два водолея.

Таблица 5

**Годовые заработки работников в Тотемском соляном промысле
Спасо-Прилуцкого монастыря, в деньгах**

Год	Варница	Повар и подварок	Водолей*	Тщаник	Пескарь	Дровоз	Вся артель	Количество поварных недель
1645/46	Харламовская	3972	1578	1122	658	562	12626	33
1646/47	Харламовская	3976	1635	1156	662	570	12904	39
1647/48	Харламовская	2628	1074	720	430	306	8380	30
1648/49	Харламовская	3200	1320	864	496	490	10330	35
1649/50	Харламовская	1500	630	390	210	240	4860	15
1645/46	Средняя	3504	1392	960	580	506	11118	29
1646/47	Средняя	2788	1148	798	464	374	9016	28
1647/48	Средняя	2896	1178	796	480	350	9234	33
1648/49	Средняя	3168	1302	858	490	508	10232	35
1649/50	Средняя	2508	1054	650	352	336	8062	25
1645/46	Сосновка	4290	1708,5	1214	711	637	13686	37
1646/47	Сосновка	3860	1586	1118	644	560	12526	38
1647/48	Сосновка	2100	858	576	344	224	6676	24
1648/49	Сосновка	3480	1436	938	532	540	11234	38
1649/50	Сосновка	2904	1220	754	406	416	9360	29
1645/46	Новая	4116	1652	1164	686	608	13182	35
1646/47	Новая	3684	1515	1044	610	531	11929	36
1647/48	Новая	2972	1214	820	492	366	9506	34
1648/49	Новая	1792	734	496	280	286	5790	21
1649/50	Новая	3000	1260	780	422	416	9658	30

Примечание. * В каждой артели по четыре водолея.

Таким образом, для работников солеварен в годы действия соляной пошлины сложилась крайне неблагоприятная конъюнктура, заключавшаяся в сокращении:

- а) возможности получить работу;
- б) количества оплачиваемых рабочих дней;
- в) оплаты труда.

В Уне и Соли Вычегодской даже к началу 1650-х гг. стоимость наемного труда в солеваренном производстве и на заготовке дров оставалась сниженной, тогда как в Тотеме дореформенные показатели восстанавливаются довольно быстро. В Унском промысле монастырь увеличивает производство соли, по-видимому, беря по договору на время третью варницу (которая тем не менее является скрытой, поскольку не указана в книгах за 1646–1648 гг., но названа уже в 1649 г.), а также повышая интенсивность труда.

Обозначенные тенденции демонстрируют особенности управления формирующихся комплексов ранней промышленности, локальных рынков товаров и труда в Московском государстве в середине XVII в. Цены на товары, в том числе соль, оказывались чувствительнее там, где существовала конкурентная ситуация (несколько крупных поставщиков) и острее ощущалась малейшая дестабилизация системы, например на рынке Соли Вычегодской, где конкурировали солеварни Строгановых и нескольких монастырей. Там же, где рынок оказывался под контролем одного крупного производителя и/или поставщика — таковым для Тотьмы являлся Спасо-Прилуцкий монастырь, — цены могли становиться инструментом сокращения потерь для монополиста (но не для остальных участников рынка). При этом прямой корреляции между стоимостью труда солеваров и ценами на соль на одном и том же локальном рынке выявлено не было.

В этой системе можно говорить, что если в благополучные годы наибольшую выгоду получали специалисты более высокого уровня, то в кризисное время именно они оказывались в наиболее уязвимом положении, теряя существенную часть дохода при большом сужении предложений на рынке труда. Дрововозы и пескарь как наименее профессиональные работники, вполне могли найти для себя замену места заработка, не обязательно связанного с солеварнями. Такое положение уравнивает их с другими работниками-поденщиками, чей труд ценился низко, но найти работу для них было относительно легко даже в кризисное время. Наиболее устойчивыми в этой системе оказывались те работники, которые, с одной стороны, обладали определенным опытом и навыками, с другой, отличались выдающимися физическими данными, что давало им возможность легко найти и другую работу сходного типа. Вероятно, эта комбинация делала водолеев и тцанника наиболее конкурентноспособными кандидатами при сокращении спроса на квалифицированные рабочие руки.

Описанные производственные комплексы и инструменты управления ими, а также сложившиеся к этому времени локальные рынки обнаруживают сложную многоуровневую структуру, характерную, по-видимому, для всей российской раннемодерной экономики. С одной стороны, она заключала в себе архаические принципы взаимодействия участников на основе моральной экономики, или экономики дара: представления о справедливости, выражавшиеся, например, в доплатах за трудные условия работы, заключение сделок на основе внеэкономических факторов (разные цены на одинаковый товар, проданный в одно время, но разным покупателям, оплата труда выдачей произведенной продукции, раздача соли «в почесть» официальным лицам, что снижало ее естественный объем на рынке и т. п.). С другой стороны, уже возникли элементы и институции экономики капитала, ярко проявившиеся в условиях возникшего кризиса и отразившиеся в существенных колебаниях как цен на готовую продукцию, затронутую новыми принципами налогообложения, так и связанные с ними сферы труда.

- ¹ Черкасова М. С. Спасо-Прилуцкий монастырь в XVI–XVII вв.: экономика, демография, культура. Вологда: Древности Севера, 2022.
- ² См., например: Allen R. The British Industrial Revolution in Global Perspective. Cambridge, 2009; Фрис Я. де. Революция трудолюбия; потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней. М.: Дело РАНХиГС, 2016.
- ³ Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке: к вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957.
- ⁴ Корчмина Е. С. Поденные заработки чернорабочих и цены в Москве и Тобольске в XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2020. Вып. 1 (66). С. 71–82.
- ⁵ Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001.
- ⁶ Подробный источниковедческий анализ различных частей комплекса дан в: Дадькина М. М. 1) Книги 1640-х гг. Сольвычегодского соляного промысла Спасо-Прилуцкого монастыря: кодикологическое исследование // История. 2017. Т. 8; № 5(59); 2) Приходо-расходные книги старца Арсения: кодикологический детектив в декорациях Смутного времени // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2020. С. 131–133; 3) Монастырское делопроизводство кануна Петровских реформ: локальные практики // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 132–134; 4) Три загадки монастырского архива: Соляная реформа 1646 г. и ее влияние на делопроизводственную практику монастырских соляных промыслов // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Нижний Новгород, 2017. С. 122–124.
- ⁷ Важно подчеркнуть, что в течение выбранного для анализа периода не происходило изменения содержания и стоимости рубля и его фракций, поэтому при расчетах и построении таблиц (и графиков в презентации) приведены абсолютные цены на труд и готовую продукцию.
- ⁸ Данное явление было отмечено исследователями ранее (см.: Крайковский А. В. Цены на соль в России в 1630–1659-х гг. // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ. СПб., 2001. С. 73–99). Однако нельзя принять версию автора о якобы подпольной необлагаемой пошлиной торговле монахов в Тотьме как объяснению низкой цены, тем более что никаких фактов в пользу такой гипотезы автором не приведено и не выявлено в источниках.
- ⁹ О роли символического капитала и мягкого господства в повседневных экономических практиках см.: Бурдьё П. Практический смысл. С. 220–226, 252–253.
- ¹⁰ Такая практика фиксируется в книгах 1610-х гг. для всех промыслов данного монастыря, о ее распространенности в предшествующем столетии в солеваренных промыслах Соловецкого монастыря упоминает А. Савич (см.: Савич А. А. Соловецкая вотчина в XV–XVII вв.: Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на Крайнем Севере и в древней Руси. Пермь, 1927).
- ¹¹ Последнее обстоятельство стоит также принимать в расчет, когда идет речь о так называемой устойчивости цен: малое количество монет в обращении в известной степени сдерживало инфляцию в Московском государстве, сглаживая возникавшие кризисные колебания.
- ¹² В книгах Вычегодского промысла учет велся за две недели.
- ¹³ Учитывая указанные уже в источнике объемы годовой выварки соли, получим немного иные данные о продолжительности поварной недели — 7–8 дней — и о количестве возможных рабочих недель в году — до 44 (что, впрочем, маловероятно, поскольку в течение года варницы хотя бы раз останавливали для короткого ремонта протекшего црена).
- ¹⁴ Там же. Л. 85.
- ¹⁵ Там же.

References

- ALLEN R. *The British Industrial Revolution in Global Perspective*. Cambridge, 2009.
- BOURDIEU P. *Prakticheskii smysl* [Practical meaning. In Russ.]. St. Petersburg: Aleteia, 2001.
- CHERKASOVA M. S. *Spaso-Prilutskii monastyr' v XVI–XVII vv.: ekonomika, demografiia, kul'tura* [Spaso-Prilutsky Monastery in the 16th–17th centuries: economics, demography, culture. In Russ.]. Vologda: Drevnosti Severa, 2022.
- DADYKINA M. M. *Knigi 1640-h gg. Sol'vychegodskogo solyanogo promysla Spaso-Prilutskogo monastyria: kodikologicheskoe issledovanie* [Account Books of Spaso-Prilutsky Monastery's Salt Enterprise at Sol Vychehodskaya of the 1640s: Codicological Study. In Russ.] // *Istoriya*. 2017. Vol. 8, iss. 5 (59). URL: <https://history.jes.su/s207987840001874-0-1/> (date of access 15.06.2024).
- DADYKINA M. M. *Monastyrskoe deloproizvodstvo kanuna petrovskikh reform: lokal'nye praktiki* [Monastic record keeping on the eve of Peter's reforms: local practices. In Russ.] // *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny v sovremennom nauchnom znanii*. Moscow: IVI RAN, 2018. P. 132–134.
- DADYKINA M. M. *Prikhodo-rashodnye knigi startsa Arseniia: kodikologicheskii detektiv v dekoratsiakh Smutnogo vremeni* [Elder Arseny's income and expenditure books: a codicological detective story in the setting of the Time of Troubles. In Russ.] // *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny v sovremennom nauchnom znanii*. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 2020. P. 31–133.
- DADYKINA M. M. *Tri zagadki monastyrskogo arkhiva: Solianaia reforma 1646 g. i ee vliianie na deloproizvodstvennuiu praktiku monastyrskikh solianykh promyslov* [Three mysteries of the monastery archive: The salt reform of 1646 and its impact on the record-keeping practice of the monastic salt trades] // *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny v sovremennom nauchnom znanii*. Nizhnij Novgorod: Nacional'nyj issledovatel'skij Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet im. N. I. Lobachevskogo, 2017. P. 122–124.
- KORCHMINA E. S. *Podennye zarabotki chernorabochikh i tseny v Moskve i Tobol'ske v XVIII v.* [Daily wages of laborers and prices in Moscow and Tobolsk in the 18th century. In Russ.] // *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 2020. Vol. 1 (66). P. 71–82.
- KRAIKOVSKI A. V. *Tseny na sol' v Rossii v 1630–1659-kh gg.* [Salt prices in Russia in the 1630–1659s. In Russ.] // *Istochnik. Istorik. Istoriia*. St. Petersburg, 2001. P. 73–99.
- SAVICH A. A. *Solovetskaia votchina v XV–XVII vv.: Opyt izucheniia khoziaistva i sotsial'nykh otnoshenii na Krainem Severe i v drevnei Rusi* [Patrimony of the Solovetsky Monastery in the 15th–17th centuries: Experience in studying the economy and social relations in the Far North and in ancient Rus'. In Russ.]. Perm': Ob-vo ist., filos. i sotsial'nykh nauk pri Permskom gos. un-te, 1927.
- USTYUGOV N. V. *Solevarenaia promyshlennost' Soli Kamskoi v XVII veke: k voprosu o genezise kapitalisticheskikh otnoshenii v russkoi promyshlennosti* [Salt production industry of Kama Salt in the 17th century: on the question of the genesis of capitalist relations in Russian industry. In Russ.]. Moscow: Akademia Nauk SSSR, 1957.
- VRIES J. de. *Revolutsiia trudoliubiia; potrebitel'skoe povedenie i ekonomika domokhoziaistva s 1650 goda do nashikh dnei* [The Industrious Revolution: Consumer Behavior and the Household Economy, 1650 to the Present. In Russ.]. Moscow: Delo RANHIGS, 2016.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. М. Дадькина. Оплата труда работников-солеваров и цены на соль в годы Соляной реформы // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 59–73

Аннотация: В статье на основе приходо-расходных книг соляных промыслов Спасо-Прилуцкого монастыря рассмотрены управленческие решения, принимавшиеся монастырскими старцами, управлявшими промыслами в условиях кризиса, спровоцированного соляной реформой Алексея Михайловича. Прослежена динамика цен на соль на локальных рынках Тотьмы и Соли Вычегодской в эти годы, а также ее соотношение с уровнем оплаты труда наемных работников-солеваров. Показано, что в сложных условиях при неблагоприятной конъюнктуре цены оказывались чувствительнее там, где уже сформировались локальные рынки и острее ощущалась малейшая дестабилизация системы. Наблюдения за динамикой стоимости труда в годы соляного кризиса позволило понять, как распределялся коэффициент устойчивости заработка в зависимости от специализации и степени профессиональной подготовки. Наиболее уязвимой категорией работников оказывались узкие специалисты-профессиона-

лы, для которых изменение конъюнктуры рынка в неблагоприятную сторону было критическим. При этом прямой корреляции колебаний заработков работников с уровнем цен на локальных рынках выявлено не было, что обнаруживает сложную многоуровневую и внутренне противоречивую структуру российской раннемодеิร์น экономики. Она одновременно заключала в себе архаические принципы взаимодействия участников на основе моральной экономики, или экономики дара, с одной стороны, и уже возникшие элементы и институции экономики капитала, ярко проявившиеся в условиях возникшего кризиса.

Ключевые слова: соляные промыслы, трудовые ресурсы, Спасо-Прилудский монастырь, Московское государство, рынок, управленческие решения, протопромышленность, кризис, Соляная реформа, раннее новое время.

FOR CITATION

M. M. Dadykina. Wages of salt-workers and salt prices during the years of the Salt Reform // Petersburg historical journal, no. 3, 2024, pp. 59–73

Abstract: The article, which is based on the account books of the salt enterprises of the Spaso-Prilutsky Monastery, examines the management decisions made by the monastery elders who were in charge of the enterprises during the period of crisis that was caused by the salt reform of Alexei Mikhailovich. The evolution of salt prices in the local markets of Tot'ma and Sol Vychegodskaya during this period is examined, as well as its correlation with the remuneration of hired salt workers. It can be argued that in challenging circumstances and an unfavourable market environment, prices proved to be more susceptible to fluctuations where local markets had already established themselves, with the slightest disruption to the system having a more pronounced impact. The analysis of workers' earnings reveals the existing differentiation of sustainability for specialists of different categories. Those most vulnerable to the vicissitudes of the local labour market were the narrowly specialised professionals, for whom a deterioration in the local labour market could have catastrophic consequences. Conversely, no direct correlation was identified between fluctuations in workers' earnings and price fluctuations in local markets. This finding highlights the multi-level and internally contradictory structure of the Russian early modern economy.

Keywords: salt enterprises, labor sources, Spaso-Prilutskij Monastery, Moscow State, market, management decisions, proto-industry, crisis, Salt Reform, early modern times.

Автор: Дадькина, Маргарита Михайловна — к. и. н., доцент департамента истории, старший научный сотрудник Лаборатории визуальной истории, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Dadykina, Margarita Mikhaylovna — PhD in History, Associate Professor, Department of History, Senior Research Fellow, Laboratory for Visual History, National Research University "Higher School of Economics" (NRU HSE) (St. Petersburg, Russia).

E-mail: mdadykina@hse.ru

А. Л. Грязнов, А. Н. Гуслистова

Торговая компания вологжан Мериновых на Сухоно-Двинском речном пути в XVII в.

Одной из важнейших транспортных артерий Московского государства XVI–XVII вв. был Сухоно-Двинский речной путь. В торговлю по нему уже в XV в. были вовлечены не только жители расположенных по берегам Сухоны и Двины городов и волостей, но и купцы и монастыри из других регионов. Если сведения о Сухоно-Двинском пути в XV и XVI вв. сосредоточены в основном в актовом материале и фрагментарны, то XVII в. представлен значительным корпусом источников, который позволяет детально рассмотреть различные аспекты функционирования этого речного торгового пути.

В первую очередь к таким источникам относятся таможенные книги Вологды, Тотьмы, Великого Устюга, Соли Вычегодской, Яренска, Холмогор, Архангельска. К настоящему времени их сохранилось около сотни¹.

Вторая группа источников — писцовые и переписные книги. В них зафиксирован состав городского населения с указанием социального статуса, родственных связей, профессии. Кадастры позволяют идентифицировать упоминаемые в таможенных книгах персоналии.

Еще одной важной группой источников являются акты XVII в., связанные с деятельностью горожан. Они дополняют сведения таможенных книг и городских кадастров, но, как правило, в них упоминается довольно ограниченный круг лиц.

Хотя по самой Вологде сохранилась только половина таможенной книги за 1634/35 г. (с сентября по февраль)² и выпись по отдельным сделкам за полугодие 1662/63 г.³, вологжане упоминаются в таможенных книгах других городов Сухоно-Двинского речного пути⁴.

Сохранившиеся по Вологде кадастры дают сведения обо всех поколениях вологжан, живших в XVII в. В хронологическом порядке это: дозорная 1617 г.⁵, писцовая 1626–1628 гг.⁶, переписная 1646 г.⁷, переписная 1678 г.⁸, писцовая 1685–1686 гг.⁹, переписная 1711 г.¹⁰ К кадастрам примыкает еще несколько источников, в которых перечисляется все посадское население города. Например, это сметная роспись 1657 г.¹¹, по которой проводилась ревизия оружия, находящегося на руках у жителей города, от пищалей и сабель до топоров и копий. В именных книгах¹² посадские люди разбиты по сорокам (своеобразным городским районам), а внутри них ранжированы в соответствии со своим социальным статусом.

Среди актов, относящихся к деятельности вологжан, — купчие на жилую и коммерческую недвижимость, договора подряда, судные дела, завещания и рядные грамоты.

Весь этот комплекс источников позволил создать просопографическую базу вологжан, содержащую сведения более чем о шести тысячах жителей города XVII в.

Термин «семейные торговые компании» на Руси не употреблялся, но само явление в XVII в. прослеживается на доступных нам материалах. Самый известный пример семейной торговой компании — это дом Строгановых. Сотни таких же предприятий, только меньших масштабов, действовали во всех городах Московского государства. Несколько десятков из них базировались в Вологде. Часть таких компаний вели настолько масштабную деятельность, что их представители зачислялись в привилегированные торговые корпорации гостей, Гостиною и Суконную сотни и переводились в Москву. Компании второго порядка оставались в Вологде.

Структура таких компаний была вполне традиционна и основывалась на родственных связях. Самый распространенный вариант — когда главой предприятия являлся отец, а его помощниками выступали взрослые сыновья. Смерть главы семейства приводила к новой конфигурации, когда партнерами становились братья. Позднее к деятельности привлекалось следующее поколение, и тогда главой выступал дядя, а младшими партнерами — его дети и племянники. Если предприятие продолжало существовать в следующем поколении, то в его рамках вели деятельность двоюродные братья. С ослаблением родственных связей разные ветви обособлялись в отдельные компании, вступали в партнерские отношения с другими семьями, какие-то линии пресекались или разорялись. Неотъемлемой частью торговой компании было использование различных наемных работников (приказчиков, вожжей и др.) и партнерские отношения (зачастую долгосрочные) с другими семейными компаниями или самостоятельными торговцами.

Одной из таких семейных торговых компаний была семья Мериновых, отличительной особенностью которой была частота упоминаний в таможенных книгах. С 1624 по 1655 г. представители этой фамилии фигурируют в таможенных

книгах несколько десятков раз. Это обстоятельство требует в первую очередь обратиться к реконструкции генеалогии Мериновых.

В приходо-расходных книгах Соловецкого монастыря среди контрагентов духовной корпорации упоминается Иван Меринов. Первый раз это происходит в 1587/86 г.¹³ Другие упоминания Ивана относятся к 1604/5 и 1610/11 гг. Промежуток в более чем 20 лет между крайними датами упоминаний позволяет предположить, что в данном случае речь могла идти об отце и сыне.

По дозорной книге 1617 г. старшим в семье назван Андрей Меринов, записанный вместе с племянниками Третьяком и Василием в категорию «середних»¹⁴. К 1627 г. семью возглавил Семен Меринов, который жил в одном дворе с другим крупным предпринимателем — Богданом Щелкуновым¹⁵. В таможенных книгах 1620–1630-х гг. упоминаются Михаил Андреев, Никита, Ларион, Третьяк и Семен Ивановы и Ермола Третьяков.

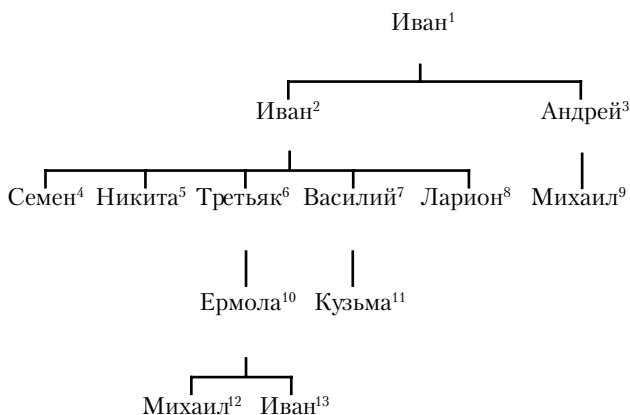
Обширный список представителей верхушки вологодского посада содержится в мирском приговоре от 18 октября 1654 г. о создании церкви Всемилоствитого Спаса. В общей сложности этот приговор подписало более двухсот человек, принадлежавших к самым видным семьям города. В начальной части этого документа назван Кузьма Меринов¹⁶. Его же имя находим в сметной росписи 1657 г. среди жителей Мироносицкого сорока¹⁷. Причем Кузьма Меринов записан четвертым по счету, после Семена Курочкина, Андрея Окошничикова и Алексея Щелкунова (все трое позднее будут зачислены в состав Гостиной сотни), что говорит о его высоком социальном статусе. Подкрепляет это предположение упоминание в одном из актов о том, что в 1656/57 г. Кузьма Меринов был земским ларечным целовальником (ведавшим финансами вологодского посада)¹⁸. В переписной книге 1678 г. на Вознесенской улице упомянуто дворовое место «Куземки Меринова, а ныне он, Куземка, в попех служит в селе Фрязинове»¹⁹.

Во всех этих источниках Кузьма называется без отчества. Однако ключом к установлению его родства может послужить расположение дворового места Кузьмы на Вознесенской улице. В переписной 1646 г. обращают на себя внимание живущие в конце Вознесенской улицы, в том же месте, где позднее, по переписной 1678 г. располагалось дворовое место Кузьмы Меринова, «двор посадцкого человека Васки Иванова сына Миронова с сыном с Кузкою, рыбаики»²⁰. Очевидно, что в обоих случаях идет речь о представителях семьи Мериновых. В таком случае Кузьма Меринов оказывается сыном Василия Иванова с. Меринова, который хорошо знаком источникам первой трети XVII в. Ценно указание на профессиональное занятие отца и сына Мериновых — рыбаики. В контексте сведений вологодских кадастров это значит, что они были торговцами рыбой.

Информация переписной книги 1678 г. о том, что Кузьма служит попом, а его двор перешел в статус места дворового, свидетельствует о том, что живых потомков у него на тот момент уже не было, а значит, с его смертью эта линия Мериновых пресеклась.

К другой линии Мериновых принадлежал двоюродный брат Кузьмы Ермола Третьяков сын Меринов. По переписной книге 1646 г. он вместе с отцом проживал в самом престижном районе города — на Мироносицком берегу²¹. Через десять лет, в сметной росписи 1657 г., Ермола записан с сыном Михаилом²². В сметных росписях за 1667 и 1668 гг. среди жителей Мироносицкого сорока упоминается Иван Ермолов с. Меринов²³, очевидно, младший сын Ермолы. В более поздних источниках фамилия Мериновых не встречается. В результате выстраивается родословная семьи Мериновых (см. схему).

Родословная Мериновых

В качестве крупных торговцев семья Мериновых известна с конца XVI в. В приходо-расходных книгах Соловецкого монастыря за 1587/88 г. отмечена продажа партии соли весом 520 пудов вологжанину Ивану Меринову²⁴. В 1604/5 г. соловецкие старцы продали ему 33 рогожи (947 пудов)²⁵, а в 1610/11 г. ему продана партия соли весом почти 28 т (1730 пудов)²⁶. Кроме того, не исключено, что в соловецких бухгалтерских документах последней четверти XVI в. Иван Меринов скрывается под именем Ивана Вологжанина²⁷, так же как упоминается Андрей Вологжанин²⁸, который мог быть братом Ивана — Андреем Мериновым.

В дозорной книге 1617 г. главой семьи назван Андрей Меринов. Вместе с племянниками Третьяком и Василием он отнесен к категории «средних». Как и у других богатейших вологжан того времени, у Мериновых была усадьба на Мироносицком берегу и осадный двор в Городе²⁹. В следующем, 1618 г., младший из Мериновых — Василий, занимал пост земского целовальника и возглавлял группу виднейших вологжан, добивавшихся утверждения результатов дозора вологодского посада³⁰. В писцовой книге 1626–1628 гг. Андрей Меринов не упоминается (по всей видимости, к тому времени он уже умер), а главой семьи называется Семен Меринов. Осадный двор в Городе фактически

не используется, а Мериновы живут на посаде³¹. Причем особенностью писцовой книги является то, что в некоторых дворах в ней показано два, три или даже четыре жильца. Одним из таких дворовладений была усадьба Мериновых³². Таким образом, по мнению составителей писцовой книги, Семен Меринов жил в одном дворе с другим крупным предпринимателем — Богданом Щелкуновым и еще двумя посадскими людьми³³. На этой же Мироносицкой улице в компании с тремя бобылями отдельным двором жил Третьяк Меринов³⁴. Еще один осадный двор в Городе используется, видимо, старшим из братьев — Никитой, причем указано, что он работает ярыжным на судах³⁵.

Из коммерческой недвижимости в писцовой книге 1626–1628 гг. у Мериновых зафиксировано только лавочное место в Серебряном ряду³⁶. Очевидно, что, по крайней мере, в это время розничная торговля в городе не входила в сферу интересов этой семьи, а основным направлением деятельности была транспортировка грузов и, вероятно, оптовые поставки широкого ассортимента товаров. Во всяком случае, во всех таможенных книгах городов Сухоно-Двинского пути первой половины XVII в. Мериновы фигурируют очень часто. В их распоряжении было несколько судов разной грузоподъемности, а зимой снаряжались караваны из нескольких десятков саней. В таможенных книгах упоминаются Михаил Андреев, Никита, Ларийон, Третьяк и Семен Ивановы и Ермола Третьяков, обычно выступавшие как самостоятельные предприниматели. Но в нескольких случаях члены семьи действуют вместе. Например, в ноябре 1628 г. через Тотьму в Вологду ехали Семен Иванов и Ермола Третьяков³⁷, а в марте 1630 г. Семен ехал через Тотьму вместе с Третьяком³⁸.

Судя по таможенным книгам, Мериновы не только перевозили свой товар, но и предоставляли услуги по доставке партий чужих товаров и перевозке других купцов. В некоторых случаях на дощаниках Мериновых плавало до полутора десятков купцов и их приказчиков со своими товарами. Причем услугами компании Мериновых пользовались не только мелкие и средние торговцы, но и представители привилегированных купеческих корпораций и иностранные предприниматели.

Видимо, какими-то хозяйственными отношениями со Строгановыми был связан Никита Меринов. В июне 1613 г. Никите Строганову по его челобитью выдана грамота на вологжан посадских людей на Никиту Меринова с товарищи и на уездных крестьян об управе³⁹, а в 1615 г. Никита Иванов с. Меринов взял в казне вологодского архиепископа деньги, занятые сотрудниками архиерейской кафедры на Москве у приказчика Козьмы Строганова⁴⁰. Большой блок сведений относится к связям Никиты Меринова с иноземными купцами. В 1626/27 г. он назван приказчиком голландца Петра Петрова⁴¹, в 1627/28 г. проводил товар голландца Андрея Петрова⁴², а в следующем году предъявлял документы на тотемской таможе уже как приказчик Карла де Мулина⁴³. По таможенной книге 1634/35 г. Никита Меринов плыл на своем дощанике из Холмогор через Устюг, а с ним в Вологду плыли четверо иноземных купцов⁴⁴.

Немного иной была специализация Третьяка и Лариона. По Двинской таможенной книге 1629/30 г., они перевозили товары московских купцов Алексея Рагозина и гостя Смирного Судовщикова, а также медь и ядра, принадлежавшие голландцу Томасу Романову Сфану. В мае 1635 г. дощаник Третьяка Меринова был нанят властями Кирилло-Белозерского монастыря для перевозки соли из Устюга в Вологду⁴⁵. В мае 1632 г. Третьяк в составе большой группы вологодских и костромских купцов двумя лодьями перевозил государев хлеб⁴⁶.

Таким образом, компания Мериновых играла важную роль в рамках функционирования Сухоно-Двинского речного пути. От оптовых закупок соли они, судя по всему, перешли к созданию собственного речного флота и в партнерстве с еще несколькими семьями вологодских купцов занимались предоставлением широкого спектра услуг в сфере транспортировки грузов.

Благодаря сопоставлению таможенных книг первой половины 1630-х гг. удастся выявить одну важную деталь в организации торговой компании Мериновых. В великоустюжских таможенных книгах регулярно упоминается вологжанин Прокофий Федоров с. Акишев. Он арендует в Великом Устюге амбар и регулярно привозит разнообразный товар из Вологды. В устюжской таможенной книге за 1634/35 год в одной статье с Прокофием Акишевым помещены сделки другого вологжанина — Семена Меринова. Таможенники поступали так в тех случаях, когда купцы вели операции вместе. Подтверждает эту связь итоговая запись в этой статье: «...а за отвозом у Семена Меринова и у Прокофья Федорова осталось товару в продаже на четьреста на тритцеть на два рубли»⁴⁷. Из нее следует, что товар в арендованном амбаре принадлежал обоим купцам. Поскольку аренда амбара была оплачена и за следующий год, то сотрудничество Меринова и Акишева должно было быть продолжено и в дальнейшем.

В таможенной книге следующего года сообщается, что в апреле 1636 г. ярославец Роман Оглодаев явил шесть косяков костромского мыла Семена Меринова⁴⁸. Прокофий еще в феврале вместе с приказчиком вологжанина Семена Казакова уехал в Сибирь⁴⁹. То есть в это время операции в Устюге вел другой приказчик Мериновых. Дополняют сведения устюжских таможенных книг синхронные таможенные книги по Соли Вычегодской. В них тоже фигурирует Прокофий Федоров. 6 сентября 1634 г. он явил на продажу широкий ассортимент ткани, кож и другого товара общей стоимостью 121 руб.⁵⁰ 15 сентября 1634 г. Прокофий Акишев указан как проезжавший через Соль Вычегодскую⁵¹. 5 декабря он снова проезжает через этот город⁵², а 7 декабря Прокофий уже платит проезжие пошлины в Великом Устюге⁵³, что свидетельствует о том, что Прокофий прибыл в Соль Вычегодскую с восточного направления. Таможенная книга Соли Вычегодской за следующий год сообщает маршрут, по которому курсировал Прокофий из Устюга через Соль Вычегодскую, более определенно. Под 22 сентября он записан в группе из восьми купцов разных городов, проехавших через Соль Вычегодскую из Мангазеи «во шти обласех»⁵⁴. Значит, направлением Вологда — Тотьма — Великий Устюг — Соль Вычегодская его маршрут не ограничивался, а продолжался в Сибирь.

В устюжской таможенной книге товарищем Прокофия Акишева назван Калина Юрьев. В таможенных книгах он появляется с 1626 г. В декабре 1626 и июне 1628 г. это устюжанин, проехавший через Тотьму⁵⁵. В апреле 1634 г. Калина Юрьев назван товарищем Прокофия Акишева и сказано, что он привез из Вологды в Устюг товар на судне Спасо-Каменного монастыря⁵⁶, а уже в июле этого же года в этой же таможенной книге Калина Юрьев назван приказчиком Лариона Меринова⁵⁷. Прочную связь Калины Юрьева с компанией Мериновых показывает и запись в вологодской переписной книге 1646 г. По ней на Мироносицком берегу стоял двор вдовы Семена Меринова Марфицы, «а у ней живет бобыль Калинка Юрьев»⁵⁸.

Укрепляют предположение о том, что Прокофий Акишев работал в рамках семейной компании Мериновых и сведения, что летом 1634 г. груз Прокофию Акишеву в Устюг доставил Ермола Третьяков с. Меринов⁵⁹.

В сюжете связи Акишева с Мериновыми важна личность Прокофия Акишева. Судя по таможенным книгам первой половины 1630-х гг., он работал в нескольких регионах, оперировал суммами в несколько сотен рублей, имел партнеров среди других вологодских купцов и, таким образом, является вполне уважаемым предпринимателем. Однако в писцовой книге 1626–1628 гг. он предстает совсем в другом статусе. В районе Васильевской улицы упомянут «двор бобыля Пронки Федорова, <...> а Пронка делает черное дело»⁶⁰. То есть Прокофий в это время был настолько беден, что не мог быть полноценным тяглом, а его профессиональная деятельность заключалась в работе по найму. Учитывая масштаб деятельности Мериновых в 1620-е и 1630-е гг., вряд ли можно сомневаться, что Прокофий Акишев, бывший в 1627 г. еще бобылем, не мог в начале своей карьеры стать их равноправным деловым партнером⁶¹. Скорее всего, он был младшим партнером (или даже приказчиком), в задачи которого входили операции на периферийных рынках и дальние экспедиции за пределы Сухоно-Двинской речной магистрали.

Если в 1620–1630-е гг. Прокофий Федоров с. Акишев работал в рамках большого конгломерата, ядром которого была семейная компания Мериновых, то в середине — второй половине XVII в. мы видим, что он, по всей видимости, сосредоточился на городской торговле. В последний раз в таможенных книгах Прокофий упомянут в феврале 1651 г., когда он проехал из Вологды через Устюг в Соль Вычегодскую⁶². С чем могло быть связано такое изменение? Судя по переписной книге 1646 г., Семен и Ларион Мериновы умерли бездетными. Во всяком случае, владелицей родового двора на Мироносицкой улице показана вдова Семена Марфица⁶³. Отдельно продолжали жить Третьяк Меринов с сыном Ермолкой⁶⁴. Скорее всего, Третьяк вскоре умер, а через некоторое время компания Мериновых распалась. Во всяком случае, в 1650-х гг. никого из Мериновых в таможенных книгах обнаружить не удастся. Прокофий Акишев, судя по всему, к этому времени переориентировался на поставки рыбы непосредственно на вологодский рынок и вел торговые операции самостоятельно.

Сведения о деятельности компании Мериновых за середину — вторую половину XVII в. весьма отрывочны.

Самой значительной фигурой в это время был Кузьма Меринов. Он владел родовой усадьбой на Мироносицком берегу и в составе торгово-ремесленной элиты города подписал мирской приговор о строительстве и содержании Спасского храма. Маркером его значимости, компетентности и высокого авторитета является избрание на одну из высших должностей городского самоуправления. По сметной росписи 1657 г. он в числе самых авторитетных жителей Мироносицкого сорока, а из личного оружия у него указана сабля⁶⁵. Вроде бы картина хорошая, но есть важный момент — в сметной росписи у Кузьмы не указаны дети. Сведения переписной 1678 г. о том, что двор Кузьмы стоит пустым, а он сам служит в храме во Фрязиново, намекают на какую-то личную трагедию, возможно, связанную с моровым поветрием середины 1650-х гг. Во всяком случае, переход Кузьмы в священники не был вызван разорением, иначе он бы продал родовую усадьбу.

В середине XVII в. продолжалась и линия его двоюродного брата — Ермола Третьякова. Вместе с сыном Михаилом Ермола тоже упомянут в сметной росписи 1657 г., но не как самостоятельный тяглец, а в числе бобылей, живущих по подворьям⁶⁶. Учитывая, что в 1620–1630-е гг. Ермола вел значительные торговые операции в составе семейной компании, в данном случае мы можем предполагать разорение этой линии Мериновых. Причем, если не считать упоминание Ивана Ермолова в сметных росписях 1667 и 1668 гг., в дальнейшем ни в кадастрах, ни в таможенных книгах Мериновы больше не встречаются.

Судя по всему, в какой-то момент, вскоре после смерти старшего поколения Мериновых, основная часть активов их компании перешла к Прокофию Акишеву. В таком случае мы видим, с одной стороны, коллапс крупной торговой компании, ведшей свою историю еще с XVI в., а с другой, возможность социальных лифтов через работу приказчиком и переход к партнерским отношениям с другими купцами.

Систематизация сведений таможенных книг Сухоно-Двинского речного пути, а также писцовых и переписных книг Вологды XVII в. позволяет реконструировать генеалогию рода Мериновых, проследить участие представителей этой семьи в торговле солью со второй половины XVI в. К началу XVII в. это уже крупная семейная компания, ведущая операции на всем протяжении Сухоно-Двинского речного пути. Отличительной особенностью компании Мериновых была ориентация не на собственные торговые операции, а на владение крупным частным флотом и предоставление транспортных услуг другим крупным и мелким торговцам. В середине XVII в. семейная компания прекращает существование, а оставшиеся представители рода переходят в низшие слои вологодского посада.

- ¹ *Раздорский А. И.* 1) Таможенные и кабацкие книги XVII века в составе городских книг московских приказов в фондах РГАДА // Русское Средневековье: Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексева. М., 2012. С. 164–198; 2) Таможенные и кабацкие книги XVII–XVIII вв. в фонде Денежного стола Разрядного приказа // Археографический ежегодник за 2011 год. М., 2014. С. 391–411.
- ² Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг. Ч. 1–3. / Публ. Е. Б. Французовой. М., 1984.
- ³ *Грязнов А. Л.* Документы вологодской таможни 1663 г. // Очерки феодальной России. Вып. 18. М.; СПб., 2015. С. 359–380.
- ⁴ Таможенные книги Московского государства XVII века (далее — ТКМГ). Т. 1–3. М.; Л., 1950–1951; Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. (далее — ТКСП). Вып. 1–8. СПб., 2013–2019.
- ⁵ Писцовые и переписные книги Вологды XVII — начала XVIII века (далее — ППКВ). Т. 3. Вологда, 2018. С. 237–278.
- ⁶ ППКВ. Т. 3. С. 11–178.
- ⁷ ППКВ. Т. 1. М., 2008. С. 3–76.
- ⁸ Там же. С. 79–168.
- ⁹ Там же. С. 171–236.
- ¹⁰ ППКВ. Т. 2. М., 2008.
- ¹¹ ППКВ. Т. 3. С. 181–233.
- ¹² ППКВ. Т. 1. С. 239.
- ¹³ Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря. 1571–1600. М.; СПб., 2013. С. 498.
- ¹⁴ ППКВ. Т. 3. С. 248.
- ¹⁵ Там же. С. 169.
- ¹⁶ Старая Вологда. XII — начало XX в.: Сборник документов и материалов. Вологда, 2004. С. 124.
- ¹⁷ ППКВ. Т. 3. С. 226.
- ¹⁸ Государственный архив Вологодской области (далее — ГАВО). Ф. 1260. Оп. 2. Д. 1266.
- ¹⁹ ППКВ. Т. 1. С. 80.
- ²⁰ Там же. С. 4.
- ²¹ Там же. С. 67.
- ²² ППКВ. Т. 3. С. 227.
- ²³ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 210. Оп. 7а. Д. 1. Л. 38 об., 544.
- ²⁴ Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря. С. 498.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. № 9. Л. 95 об. (документы подготовлены к печати Е. Б. Французовой).
- ²⁶ Там же. № 428. Л. 16.
- ²⁷ Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря. С. 125, 155, 474, 485, 507, 416. С. Н. Кистерев предложил несколько иных идентификаций Ивана Вологжанина, упоминаемого в соловецкой приходо-расходной книге 1583–1585 гг. (*Кистерев С. Н.* Приходо-расходная книга вологодской службы Соловецкого монастыря 1583–1585 гг. // Очерки феодальной России. Вып. 11. М.; СПб., 2007. С. 332–334).
- ²⁸ Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря. С. 473, 485.
- ²⁹ ППКВ. Т. 3. С. 248.
- ³⁰ Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. I. Акты 1587–1627 гг. С. 75 (подробнее об участниках составления челобитной 1618 г. см.: *Грязнов А. Л., Гуслистова А. Н.* Земское самоуправление в Вологде в первой трети XVII в. // Представительные институты в России в контексте европейской истории XV — середина XVII в. М., 2017. С. 209–216).
- ³¹ ППКВ. Т. 3. С. 95.
- ³² Там же. С. 169.

- ³³ В действительности у каждого обозначенного в писцовой книге тяглеца была собственная усадьба, отделенная от соседей забором (см.: *Андреянова Л. С., Грязнов А. Л.* Дворовладение в Вологде в XV — начале XVIII в. // Вестник Вологодского государственного университета. Сер. Исторические и филологические науки. 2020. № 2 (17). С. 18–19; *Башнин Н. В., Грязнов А. Л., Гуслистова А. Н.* Купчая на вологодский двор 1624 г. из собрания Slovanská knihovna // Вестник архивиста. 2024. № 2. С. 508–521).
- ³⁴ ППКВ. Т. 3. С. 169.
- ³⁵ Там же. С. 94.
- ³⁶ Там же. С. 52.
- ³⁷ ТКСП. Вып. 5. С. 83.
- ³⁸ ТКСП. Вып. 6. С. 73.
- ³⁹ Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994. С. 204.
- ⁴⁰ Хозяйственные книги Вологодского архиерейского дома Святой Софии XVII — начала XVIII в. М.; СПб., 2018. С. 83.
- ⁴¹ ТКСП. Вып. 3. С. 95.
- ⁴² ТКСП. Вып. 4. С. 165.
- ⁴³ *Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI — начала XVII в. (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет). Вып. 3. М., 1999. С. 124.
- ⁴⁴ ТКСП. Вып. 1. С. 204.
- ⁴⁵ Там же. С. 219.
- ⁴⁶ ТКСП. Вып. 8. С. 316.
- ⁴⁷ ТКСП. Вып. 1. С. 23.
- ⁴⁸ ТКМГ. Т. 1. С. 158. В предыдущем году Оглодаев привозил в Устюг как самого Семена Меринова, так и его товар (ТКСП. Вып. 1. С. 23).
- ⁴⁹ ТКМГ. Т. 1. С. 178.
- ⁵⁰ Там же. С. 312.
- ⁵¹ Там же. С. 325.
- ⁵² Там же. С. 327.
- ⁵³ ТКСП. Вып. 1. С. 21.
- ⁵⁴ ТКМГ. Т. 1. С. 388.
- ⁵⁵ ТКСП. Вып. 3. С. 61; Вып. 4. С. 114.
- ⁵⁶ ТКМГ. Т. 1. С. 34.
- ⁵⁷ Там же. С. 120.
- ⁵⁸ ППКВ. Т. 1. С. 66.
- ⁵⁹ ТКМГ. Т. 1. С. 34.
- ⁶⁰ ППКВ. Т. 3. С. 165.
- ⁶¹ Материальное положение Прокофия было связано с тем, что его отец умер в 1612/13 г., не оставив сколь-либо значимых материальных активов (*Грязнов А. Л.* Торговая компания Акишевых в XV–XVIII вв. // Хозяйственные книги Вологодского архиерейского дома Святой Софии XVII — начала XVIII в. М.; СПб., 2018. С. 795–802).
- ⁶² ТКМГ. Т. 2. С. 41.
- ⁶³ ППКВ. Т. 1. С. 66.
- ⁶⁴ Там же. С. 67.
- ⁶⁵ ППКВ. Т. 3. С. 226.
- ⁶⁶ Там же. С. 227.

References

- ANDRIANOVA L. S., GRYAZNOV A. L. *Dvorovladieniye v Vologde v XV — nachale XVIII v.* [Homesteads in Vologda in the 15th — early 18th centuries. In Russ.] // *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser.: Istoricheskiye i filologicheskiye nauki. 2020. No. 2 (17). P. 18–19.
- BASHNIN N. V., GRYAZNOV A. L., GUSLISTOVA A. N. *Kupchaya na vologodskiy dvor 1624 g. iz sobraniya Slovanská knihovna* [Kupchaya for the Vologda court in 1624 from the collection of Slovanská knihovna. In Russ.] // *Vestnik arkhivista*. 2024. No. 2. P. 508–521.
- GRYAZNOV A. L. *Dokumenty vologodskoy tamozhni 1663 g.* [Documents of the Vologda customs in 1663. In Russ.] // *Ocherki feodal'noy Rossii*. Vyp. 18. Moscow; St. Petersburg, 2015. P. 359–380.
- GRYAZNOV A. L. *Torgovaya kompaniya Akishevyykh v XV–XVIII vv.* [The Akishev trading company in the 15th–18th centuries. In Russ.] // *Khozyaystvennyye knigi Vologodskogo arkhierейского doma Svyatoy Sofii XVII — nachala XVIII v.* Moscow; St. Petersburg, 2018. P. 795–802.
- GRYAZNOV A. L., GUSLISTOVA A. N. *Zemskoye samoupravleniye v Vologde v pervoy treti XVII v.* [Zemstvo self-government in Vologda in the first third of the 17th century. In Russ.] // *Predstavitel'nyye instituty v Rossii v kontekste yevropeyskoy istorii XV — serediny XVII v.* Moscow, 2017. P. 209–216.
- Khozyaystvennyye knigi Vologodskogo arkhierейского doma Svyatoy Sofii XVII — nachala XVIII v.* [The economy books of the Vologda archbishop house of St Sofia in 17th — early 18th century. In Russ.]. Moscow; St. Petersburg, 2018.
- KISTEREV S. N. *Prikhodo-rashkodnaya kniga vologodskoy sluzhby Solovetskogo monastyrya 1583–1585 gg.* [The parish and expense book of the Vologda service of the Solovetsky Monastery 1583–1585. In Russ.] // *Ocherki feodal'noy Rossii*. Vyp. 11. Moscow; St. Petersburg, 2007. P. 332–334.
- Pistsovyye i perepisnyye knigi Vologdy XVII — nachala XVIII veka* [Scribal and census books of Vologda of the 17th — early 18th century. In Russ.]. Vol. 3. Vologda, 2018.
- Prikhodo-rashkodnyye knigi Solovetskogo monastyrya. 1571–1600* [The parish and expense book of the Solovetsky Monastery 1571–1600. In Russ.]. Moscow; St. Petersburg, 2013.
- RAZDORSKIY A. I. *Tamozhennyye i kabatskiye knigi XVII veka v sostave gorodovyykh knig moskovskikh prikazov v fondakh RGADA* [Customs and tavern books of the 17th century as part of the city books of Moscow orders in the funds of the Russian State Archive of Ancient Documents. In Russ.] // *Russkoye Srednevekov'ye: Sbornik statey v chest' professora Yuriya Georgiyevicha Alekseyeva*. Moscow, 2012. S. 164–198.
- RAZDORSKIY A. I. *Tamozhennyye i kabatskiye knigi XVII–XVIII vv. v fonde Denezhnogo stola Razryadnogo prikaza* [Customs and tavern books of the 17th–18th centuries in the collection of the Monetary Table of the Discharge Order. In Russ.] // *Arkheograficheskiy yezhgodnik za 2011 god*. Moscow, 2014. S. 391–411.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А. Л. Грязнов, А. Н. Гуслистова. Торговая компания вологжан Мериновых на Сухоно-Двинском речном пути в XVII в. // *Петербургский исторический журнал*. 2024. № 3. С. 74–85

Аннотация: Статья посвящена изучению функционирования крупной вологодской семейной торговой компании Мериновых. Систематизация сведений таможенных книг Сухоно-Двинского речного пути, а также писцовых и переписных книг Вологды XVII в. позволяет реконструировать генеалогию рода Мериновых, проследить участие представителей этой семьи в торговле на всем протяжении Сухоно-Двинского речного пути — от Вологды до Архангельска. Самые ранние сведения о деятельности Мериновых обнаруживаются в источниках второй половины XVI в. Уже в это время они выступают крупными оптовыми покупателями соли, ведущими операции с Соловецким монастырем. К началу XVII в. это уже крупная семейная компания, в рамках которой действует два поколения рода. Отличительной особенностью компании Мериновых была ориентация не на собственные торговые операции на розничном рынке в Вологде, а на предоставление транспортных услуг другим крупным и мелким торговцам, как вологжанам, так и иногородним. Уверенно прослеживаются долговременные коммерческие отношения Мериновых с рядом иноземных купцов. На протяжении первой половины XVII в. Мериновы, судя по всему, обладали на Сухоне крупным частным флотом из примерно двух десятков речных судов различного водоизмещения. Есть сведения о функционировании представительства компании в Великом Устюге. В середине XVII в., после смерти третьего поколения Мериновых, семейная

компания прекращает существование, а оставшиеся представители рода переходят в низшие слои вологодского посада.

Ключевые слова: история России XVII в., торговля, купечество, Вологда, речной путь, таможенные книги, писцовые и переписные книги, генеалогия, просопография.

FOR CITATION

A. L. Gryaznov, A. A. Guslistova. Vologda Merinov Trading Company on the Sukhono-Dvinsky river route in the 17th century // *Petersburg historical journal*, no. 3, 2024, pp. 74–85

Abstract: The article presents a detailed analysis of the operations and activities of a prominent Vologda Merinov family-owned trading company. The systematization of data from the customs books of the Sukhono-Dvinsky river route and the census books of Vologda from the 17th century allows for the reconstruction of the genealogy of the Merinov family and the tracing of the participation of its representatives in trade along the Sukhono-Dvinsky river route, from Vologda to Arkhangelsk. The earliest evidence of the Merinovs' activities is found in sources from the second half of the 16th century. At that time, they were already engaged in large-scale wholesale purchases of salt, conducting transactions with the Solovetsky monastery. By the beginning of the 17th century, the family company had already expanded to encompass two generations. A distinctive feature of the Merinovs' company was its orientation towards the provision of transportation services to other large and small traders, both residents of Vologda and non-residents, rather than towards its own trading operations at the retail market in Vologda. The long-term commercial relations of the Merinovs with a number of foreign merchants are clearly discernible. During the first half of the 17th century, the Merinovs appear to have possessed a substantial private fleet on the Sukhona, comprising approximately two dozen river vessels of varying displacement. Information exists regarding the operation of the company's representative office in Velikiy Ustyug. Following the demise of the third generation of Merinovs in the mid-17th century, the family company ceased to exist, with the remaining members of the family subsequently assuming a position within the lower echelons of the Vologda town population.

Key words: the history of Russia in the 17th century, trade, merchants, Vologda, river route, customs books, scribe and census books, genealogy, prosopography.

Автор: Грязнов, Анатолий Леонидович — старший научный сотрудник, Научно-исследовательский центр «Древности» (Вологда, Россия).

Author: Gryaznov, Anatoly Leonidovich — senior researcher of the research center “Drevnosti” (Vologda, Russia).

E-mail: rubicon-2@yandex.ru

Автор: Гуслистова, Анна Николаевна — научный сотрудник, Научно-исследовательский центр «Древности» (Вологда, Россия).

Author: Guslistova, Anna Nikolaevna — research associate of the Research center “Drevnosti” (Vologda, Russia).

E-mail: annavalentina@mail.ru

С. А. Никонов

Строительство китобойного судна Беломорской компании «Граф Румянцев» (1804–1805 гг.)*

Географические открытия европейцев в Арктике в конце XVI — начале XVII в. имели одним из следствий начало китобойного промысла у берегов архипелага Шпицберген, островов Гренландия и Ян-Майен¹. Одновременно с этим острова и архипелаги Арктики осваивали русские промышленники Поморья, добывавшие тюленей и моржей больше на суше, чем в море. Основными районами промысла стали архипелаг Новая Земля, острова Вайгач и Колгуев².

Ситуация меняется в конце XVII в. Во время Великого посольства Петр I посетил Нидерланды, где познакомился с местными китобоями и увидел возвращение промысловой флотилии от берегов Шпицбергена³. Именно тогда появились первые проекты организации китобойного дела в России⁴, но их реализация оказалась отложена. Указом от 8 ноября 1723 г. объявлялось о создании китобойной компании на манер голландской Ост-Индской⁵, к участию в которой, помимо русских купцов, планировалось привлечь и иностранцев. Одним из сторонников учреждения купеческих компаний был князь И. А. Щербатов, обращавший внимание Петра на прибыльность рыболовных промыслов на Русском Севере⁶.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20047, <https://rscf.ru/project/24-28-20047/>. The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation and the Government of the Murmansk Region project no. 24-28-20047, <https://rscf.ru/project/24-28-20047/>.

Идея организации нового промысла не исчезала на всем протяжении XVIII в.⁷ Указ от 13 марта 1798 г. о дозволении жителям Колы вырубать леса для строительства мореходных судов предписывал «обратить внимание промышленников» на китобойный промысел⁸. Под руководством Адмиралтейств-коллегии следовало составить чертежи будущих китобойных судов и определить в Архангельской губернии места для верфей. Отклика у местных промышленников это предложение не вызвало.

Промысел китов стал одним из направлений Беломорской торговой компании, учрежденной в 1803 г. по инициативе власти и крупного купечества⁹. Главное правление компании находилось в Санкт-Петербурге, но вся практическая деятельность осуществлялась из Архангельска. Руководителем архангельской конторы 5 февраля 1804 г. был назначен Влас Ермолин¹⁰.

Для Ермолина заведывание делами компании было больше, чем ответственное поручение и возможность выбиться в верхи общества. Он имел собственные представления об организации дела. В частности, он настаивал на перспективности промыслов на Новой Земле, выдвигал идею развития китобойного промысла, был вдохновителем строительства судна «Граф Румянцев».

На рубеже XVIII–XIX вв. в Архангельске и округе действовал ряд купеческих верфей. Рост купеческого кораблестроения был вызван развитием промыслов в Арктике, морской торговлей с европейскими странами, государственными заказами и подрядами на постройку кораблей для военно-морского флота и иностранных купцов¹¹.

«Граф Румянцев» строился на верфи купцов Поповых. Родоначальником купеческой династии стал Алексей Иванович Попов (1743–1805) — крестьянин Заостровской волости, начинавший как купеческий приказчик, доросший к 1790 г. до основателя собственной фирмы «Алексей Попов с сыновьями»¹². Своего расцвета верфь Поповых достигла в первое десятилетие XIX в.¹³ Купец и сам был крупным судовладельцем, владея в 1804 г. девятью судами¹⁴.

Нанятые на службу Беломорской компанией в Гамбурге китобои, прибыв в Архангельск, обратили внимание на строившееся «для собственного их (купцов Поповых. — С. Н.) употребления» трехмачтовое судно, грузоподъемность составляла 260 ластов, или 360 ластов¹⁵ коммерческих¹⁶. В донесении от 22 июля 1804 г. В. Е. Ермолин отмечал, что строительство велось «по здешнему строгому в мастерстве искусству» из лучшего сухого леса. Корабль был оснащен такелажем: «канатами, вантами¹⁷ и бегучую снастью¹⁸, равно и парусами двойнаго штиля и якорями»¹⁹. Окончить работы планировалось до 20 сентября 1804 г.²⁰ После покупки Ермолин планировал отправить его в Колу, чтобы в апреле 1805 г. он вышел на промысел «не позже, как и иностранные корабли отправляются». Стоимость судна составила 32 тыс. руб. В случае заключения сделки Поповы готовы были получать оплату частями²¹.

Однако этот корабль так и не пополнил ряды компанейского флота. Помешали интриги, чинимые Степаном Ивановичем Митрополовым — акционером

компании, представителем старинного вологодского купеческого рода, специализировавшегося на торговле в Архангельске²².

Митрополов предложил для морского промысла собственный корабль, который готов был уступить за меньшую сумму в 23 тыс. руб. Этот корабль, по отзыву Ермолина, был «малым и потому недостаточным», к тому же купец продолжал отдавать его под фрахт другим промышленникам²³. Чтобы из обычного мореходного переделать его в китобойный, требовалась «наделка, нужная для таковых кораблей на случай их плавания между льдами»²⁴. В перестройку корабля нужно было вложить значительные средства, на что С. И. Митрополов не был готов. Затягивание решения о покупке судна на верфи Поповых привело к расторжению договоренности²⁵.

Несмотря на неудачу, В. Е. Ермолин продолжал настаивать на постройке китобойного судна. 3 сентября 1804 г. он доносил в Петербург, что архангельские акционеры одобрили строительство брига на верфи Поповых²⁶. Весной 1805 г. планировалось готовое судно «вооружить на китоловной промысел»²⁷. Этот же вопрос обсуждался на заседании акционеров компании 10 октября 1804 г.²⁸ Было решено, что к берегам Шпицбергена и Новой Земли, помимо трех судов для ведения традиционного поморского промысла, отправится одно судно «на летней китоловной (промысел. — С. Н.) по образу иностранцев»²⁹.

Однако другие предложения о постройке китобойного судна после этого не исчезли. Так, крестьянин Кочнев, один из акционеров компании, предложил построить корабль на своей верфи³⁰. Поскольку на итоговое заседание акционеров, где решался этот вопрос, Кочнев не явился, был сделан окончательный выбор в пользу верфи Поповых. Фирма обещала построить бриг длиной по килю 85 футов³¹ за 22 тыс. руб.³², на 10 тыс. руб. меньше стоимости китобойного корабля, так и не проданного компании. Несмотря на снижение цены, «проект Ермолина» все равно оставался крайне дорогостоящим для компании. Для сравнения купленное в 1803 г. для промысла судно «Царь Константин» со всей оснасткой обошлось компании в 5 тыс. руб.³³ Стоимость одного китобойного судна равнялась стоимости целой промысловой флотилии из четырех кораблей!

В первой половине декабря 1804 г. на верфи приступили к строительству будущего «Графа Румянцева»³⁴. Постройка судна предполагала заключение контракта, где указывались сроки работ, материалы и технические характеристики. Его условия пересказаны в одном из писем фирмы «А. Попов и сыновья» в дирекцию компании. Корабль строился из сухого «добраго соснового лесу» без болони³⁵, доставленного из Пинеги в мае 1804 г.³⁶ На бортах делали вторую обшивку, предохранявшую от льда. К этому прибегали и европейские китобой³⁷. К строительству привлекли опытных мастеров, а ход работ контролировал сам Алексей Попов³⁸. Не возражала фирма и против присутствия на верфи иностранцев-гарпунщиков³⁹.

В заявленные сроки — за три месяца, построить судно не получилось. Причины задержки раскрываются в донесениях В. Е. Ермолина. Так, 20 апреля

1805 г. он сообщал, что фирма Поповых «с поспешностию» обещала сдать судно к 1 мая⁴⁰, однако этого не случилось. 5 мая 1805 г. управляющий писал, что корабль оконочен, но из-за холодной погоды не делалась вторая обшивка⁴¹. На неделю, до 12 мая, откладывалась установка мачт⁴². К 26 мая была закончена «ледовая обшивка» корабля. Продолжались внутренние работы («каютный убор, камбуз и служительския койки») и устройство такелажа⁴³.

Руководство компании было обеспокоено задержкой сдачи судна, поскольку из-за этого могло быть упущено время для промысла⁴⁴. Предписание дирекции, направленное в Архангельск, наполнено нескрываемым раздражением из-за нарушения условий контракта: «Господа Поповы уверили нас, что корабль к 1-му мая во всех частях готов будет», из-за чего им выплатили деньги раньше установленного срока⁴⁵. Пытаясь спасти положение, Влас Ермолин обращал внимание руководства на существовавшую издавна практику отправки зверобойных артелей к полярным архипелагам: «Все отправляющиеся отсюда (из Архангельска. — С. Н.) в Гренландию суда на промыслы, хотя не на китоловные, а на моржевые, обыкновенно не ранее отпускаются, как в конце июня, а более в июле месяце»⁴⁶. Конечно, сказанное не имело никакого отношения к китоловному промыслу европейцев в Арктике, начинавшемуся ранней весной.

Наконец 2 июня 1805 г. «Граф Румянцев» сошел со стапелей. Ермолин с гордостью писал, что спуск такого судна «в здешнем месте вещь еще не бывалая!»⁴⁷. Радостной новостью он поделился и с графом Н. П. Румянцевым, сообщая о «китоловном корабле имени вашего сиятельства», находившемся «во всей готовности» и стоявшем «за противными ветрами на здешней рейде»⁴⁸. В словах управляющего заметна гордость за успех дела, рассматриваемого не только как компанейское, но и личное. По случаю спуска на воду на корабле были устроены торжества. Ермолин не без кокетства писал, что он «щеголнуть осмелился маленьким угощением... почетной публике и начавшимся лицам»⁴⁹.

Тип корабля в документах определяется как бриг — транспортное двухмачтовое судно. Бриги, строившиеся в России с начала XVIII в., во второй половине столетия получили распространение и на Русском Севере⁵⁰. Отметим, что в Нидерландах в это время на китобойном промысле использовались суда разных типов: пинки, бриги, галиоты, фрегаты, барки⁵¹.

Рассмотрев историю строительства китобойного судна, остается выяснить происхождение его названия. Свое имя корабль получил в честь графа Николая Петровича Румянцева (1754–1826) — одного из образованнейших людей своего времени, государственного деятеля и дипломата, участвовавшего в заключении важнейших международных договоров начала XIX в.⁵² Не менее значим вклад графа в развитие исторической науки России в первой четверти XIX в. Румянцев еще в период своей государственной деятельности обратил внимание на ценнейшие исторические документы архива Коллегии иностранных дел⁵³.

Экономические взгляды графа Н. П. Румянцева сочетали идеи либерализма и государственного покровительства отечественной торговле и промышленности⁵⁴. Российские купцы должны были самостоятельно выйти на международные рынки. Содействовать этому могло поощрение купеческого судостроения⁵⁵.

Взгляды Н. П. Румянцева находили отражение и в личных поступках. Являясь акционером Российско-Американской⁵⁶ и Беломорской компаний⁵⁷, он лоббировал их интересы. Для поддержания отношений с Русской Америкой и развития торговли с Японией граф инициировал первое русское кругосветное плавание под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского⁵⁸. При его содействии в 1806 г. слободской и архангельский купец К. А. Анфилов отправил два судна в Северо-Американские Соединенные Штаты⁵⁹.

Название судна, безусловно, отражало общественные устремления того времени⁶⁰. Им подчеркивалось уважительное отношение к покровителю компании и заявлялось согласие с экономической политикой Румянцева, одним из пунктов которой был выход России на международные рынки. Отметим, что китобойное судно было единственным кораблем Беломорской компании, носившим современное название. Остальные суда, ходившие к полярным архипелагам, носили традиционные для промысловой культуры Поморья XVIII — начала XIX в. имена христианских подвижников («Святой Николай», «Святые Николай и Максим» и др.), общерусских святых («Святые Московские чудотворцы Петр, Иона, Алексей, Филипп»), архангелов («Святой Михаил Архангел»), небесных покровителей, членов императорской семьи («Святой князь Константин»). Значительно реже встречались названия судов светского характера, не имевшие явной религиозной коннотации («Морж», «Согласие»).

Таким образом, строительство китоловного судна стало возможным благодаря настойчивости правителя компании Власа Ермолина, сумевшего преодолеть сопротивление конкурентов-акционеров Митрополова и Кочнева. Действия дирекции Беломорской компании были непоследовательны. Так, иностранные китобои, нанятые на службу еще до начала строительства судна, оставались без работы до спуска корабля на воду в июне 1805 г. Построенный по всем требованиям корабельного искусства и стоивший немалых денег, бриг «Граф Румянцев» не мог сам по себе обеспечить успешное начало китобойного промысла. Для этого требовалось многое другое — от опыта и слаженной работы команды до своевременного выхода на промысел. Выполнение этих условий и составило в будущем главные трудности в судьбе начатого Беломорской компанией дела.

¹ *Hacquebord L., Steenhusen F., Waterbolk H.* English and Dutch whaling trade and whaling stations in Spitsbergen (Svalbard) before 1660 // *International Journal of Maritime History*. 2003. Vol. XV, no. 2. P. 119–120, 122; *Schokkenbroek J. C. A.* Trying-out. An Anatomy of Dutch

- Whaling and Sealing in the Nineteenth Century, 1815–1885. Amsterdam, 2008. P. 27–29; *Арлов Б. Тур*. История архипелага Шпицберген. М., 2016. С. 65–103.
- ² *Никонов С. А.* «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»: Промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2020. С. 154–162; *Заозерский Д. С.* Хозяйственное освоение островов Баренцева моря в XIX — начале XX в.; дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2021. С. 36–48.
 - ³ *Крайковский А. В.* «Как спущенный корабль» — планы переноса нидерландских технологий морского промысла и идеи европеизации России при Петре I // Россия — Нидерланды. Диалог культур в европейском пространстве: Материалы V Международного петровского конгресса (Санкт-Петербург, 7–9 июня 2013 года). СПб., 2014. С. 265–268.
 - ⁴ *Латто-Данилевский А. С.* Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб., 1899. С. 20–21; *Дадькина М. М., Крайковский А. В., Лайус Ю. А.* Поморские промыслы на Шпицбергене в XVIII — начале XIX в. Исследование. Документы. М.; СПб., 2017. С. 30–31, 40–41.
 - ⁵ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Т. 7: 1723–1727. СПб., 1830. № 4348. С. 152.
 - ⁶ *Копелев Д. Н.* Битва портуланов: Забытые и малоизвестные страницы военно-морской истории XVI–XIX столетий. СПб., 2019. С. 490–492.
 - ⁷ Подробнее см.: *Дадькина М. М., Крайковский А. В., Лайус Ю. А.* Поморские промыслы на Шпицбергене в XVIII — начале XIX в. С. 37–44, 50–55.
 - ⁸ ПСЗРИ. Т. 25: 1798–1799. СПб., 1830. № 18887. С. 583.
 - ⁹ *Заозерский Д. С.* Хозяйственное освоение островов Баренцева моря в XIX — начале XX в. С. 69–70.
 - ¹⁰ ГААО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 17. Л. 99 — 100 об.
 - ¹¹ *Огородников Н. Ф.* Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890. С. 234.
 - ¹² Там же. С. 259–260; *Овсянников Е. И.* Архангельск купеческий. Архангельск, 2000. С. 91, 100, 112, 128, 132; *Шумилов Н. А.* Архангельский родословец: (генеалогия наиболее известных дворянских, купеческих, мещанских и крестьянских родов Архангельской земли). Архангельск, 2009. С. 240–241.
 - ¹³ *Задорин М. Ю., Митько А. В., Разинкова Е. О., Рамзейер Н. Ф. Л.* Состояние и перспективы экономического развития отечественного судостроения на Севере в первой половине XIX в. глазами губернских чиновников (по данным государственного архива Архангельской области) // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 12.
 - ¹⁴ *Брызгалов В. В., Овсянников О. В.* Сведения Архангельского губернского правления о «мореходных и промышленничьих» судах, построенных в Поморье в 1772–1816 годах // Труды Архангельского центра Русского географического общества: сб. науч. ст. Архангельск, 2013. Вып. 8. С. 25–26.
 - ¹⁵ Ласт — мера веса, равная 72 пудам (пуд = 16,38 кг). 260 ластов = 306,6 т. 360 ластов коммерческих = 424,6 т.
 - ¹⁶ ГААО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 41 об.
 - ¹⁷ Ванты — снасти такелажа для укрепления мачты, стеньги и брам-стеньги с бортов судна.
 - ¹⁸ Беговая снасть (такелаж) — тросовая оснастка судна, закрепленная только одним концом, служащая для подъема тяжестей, установки и уборки парусов, управления рангоутом.
 - ¹⁹ ГААО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 41 об.
 - ²⁰ Там же.
 - ²¹ Там же.
 - ²² *Гуслистова А. Н.* Генеалогия вологодской купеческой семьи Митрополовых в XVII–XIX вв. // Материалы II Всероссийской научной конференции «Некрасовские чтения (памяти д. и. н., профессора Ю. К. Некрасова)». 20–21 мая 2016 года. Вологда, 2016. С. 160–165.
 - ²³ ГААО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 41 об.
 - ²⁴ Там же. Л. 51.
 - ²⁵ Там же.
 - ²⁶ Там же. Л. 58.

- ²⁷ Там же. Л. 63.
- ²⁸ Там же. Д. 86. Л. 62–63. В заседании участвовали акционеры Ксенофонт Анфилатов и Степан (Стефан) Митрополов.
- ²⁹ Там же. Л. 62.
- ³⁰ Там же. Д. 105. Л. 92. 70 футов = 21,34 м.
- ³¹ 85 футов = 25,9 м.
- ³² ГААО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 105. Л. 92 об. В счете «Графа Румянцева», составленном перед вояжем 1805 г., указана другая стоимость судна — 23 тыс. руб. См.: ГААО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 86. Л. 187 об.
- ³³ Там же. Д. 105. Л. 14 об.
- ³⁴ Там же. Л. 90.
- ³⁵ Болонь — наружные мягкие слои дерева.
- ³⁶ ГААО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 149. Л. 43.
- ³⁷ *Schokkenbroek J. C. A. Trying-out*. P. 31.
- ³⁸ ГААО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 149. Л. 43.
- ³⁹ Там же. Л. 44.
- ⁴⁰ Там же. Д. 6. Л. 20.
- ⁴¹ Там же. Л. 28.
- ⁴² Там же. Д. 105. Л. 135.
- ⁴³ Там же. Л. 139.
- ⁴⁴ Там же. Д. 109. Л. 95.
- ⁴⁵ Там же. Л. 99.
- ⁴⁶ Там же. Д. 6. Л. 34.
- ⁴⁷ Там же. Л. 35.
- ⁴⁸ РГИА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 212. Л. 1 об.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ *Филин П. А., Курноскин С. П.* Народное судостроение в России. СПб., 2016. С. 56–57.
- ⁵¹ *Schokkenbroek J. C. A. Trying-out*. P. 118–120, 123, 137–142, 146; *Лайнема М., Нурминен Ю.* Ultima Thule: Арктические исследования. М., 2016. С. 142–143.
- ⁵² Государственной и научной деятельности графа Н. П. Румянцева посвящена обширная литература. Обобщающие работы об этом выдающемся государственном и общественном деятеле были подготовлены П. М. Майковым и В. М. Лопатниковым. См.: *Майков П.* Румянцев, граф Николай Петрович // *Русский биографический словарь*. Т. XVII: Романов — Рясковский. Пг., 1918. С. 493–521; *Лопатников В. М.* Канцлер Румянцев. Время и служение. М., 2011.
- ⁵³ *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 8–45.
- ⁵⁴ *Лобас Е. В., Савченко М. М.* Внешняя торговля и таможенная политика Российской империи начала XIX века. М., 2017. С. 60–61.
- ⁵⁵ Там же. С. 57–58, 61.
- ⁵⁶ *Гринёв А. В.* Русские колонии на Аляске на рубеже XIX в. // *История Русской Америки (1732–1867)*: в 3 т. / Под общ. ред. Н. Н. Болховитинова. Т. 2: Деятельность Российско-американской компании (1799–1825). М., 1999. С. 16.
- ⁵⁷ *Пасецкий В. М.* Русские открытия и исследования в Арктике. Первая половина XIX в. Л., 1984. С. 29–33; *Овсянников Е. И.* Архангельск купеческий. С. 132–133; *Заозерский Д. С.* Хозяйственное освоение островов Баренцева моря в XIX — начале XX в. С. 70–71.
- ⁵⁸ *Болховитинов Н. Н.* П. Резанов и первое кругосветное плавание россиян (1803–1806) // *История Русской Америки (1732–1867)*: в 3 т. Т. 2: Деятельность Российско-американской компании (1799–1825). М., 1999. С. 88–89.
- ⁵⁹ *Шумилов Н. А.* Архангельский родословец. С. 136; *Судовиков М. С.* Купец-негоциант Ксенофонт Анфилатов // *Вопросы истории*. 2011. № 4. С. 157–163.
- ⁶⁰ *Овсянников О. В., Ясински М. Э.* Заметки о морском аспекте освоения Русской Европейской Арктики // *Лодия*. 2008, № 5: сб. ст. / сост. и отв. ред. В. В. Брызгалов. Архангельск, 2010. С. 12–14; *Копелев Д. Н.* Битва портуланов. С. 282–292; *Никонов С. А.* «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался». С. 397–398.

References

- ARLOV B. TOUR. *Istorija arhipelaga Shpicbergen* [History of the Svalbard archipelago. In Russ.]. Moscow, 2016.
- BOLKHOVITINOV N.N. *N.P. Rezanov and the first circumnavigation of the Russians (1803–1806)* [N.P. Rezanov and the first circumnavigation of the Russians (1803–1806). In Russ.] // *Istorija Russkoj Ameriki (1732–1867)*: v 3 t. T. 2: Dejatel'nost' Rossijsko-amerikanskoj kompanii (1799–1825). Moscow, 1999. P. 84–114.
- BRYZGALOV V.V., OVJSJANNIKOV O.V. *Svedenija Arhangel'skogo gubernskogo pravlenija o "morehodnyh i promyshlennichih" sudah, postroennyh v Pomor'e v 1772–1816 godah* [Information of the Arkhangelsk Provincial Board about "seaworthy and industrial" vessels built in Pomerania in 1772–1816. In Russ.] // *Trudy Arhangel'skogo centra Russkogo geograficheskogo obshhestva: sbornik nauchnyh statej*. Vyp. 8. Arkhangelsk, 2013. P. 18–33.
- DADYKINA M.M., KRAJKOVSKIJ A.V., LAJUS JU. A. *Pomorskie promysly na Shpicbergene v XVIII – nach. XIX v. Issledovanie. Dokumenty*. [Pomeranian fisheries on Svalbard in the 18th – beginning 19th century. Study. Documents. In Russ.]. Moscow; St. Petersburg, 2017.
- FILIN P.A., KURNOSKIN S.P. *Narodnoe sudostroenie v Rossii* [Folk shipbuilding in Russia. In Russ.]. St. Petersburg, 2016.
- GRINJOV A.V. *Russkie kolonii na Aljaske na rubezhe XIX v.* [Russian colonies in Alaska at the turn of the 19th century. In Russ.] // *Istorija Russkoj Ameriki (1732–1867)*: v 3 t. / Pod obslh. red. N.N. Bolhovitina. T. 2: Dejatel'nost' Rossijsko-amerikanskoj kompanii (1799–1825). Moscow, 1999. P. 15–52.
- GUSLISTOVA A.N. *Genealogija vologodskoj kupecheskoj sem'i Mitropolovyh v XVII–XIX vv.* [Genealogy of the Vologda merchant family of the Mitropolovs in the 17th–19th centuries. In Russ.] // *Materialy II Vserossijskoj nauchnoj konferencii "Nekrasovskie chtenija (pamjati doktora istoricheskikh nauk, professora Ju. K. Nekrasova)"*. 20–21 maja 2016 goda. Vologda, 2016. P. 160–165.
- HACQUEBORD L., STEENHUSEN F., WATERBOLK H. *English and Dutch Whaling Trade and Whaling Stations in Spitsbergen (Svalbard) before 1660* // *International Journal of Maritime History*. 2003. Vol. XV, no. 2. P. 117–134.
- KOPELEV D.N. *Bitva portulanov: Zabytye i maloizvestnye stranicy voenno-morskoj istorii XVI–XIX stoletij* [Battle of the Portulans: Forgotten and little-known pages of naval history of the 16th–19th centuries. In Russ.]. St. Petersburg, 2019.
- KOZLOV V.P. *Kolumby russijskikh drevnostej* [Columbs of Russian antiquities. In Russ.]. Moscow, 1981.
- KRAJKOVSKIJ A.V. "Kak spushhennyj korabl" – plany perenosa niderlandskih tehnologij morskogo promysla i idei evropeizacii Rossii pri Petre I ["Like a lowered ship" – plans for the transfer of Dutch marine fishing technologies and the idea of Europeanization of Russia under Peter I. In Russ.] // *Rossija – Niderlandy. Dialog kul'tur v evropejskom prostranstve: materialy V Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa (Sankt-Peterburg, 7–9 ijunja 2013 goda)*. St. Petersburg, 2014. P. 261–272.
- LAJNEMA M., NURMINEN JU. *Ultima Thule: Arkticheskie issledovanija* [Ultima Thule: Arctic Exploration. In Russ.]. Moscow, 2016.
- LOBAS E.V., SAVCHENKO M.M. *Vneshnjaja torgovlja i tamozhennaja politika Rossijskoj imperii nachala XIX veka* [Foreign trade and customs policy of the Russian Empire at the beginning of the 19th century. In Russ.]. Moscow, 2017.
- LOPATNIKOV V.M. *Kancler Rumjancev. Vremja i sluzhenie* [Chancellor Rumyantsev. Time and Service. In Russ.]. Moscow, 2011.
- NIKONOV S.A. "Kto v more ne hodil, tot Bogu ne malivalsja": *Promyslovaja kolonizacija Murmanskogo berega i Novoj Zemli krest'janami i monastyrijami Pomor'ja v XVI–XVIII vv.* ["Who did not go to sea, he did not give in to God": Commercial colonization of the Murmansk coast and Novaya Zemlya by peasants and monasteries of Pomerania in the 16th–18th centuries. In Russ.]. Moscow; St. Petersburg, 2020.
- OVJSJANNIKOV E.I. *Arhangel'sk kupecheskij* [Arkhangelsk merchant. In Russ.]. Arkhangelsk, 2000.
- OVJSJANNIKOV O.V., JASINSKI M. JE. *Zametki o morskome osvoenija Russkoj Evropejskoj Arktiki* [Notes on the marine aspect of the development of the Russian European Arctic. In Russ.] // *Lodija*. 2008. No. 5: sb. st. / Sost. i otv. red. V.V. Bryzgalov. Arkhangelsk, 2010. P. 3–199.
- PASECKIJ V.M. *Russkie otkrytija i issledovanija v Arktike. Pervaja polovina XIX v.* [Russian discoveries and research in the Arctic. The first half of the 19th century. In Russ.]. Leningrad, 1984.
- SCHOKKENBROEK J.C.A. *Trying-out. An Anatomy of Dutch Whaling and Sealing in the Nineteenth Century, 1815–1885*. Amsterdam, 2008.
- SHUMILOV N.A. *Arhangel'skij rodoslovec: (genealogija naibolee izvestnyh dvorjanskikh, kupecheskikh, meshhanskikh i krest'janskikh rodov Arhangel'skoj zemli): genealogicheskij spravochnik* [Arkhangelsk genealogist: (genealogy of the most famous noble, merchant, petty bourgeoisie and peasant families of the Arkhangelsk land): genealogical reference book. In Russ.]. Arkhangelsk, 2009.

SUDOVIKOV M.S. *Kupeц-negociant Ksenofont Anfilatov* [Merchant Xenophon Anfilatov. In Russ.] // *Voprosy istorii*. 2011. No. 4. P. 157–163. URL: https://herzenlib.ru/regionovedenie/resources/detail.php?ID=15459&special_version=Y (date of accession 26.06.2022).

ZADORIN M. JU., MIT'KO A. V., RAZINKOVA E. O., RAMZEJER N. F. L. *Sostojanie i perspektivy jekonomicheskogo razvitiya otechestvennogo sudostroeniija na Severe v pervoj polovine XIX v. glazami gubernskih chinovnikov (po dannym gosudarstvennogo arhiva Arhangel'skoj oblasti)* [The state and prospects of economic development of domestic shipbuilding in the North in the first half of the 19th century through the eyes of provincial officials (according to the State Archive of the Arkhangelsk region). In Russ.] // *Arktika i Sever*. 2019. No. 34. P. 5–19.

ZAOZERSKIJ D.S. *Hozhajstvennoe osvoenie ostrovoov Barenceva morja v XIX – nachale XX v.* [Economic development of the Barents Sea islands in the 19th – early 20th century. In Russ.]: dis. ... kand. ist. nauk. Arhangel'sk, 2021.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

С. А. Никонов. Строительство китобойного судна Беломорской компании «Граф Румянцев» (1804–1805 гг.) // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 86–94

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о строительстве китобойного судна «Граф Румянцев» в 1804–1805 гг. Организация китобойного промысла в России тесно связана с эпохой петровских преобразований. В 1803 г., с созданием Беломорской компании, эта идея вновь становится актуальной. Нанятые на службу европейские китобои выбрали место строительства и тип будущего корабля. Значительные затраты порождали неоправданные ожидания успеха в новом деле. Судну было дано необычное название, не связанное с поморской традицией наименования кораблей. Как правило, суда называли в честь христианских святых и архангелов. Назвав бриг в честь канцлера Н. П. Румянцева, руководство компании отдавало дань уважения высокопоставленному покровителю, ратовавшему за развитие купеческого мореплавания в России и полноправное участие отечественных предпринимателей в международной торговле.

Ключевые слова: китобойный промысел, Беломорская компания, В. Е. Ермолин, граф Н. П. Румянцев, кораблестроение.

FOR CITATION

S. A. Nikonov. Construction of the whaling vessel of the White Sea Company “Count Rummyantsev” (1804–1805) // Petersburg historical journal, no. 3, 2024, pp. 86–94

Abstract: The article addresses the construction of the whaling ship “Count Rummyantsev” between the years 1804 and 1805. The organisation of whaling in Russia is inextricably linked to the era of Peter the Great’s reforms. The idea was revived in 1803 with the establishment of the White Sea Company. The European whalers engaged by the company were responsible for selecting the construction site and the design of the vessel. The substantial financial outlay generated unwarranted optimism regarding the prospective success of the venture. The ship was assigned an unconventional designation, distinct from the Pomorsky custom of naming vessels. Typically, ships were christened after Christian saints and archangels. By selecting the appellation “Chancellor N. P. Rummyantsev” for the brig, the company’s leadership paid homage to a prominent patron who championed the advancement of merchant shipping in Russia and the active involvement of domestic merchants in global trade.

Key words: whaling, White Sea Company, V. E. Ermolin, Count N. P. Rummyantsev, shipbuilding.

Автор: Никонов, Сергей Александрович — д. и. н., доцент, профессор кафедры истории Мурманского арктического университета (Мурманск, Россия).

Author: Nikonov, Sergey Alexandrovich — Dr of Sciences in History, Associate Professor, Professor of the Department of History of Murmansk Arctic University (Murmansk, Russia).

E-mail: snikonov-77@mail.ru

ORCID 0000-0003-2523-7365

И. Н. Васильев

Татьянинский комитет в период между двух революций (весна — осень 1917 г.)

Февральская революция, положившая конец правлению династии Романовых, повлияла на все стороны жизни общества, не обйдя и сферу благотворительности. Революционные потрясения в той или иной мере отразились на всех благотворительных учреждениях, однако особенно сильно они повлияли на те организации, с которыми были связаны члены императорской фамилии. Это касается и такого крупного учреждения, как Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий (Татьянинский комитет), учрежденный в начале Первой мировой войны для оказания помощи беженцам¹. За годы войны Комитет сыграл важную роль в решении беженского вопроса, а сеть его подразделений охватила собой практически всю империю². Несмотря на то что после Февральской революции само существование Комитета было под угрозой, ему удалось выстоять в вихре революционных потрясений и сохранить себя как структуру, влившись в новую систему оказания помощи беженцам, построенную на демократических началах. В данной статье выявлены основные аспекты истории Комитета в период весны — осени 1917 г. как учреждения: были исследованы попытка ликвидации Комитета и особенности его статуса после решения Особого совещания по устройству беженцев, проанализировано изменение структуры и руководства Татьянинского комитета в рамках демократизации

беженского дела, а также рассмотрена проблема ликвидации региональных подразделений Комитета. Исследование данного сюжета позволит не только заполнить лакуны в истории Комитета, но и сделать выводы об особенностях новой системы общественного призрения.

Необходимо отметить, что история Комитета в период революционных потрясений изучена поверхностно и затрагивалась лишь в ряде работ³. Некоторые исследователи при упоминании судьбы Комитета после революции называют лишь дату 7–10 апреля 1917 г.⁴, когда Съезд по вопросам помощи беженцам постановил ликвидировать Комитет⁵, хотя в действительности тот продолжил свое существование.

Основными источниками статьи являются архивные материалы фонда Особого совещания по устройству беженцев (ф. 1322 РГИА), фонда Татьянинского комитета (ф. 261 ЦГИА СПб) и материалы периодической печати.

Изменения в Татьянинском комитете стали происходить сразу после Февральской революции: вслед за отречением Николая II великая княжна Татьяна, ранее занимавшая пост почетной председательницы Татьянинского комитета, сложила с себя полномочия⁶. Несколько позже судьба Татьянинского комитета стала обсуждаться на заседаниях Особого совещания по устройству беженцев, где Комитет, до революции занимавший привилегированное положение по отношению к другим беженским учреждениям, стал подвергаться критике со стороны своих оппонентов — членов от Всероссийских союзов земств и городов. Если сначала они обвиняли Комитет в антиобщественном характере его деятельности и выступали против его полномочий распределять ранее отпущенные средства детским приютам, школам и богадельням⁷, то на заседании 20 марта вообще подняли вопрос о самом существовании Комитета, а также о необходимости сконцентрировать полномочия выдачи кредитов в руках Особого совещания по устройству беженцев, а субсидируемые Татьянинским комитетом учреждения на местах передать в ведение Всероссийских союзов земств и городов⁸. Критика в адрес Комитета прозвучала и 7–10 апреля 1917 г. на Съезде по вопросам помощи беженцам в Москве, где помощь беженцам объявлялась обязанностью государства. Именно Съезд принял решение закрыть Татьянинский комитет и все его отделения как «антиобщественную организацию», функции центрального отделения и его учреждения передать Управлению по делам о беженцах при Особом совещании, а местных отделений — местным комитетам помощи беженцам. Те учреждения, которыми руководили национальные и общественные организации и которые финансировались Татьянинским комитетом, должны были быть переданы этим организациям⁹.

Надо сказать, что в поддержку Татьянинского комитета выступали как делегаты от национальных организаций на заседаниях Особого совещания по устройству беженцев¹⁰, так и некоторые общественные деятели, хорошо разбиравшиеся в благотворительности и системе призрения. Так, видный юрист

и автор ряда работ по организации благотворительности в России¹¹, а также редактор журнала «Призрение и благотворительность» С. К. Гогель высказался за необходимость продолжения его деятельности. По его словам, именные комитеты «потеряли теперь своих глав — членов царствовавшей династии; но если отпало значение их в качестве способа прославления династии за счет государственных средств <...>, то во всяком случае их нельзя упразднить, хотя бы уже только потому, что они содержат сотни приютов с живыми детьми, которые в случае закрытия Комитетов останутся на улице»¹².

В конечном итоге Особое совещание по устройству беженцев заявило, что вопрос о продолжении деятельности Комитета будет зависеть от Временного правительства¹³. То, в свою очередь, высказалось за продолжение деятельности Татьянинского комитета, но с рядом ограничений. В результате Особое совещание по устройству беженцев постановило приурочить деятельность Комитета к Министерству внутренних дел, отныне Комитет мог получать средства только через него, а также ему запрещалось субсидировать беженские организации начиная с третьей четверти 1917 г.¹⁴ Особое совещание также обозначило направления деятельности Комитета, которые полностью оставались в его ведении: это оказание всесторонней помощи детям (содержание приютов, очагов и яслей, лечение детей, устройство мастерских, снабжение одеждой) и оказание помощи учащимся¹⁵.

Таким образом, несмотря на попытки ликвидации, Татьянинскому комитету все же удалось отстоять себя как учреждение и продолжить свою деятельность. В то же время нельзя не согласиться с М. А. Златиной, что Всероссийские союзы земств и городов все же отчасти добились своей цели: они лишили Комитет прежней финансовой независимости, права субсидирования средств другим беженским организациям, права единоличного субсидирования детских школ, приютов и богаделен, а также ослабили влияние региональных отделений Комитета¹⁶.

Для продолжения своей деятельности Комитету было необходимо перестроить свою структуру на новых, демократических началах как в центре, так и на местах, а также выработать новые принципы работы, доказав свою полезность и незаменимость в новой политической обстановке. Для реализации этих целей руководством Комитета было принято решение созвать второй съезд представителей его местных отделений, состоявшийся 16–19 апреля 1917 г. в Петрограде¹⁷ (первый съезд был в мае 1915 г.¹⁸). В рамках съезда обсуждались многочисленные вопросы, связанные с будущим Комитета, которые были изложены в ряде резолюций. В первой резолюции доказывалось право Комитета на существование в рамках республиканского строя России: согласно ее тексту, Комитет всегда помогал всем беженцам без различия веры и национальности, работал при широкой гласности и финансово поддерживал другие благотворительные организации, в связи с чем он готов к работе на чисто демократических началах¹⁹. В резолюции подчеркивалось, что отныне все отделения Комитета

должны руководствоваться выборным началом для комплектования своего руководства и привлекать новых работников из всех слоев населения, включая представителей местных организаций, беженцев и служащих Комитета и его отделений²⁰.

В резолюциях со второй по девятую были изложены принципы деятельности Комитета в условиях демократических свобод, сводившиеся к нескольким положениям.

Во-первых, региональным отделениям Комитета была предоставлена бóльшая самостоятельность в вопросе ликвидации отделений. Надо сказать, что взаимодействие региональных подразделений и центра никогда не сводилось к жесткому подчинению центру, однако процесс ликвидации местных отделений не мог быть осуществлен без санкции сверху. Теперь же процедура ликвидации местных отделений была упрощена: отныне вопрос о закрытии отделения мог быть поднят не только по указанию из центра или по решению губернского комиссара, но также по решению 1/10 членов этого отделения, в случае если на заседании присутствовало не менее половины членов отделения, а количество голосов за ликвидацию составляло не менее 2/3. После предоставления всей необходимой документации руководству Комитета такое отделение признавалось ликвидированным²¹, ряд подразделений по всей стране был ликвидирован именно таким образом, о чем будет сказано ниже.

Во-вторых, членам как центрального, так и уездного отделений Комитета была предоставлена возможность предлагать различные проекты по усовершенствованию его работы. Так, был предложен проект создания комиссии для окончательного решения вопроса об обеспечении государством лиц, утративших средства к жизни в связи с потерей работоспособности из-за войны или потерей единственного кормильца семьи²². В состав комиссии должны были войти по одному представителю от ведущих национальных комитетов и пять членов от Татьянинского комитета²³. Стоит отметить, что в перспективе руководство Татьянинского комитета хотело распространить свою деятельность не только на беженцев, но и вообще на всех лиц, пострадавших от войны, тем самым став главным благотворительным комитетом. Наряду с этим Псковским отделением был предложен проект об устройстве политических бесед и лекций с целью ознакомления беженцев с задачами будущего Учредительного собрания²⁴. Однако данные проекты так и остались на бумаге: принять решение об их реализации руководство Комитета собиралось на Третьем съезде представителей местных его отделений, запланированном на 6 ноября²⁵.

В-третьих, был принят ряд мер, касающихся нужд текущего дня. В них вошло решение о проведении Третьего съезда представителей местных отделений и признание желательной оплаты труда членов в отделениях²⁶.

Помимо этого, на Втором съезде было заново избрано руководство Комитета. Его председателем единогласно избрали А. Б. Нейдгардта, и ранее занимавшего пост председателя. Большинством голосов были избраны его заместители

ли (товарищи)²⁷: первым стал князь Ю. Г. Тарханов (ранее занимал должность сотрудника Комитета²⁸), вторым — депутат Государственной думы и член Комитета М. М. Ичас. Кроме того, коллежский советник В. И. Беляев, ранее занимавший должность сотрудника Комитета²⁹, был избран на должность управляющего делами Комитета, а на должность казначея — Я. И. Козловский³⁰. Таким образом, несмотря на то что А. Б. Нейдгардт остался во главе Комитета, остальные руководящие должности перешли к лицам, ранее занимавшим менее значимые должности в Комитете.

На съезде представителей отделений было озвучено и новое наименование Комитета, повторяющее дореволюционное во всем, кроме привязки к имени великой княжны Татьяны Николаевны — Комитет для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий³¹. Однако чуть позже Комитет был переименован во Всероссийский комитет для оказания помощи пострадавшим от военных бедствий, а затем во Всероссийский комитет помощи пострадавшим от войны³².

Преобразования коснулись не только руководства Комитета и его членов, но и его сотрудников. 5 марта 1917 г. сотрудники Петроградского отделения Комитета на первом общем собрании утвердили Положение об обществе служащих Татьянинского комитета, которое было принято ровно через месяц — 5 апреля 1917 г.³³ Его авторами стали сотрудники Комитета М. Марголь, А. Пеле и Кондаков, а само Положение представляет собой проект организации, по структуре напоминающей профсоюз: из его текста следует, что служащие «постановили учредить общество для защиты экономических, юридических и гражданских прав всех без исключения лиц, работающих в названном учреждении и входящих в число членов общества»³⁴. В составе Комитета было порядка 800 служащих, двенадцати делегатам от Общества было дано право выступить на съезде отделений, где они объявили о необходимости защиты прав служащих, а также о недопустимости увольнения служащих без согласия Общества³⁵.

Несколько позже Общество было переименовано в Союз служащих Комитета, чье устройство и функции были практически идентичны первоначально заявленным³⁶. Задачами Союза были объявлены установление контроля над приемом и увольнением товарищей, учреждение примирительных камер и третейского суда, образование ряда фондов (взаимопомощи, культурно-просветительного, потребительского и др.) и организация труда. Руководящим органом Союза был Совет из 15 человек, избираемых общим собранием на год, исполнительным органом — Исполнительное бюро из пяти человек. Все руководство избиралось из членов Союза, по состоянию на май 1917 г. в его состав вошли свыше 100 служащих³⁷.

Коренным преобразованиям подверглось и важнейшее структурное подразделение Комитета — Особый отдел по регистрации, являвшийся центральным органом по регистрации беженцев в России³⁸. Поскольку всеобщая регистрация

была завершена, а сам Комитет утратил право быть ведущей инстанцией в вопросе регистрации беженцев, в июне 1917 г. было принято решение расформировать Особое бюро и его подразделения: Центральное всероссийское бюро по регистрации и розыску беженцев (в нем работало около 500 чел.), Юридическое бюро, Бюро сношений и Бюро печати³⁹. Все они сыграли важную роль в оказании беженцам различных видов помощи, в том числе в розыске тысяч потерянных в пути родственников и детей беженцев, в организации юридической помощи, в передаче тысяч писем в оккупированные врагом местности, в собирании материалов о беженском движении и непосредственно проведении всеобщей регистрации беженцев.

Преобразования в центре не могли не сказаться на региональных подразделениях Комитета, расположенных на территории практически всей страны. Поскольку до революции губернские отделения Комитета возглавлялись губернаторами, то теперь по решению Особого совещания по устройству беженцев руководство ими перешло к губернским комиссарам, определявшим дальнейшую судьбу отделений⁴⁰. В тех отделениях, где губернские комиссары не принимали на себя полномочия руководителей, председателей выбирали на общих собраниях членов отделений⁴¹. Волна преобразований на демократических началах способствовала привлечению в состав губернских и уездных отделений Комитета представителей Советов офицерских, солдатских и рабочих депутатов, общественных и национальных организаций, а в некоторых случаях даже беженцев. Расширение состава произошло во многих отделениях Комитета, в частности в Бессарабском, Вологодском, Воронежском, Костромском, Новгородском, Одесском, Самарском городском, Симбирском, Тверском, Ростово-Нахичеваньском и др.⁴²

Сменой руководящих лиц и расширением состава отделений ситуация на местах не ограничилась. Структура многих отделений Комитета подверглась значительным изменениям. Ряд губернских и уездных подразделений Комитета приняли самостоятельное решение о ликвидации вследствие того, что Татьянинский комитет утратил право субсидировать местные национальные беженские учреждения (что было главным направлением деятельности многих отделений), а также по причине крайне небольшого количества беженцев в этих уездах или губерниях, что лишало смысла дальнейшую работу отделений. Бывали случаи ликвидации местных отделений Комитета без его ведома. Так, указанием председателя Екатеринославского губернского совещания А. В. Новака было ликвидировано местное отделение Комитета, а все его имущество передано Екатеринославскому объединенному комитету⁴³. Попытки А. Б. Нейдгардта признать в Особом совещании факт ликвидации отделения незаконным успехом не увенчались⁴⁴. В случае если на местах ликвидировалось какое-либо беженское учреждение, власти гораздо охотнее передавали его имущество подразделениям Всероссийских союзов земств или городов: так, после того, как в мае 1917 г. Гродненское отделение

Татьянинского комитета потребовало передать ему имущество Гродненского обывательского комитета, объявившего о своей ликвидации, Особое совещание по устройству беженцев приняло решение передать это имущество отделению Всероссийского союза городов⁴⁵. Среди ликвидированных по тем или иным причинам были ряд уездных отделений Комитета в Костромской⁴⁶ и Петроградской⁴⁷ губерниях, Мариупольское уездное отделение⁴⁸, а также Закаспийское областное⁴⁹, Московское столичное⁵⁰, Псковское⁵¹, Ставропольское⁵², Симбирское⁵³, Таврическое⁵⁴, Харьковское⁵⁵ и др. Полномочия ухода за беженцами, как правило, переходили городским и губернским совещаниям по устройству беженцев. Разумеется, далеко не все местные отделения Комитета были ликвидированы или влиты в другие учреждения, некоторые из них, как, например, Воронежское, Новгородское, Самарское городское и Самарское губернское, Уфимское и др.⁵⁶, продолжили свою деятельность. Однако в целом позиции Комитета на местах оказались ослаблены, а прежняя система оказания помощи беженцам начала размываться между многочисленными и конкурировавшими друг с другом беженскими объединениями.

Таким образом, Февральская революция оказала значительное влияние на судьбу Татьянинского комитета. Несмотря на давление и попытки закрытия, ему удалось отстоять себя как учреждение, но при этом Комитет лишился части своих полномочий и своего некогда привилегированного положения. Для продолжения своей деятельности Комитет был вынужден провести ряд преобразований на демократических началах, в результате которых изменилось его правление, а его члены получили больше полномочий, сотрудникам Комитета была дана возможность объединиться в Союз для защиты своих прав, а также были предоставлены более широкие полномочия местным отделениям. Демократизация состава и деятельности, с одной стороны, позволила выдвинуться на более важные посты многим членам и сотрудникам Комитета, дала возможность свободно обсуждать его дальнейшие направления деятельности, а также ликвидировать ряд уже практически не действовавших региональных подразделений. В то же время потеря прогосударственного статуса и предоставление больших полномочий национальным комитетам и Всероссийским союзам земств и городов привели к ослаблению Комитета как ведущего благотворительного учреждения в области оказания помощи беженцам, а также к ослаблению позиций Комитета на местах. Что касается последствий для самой системы оказания помощи беженцам, то она лишилась связующего звена между многочисленными беженскими учреждениями, получив вместо этого ряд конкурировавших между собой организаций, которые совсем скоро будут ликвидированы вместе с бывшим Татьянинским комитетом властью большевиков, снова централизовавшими ведение общественным призрением, только на этот раз не в рамках благотворительного учреждения, а в руках государства.

- ¹ Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с июля 1914 г. по 1 января 1916 г., вызванных обстоятельствами военного времени. Пг., 1916. С. 47.
- ² На 1 декабря 1916 г. Комитетом были открыты 60 губернских, 30 городских, 348 уездных, 762 сельских и волостных и 4 иных категории отделений, а общее количество подразделений Комитета составляло 1204: Отделения Комитета е. и. в. великой княжны Татьяны Николаевны // Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. № 15. С. 6–7.
- ³ Курцев А. Н. Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917 гг.) // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 98–113; Хитров А. А. Дом Романовых и российская благотворительность. Вторая половина XIX — начало XX века: по материалам Санкт-Петербурга — Петрограда и Петербургской — Петроградской губернии: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009; Стиридонова Л. М. Деятельность Татьянинского комитета в Пензенской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник военно-исторических исследований. 2017. № 8. С. 77–87; Златина М. А. 1) Круг проблем, обсуждавшихся на заседаниях Особого совещания по устройству беженцев в январе — марте 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: Сб. науч. ст. СПб., 2018. С. 43–50; 2) Обсуждение дальнейшей деятельности Татьянинского комитета на заседаниях Особого совещания по устройству беженцев (март — апрель 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2019. С. 89–95; Васильев И. Н. Процесс ликвидации местных отделений Татьянинского комитета весной — летом 1917 г. на примере Петроградской губернии // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2019. С. 95–98.
- ⁴ Цовян Д. Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в России в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 160–161; Утгоф В. С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. С. 83; и др.
- ⁵ Беженцы и выселенцы. Постановления Съезда по вопросам помощи беженцам (7–10 апреля 1917 года) // Известия Всероссийского Союза городов помощи больным и раненым воинам. 1917. № 43–44. С. 183–193.
- ⁶ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Татьянинский комитет: великая княжна Татьяна и ее помощь беженцам // Возрождение (Париж). 1956. № 55. С. 7–25.
- ⁷ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. Л. 702.
- ⁸ Там же. Л. 703.
- ⁹ См.: Беженцы и выселенцы.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. Л. 702 — 703 об.
- ¹¹ Гогель С. К. 1) Объединение и взаимодействие частной и общественной благотворительности. СПб., 1908; 2) Подготовка к благотворительной деятельности. СПб., 1913; и др.
- ¹² Гогель С. К. Центральный орган общественного призрения // Призрение и благотворительность. 1917. № 2–3. С. 101–108.
- ¹³ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 3. Л. 710 об.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. Л. 711.
- ¹⁶ Златина М. А. Обсуждение дальнейшей деятельности Татьянинского комитета на заседаниях Особого совещания по устройству беженцев (март — апрель 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2019. С. 89–95.
- ¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 261. Оп. 2. Д. 55. Л. 4.
- ¹⁸ Отчет о деятельности Особого отдела Комитета великой княжны Татьяны Николаевны по регистрации беженцев в 1915 г. Пг., 1916. С. 5.
- ¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 261. Оп. 2. Д. 55. Л. 4.
- ²⁰ Там же. Л. 4 об.
- ²¹ Там же. Л. 5.
- ²² Там же. Л. 5 об.
- ²³ Там же. Л. 6.
- ²⁴ Там же.

- ²⁵ Всероссийский съезд представителей отделений Комитета // Известия Всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны. 1917. № 26. С. 1.
- ²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 261. Оп. 2. Д. 55. Л. 6.
- ²⁷ Там же. Л. 6 об.
- ²⁸ Справочная книжка. Учреждения и организации, оказывающие помощь беженцам в гор. Петрограде: сост. к 7 окт. 1915 г. Пг., 1915. С. 13.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 261. Оп. 2. Д. 55. Л. 6 об.
- ³¹ От Татьянинского комитета // Известия Татьянинского комитета. 1917. № 19. С. 1.
- ³² В «Известиях» Комитета наименование «Всероссийский Комитет для оказания помощи пострадавшим от военных бедствий» впервые использовано 15 мая, а «Всероссийский комитет помощи пострадавшим от войны» — 15 июня.
- ³³ ЦГИА СПб. Ф. 261. Оп. 2. Д. 57. Л. 1, 3 об.
- ³⁴ Там же. Л. 1.
- ³⁵ Съезд Татьянинского комитета // Известия Всероссийского комитета для оказания помощи пострадавшим от военных бедствий. 1917. № 20. С. 1–17.
- ³⁶ Полный текст проекта Общества см. здесь: ЦГИА СПб. Ф. 261. Оп. 2. Д. 57.
- ³⁷ Союз служащих Комитета // Известия Всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны. 1917. № 22. С. 11.
- ³⁸ [Щепкин М. М.] Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого совещания: докл. Главным комитетам Уполномоченного, председателя Отдела М. М. Щепкина. М., 1916. С. 14.
- ³⁹ Передовица. Петроград, 1 июня // Известия Всероссийского комитета для оказания помощи пострадавшим от военных бедствий. 1917. № 21. С. 1–2.
- ⁴⁰ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1. Л. 783 об.
- ⁴¹ Хроника // Известия Татьянинского комитета. 1917. № 19. С. 15–16.
- ⁴² Из деятельности отделений Комитета // Известия Всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны. 1917. № 23. С. 9–13; Из деятельности отделений Комитета // Там же. 1917. № 24. С. 4–8.
- ⁴³ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 4. Л. 258.
- ⁴⁴ Там же. Л. 252 — 254 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 245 об., 257 об.
- ⁴⁶ Из деятельности отделений Комитета // Известия Всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны. 1917. № 24. С. 4–8.
- ⁴⁷ ЦГИА СПб. Ф. 261. Оп. 1. Д. 122. Л. 1, 101; Д. 146. Л. 1–11.
- ⁴⁸ Из деятельности отделений Комитета // Известия Всероссийского комитета для оказания помощи пострадавшим от военных бедствий. 1917. № 20. С. 20–21.
- ⁴⁹ Из деятельности отделений Комитета // Там же. 1917. № 24. С. 4–8.
- ⁵⁰ Хроника // Там же. 1917. № 24. С. 12–15.
- ⁵¹ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 4. Л. 269.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Из деятельности отделений Комитета // Известия Всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны. 1917. № 24. С. 4–8.
- ⁵⁴ РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 4. Л. 249 об.
- ⁵⁵ Из деятельности отделений Комитета // Известия Всероссийского комитета для оказания помощи пострадавшим от военных бедствий. 1917. № 20. С. 20–21.
- ⁵⁶ Из деятельности отделений Комитета // Там же. 1917. № 23. С. 9–13; Из деятельности отделений Комитета // Там же. 1917. № 24. С. 4–8; Из деятельности отделений Комитета // Там же. 1917. № 25. С. 8–9.

References

KHITROV A. A. *Dom Romanovyh i rossijskaya blagotvoritel'nost'. Vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka: po materialam Sankt-Peterburga — Petrograda i Peterburgskoj — Petrogradskoj gubernii* [The House of Romanov and Russian Charity. Second half of the 19th — beginning of the 20th century: based on materials from St. Petersburg — Petrograd and the St. Petersburg — Petrograd province. In Russ.]: dis. ... d-ra ist. nauk. St. Petersburg, 2009.

KURTSEV A. N. *Bezhtsentsy Pervoj mirovoj vojny v Rossii (1914–1917 gg.)* [Refugees of the First World War in Russia (1914–1917). In Russ.] // *Voprosy istorii*. 1999. No. 9. P. 98–113.

SPIRIDONOVA L. M. *Deyatel'nost' Tat'yaninskogo komiteta v Penzenskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny* [Activities of the Tatiana Committee in the Penza province during the First World War. In Russ.] // *Vestnik voenno-istoricheskikh issledovanij*. 2017. No. 8. P. 77–87.

TSOVYAN D. G. *Deyatel'nost' gosudarstvennykh organov i obshchestvennykh organizatsij po okazaniyu pomoshchi bezhtsentsam v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny. 1914–1917 gg.* [The activities of government agencies and public organizations to assist refugees in Russia during the First World War. 1914–1917. In Russ.]: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2005.

UTGOF V. S. *Belorusskie bezhtsentsy Pervoj mirovoj vojny v 1914–1922 gg.* [Belarusian refugees of the First World War in 1914–1922. In Russ.]: dis. ... kand. ist. nauk. St. Petersburg, 2003.

ZLATINA M. A. *Krug problem, obsuzhdaemshikhsya na zasedaniyakh Osobogo soveshchaniya po ustrojstvu bezhtsenc v yanvare — marte 1917 goda* [The range of problems discussed at the meetings of the Special Meeting on the Settlement of Refugees in January — March 1917. In Russ.] // *Revolutsiya 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzglyady*: Sb. nauch. st. St. Petersburg, 2018. P. 43–50.

ZLATINA M. A. *Obsuzhdenie dal'nejshej deyatel'nosti Tat'yaninskogo komiteta na zasedaniyah Osobogo soveshchaniya po ustrojstvu bezhtsenc (mart — april' 1917 g.)* [Discussion of the further activities of the Tatiana Committee at the meetings of the Special Meeting on the Settlement of Refugees (March — April 1917). In Russ.] // *Revolutsiya 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzglyady*. St. Petersburg, 2019. S. 89–95.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

И. Н. Васильев. Татьянанский комитет в период между двух революций (весна — осень 1917 г.) // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 95–105

Аннотация: Несмотря на обилие публикаций по истории Татьянанского комитета и его деятельности в годы Первой мировой войны, история Комитета в период революционных потрясений изучена сравнительно мало. После Февральской революции Комитет за свою близость к царскому правительству и царской семье подвергся критике, также предпринимались попытки его полной ликвидации со стороны членов Всероссийских союзов земств и городов, конкурировавших с Комитетом. Тем не менее Комитету удалось сохранить себя как учреждение, однако он был лишен многих полномочий и привилегий, его деятельность была подчинена Министерству внутренних дел, а за самим Комитетом в полном объеме осталось только право оказывать помощь детям и учащимся. Для продолжения своей деятельности Комитету пришлось прибегнуть к ряду изменений, осуществленных на Втором съезде представителей его местных отделений. Было обновлено его название и руководство, членам и сотрудникам Комитета был предоставлен ряд прав, а региональные отделения получили возможность при необходимости ликвидировать отделения. Преобразования на демократических началах способствовали реформированию состава Комитета и более открытому обсуждению его деятельности, однако в целом Комитет перестал быть ведущим благотворительным учреждением в области оказания помощи беженцам и связующим звеном между многочисленными беженскими учреждениями. Кроме того, Комитет лишился ряда своих региональных подразделений, как правило, переходивших в руки городских и губернских совещаний по устройству беженцев.

Ключевые слова: Первая мировая война, беженцы, система оказания помощи беженцам, Татьянанский комитет, Февральская революция.

FOR CITATION

I. N. Vasiliev. The Tatiana Committee between two revolutions (spring – autumn 1917) // Petersburg historical journal, no. 3, 2024, pp. 95–105

Abstract: Despite the plethora of literature on the history of the Tatiana Committee and its activities during the First World War, the history of the Committee during the revolutionary upheaval has been relatively understudied. Following the February Revolution, the Tatiana Committee came under criticism for its proximity to the tsarist government and the tsarist family. Attempts were also made to completely eliminate it by members of the All-Russian Unions of Zemstvos and Cities, which competed with the Committee for influence. Nevertheless, the Committee was able to maintain its institutional status, albeit with significant limitations. Its powers and privileges were curtailed, its activities were aligned with those of the Ministry of the Interior, and its scope of assistance was restricted to children and students. In order to continue its activities, the Committee was compelled to implement a series of structural modifications, as outlined at the second congress of representatives from its local branches. The name and management of the Committee were updated, a number of rights were granted to the members and staff of the Committee, and the regional offices of the Committee were able to liquidate the offices if necessary. The democratic transformation has contributed to the reform of the Committee and a more open discussion of its activities. However, in general, the Committee has ceased to be the leading charitable institution in the field of refugee assistance and the link between numerous refugee institutions. Furthermore, the Committee relinquished control of several of its regional divisions, which were typically transferred to the jurisdiction of city and provincial refugee coordination meetings.

Key words: World War I, refugees, refugee assistance system, the Tatiana Committee, February Revolution.

Автор: **Васильев, Иван Николаевич** – аспирант СПбИИ РАН, преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (СПб ГУАП) (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Vasiliev, Ivan Nikolayevich** – graduate student at St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of sciences (SPbIH RAS), Lecturer at the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (SUAI) (St. Petersburg, Russia).

E-mail: invasiliev95@gmail.com

К. А. Болдовский

Практика организации трудовых мобилизаций в Ленинграде в первые месяцы Великой Отечественной войны*

Участие жителей Ленинграда в работах по обеспечению обороны города и поддержанию городского хозяйства является одной из причин успехов Ленинграда в борьбе в сложнейших условиях первых военных месяцев. Трудовые мобилизации горожан — наглядное свидетельство того, что известное определение «город-фронт» отнюдь не было пропагандистским клише. Трудовые усилия сотен тысяч ленинградцев стали тем ресурсом, с помощью которого руководство города решало первостепенные задачи обороны, функционирования промышленности и поддержания инфраструктуры.

Важная роль трудовых мобилизаций подчеркивается практически во всех фундаментальных, обобщающих работах по истории блокады Ленинграда¹. Вместе с тем исследований, посвященных конкретным вопросам привлечения населения города к трудовой повинности, опубликовано не слишком много². Цель настоящей статьи — проанализировать формы и методы организации трудовых мобилизаций населения Ленинграда в первые месяцы Великой Отечественной войны — с июля по декабрь 1941 г.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01783 «Трудовые мобилизации населения в годы блокады Ленинграда (1941–1944 гг.)». URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01783/>

Вопрос о привлечении населения к трудовой повинности руководство города начало обсуждать буквально в первый день после начала войны — 23 июня 1941 г., в ходе общего совещания руководителей города в горкоме партии, посвященного мерам по реализации положений Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении»³. Стенограмма этого совещания вполне характеризует обстановку первых военных дней: «Тов. Кузнецов⁴. По подпункту “а” — “привлечение трудового населения для выполнения оборонных работ <...>”. Какие будут предложения по этому пункту? <...>

Тов. Кацнельсон⁵. Имеем право мобилизовать неработающее население в оборонную промышленность, например, в авиацию, подбивать гвоздики и т. д.

Тов. Кузнецов. Каким путем это дело оформить?

Тов. Кацнельсон. По-моему, райкомы или райсоветы. Предположим, обязать Приморский райисполком мобилизовать <...> 500 человек.

Тов. Кузнецов. Когда у нас будут данные по предприятиям, в которые нужно посылать людей?

Тов. Капустин⁶. Надо обязать зав. отделами через час представить потребное количество.

<...> Тов. Федорова⁷. Нам нужно около 2-х тысяч человек в госпитали. Можно получить по трудовинности, иначе не набрать. <...>

Тов. Капустин. Мы не пробовали обратиться к населению. И домработницы, и домашние хозяйки пойдут. Мы еще не обращались. Сейчас речь идет о том, чтобы упорядочить на заводах.

Тов. Шумилов⁸. Домработниц не возьмешь, а домашних хозяек мы в госпиталях держать не можем.

Тов. Кузнецов. Сюда можно призвать. Большая часть будет добровольцев.

Тов. Мотылев⁹. <...> У меня есть еще общий вопрос. Я просил бы в связи с тем, что все вопросы проходят сейчас через исполком, не перебивать, чтобы все, что делается в других аппаратах, в аппарате обкома, горкома шло через исполком. Сейчас уже имеются случаи разнобоя.

Тов. Кузнецов. Постановим — формировать по линии советской. Тут во всем должен быть порядок, если каждый будет командовать — ничего не получится. Что касается Ленгорсовета, установим: позвонил Ленсовет, надо сделать то-то и то-то, формируйте, действуйте.

Тов. Капустин. Партийный аппарат также, хоть задним числом, но информируйте»¹⁰.

Представленный документ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, стенограмма свидетельствует о том, что у городского руководства не было заранее разработанного, подготовленного на случай чрезвычайной ситуации плана организации трудовых мобилизаций. Отсутствовала даже информация о потребностях оборонных предприятий в дополнительной рабочей силе. Во-вторых, первоначально планировалось, что координация решений о привлечении населения будет возложена на Ленгорисполком и советские органы

на местах. Для выполнения этого решения Ленгорисполком уже 27 июня принял первое постановление, регламентирующее порядок привлечения граждан к трудовой повинности, а 13 июля образовал специальную комиссию под руководством заместителя председателя Ленгорисполкома Н. А. Манакова, которой поручалось «проведение трудовой повинности»¹¹.

В первые месяцы войны обстановка менялась чрезвычайно быстро, а военные действия протекали далеко не так, как планировало руководство страны в предвоенный период. Эти обстоятельства, а также то, что система управления городом в первые, летние месяцы войны находилась еще в процессе становления, привели к необходимости формирования в Ленинграде чрезвычайных органов управления: различных руководящих комиссий и многочисленных военных советов¹². В условиях приближающихся к городу военных действий резко возросла потребность в трудовых ресурсах для строительства оборонительных сооружений. Это вызвало повышенное внимание руководства к организации трудовых мобилизаций, что, в свою очередь, обусловило принятие решений о совместной работе партийных и советских органов районного уровня для обеспечения привлечения необходимого количества рабочей силы. 4 июля 1941 г. руководящая комиссия горкома и обкома партии на своем заседании рассмотрела вопрос «О перестройке работы райкомов ВКП(б)», доклад по которому был подготовлен А. А. Ждановым. В решении комиссии говорилось: «В связи с военной обстановкой, требующей быстрого разрешения вопросов и их исполнения, предложить райкомам ВКП(б) перестроить работу аппаратов райкомов на военный лад, выделив для руководства работой в районе тройки во главе с первым секретарем райкома, которые выносят решения от имени бюро райкома или райисполкома. Считать основными задачами райкомов и райисполкомов <...> организацию трудовой повинности на оборонных работах <...>»¹³. Таким образом, обеспечивать выполнение решений по трудовым мобилизациям на районном уровне было поручено одновременно партийным и советским органам¹⁴.

В первой половине сентября 1941 г., после приезда в город комиссии ГКО СССР, в Ленинграде была сформирована устойчивая управленческая система, одно из главных мест в которой занимали бюро и аппарат Ленинградского городского комитета ВКП(б) (далее — ЛГК). Центральное положение бюро ЛГК в структуре управления города обуславливалось тем, что оно одновременно выполняло несколько функций: координировало действия по реализации решений, принятых вышестоящими органами (в первую очередь ГКО и Военным советом Ленинградского фронта), руководило действиями и рассматривало предложения различных структур (аппарата ЛГК и Ленгорисполкома), реагировало на постоянно меняющуюся обстановку в регионе путем принятия постановлений по перераспределению материальных ресурсов, рабочей силы и мобилизации населения для выполнения различных работ. Необходимо добавить, что, хотя большинство текущих вопросов решалось в Ленгорисполкоме, ЛГК партии направлял деятельность практически всех городских учреждений.

Несколько упрощая ситуацию, отношения между ЛГК и горисполкомом можно охарактеризовать следующим образом: бюро ЛГК принимало основные решения по приоритетным задачам, а Ленгорисполком обеспечивал их выполнение на уровне низовых структур и контролировал работу городского хозяйства. Немаловажным было и то, что глава горисполкома П. С. Попков входил не только в состав бюро ЛГК, но и в различные узкие комиссии, созданные для предварительного обсуждения текущих вопросов. Именно П. С. Попков еще 24 июля 1941 г. решением комиссии по строительству укрепленной полосы вокруг Ленинграда был назначен ответственным за «мобилизацию рабочей силы»¹⁵.

Таким образом, начиная со второй декады сентября 1941 г. в городе сформировалось распределение полномочий по организации трудовых мобилизаций между основными органами управления. Решения о мобилизации необходимого количества работников принималось либо Военным советом Ленинградского фронта, либо бюро ЛГК ВКП(б). Исполнение решения поручалось райкомам партии, Ленгорисполкому и райисполкомам. На районном уровне райкомы обеспечивали мобилизацию через первичные партийные организации крупных предприятий и учреждений, а также контролировали выполнение поручения райисполкомами. Подобная организационная система действовала в городе на всем протяжении блокады.

Критерии привлечения граждан к трудовой повинности и порядок ее проведения были определены еще в июне — июле 1941 г. Как уже упоминалось, 27 июня 1941 г. Ленгорисполком принял постановление «О привлечении граждан к трудовой повинности в Ленинграде, Пушкине, Колпино, Петергофе и Кронштадте», в котором были сформулированы основные правила трудовой мобилизации горожан. Правовыми основаниями для мобилизации были Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении» и указания военных властей.

Привлечению к трудовой повинности подлежали «все трудоспособные граждане обоего пола в возрасте от 16 до 50 лет для мужчин и от 16 до 45 лет для женщин за исключением рабочих, работающих на предприятиях оборонной промышленности». От повинности освобождались: лица, временно утратившие трудоспособность вследствие болезни или увечья на срок, необходимый для ее восстановления; инвалиды труда и войны; беременные женщины на период времени за 8 недель до родов и роженицы в течение 8 недель после родов; женщины, кормящие грудью; женщины, имеющие детей до 8-летнего возраста при отсутствии лиц, ухаживающих за ними.

Постановление также определяло продолжительность работ по трудповинности:

- для неработающих трудоспособных граждан обоего пола — 8 часов в сутки;
- для служащих и рабочих — 3 часа в сутки после работы;
- для учащихся функционирующих учебных заведений — 3 часа в сутки после учебы.

При этом оговаривалось, что продолжительность непрерывной работы должна составлять не более 7 дней, с перерывом после этого не менее 4 дней.

В постановлении были указаны и меры наказания для уклоняющихся от выполнения работ: лишение свободы в административном порядке сроком до 6 месяцев или штраф до 3 тыс. руб.¹⁶

10 июля 1941 г. руководящая комиссия ленинградских обкома и горкома ВКП(б) одобрила текст нового постановления Ленгорисполкома¹⁷, которое было принято 11 июля. В нем уточнялся порядок мобилизаций: «Рабочие и служащие государственных корпоративных и общественных предприятий учреждений и организаций привлекаются исполкомами райсоветов депутатов трудящихся к трудовой повинности через свои предприятия и организации.

Учащиеся средних и высших учебных заведений в учебное и каникулярное время привлекаются к трудовой повинности <...> через учебные заведения.

Все остальные граждане привлекаются к трудовой повинности по месту жительства через домоуправления и комендантов домов. <...>

Все предприятия, учреждения и домохозяйства ежедневно к 11 часам утра должны иметь сведения о количестве лиц, могущих быть в данный день привлеченными к трудовой повинности. <...>

В исключительных случаях исполкомы райсоветов депутатов трудящихся по указанию исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся могут привлекать к трудовой повинности всех лиц, вне зависимости от того, подлежат ли они в данный день привлечению к трудовой повинности».

Особое значение в постановлении, на что специально обратило внимание руководство города, имел следующий пункт: «Ввиду имеющихся фактов отвлечения рабочих и служащих на выполнение трудовой повинности в рабочее время, что <...> отражается на ходе производства, обязать исполкомы райсоветов депутатов трудящихся привлекать рабочих и служащих к выполнению трудовой повинности только в нерабочее время»¹⁸.

Таким образом, в постановлении было четко зафиксировано положение о том, что все работы по трудовой повинности должны выполняться дополнительно к основному рабочему времени.

Потребность в дополнительной рабочей силе росла, и 9 августа 1941 г. было принято новое постановление Ленгорисполкома, расширявшее возрастные нормы для мобилизованных и увеличивающее продолжительность их труда: «Установить, что к выполнению работ в порядке трудовой повинности привлекаются трудоспособные мужчины в возрасте от 15 до 55 лет и трудоспособные женщины в возрасте от 16 до 50 лет.

Продолжительность непрерывной работы граждан, привлекаемых к трудовой повинности, установить в 7 дней с перерывом после этого в 1 день по работам, выполняемым в черте города, в 14 дней с перерывом в 2 дня <...>

В особых случаях пребывание на работах может быть продлено с разрешения исполкома Ленгорсовета на более продолжительные сроки до полного

окончания задания или выполнения работ на определенном участке или секторе. <...>

Предложить исполкомам райсоветов принять меры к устройству детей до 8-летнего возраста в детские учреждения (ясли, детсады, детские интернаты), организовать в домохозяйствах специальные детские комнаты для этих детей и передачу их на попечение родственникам, а женщин, освободившихся в связи с этим от ухода за детьми, привлечь к трудовой повинности»¹⁹.

Следует отметить, что в дальнейшем критерии призыва на трудовые мобилизации уже не смягчались.

Основным объектом, требующим привлечения большого количества мобилизуемых в июле — августе 1941 г., было, несомненно, строительство оборонительных рубежей в окрестностях Ленинграда. Вопросы, связанные с этой масштабной кампанией, подробно и профессионально разобраны в специально посвященной данному вопросу научной публикации²⁰. Общее количество мобилизованных превышало 470 тыс. чел. Как отмечалось в справке Леноблисполкома, подготовленной 15 декабря 1941 г. для доклада высшему руководству страны: «Только на строительстве узла обороны Бабино — Тосно, Слуцко-Колпинском, Красногвардейском, Лужском, Кингисеппском и восточном секторе работало ежедневно до 150 тыс. человек и 4,5 тыс. лошадей <...>. В отдельные периоды число работающих достигало до 250 тыс. человек»²¹.

Другим важным направлением использования мобилизованных в сентябре 1941 г. была ликвидация последствий вражеских артналетов и бомбежек. В справке, подготовленной П. С. Попковым, указывалось: «<...> формирования, кроме работ по ликвидации очагов поражения, принимали участие в работах по рытью щелей, забивке окон, оборудованию убежищ и сооружению укреплений на подступах к городу Ленинграду.

Всего на указанные работы затрачено 470 000 человекодне.

В ликвидации очагов поражения крупного налета ВВС противника 19 сентября 1941 г. было введено в действие 25 390 чел. <...>»²².

Мобилизованные привлекались также для погрузочно-разгрузочных работ, в первую очередь для разгрузки и перемещения топлива на электростанциях²³.

Во второй половине ноября 1941 г., в условиях нарастающего продовольственного кризиса, 3 тыс. мобилизованных были направлены на работы по заготовке древесной коры, использовавшейся в качестве пищевой примеси²⁴.

К концу осени 1941 г. руководству города стало ясно, что главными проблемами, которые предстоит решать в ближайшем будущем, станут продовольственный и топливный кризис. Возможным, хотя бы частичным, решением продовольственной проблемы представлялось начало эксплуатации ледового участка военно-автомобильной дороги. Для осуществления этого 15 декабря 1941 г. Военный совет Ленинградского фронта принял постановление «О мобилизации 1000 шоферов — для работы на фронтовой автомобильной дороге».

О чрезвычайности сложившейся ситуации говорит указанный в постановлении срок его исполнения — 18 часов 16 декабря²⁵.

В справках, подготовленных руководителями Ленгорисполкома П. С. Попковым и Б. М. Мотылевым в первой декаде декабря, указывалось, что необходимо заготовить и перевезти в Ленинград 550 тыс. кубометров дров и 450 тыс. т торфа²⁶. Очевидно, что осуществление этих работ было возможно только при организации массовой трудовой мобилизации. Эти мобилизации были незамедлительно начаты. 10 декабря 1941 г. принято совместное постановление бюро ЛГК ВКП(б) и Ленгорисполкома «О мобилизации рабочих на лесозаготовки», согласно которому предписывалось мобилизовать «2850 человек, отобрав с предприятий годных для этой цели рабочих»²⁷. 12 декабря постановлением ЛГК ВКП(б) была объявлена мобилизация «1400 комсомольцев и молодежи города на лесозаготовки и торфоразработки». В январе 1942 г. было мобилизовано на лесозаготовки еще 3 тыс. рабочих на срок до 1 апреля²⁸.

Одновременно с этим принимались меры по упорядочению категорий жителей, не подлежащих трудовым мобилизациям. Кроме частных решений об освобождении от трудовой повинности рабочих предприятий, выполняющих конкретные оборонные заказы, таких как Балтийский завод или Охтинский химический комбинат, от мобилизации освобождались целые категории: «работники прилавка продовольственных магазинов и работники столовых», преподаватели и учащиеся 7–10-х классов школ²⁹. 6 декабря было принято постановление бюро ЛГК ВКП(б) «О проведении зимних экзаменов в вузах и втузах», в котором предписывалось: «Запретить исполкомам районных Советов депутатов трудящихся привлекать к трудовой повинности студентов в период подготовки и проведения экзаменов — с 8 декабря 1941 г. по 8 февраля 1942 г.»³⁰.

Таким образом, были сделаны первые шаги по формированию устойчивой, стабильной системы трудовых мобилизаций, позволяющей упреждать грядущие вызовы.

Приведенные в статье данные дают возможность сделать вывод о том, что меры, принятые ленинградским региональным руководством для организации трудовых мобилизаций в первые месяцы Великой Отечественной войны, носили в целом ситуационный, импровизационный характер. Изменения, продиктованные конкретными вызовами, обусловленными изменениями военной обстановки, вносились немедленно, часто без предварительной подготовки. Это свидетельствует в пользу предположения о том, что какого-либо заранее разработанного плана на случай чрезвычайной ситуации по привлечению населения к трудовой повинности не существовало.

Начиная с сентября 1941 г. в Ленинграде происходило упорядочение руководящих структур и практик принятия управленческих решений. Это обусловило изменения в организации трудовых мобилизаций населения, которая стала принимать более системный характер с частичным планированием ис-

пользования трудовых ресурсов в краткосрочной перспективе. К продовольственному и топливному кризисам зимы 1941–1942 гг. руководители города стали готовиться если и не заблаговременно, то, во всяком случае, до того, как они достигли пика.

Региональные власти в сравнительно короткий срок смогли создать устойчиво работающую систему привлечения населения к трудовой повинности и перемещения значительных контингентов работников на наиболее важные направления и объекты.

-
- ¹ Из работ последнего времени см.: *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. СПб., 2013. С. 62–64, 522–525.
 - ² *Данилов П. П.* Ленинградцы на строительстве оборонительных рубежей в 1941–1942 годах // Отечественная история. 2001. № 3. С. 163–169; *Гриднев В. П.* Руководство оборонительным строительством в битве за Ленинград // Управленческое консультирование. 2017. № 2. С. 78–84; *Стефаненко А. Ю.* 1) Трудовые мобилизации для строительства оборонительных рубежей в 1941 г. в Ленинграде и Ленинградской области // Петербургский исторический журнал. 2023. № 2 (38). С. 18–31; 2) Документы райкомов ВКП(б) блокадного Ленинграда о трудовых мобилизациях населения (1941–1944 гг.) // Отечественные архивы. 2024. № 1. С. 43–52.
 - ³ Пункт За Указа предусматривал, что «3. В местностях, объявленных на военном положении, военным властям предоставляется право: а) в соответствии с действующими законами и постановлениями Правительства привлекать граждан к трудовой повинности для выполнения оборонных работ, охраны путей сообщения, сооружений, средств связи, электростанций, электросетей и других важнейших объектов, для участия в борьбе с пожарами, эпидемиями и стихийными бедствиями» (Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. М., 1956. С. 213–215).
 - ⁴ Кузнецов Алексей Александрович — второй секретарь ленинградского горкома (далее — ЛГК) ВКП(б). 23 июня 1941 г. А. А. Жданов, первый секретарь ленинградских горкома и обкома партии, находился в отпуске и еще не прибыл в Ленинград.
 - ⁵ Кацнельсон Залман Моисеевич — секретарь ЛГК ВКП(б) по авиационной промышленности.
 - ⁶ Капустин Яков Федорович — секретарь ЛГК ВКП(б).
 - ⁷ Федорова Евгения Тихоновна — заместитель председателя Ленгорисполкома.
 - ⁸ Шумилов Николай Дмитриевич — секретарь ЛГК ВКП(б) по пропаганде.
 - ⁹ Мотылев Борис Михайлович — заместитель председателя Ленгорисполкома.
 - ¹⁰ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг.: Сборник документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Ч. I: Июнь 1941 г. — март 1942 г. СПб: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2019. С. 20–24.
 - ¹¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1421. Л. 173.
 - ¹² Подробно этот вопрос разобран в: *Чистиков А. Н.* Чрезвычайные органы управления Ленинградом летом 1941 г. // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3 (27). С. 189–200; *Болдовский К. А.* Партийный аппарат Ленинграда как элемент управленческой структуры города периода блокады // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3 (27). С. 201–215.

- ¹³ Блокада в решениях... С. 31.
- ¹⁴ Более подробно о деятельности райкомов партии в этой области см.: Стефаненко А. Ю. Документы райкомов ВКП(б)...
- ¹⁵ Блокада в решениях... С. 39.
- ¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1420. Л. 128–130.
- ¹⁷ Блокада в решениях... С. 37.
- ¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1421. Л. 144–146.
- ¹⁹ Там же. Д. 1423. Л. 353–354.
- ²⁰ Стефаненко А. Ю. Трудовые мобилизации...
- ²¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 130. Л. 2–9.
- ²² Там же. Л. 80–81.
- ²³ Блокада в решениях... С. 447; ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 49. Л. 156.
- ²⁴ Блокада в решениях... С. 430.
- ²⁵ Постановления Военного совета Ленинградского фронта: Сборник документов. Т. 1. СПб: Нестор-История, 2023. С. 247.
- ²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 130. Л. 61–62.
- ²⁷ Блокада в решениях... С. 486.
- ²⁸ Там же. С. 493, 575.
- ²⁹ Там же. С. 355.
- ³⁰ Там же. С. 473.

References

Blokada v reshenijah rukovodjashhij partijnyh organov Leningrada. 1941–1944 gg.: Sb. dokumentov. Postanovlenija bjuro leningradskih gorkoma i obkoma VKP(b), stenogrammy zasedanij. Ch. I. Ijun' 1941 g. – mart 1942 g. [The siege in the decisions of the leading party organs of Leningrad. 1941–1944. Collection of documents. Resolutions of Leningrad city and regional party bureau, meetings transcripts. Vol. 1. June 1941 – March 1942. In Russ.] // *Otv. sost. K. A. Boldovskij. St. Petersburg, 2019.*

BOLDOVSKIY K. A. *Partijnyj apparat Leningrada kak element upravlencheskoj struktury goroda perioda blokady* [Leningrad party apparatus during the blockade: the key element of the city management system. In Russ.] // *Peterburgskij istoricheskij zhurnal. 2020. No. 3 (27). P. 201–215.*

CHISTIKOV A. N. *Chrezvychajnye organy upravleniya Leningradom letom 1941 g.* [Emergency authorities in Leningrad in the summer of 1941. In Russ.] // *Peterburgskij istoricheskij zhurnal. 2020. No. 3 (27). P. 189–200.*

DANILOV P. P. *Leningradcy na stroitel'stve oboronitel'nyh rubezhej v 1941–1942 godah* [Leningraders on the construction of defensive lines in 1941–1942. In Russ.] // *Otechestvennaja istorija. 2001. No. 3. P. 163–169.*

GRIDNEV V. P. *Rukovodstvo oboronitel'nyh stroitel'stvom v bitve za Leningrad* [Leadership of defensive construction in the battle for Leningrad. In Russ.] // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2017. No. 2. P. 78–84.*

SOBOLEV G. L. *Leningrad v borbe za vyzhivanie v blokade. Kniga 1: Iyun' 1941 – Maj 1942* [Leningrad in the struggle for survival in the blockade. Book 1: June 1941 – May 1942. In Russ.] *St. Petersburg, 2013.*

STEFANENKO A. Yu. *Trudovye mobilizacii dlya stroitel'stva oboronitel'nyh rubezhej v 1941 g. v Leningrade i Leningradskoj oblasti* [Labour mobilization for the construction of defensive lined in 1941 in Leningrad and Leningrad Region. In Russ.] // *Peterburgskij istoricheskij zhurnal. 2023. No. 2. P. 18–31.*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

К. А. Болдовский. Практика организации трудовых мобилизаций в Ленинграде в первые месяцы Великой Отечественной войны // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 106–116

Аннотация: Статья анализирует процесс организации трудовых мобилизаций населения Ленинграда в первые месяцы Великой Отечественной войны. Привлечение населения к выполнению работ для обороны, промышленности и городского хозяйства сыграло важную роль устойчивой системы жизнеобеспечения Ленинграда в период блокады. Руководство города приступило к организации трудовых мобилизаций в первые дни войны. Основными органами управления мобилизацией были бюро горкома партии, Ленгорисполком, Военные советы Северного и Ленинградского фронтов. Постановление Ленгорисполкома, принятое 27 июня 1941 г., определяло основные категории граждан, которые могли быть призваны в порядке трудовой мобилизации. Были определены также продолжительность рабочего времени и ответственность за уклонение от трудовой мобилизации. Работающие жители города мобилизовывались администрацией предприятий и учреждений, учащиеся — руководством учебных заведений, неработающие — домовыми управлениями по месту жительства. В первые месяцы войны большинство мобилизованных привлекалось для строительства оборонительных сооружений. В дальнейшем, до декабря 1941 г., трудовые мобилизации использовались для проведения погрузочно-разгрузочных работ, строительства бомбоубежищ, ликвидации последствий артиллерийских обстрелов и бомбежек, заготовки дров и других работ. В начальный период отсутствовал четкий план мобилизации работающего населения. По этой причине власти были вынуждены освобождать ошибочно мобилизованных работников предприятий, выпускавших оборонную продукцию. В дальнейшем руководство города специальными решениями освобождало от трудовой мобилизации учреждения и организации, выполнявшие критически важные работы. Выплата заработной платы мобилизованным осуществлялась местными органами власти, а для оборонных работ — за счет средств фронта. Продовольственное снабжение организовывало управление Ленгорисполкома. В декабре 1941 г. руководство города определило важнейшие направления привлечения трудовых ресурсов на период зимы 1941–1942 гг.: заготовки дров и торфа, а также погрузочно-разгрузочные работы на военно-автомобильной дороге («Дороге жизни»). За первые месяцы войны удалось подготовить работоспособную систему управления трудовыми мобилизациями, что позволило широко развернуть эту работу в 1942–1943 гг.

Ключевые слова: блокада, Ленинград, Великая Отечественная война, трудовые мобилизации, трудовая повинность, партийные органы, Военный совет, Ленинградский фронт, Ленгорисполком, оборонительные сооружения, топливо.

FOR CITATION

K. A. Boldovskiy. The organizing practices of labor mobilizations in Leningrad during the first months of the Great Patriotic War // Petersburg historical journal, no. 3, 2024, pp. 106–116

Abstract: The article presents an analysis of the organisational process of the Leningrad population's labour mobilisations during the initial stages of the Great Patriotic War. During the Siege, the population was engaged in the execution of tasks pertaining to the defence of the city, the functioning of industrial and urban services, and the maintenance of a sustainable support system for the residents of Leningrad. The city leadership initiated the organisation of labour mobilisations at the outset of the war. The principal bodies responsible for the organisation of the mobilisations were the City Party Committee Bureau, the Leningrad City Executive Committee and the Military Councils of the Northern and Leningrad Fronts. The resolution of the Leningrad City Executive Committee, adopted on 27 June 1941, delineated the principal categories of citizens who could be conscripted through labour mobilisation. Furthermore, the article delineates the duration of working hours and the accountability for evading labour mobilisation. The administration of enterprises and institutions was responsible for mobilising employed residents, while the management of educational institutions assumed this duty for students. House administrations at the place of residence of non-employed residents were tasked with mobilising this demographic. In the initial stages of the conflict, the majority of those mobilised were engaged in the construction of defensive structures. Subsequently, until December 1941, labour mobilisations

were employed for a variety of purposes, including loading and unloading operations, the construction of bomb shelters, the clearance of the consequences of artillery shelling and bombing, the collection of firewood and other tasks. In the initial period, there was no discernible plan for mobilising the working population. As a result, the authorities were compelled to release workers who had been erroneously mobilised from defence enterprises. Subsequently, the city leadership, by special decree, exempted from labour mobilisation institutions and organisations that were engaged in work of critical importance. The remuneration of wages for those who had been mobilised was the responsibility of the local authorities, while the costs associated with their participation in defence work were borne by the Front. The Leningrad City Executive Committee was responsible for the organisation of food supplies. In December 1941, the city leadership identified the most important areas for the attraction of labour resources, namely the cutting of fuelwood and peat, as well as loading and unloading operations on the military road, which was known as the 'Road of Life'. During the initial months of the war, a well-functioning system of labour mobilisations was established, which enabled the success to be broadened in 1942–1943.

Key words: the Siege, Leningrad, the Great Patriotic War, labor mobilisations, labor service, party bodies, Military Council, Leningrad Front, Leningrad City Executive Committee, defensive structures, fuel.

Автор: **Болдовский, Кирилл Анатольевич** — к.и.н., старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Boldovskiy, Kirill Anatol'evich** — PhD in History, senior research fellow, Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science (St. Petersburg, Russia).

E-mail: bold63@mail.ru

ORCID0000-0002-7152-9484

И. А. Данилов

Каспар фон Шенберг / Гаспар де Шомбер — слуга двух господ*

В последние годы наблюдается устойчивый исследовательский интерес к раннему Новому времени как к переходной эпохе, в разных аспектах созвучной современности. При этом особое внимание уделяется XVI в. — периоду религиозных и династических войн в Центральной и Западной Европе. Дополнительным стимулом к активизации подобных штудий, без сомнения, послужил 500-летний юбилей зародившейся в недрах Священной Римской империи Реформации¹ и желание оценить с дальнего ракурса исторические последствия религиозного раскола.

Вместе с тем объектом изучения становятся не только отдельные деятели этой эпохи, но и целые социальные группы, в первую очередь осознающее себя самостоятельной политической силой дворянство². В указанный период представители высшей знати — курфюрсты и владетельные герцоги — в основном заняты консолидацией столетиями дробившихся на мелкие лены родовых земель и приобретением новых территорий с целью усиления собственных государств, что приводит к многочисленным внутри- и междинастическим конфликтам. Но прежде всего они озабочены вопросом выбора веры, дабы примкнуть к католической или протестантской лиге и тем самым найти для себя наиболее выгодную нишу в межконфессиональной борьбе. И здесь, не без влияния политического интереса, периодически наблюдаются метания из одного лагеря

* Исследование осуществлено в рамках гранта РНФ № 21-18-00181 «Итинерарии власти. Передвижения правителей России и Западной Европы в политической культуре XVI — начала XVII в.», 2021–2023 гг.

в другой. Тогда как для их вассалов (которых в немецкой историографии принято называть низшим дворянством или рыцарством) выбор конфессии напрямую связан с проблематикой сословного долга и верности своему сюзерену. Но и представителям этой страты новые времена предоставили новые социальные лифты.

Известно, что с ростом численности дворянских родов даже в процветающих небольших немецких княжествах не хватало придворных должностей, способных канализировать кипучую энергию и удовлетворить амбиции всех желающих. В столь непростой ситуации торными путями для карьерного роста были:

- имперская служба;
- военное дело (в том числе наемничество);
- попытки — с благословления своего сюзерена — обрести поприще за пределами Священной Римской империи, в других государствах.

В эпоху религиозных войн военная карьера во Франции стала наиболее массовым явлением среди немецких дворян. По справедливому замечанию А. Ю. Прокопьева, их можно условно разделить на две группы. После смерти в 1558 г. императора Карла V, запрещавшего своим подданным служить врагам империи, как в королевские, так и в протестантские французские войска стекались бедные рыцари из географически близкого Пфальца, со Среднего Рейна, из Швабии, Саксонии, Померании и Пруссии, а также сторонники Вильгельма фон Грумбаха, эмигрировавшие во Францию из эрнестинских земель в Тюрингии после его поражения в 1567 г. Лишь последние, будучи радикалами, сражались исключительно на стороне гугенотов из идейных соображений. Все прочие стремились прежде всего улучшить свое материальное положение и потому изъявляли готовность воевать за того, кто больше заплатит. Однако и те, и другие, по существу, были обычными наемниками, «солдатами удачи». Ко второй группе принадлежали в основном члены наиболее знатных и состоятельных родов богатой Саксонии, в том числе Лёзеров, Поникау, Бербисдорфов и так называемых четырех столпов саксонского дворянства³: «Это были потомки очень часто богатых и уважаемых семей, которые пользовались доверием своих патронов и веками занимали высокие придворные должности. Повышение социального престижа было основной целью их карьеры во Франции. Для представителей этой группы была характерна известная степень оппортунизма в отношении фронтов, они часто меняли партию и союзников. Евангелических дворян из этой группы часто можно встретить при королевском дворе последних Валуа и в рядах королевских войск»⁴. И все же большинству из них так и не удалось натурализоваться во Франции. Они вернулись в Германию.

Тем ярче на этом фоне выглядит блистательная карьера при французском дворе Каспара фон Шенберга⁵. Это была настоящая история успеха. Недаром уже в последней трети XIX в. она привлекла к себе внимание сразу двух историков: немецкого пастора из Лупы, историографа саксонского дворянства, автора

основанного на корпусе документов из разных земельных и городских архивов Саксонии фундаментального труда «История рода Шенберг Мейссенской ветви» Альберта Фрауштадта⁶ и его французского тезки, профессора Лионского университета, специалиста по истории Пруссии Альберта Ваддингтона, посвятившего этой теме специальную работу «Франция и немецкие протестанты при Карле IX и Генрихе III. Юбер Ланге и Гаспар де Шомбер»⁷. Стоит отметить, что оба сочинения написаны после франко-прусской войны и во многом исходят из современного взгляда на процессы трехсотлетней давности, омраченного новым противостоянием. Так, Фрауштадт оценивает участие немецких наемников в религиозных войнах во Франции XVI в. резко негативно, полагая, что сформировавшаяся в их ходе «беспринципность» воинов лютеранского вероисповедания, которые сосредоточились исключительно на наживе и не имели других, высоких целей, как и сам по себе «противоестественный» союз между католическим французским двором и протестантскими князьями в результате принесли горькие плоды и рикошетом ударили по Германии во время Тридцатилетней войны⁸. Поэтому, с его точки зрения, находясь на королевской службе, Шенберг как выпадающая из общего ряда фигура продолжает сохранять верность своему сюзерену и действует в интересах Саксонии. Напротив, Ваддингтон полагает, что этот «храбрый саксонец, человек войны, без четко выраженных религиозных убеждений, <...> без колебаний бросил собственную страну ради Франции»⁹, подобно своему французскому визави Юберу Ланге. Однако на самом деле Шенберг личность куда более сложная. Он способен одновременно и на решительные действия, востребованные на поле боя, и на тонкую дипломатическую игру, стратегический расчет, наконец, как никто другой подходит на роль медиатора в ситуации многовекторных противостояний переходного времени. И потому его социальный успех далеко не случаен.

Каспар фон Шенберг (1540–17 марта 1599) родился неподалеку от Фрайберга в родовых владениях Обершёна. Он был вторым сыном амтгауптмана Рохлица Вольфа фон Шенберга (1500–16 января 1568) из Дома Шёнау от брака с Анной фон Минквиц, и таким образом, изначально не мог претендовать на фамильные земли и приоритет в обретении значимых придворных должностей. Получив разностороннее домашнее образование, в 1560 г. вместе со своим старшим братом Гансом Вольфом (4 мая 1539 – 8 декабря 1603) он отправился учиться в недавно основанное в Страсбурге Иоганном Штурмом высшее учебное заведение для немецкого дворянства. Здесь Каспар впервые продемонстрировал оба таланта, которые позволили ему впоследствии продвинуться по карьерной лестнице: интерес к ученому диспуту, в ходе которого оттачивались навыки переговорщика, и страсть к военному делу, на этом этапе выражавшаяся в отчаянном бретерстве. Однако Каспару хотелось расширить свой кругозор, путешествовать и учиться в Париже. Это намерение совпало с желанием курфюрста Августа иметь доверенное лицо при французском дворе, чтобы контролировать интенсивные контакты своих конкурентов за власть в Саксонии

из Эрнестинской линии Дома Веттинов — герцога Иоганна Вильгельма Веймарского и его братьев.

Осенью 1561 г. Каспар уехал во Францию по поручению курфюрста Августа с обязательством последнего уплатить ему за эту миссию 400 талеров¹⁰. Тем временем вооруженное противостояние между католиками и гугенотами постоянно возобновлялось. Поэтому, так и не добравшись до Парижа, в мае 1562 г. он вынужден был принять участие в защите от католиков на стороне протестантов г. Анже (Анжера), где остановился, чтобы освоиться в новой стране и усовершенствовать свой французский язык. Здесь Каспар впервые проявил незаурядный организаторский талант, став, по существу, руководителем обороны города. Но силы были неравны, и ему пришлось бежать в Орлеан к герцогу Конде. Тот, в свою очередь, искал военной поддержки у единоверцев в немецких землях и воспользовался дипломатическими талантами Каспара, отправив его в июне 1562 г. для переговоров с герцогом Кристофом Вюртембергским. Спустя месяц он же возглавил французское посольство к немецким княжеским дворам в Цвайбрюккене и Касселе, которое увенчалось выдающимся успехом: гессенский маршал Фридрих фон Рольсгаузен привел на помощь французским протестантам большой отряд немецких вспомогательных войск, а имперские князья собрали для них 100 000 золотых гульденов¹¹.

После заключения мирного договора между гугенотами и католиками в Амбуазе 19 марта 1563 г. Каспар наконец смог вернуться к своей первоначальной миссии и, получив разрешение у своего сюзерена курфюрста Саксонии, поступил на службу к королю Франции Карлу IX. С этого времени он неизменно оставался верен короне на поле брани, хотя при этом пользовался любой возможностью, чтобы проявить себя как верный вассал императора Священной Римской империи. Так, например, в 1566 г. Каспар присоединился к молодому герцогу Генриху (Анри) де Гизу, дружба с которым продолжалась до конца его жизни, для участия в походе Максимилиана II против турок. Когда же Шенбергу пришлось покинуть театр военных действий из-за болезни, король назначил его своим камергером.

Следуя во Францию, Каспар остановился в Саксонии, где возобновил тайные переговоры со своим сюзереном, который еще в начале 1566 г. предпринял осаду Готы и хотел заручиться поддержкой французского двора в своей борьбе с эрнестинцами. (Кампания завершилась взятием 13 апреля 1567 г. расположенной здесь резиденции герцога Саксонии и ландграфа Тюрингии Иоганна Фридриха и его пленением.) В свою очередь, Карл IX нуждался в немецкой военной и финансовой помощи, а потому был крайне заинтересован в наметившемся союзе протестантских князей во главе с Августом Саксонским¹². С этого момента между Дрезденом и Парижем установилась настоящая челночная дипломатия, которая осуществлялась силами Каспара фон Шенберга и Юбера Ланге вплоть до Варфоломеевской ночи. Оба были ее свидетелями в Париже и испытали настоящий шок, как и протестантские князья Германии. Однако

спустя некоторое время энергичный Каспар нашел в себе силы возобновить переговоры с Августом, а затем его преемником Христианом I, в разных форматах продолжавшиеся до конца 1580-х гг.¹³

На этом сложном политическом фоне военная карьера Шенберга развивалась весьма успешно. Ее пиком стала состоявшаяся 3 октября 1569 г. битва при Монконтуре, в ходе которой Каспар командовал арьергардом немецких всадников и во многом обеспечил победу католикам, после чего стал фельдмаршалом Франции. Одновременно он продолжал выполнять функции переговорщика с немецкими наемниками, действуя как представитель двора и без конца улаживая разнообразные конфликтные ситуации, начиная с их взаимоотношений с местным населением и заканчивая бойкотом приказов ввиду задержек при выплате жалования¹⁴.

При следующем короле Франции Генрихе III Каспар был членом Государственного совета и получил графство и титул Нантёй, а также помогал королю и его преемнику Генриху IV в борьбе с Католической лигой¹⁵. Современники считали его выдающимся государственным деятелем.

15 июля 1573 г., находясь в Париже, Каспар фон Шенберг при активной поддержке Екатерины Медичи женился на знатной даме Жанне де Шастенье и, вероятно, одновременно перешел в католичество¹⁶. Во Франции его стали называть Гаспар де Шомбер.

Дети от этого брака продолжили развивать карьерный успех своего отца¹⁷. Старший сын Гаспара Генрих (Анри де Шомбер; 1575 – 17 ноября 1632) уже окончательно закрепился во Франции. Король Франции Генрих IV поддерживал молодого де Шомбера, видя в нем, в свою очередь, преемника отца на государственном поприще. В 1607 г. король назначил его членом Государственного совета, а в 1608 г. пожаловал должность губернатора провинции Лимузен¹⁸. Кроме того, как и Гаспар, Анри (Генрих) выполнял разнообразные дипломатические поручения. В следующее царствование он еще больше упрочил свою карьеру, был другом кардинала Ришелье и одним из видных полководцев при Людовике XIII, участвовал в борьбе против герцога Букингемского при осаде Ла-Рошели, в спорах за Мантую и в подавлении Фронды. В 1619–1622 гг. Анри занимал пост генерального инспектора финансов, в 1625 г. стал маршалом Франции, а незадолго до смерти – губернатором Лангедока¹⁹, и в результате продвинулся в ряды высшего французского дворянства.

В свою очередь, младший сын Гаспара Ганнибал (1579–1604) делал попытки построить успешную военную карьеру, и в 1603 г. участвовал в кампании в Венгрии, причем командовал полком немецких всадников и полком ландскнехтов. Без сомнения, его ждала воинская слава. Однако вскоре нелепая случайность оборвала его жизнь²⁰.

Внук Гаспара и сын Анри Шарль (Карл) воспитывался в качестве «ребенка из почетной свиты наследника» (*enfant d'honneur*) вместе с будущим королем Людовиком XIII. В Лотарингской войне 1632 г. он возглавлял королевскую

конницу при Рувруа (Rouvrou) и получил ранение. После смерти отца унаследовал его владения и присоединил провинцию Лангедок. Титул маркиза де Эпине (Marquis de Epinau) перешел к Шарлю от родственников по материнской линии. В 1620 г. он женился на герцогине Анне д'Аллюэн (d'Halluin), которая ранее была обручена с Генрихом де Фуа (Foix). Благодаря этому браку Карл получил титул герцога д'Аллюэн (d'Halluin) и пэра Франции. После смерти Анны д'Аллюэн Шарль женился во второй раз на Марии де Отфор (de Hautefort), дочери маркиза Шарля де Отфора (Marquis Charles de Hautefort). Она была придворной дамой Марии Медичи, а позже королевы Анны. Оба брака Шарля не принесли потомства, поэтому вместе с ним угасла мужская ветвь рода Шомберов во Франции, а красно-зеленый лев Шенбергов перешел на герб герцогов Лианкур (Liancourt) и Ла-Рош-Гийон (Rocheguon)²¹.

Подводя итог насыщенной бурными историческими событиями жизни Каспара фон Шенберга / Гаспара де Шомбера и его потомков, нельзя не вспомнить библейскую максиму «Et cela aussi passera!» — «И это пройдет!» Судьба вознесла этого дворянина на вершины власти и наградила воинской славой, заставила ярко сиять его звезду. Но и она вскоре погасла. Выбранное Каспаром в начале пути поприще поневоле требовало постоянных перемещений как внутри Франции и Германии, так и между разными странами. С этой точки зрения его итинерарии представляют особый интерес и совпадают с основными линиями тогдашней межгосударственной, внутрифранцузской, внутриимперской и внутрисаксонской политики, очерчивая границы не только французских религиозных войн, но и протестантского мира Священной Римской империи в конце XVI в.

¹ Как всякое переходное состояние, Реформация — благодатная почва для исследования макро- и микроструктур, а также ментальной истории. И с этой точки зрения она давно уже служит предметом пристального внимания специалистов. Литература вопроса огромна. Отметим лишь наиболее авторитетные энциклопедии и монографии последнего времени: *Theologische Realenzyklopädie*: In 36 Bde. Berlin; New York, 1971–2004; *The Oxford Encyclopedia of the Reformation* / Hrsg. H. J. Hillerbrand: In 4 Bde. New York; Oxford, 1996; *Dixon S. C. The Reformation in Germany*. Oxford, 2002; *Ehrenpreis S., Lotz-Heumann U. Reformation und konfessionelles Zeitalter*. Darmstadt, 2002; *Klueting H. Das Konfessionelle Zeitalter. Europa zwischen Mittelalter und Moderne*. Kirchengeschichte und Allgemeine Geschichte. Darmstadt, 2007; *Hamm B., Welker M. Die Reformation Potentiale der Freiheit*. Tübingen, 2008; *Schorn-Schütte L. Konfessionskriege und europäische Reformation. Europa 1500–1648*. München, 2010; *Friedeburg R. von. Europa in der frühen Neuzeit*. Frankfurt a. M., 2012; *Marshall P. Die Reformation in Europa*. Stuttgart, 2014; *Das Reformatorlexikon* / Hrsg. I. Dingel, V. Leppin. Darmstadt, 2014; *Leppin V., Schneider-Ludorff G. Das Luther-Lexikon*. Regensburg, 2015; *Leppin V. Transformationen. Studien zu den Wandlungsprozessen in Theologie und Frömmigkeit zwischen Spätmittelalter und Reformation*. Tübingen, 2015. См. также библиографию: *Bibliographie zur deutschen Geschichte im Zeitalter der Glaubensspaltung 1517–1585* / Hrsg. K. Schottenloher: In 6 Bde. Leipzig, 1932–1940; 2. Aufl.

- Bd. 1–7 / Hrsg. U. Thürauf. Stuttgart, 1956–1966. Дополнением к ней служат разыскания Томаса Кауфманна: *Kaufmann T.* 1) *Evangelische Reformationsgeschichtsforschung nach 1945 // Zeitschrift für Theologie und Kirche.* 2007. Vol. 104, no. 4. S. 404–454; 2) *Die deutsche Reformationsforschung seit dem Zweiten Weltkrieg // Archiv für Reformationsgeschichte.* 2009. No. 100. S. 9–41.
- ² См., например: *Press V.* Wilhelm von Grumbach und die deutsche Adelskrise der 1560er Jahre // *Blätter für deutsche Landesgeschichte.* 1977. Bd. 113. S. 396–431; *Prokopiev A. Y.* Der deutscher Adel und die französischen Religionskriege // *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture.* 2016. Vol. 1 (13). P. 270–292.
- ³ Еще в конце XVI в. пастор и публицист Цириак Шпангенберг в труде «Дворянское зеркало» назвал четырьмя столпами саксонского дворянства Шенбергов, Шляйницев, Бюнау и Пфлугов (*Spangenberg C.* *Adels-Spiegel.* Schmalkalden: Michel Schmück, 1591–1594. T. 1. S. 172). Затем в течение XVII в. трудами Лаврентия Пеккенштейна, Мельхиаса Негеля фон Витштала и Г. Кнауца (см.: *Peccenstein L.* *Theatrum Saxonicum.* Jehna: Steinman, 1608. S. 37; *Nehel von Witstahl M.* *Chronographia decenallis.* [S. l.], 1642; *Knauth H.* *Missniae prodromus.* Leipzig, 1682) эта метафора превратилась в устойчивый термин и впоследствии вошла в научный оборот.
- ⁴ *Prokopiev A. Y.* Der deutscher Adel und die französischen Religionskriege. P. 282, 280–281. См. также: *Barthold F. W.* Deutschland und die Hugenotten: Geschichte des Einflusses der Deutschen auf Frankreichs kirchliche und bürgerliche Verhältnisse von der Zeit des Schmalkaldischen Bundes bis zum Gesetze von Nantes, 1531–1598. Bremen: Schlotdman, 1848. S. 239; *Platzhoff W.* Frankreich und die deutschen Protestanten in den Jahren 1570–1573. München, 1912; *Pariset J.-D.* Les relations diplomatiques franco-allemandes au milieu du XVIe siècle. Strasbourg, 1981; Formen internationaler Beziehungen in der frühen Neuzeit. Frankreich und das Alte Reich im europäischen Staatensystem. Festschrift für K. Malettke zum 65. Geburtstag / Hrsg. von S. Externbrink. Berlin, 2001; *Gradel O.* Les relations diplomatiques entre la France et le Saint-Empire romain germanique à l'époque des Guerres de Religion: Thèse de doctorat / Sous la dir. de J.-Fr. Labourdette et de P. Villiers. Calais: Université du Littoral-Côte d'Opale, 2006.
- ⁵ В настоящее время интерес к этой фигуре возобновился. См., например: *Daussy H.* Gaspard de Schomberg, un médiateur au service de la paix // *Paix des armes. Paix des âmes / P. Mironneau, I. Pebay-Clottes (dir.).* Paris, 2000. P. 103–110; *Proffit T.* Gaspard de Schomberg: homme de guerre, diplomate et négociateur de paix (1540–1599). Mémoire de maîtrise sous la direction de Denis Crouzet et Nicolas Le Roux. Paris: Université Paris-Sorbonne, 2004.
- ⁶ *Fraustadt A.* Geschichte des Geschlechts Schönberg Meissnischen Stammes. 2 Aufl. Leipzig, 1878. Bd. 1; Leipzig, 1878. Bd. 1. Abtheilung B.
- ⁷ *Waddington A.* La France et les protestants allemands sous Charles IX et Henri III. Hubert Languet et Gaspard de Schomberg. Extrait de la Revue historique. T. XLII. Paris, 1890. Интерес Ваддингтона к этой теме был далеко не случаен. Ранее он опубликовал монографию о «двойнике» Каспара фон Шенберга, поступившем на службу к Августу I Саксонскому в 1560 г. Юбере Ланге, также предпочитавшем скорее неофициальную роль эmissара при французском и венском дворах и сохранявшем верность своему новому господину. См.: *Waddington A.* De Huberti Langueti vita (1518–81). Paris: Ernest Leroux, 1888.
- ⁸ *Fraustadt A.* Geschichte des Geschlechts Schönberg Meissnischen Stammes. Bd. 1. S. 420.
- ⁹ *Waddington A.* La France et les protestants allemands sous Charles IX et Henri III. Hubert Languet et Gaspard de Schomberg. P. 6.
- ¹⁰ Подробнее об этом см.: *Fraustadt A.* Geschichte des Geschlechts Schönberg Meissnischen Stammes. Bd. 1. S. 422–423. См. также: *Barthold F. W.* Kaspar von Schönberg // *Raumers historisches Taschenbuch / Hrsg. W. Maurenbrecher.* Neue Folge. Leipzig, 1849. Bd. 10.
- ¹¹ *Fraustadt A.* Geschichte des Geschlechts Schönberg Meissnischen Stammes. Bd. 1. S. 424–425.
- ¹² Подробнее об этом см.: *Данилов И. А.* «В память о нашей старинной дружбе и союзе с Французским королевством». Письма Августа I Саксонского к Королю Франции Карлу IX и Екатерине Медичи // *Средние века.* 2023. Т. 84. № 1. С. 140–165.

- ¹³ См.: Waddington A. La France et les protestants allemands sous Charles IX et Henri III. Hubert Languet et Gaspard de Schomberg. P. 29–37.
- ¹⁴ Об этом, в частности, свидетельствуют четыре письма Каспара к Карлу IX, герцогу Анжуйскому и Екатерине Медичи от марта и апреля 1570 г. из Шанбон-су-Пулем и Орлеана в Берри, хранящиеся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Подробнее о них см.: Chichkine W., Gellard M. Les relations entre la cour de France et les princes allemands pendant les guerres de Religion, d'après les autographes français du fonds Dubrovsky à Saint-Pétersbourg // Francia. Forschungen zur Westeuropäischen Geschichte / Hrsg. vom Deutschen Historischen Institut Paris (Institut historique allemand). 2017. Bd. 44. S. 305.
- ¹⁵ См. об этом, например: Daussy H. Gaspard de Schomberg, un médiateur au service de la paix. P. 103–112.
- ¹⁶ Fraustadt A. Geschichte des Geschlechts Schönberg Meissnischen Stammes. Bd. 1. S. 460.
- ¹⁷ Генеалогию французской ветви Шенбергов см.: Sainte-Marie A. de. Histoire généalogique et chronologique de la maison royale de France, des pairs, grands officiers de la Couronne, de la Maison du Roy et des anciens barons du royaume... Paris, 1726–1733. Charitre XV: Genealogie de Schomberg. P. 333–335.
- ¹⁸ Fraustadt A. Geschichte des Geschlechts Schönberg Meissnischen Stammes. Bd. 1. S. 490–492.
- ¹⁹ Ibid. S. 492–504.
- ²⁰ Ibid. S. 505.
- ²¹ Ibid. S. 506–514.

References

- CHICHKINE W., GELLARD M. *Les relations entre la cour de France et les princes allemands pendant les guerres de Religion, d'après les autographes français du fonds Dubrovsky à Saint-Pétersbourg* // Francia. Forschungen zur Westeuropäischen Geschichte / Hrsg. vom Deutschen Historischen Institut Paris (Institut historique allemand). 2017. Bd. 44. S. 295–307.
- DANILOV I. A. “V pamyat’ o nashej starinnoj družbe i soyuze s Frantsuzskim korolevstvom”. *Pis'ma Avgusta I Saksonskogo k Korolyu Frantsii Karlu IX i Ekaterine Medichi* // Srednie veka. Moscow: Institut vseobshchej istorii RAN, 2023. Vol. 84; no. 1. P. 140–165.
- DAUSSY H. *Gaspard de Schomberg, un médiateur au service de la paix* // Paix des armes. Paix des âmes / P. Mironneau, I. Pebay-Clottes (dir.). Paris, 2000.
- DIXON S. C. *The Reformation in Germany*. Oxford, 2002.
- EHRENPREIS S., LOTZ-HEUMANN U. *Reformation und konfessionelles Zeitalter*. Darmstadt, 2002.
- Formen internationaler Beziehungen in der frühen Neuzeit. Frankreich und das Alte Reich im europäischen Staatensystem. Festschrift für K. Malettke zum 65. Geburtstag* / Hrsg. von S. Externbrink. Berlin, 2001.
- FRIEDEBURG R. von. *Europa in der frühen Neuzeit*. Frankfurt a. M., 2012.
- GRADEL O. *Les relations diplomatiques entre la France et le Saint-Empire romain germanique à l'époque des Guerres de Religion*: Thèse de doctorat / Sous la dir. De J.-Fr. Labourdette et de P. Villiers. Calais: Université du Littoral-Côte d'Opale, 2006.
- HAMM B., WELKER M. *Die Reformation Potentielle der Freiheit*. Tübingen, 2008.
- KAUFMANN T. *Die deutsche Reformationsforschung seit dem Zweiten Weltkrieg* // Archiv für Reformationsgeschichte. 2009. No. 100. S. 9–41.
- KAUFMANN T. *Evangelische Reformationsgeschichtsforschung nach 1945* // Zeitschrift für Theologie und Kirche. 2007. Vol. 104, no. 4. S. 404–454.
- KLUETING H. *Das Konfessionelle Zeitalter. Europa zwischen Mittelalter und Moderne. Kirchengeschichte und Allgemeine Geschichte*. Darmstadt, 2007.
- LEPPIN V., SCHNEIDER-LUDORFF G. *Das Luther-Lexikon*. Regensburg, 2015.
- LEPPIN V. *Transformationen. Studien zu den Wandlungsprozessen in Theologie und Frömmigkeit zwischen Spätmittelalter und Reformation*. Tübingen, 2015.

- MARSHALL P. *Die Reformation in Europa*. Stuttgart, 2014.
- The Oxford Encyclopedia of the Reformation* / Hrsg. H.J. Hillerbrand: In 4 Bde. New York; Oxford, 1996.
- PARISET J.-D. *Les relations diplomatiques franco-allemandes au milieu du XVIe siècle*. Strasbourg, 1981.
- PRESS V. *Wilhelm von Grumbach und die deutsche Adelskrise der 1560er Jahre* // *Blätter für deutsche Landesgeschichte*. 1977. Bd. 113. S. 396–431.
- PROFFIT T. *Gaspard de Schomberg: homme de guerre, diplomate et négociateur de paix (1540–1599)*. *Mémoire de maîtrise* / Sous la direction de D. Crouzet, N. Le Roux. Paris: Université Paris-Sorbonne, 2004.
- ПРОКОПЬЕВ А. Ю. *Der deutscher Adel und die französischen Religionskriege* // *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*. 2016. Vol. 1 (13). P. 270–292.
- Das Reformatorenlexikon* / Hrsg. I. Dingel, V. Leppin. Darmstadt, 2014.
- SCHORN-SCHÜTTE L. *Konfessionskriege und europäische Reformation. Europa 1500–1648*. München, 2010.
- Theologische Realenzyklopädie*: In 36 Bde. Berlin; New York, 1971–2004.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

И. А. Данилов. Каспар фон Шенберг / Гаспар де Шомбер – слуга двух господ // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 117–126

Аннотация: Статья посвящена франко-немецким связям последней трети XVI в. В центре внимания автора находится фигура саксонского дворянина Каспара фон Шенберга (1540–1599), сделавшего головокружительную карьеру при последних Валуа. Он принадлежал к знатному роду из числа так называемых четырех столпов Саксонии, представители которого на протяжении многих поколений неизменно находились на вершинах государственного управления в этом курфюршестве. Отправленный во Францию с дипломатическими целями Августом I Саксонским, весной 1562 г. Каспар фон Шенберг принял участие в защите г. Анже (Анжер) от католиков на стороне протестантов и затем бежал в Орлеан к герцогу Конде. В июле 1563 г. он возглавил французское посольство в Цвайбрюккене и Касселе, а после заключения мирного договора между гугенотами и католиками в Амбуазе 19 марта 1563 г., получив разрешение у своего сюзерена, поступил на службу к королю Франции Карлу IX, и с этого времени развивалась его военная карьера. Так, например, 3 октября 1569 г. Каспар командовал арьергардом немецких всадников в битве при Монконтуре и после победы в ней стал фельдмаршалом. Одновременно он выполнял важные дипломатические функции, в том числе поддерживал тайную связь между французским королем-католиком и протестантом Августом Саксонским в 1571 г. При следующем короле Франции Генрихе III Каспар был членом Государственного совета и получил графство и титул Нантёй, а также помогал королю и его преемнику Генриху IV в борьбе с Католической лигой. Современники считали его выдающимся государственным деятелем. И именно благодаря открывшемуся у Каспара таланту дипломата осуществленный им зарубежный транзит получил долгосрочный характер, а также привел к формированию самостоятельной французской ветви рода Шенберг.

Ключевые слова: раннее Новое время, религиозные войны, Саксония, протестантская знать, низшее дворянство, четыре столпа саксонского рыцарства, франко-немецкие дипломатические контакты, Каспар фон Шенберг, курфюрст Август I, король Франции Карл IX, король Франции Генрих III, король Франции Генрих IV.

FOR CITATION

I. A. Danilov. Caspar von Schönberg / Gaspard de Schomberg – the servant of two masters // Petersburg historical journal, no. 3, 2024, pp. 117–126

Abstract: The article is devoted to Franco-German relations in the last third of the 16th century. The author focuses on the figure of the Saxon nobleman Caspar von Schönberg (1540–1599), who made a dizzying career under the last Valois. He belonged to a noble family from among the so-called “four pillars” of Saxony, whose representatives for many generations had consistently been at the top of government in this electorate. Sent to France for diplomatic purposes by August I of Saxony, in the spring of 1562, Caspar von Schönberg took

part in the defense of the city of Angers from Catholics on the side of Protestants and then fled to Orleans to the Duke of Condé. In July 1563, he headed the French embassy in Zweibrücken and Kassel, and after the conclusion of a peace treaty between the Huguenots and Catholics in Amboise, on March 19, 1563, having received permission from his suzerain, he entered the service of King Charles IX of France, and from that time his military career developed. For example, on October 3, 1569, Caspar commanded the rearguard of German horsemen at the Battle of Moncontour and, after winning it, became a field marshal. At the same time, he performed important diplomatic functions, including maintaining a secret relationship between the French Catholic king and the Protestant August of Saxony in 1571. Under the next king of France, Henry III, Caspar was a member of the Council of State and received the county and title of Nanteuil, and also helped the king and his successor Henry IV in the fight against the Catholic League. Contemporaries considered him an outstanding statesman. And it was precisely thanks to the talent of a diplomat that Caspar discovered that the foreign transit he carried out acquired a long-term character, and also led to the formation of an independent French branch of the Schönberg family.

Key words: early modern period, religious wars, Saxony, protestant nobility, lower nobility, the “four pillars” of Saxon chivalry, Franco-German diplomatic contacts, Caspar von Schönberg, Elector August I, Charles IX de Valois, Henry III of France, Henry IV of France.

Автор: Данилов, Игорь Алексеевич — к. и. н., научный сотрудник, Научно-исследовательский отдел редкой книги Библиотеки Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Danilov, Igor Alexeevich — PhD in History, researcher of the Research Department of Rare Book, The Library of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: igordanilov1990@gmail.com

ORCID0000-0003-0245-3874

Б. М. Горелик

Дискуссии вокруг англо-бурской войны в национальных движениях Российской империи

Введение

В мире внимательно наблюдали за ходом Второй англо-бурской войны 1899–1902 гг. Общественное мнение в Европе было на стороне защитников независимости Южно-Африканской Республики и Оранжевого Свободного Государства.

Жители стран, не имевших колоний в Африке, тоже следили за событиями южноафриканской войны. Они интересовались этим вооруженным конфликтом по причинам, не имевшим прямого отношения к событиям на юге Африки. Например, националистам импонировало сопротивление республик иноземной гегемонии. Успешное противодействие буров британским войскам вдохновляло Дж. Неру, в будущем первого премьер-министра независимой Индии. Сунь Ятсен, будущий лидер антимонархической революции в Китае, надеялся, что его соотечественники, подобно южноафриканцам, начнут решительную борьбу с иностранным господством в своей стране¹.

В Российской империи также возникло массовое пробурское движение. Историки пришли к выводу, что ведущую роль в этой кампании играла консервативная пресса². Но современники понимали, что восхищение бурским свободолобием могло быть выгодно и антиавторитарным политическим силам. В личном письме заместителю министра иностранных дел В. Н. Ламздорфу посол в Лондоне Е. Е. Стааль признавался: «С самого начала ажиотажа вокруг

буров меня поразили тот немного бунтарский, почти революционный оттенок, который приобрело это движение»³.

Опасения были оправданы, ведь в годы Южноафриканской войны интенсивно шла политизация российского общества и активизировались национальные движения. Об интересе деятелей польского движения в Российской империи и в эмиграции к опыту англо-бурской войны свидетельствуют исследования коллективных представлений в Царстве Польском о бунтах и англо-бурской войне⁴. Но до сих пор не выявлены причины пристального внимания лидеров и активистов различных национальных движений в Российской империи к освободительной борьбе далекого и малознамого им бурского народа.

Попытка установить такие причины и определить степень влияния опыта южноафриканской войны на эти движения предпринимается в настоящей статье. Для этого используются публицистические статьи, мемуары и стихи деятелей национальных и социалистических движений; сведения, опубликованные в бесцензурной прессе, которая нелегально распространялась в Российской империи, а также переписка высокопоставленных чиновников за 1899–1901 гг., обнаруженная в Архиве внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ).

Сопrotивление буров как импульс для национальных движений

На рубеже XIX–XX вв. русификаторские тенденции привели к возникновению очагов этноконфессиональной напряженности на окраинах Российской империи. Идеи национально-освободительной борьбы распространялись в Царстве Польском, в Великом княжестве Финляндском, в Прибалтике, на Кавказе, а также в губерниях, где преобладало украинское население.

Между тем в России преобладало представление о том, что южноафриканский вооруженный конфликт был проявлением антиколониальной борьбы. Даже в правящих кругах проводили параллели между сопротивлением буров британскому империализму и многолетним стремлением некоторых народов Российской империи к самоопределению. Весной 1900 г. директор Первого департамента МИД А. К. Базили писал: «Не будем забывать о положении поляков, финнов, всех наших мусульман, а также Бухары, которое в политическом отношении отчасти напоминает Трансвааль»⁵.

Видный деятель народничества Д. А. Клеменц видел в массовой пробурской кампании стимул для движений за независимость в разных странах. Защитники южноафриканских республик показывали пример вооруженной борьбы «за право маленького народа не слушаться, не гнуть свою спину под угрозами сильного народа»⁶. Действительно, в тех регионах Российской империи, где сохранялись надежды на широкую автономию или даже суверенитет, сопротивление буров империалистической экспансии вызывало сочувствие у деятелей национальных движений.

Пусть бритта — жадного удава
 Бур искрошит за свой Трансвааль, —
 Непобедимым бурам слава!
 Ура! — а бритта нам не жаль⁷.

Так откликнулся на южноафриканский конфликт К. Л. Хетагуров, основоположник осетинской художественной литературы и вдохновитель освободительной борьбы своего народа. Во время англо-бурской войны он отбывал ссылку в связи со своей общественной деятельностью. Осетинский поэт понимал, что в противостоянии колониализму у народов Кавказа и других народов мира общие интересы.

Мухаммад-Шапи, сын имама Шамиля, лидера национального движения народов Северного Кавказа, служил в русской армии, был произведен в генерал-майоры. Считалось, что он вполне приспособился к жизни в российском обществе и больше не выступает за независимость Чечни и Дагестана. Тем не менее в 1901 г. в разговоре о международной кампании в поддержку буров, которые к тому времени перешли к партизанской войне, сын Шамиля заметил с сожалением: «А вот моему отцу, пятьдесят лет тому назад, никто не помогал!...»⁸

Влияние пробурской кампании можно обнаружить и в эстонской литературе. Дифирамбы защитникам южноафриканских республик служили аллегорией свободолюбивых устремлений эстонцев. Например, крестьянский поэт А. Рейнвальд в первые месяцы боевых действий в Южной Африке написал стихотворение «Бурская война». Автор восхищается отвагой «маленького народа», который показывает миру пример стойкого сопротивления империи:

Британия, страна цепей,
 Ты силой не хвались своей,
 Тебя крестьянин вольный бьет,
 Ты не забудешь этот год,
 Когда пришла ты на грабеж;
 Но смелых волю не согнешь⁹.

Рассмотрим, как англо-бурскую войну воспринимали деятели самых активных национальных движений в Российской империи — финского и польского.

Финляндия

В Великом княжестве Финляндском, имевшем автономный статус в составе Российской империи, националисты желали признания Финляндии в качестве национального государства в равноправном союзе с Россией, по примеру Венгрии в составе Австро-Венгрии (конституционная монархия) или Норвегии (уния со Швецией). Хотя в Финляндии за десятилетия автономии сложились

институты собственной государственности, сепаратистские настроения на рубеже XIX–XX вв. еще не были сильны.

Сторонники русификации Великого княжества (его дальнейшей политической интеграции в абсолютистскую империю) выступали против особого положения Финляндии. Они считали, что самостоятельность Финляндии зависела лишь от доброй воли царя и могла быть упразднена им в одностороннем порядке. Под их влиянием в феврале 1899 г. Николай II выпустил манифест, который значительно ограничил автономию княжества. Законы, утверждаемые царем, теперь вступали в силу без согласования с парламентом в Гельсингфорсе.

В том же году, когда в Южной Африке разразилась война, в Великом княжестве Финляндском началась кампания протеста против русификации, в защиту законов, принятых представителями финского народа. Все больше жителей Финляндии проникались идеями национального движения, защиты своих политических прав.

В прессе сравнивалось положение Финляндии в составе Российской империи и взаимоотношения Британской империи с бурскими республиками. Обсуждалось, вправе ли Британская империя менять политическое устройство формально зависимых от нее Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства, если Россия беспрепятственно ограничивает политическую автономию Финляндии, чтобы интегрировать ее в свою империю. Сходство видели и в том, что финны, так же как буры, пытались убедить мировую общественность, что они имеют право не только на самоуправление, но и на государственность. Утверждалось даже, что русские ущемлялись в правах на территории Великого княжества Финляндского, подобно уитлендерам в бурских республиках до британской оккупации¹⁰.

Позиция газеты *Hufvudstadsbladet*, органа Шведской партии (свекоманов), представлявшей интересы преимущественно шведских жителей Великого княжества Финляндского, была противоречивой. С одной стороны, свекоманы, которые в те годы были всецело лояльны Николаю II и его правительству, отрицали сходство между российской политикой по ограничению автономии Финляндии и стремлением Великобритании взять под свой полный контроль бурские республики. С другой стороны, будучи сторонниками расширения автономии, свекоманы полагали, что, если буры имеют право на разрешение их спора с Британской империей в Постоянной палате третейского суда, то жители Финляндии также могут рассчитывать на международный арбитраж¹¹.

Вторая по популярности газета в Финляндии *Uusi Suometar* отражала взгляды Финской партии. Это националистическое движение тоже стремилось к компромиссу с российской центральной властью в вопросе об автономии. Но при освещении южноафриканского конфликта *Uusi Suometar* занимала откровенно пробурскую позицию и приветствовала помощь, которую жители России оказывали республикам на юге Африки, включая снаряжение и отправку на фронт санитарных отрядов. Редакция надеялась, что массовая пробурская кампания побудит российских консерваторов прислушаться к протестам жителей Фин-

ляндии против русификации: «Отрадно видеть, что русские газеты, такие как “Новое время”, “Московские ведомости” и другие, столь горячо защищают дело Трансвааля против верховенства Англии. Может быть, они прозреют и поймут, что у малых народов есть права. Может быть, благодаря бурам, они посмотрят на финляндский вопрос с правильной точки зрения»¹².

Авторитетнейший русский писатель того времени Л. Н. Толстой принимал у себя участников кампании за отмену Февральского манифеста и высказывался в их поддержку¹³. Он тоже проводил параллели между сопротивлением британской колонизации со стороны буров и массовыми протестами финских подданных против русификации. В беседе с финским литератором Г. Фразером в 1900 г. Толстой отметил, что освободительные движения малых народов, будь это финны или буры, вызывают сочувствие международной общественности, но правительства бездействуют. Защита прав и свобод этих народов противоречит экономическим и политическим интересам великих держав, в том числе России. По мнению Льва Николаевича, бурам и финнам следовало рассчитывать лишь на себя, отстаивая свои права законным способом — с помощью ненасильственного протеста¹⁴.

Впрочем, сторонники вооруженной борьбы за самостоятельность Финляндии тоже учитывали опыт южноафриканской войны и международной пробурской кампании. Подтверждает это циркуляр военизированного союза «Воймалиитто», созданного по инициативе революционной Партии активного сопротивления и готовившего антироссийское восстание в Великом княжестве. В 1906 г. руководство союза обращалось к руководителям региональных отделений: «Убедите народ в том, что дело наше на верное удастся, для чего следует всем, подобно бурам, восстать поголовно, а потом, когда этим обратим внимание Европы, русские не могут с нами обращаться как с бунтовщиками, но должны будут признать за нами права воюющего государства»¹⁵.

Польша

Судьба буров казалась близкой и полякам, не смирившимся с потерей государственности в результате разделов Речи Посполитой. В XIX в. жители Царства Польского много раз поднимались на вооруженную борьбу за независимость от Российской империи, противостоя превосходящим силам противника. Сепаратистские движения действовали и на польских территориях, принадлежавших Германии и Австро-Венгрии.

В годы англо-бурской войны в этих регионах образ бура подвергся романтизации и идеализации. Варшавский издатель Я. С. Гебетнер, чье детство пришлось на этот период, отмечал, что, по политическим причинам, «все освободительные движения, даже такие отдаленные, как в Южной Африке, вызывали живой отклик в широких слоях [польского] общества. И неудаче англичан радовались, и победы буров приветствовали с воодушевлением»¹⁶.

Образ бура перекликался с почитавшимся в польской политической культуре образом борца за свободу, беззаветно преданного родине и с готовностью отдающего ради нее свою жизнь. Очевидно сходство мотивов польской националистической поэзии и «Военного гимна буров», опубликованного на территории Российской империи:

Вперед! Нас родина зовет, —
 Готовы ль всю ей жизнь отдать?
 Вперед! Час славы настает —
 Нам за свободу умирать <...>¹⁷

В губерниях Царства Польского сочувствие бурам иногда становилось завуалированным способом выражения недовольства политикой Российской империи в отношении поляков. Пробурские публикации обходили цензурные препоны на пути польского национализма. Эта тенденция проявлялась не только в журналистике, но и во многочисленных произведениях художественной литературы, а также в книгах, брошюрах и статьях об истории бурского народа и причинах вооруженного конфликта на юге Африки, написанных поляками или вышедших в вольном переводе на польский язык.

Авторы таких произведений, опубликованных на территории Царства Польского или за рубежом и разрешенных к продаже в Российской империи, сообщали, что знакомство с судьбой южноафриканских республик и их противостоянием Британской империи могло быть особенно полезно польским читателям. Они превозносили «земледельцев и скотоводов, умеющих защищать свою землю», которые учат детей служить родине и не отступают перед многочисленным вражеским войском. В некоторых текстах бурские генералы были уподоблены героям польского национально-освободительного движения¹⁸.

Опасные для царизма параллели между бурским и польским освободительными движениями были слишком явными, чтобы власти могли игнорировать их. В 1900 г. Варшавский цензурный комитет сообщал в Главное управление по делам печати, высшую цензурную инстанцию в Российской империи, что польская пресса «старалась при всяком удобном случае подчеркнуть то обстоятельство, что поляки и буры, так сказать, друзья и что симпатии поляков к бурам зиждутся на иных основаниях, нежели симпатии других, пользующихся независимостью, народов»¹⁹.

Должно быть, многочисленные признаки (само)цензуры в польских переводах немецких романов об англо-бурском конфликте объясняются стремлением избежать претензий со стороны государства. В версиях для польского читателя рискованное с политической точки зрения слово «восстание» иногда заменялось на «войну», а реплики героев, призывавших к самопожертвованию ради свободы и независимости родины и борьбе до последнего вздоха опускались²⁰.

Когда в ноябре 1900 г. польские газеты опубликовали обращение международного комитета по организации торжественного приема президента П. Крюгера в Европе с призывом приветствовать главу бурской республики и его сограждан, цензоры усмотрели в этом опасный прецедент. По мнению начальника Главного управления по делам печати, участие поляков в чествовании Крюгера и особенно выражение сочувствия к их борьбе за независимость могли приобрести «характер политической демонстрации». Директор Второго департамента МИД, выражая официальную позицию своего ведомства, согласился, что «организация специально польской прессой чествования президента буров на почве общности политических стремлений обеих национальностей, без сомнений, явится поводом к политическим демонстрациям и потому представляется совершенно нежелательной»²¹.

Польская социалистическая партия (ППС), выступавшая за создание национального государства, увязывала борьбу за права рабочего класса с борьбой против империализма. По инициативе ППС лондонский конгресс II Интернационала в 1896 г. провозгласил право народов на самоопределение — в том числе для противодействия колониализму, способствующему распространению капиталистической эксплуатации. В связи с этим руководство ППС поддерживало сопротивление буров британскому экспансионизму. В начале южноафриканской войны редакция печатного органа ППС отмечала: «Может быть, воображение подсказывает кому-то из нас иную, более близкую нашему сердцу картину поля боя, и образы иных, более близких нашему сердцу, защитников отечества, поднявшихся на решающую битву с превосходящим противником. И эти заболоченные луга на берегах Вислы, пропитанные кровью многих поколений, и войска трудящихся, сражающиеся под красным знаменем польской революции и предстающие в нашем воображении, заставляют нас взглянуть на борьбу за права Трансвааля с еще большим состраданием»²².

Руководители партии надеялись, что южноафриканский конфликт отвлечет внимание и силы российского и германского правительств от польского вопроса, что позволит расширить социалистическое движение на их территории и успешнее препятствовать русификации и германизации в преимущественно польских регионах. Один из основателей ППС и польского социалистического движения писатель Б. Лимановский считал, что полякам следовало поддерживать бурские республики, хотя в массовой пробурской кампании участвовали противники независимости Польши. По мнению Лимановского, нужно было не только осуждать «английское беззаконие», но и отправлять польских добровольцев в Южную Африку, чтобы сражаться на стороне буров²³.

Среди польских националистов не было единодушия относительно участия в массовой пробурской кампании. Например, всемирно признанный романист Г. Сенкевич, проживавший в Варшаве, восхищался стойкостью защитников бурских республик. При этом он полагал, что, если буры будут побеждены, их положение в составе Британской империи будет лучше участи поляков

на родине. По мнению писателя, британцы позволят бурам сохранить автономию и будут оберегать их язык, религию и культуру²⁴.

В 1900 г. Сенкевич даже отказался подписать обращение выдающихся европейских ученых и литераторов к британскому народу с призывом остановить войну в Южной Африке. Он пояснял, что считает более насущным решение польского вопроса. Давний сторонник политических реформ в Царстве Польском и критик германизации польского меньшинства в Германии призвал инициаторов воззвания постараться прекратить дискриминацию поляков в Европе: «Ведь здесь речь идет не о горсти колонистов, эмигрировавших в далекий заморский край, а о целом народе, имеющем заслуги перед человечеством и живущем на своей исконно польской земле, которая покрыта прахом и костями последовательно сменявшихся поколений»²⁵.

Образованная в 1900 г. партия «Социал-демократия Королевства Польского и Литвы» (СДКПиЛ) была радикальнее ППС. Ведущую роль в этой крупной организации играли революционеры-марксисты. Они полагали, что Польше по политико-экономическим причинам целесообразно оставаться в составе Российской империи и польскому пролетариату следует действовать в союзе с рабочими России. Видимо, поэтому на рубеже XIX–XX вв. СДКПиЛ уделяла южноафриканским событиям гораздо меньше внимания, чем ППС. Для польских социал-демократов англо-бурская война была лишь типичным вооруженным конфликтом, вызванным противоречиями мирового капитализма²⁶.

Тем не менее на конференции Международного социалистического бюро II Интернационала (1901) СДКПиЛ присоединилась к протесту против империалистической политики стран Европы и США, включая войну в Южной Африке. Это заявление было принято наряду с резолюциями, предложенными делегатами от России и Польши, с осуждением посягательств царизма на самоуправление Финляндии и репрессий против участников рабочего движения в России²⁷.

Заключение

На фоне интенсивной политизации российского общества и обострения межэтнических противоречий на рубеже XIX–XX вв. деятели национальных движений ассоциировали сопротивление малого народа на юге Африки, восставшего против иноземной гегемонии, с собственной борьбой за самоопределение. Интерес национальных движений в Российской империи к опыту англо-бурской войны стимулировался массовой пробурской кампанией. Образ бура как участника освободительной борьбы возник в российской массовой культуре и утвердился в коллективном сознании. Жителям окраин империи, включая национально-патриотическую интеллигенцию, такой образ бура напоминал фольклорные и литературные образы самоотверженных борцов за права их собственных народов.

Ярким примером влияния коллективных представлений о бурском вооруженном сопротивлении на национальные движения считается ситуация в Ирландии. Будучи в составе Британской империи, Ирландия находилась в состоянии войны с Трансваалем и Оранжевым Свободным Государством. При этом большинство сторонников ирландского самоуправления или независимости, включая социалистов, открыто симпатизировали бурам. В 1899–1902 гг. на митинги в защиту далеких республик собирались десятки тысяч человек. Пробурская кампания помогла возродить антибританские настроения и вдохнуть новую жизнь в ирландское национальное движение. Дублин потрясли самые серьезные за несколько десятилетий волнения и беспорядки. Лишь благодаря разумной политике британской администрации удалось предотвратить восстание²⁸.

Но в Российской империи реакция национальных движений была гораздо сдержаннее. Южная Африка была слишком далекой в географическом, культурном и политическом отношениях. К тому же у подданных царя было меньше разрешенных законом способов политического протеста, чем у подданных британской королевы. Сопротивление бурав вдохновляло литераторов и общественных деятелей и вызывало сочувствие в обществе, но это не придало импульс освободительным движениям.

Тем не менее англо-бурская война вызвала бурные дискуссии в организациях и периодических изданиях, связанных с национальными движениями в Российской империи. Обсуждались целесообразность обращения к зарубежной общественности и международному арбитражу и даже эффективность вооруженной борьбы в противостоянии с регулярной армией империи. Таким образом, дискуссии вокруг южноафриканской войны способствовали разработке стратегии национальных движений и позволяли их деятелям преодолевать цензурные ограничения на пути распространения своих идей.

¹ *Lowry D.* “The world’s no bigger than a kraal”: The South African War and international opinion in the first age of “globalization” // Omissi D., Thompson A.S. (eds). *The Impact of the South African War*. Houndsmills; Basingstoke; New York: Palgrave, 2002. P. 276.

² Англо-бурская война 1899–1902 годов: опыт и перспективы исследования / Под ред. Б. М. Горелика, В. В. Грибановой и А. А. Токарева. М.: Институт Африки РАН, 2023. С. 39, 207; *Давидсон А. Б., Филатова И. И.* Россия и первая война XX века // *Исторические записки*. 2008. Вып. 11 (129). С. 298, 317.

³ Письмо Е. Е. Стааля к В. Н. Ламздорфу, 1 марта 1900 г. Оригинал на французском языке // *АВПРИ*. Ф. 350. Оп. 910. Д. 116. Л. 310.

⁴ *Szlanta P.* Opinia publiczna Królestwa Polskiego wobec wojny burskiej (1899–1902) // *Przegląd Historyczny*. 2000. Vol. 91, no. 4. S. 535–550; *Zajas P.* Polacy jako Burowie. Imagologia pomiędzy auto- i heterostereotypem // *Axer J., Bujnicki T.* (eds.). *Wokół “W pustyni i w puszczy”*. W stulecie pierwodruku powieści. Kraków: Universitas, 2012. S. 29–52.

- ⁵ Письмо А. К. Базили к Е. Е. Стаалю, 9 марта 1900 г. Оригинал на французском языке // АВПРИ. Ф. 350. Оп. 910. Д. 116. Л. 335.
- ⁶ *Клеменц Д. А.* Бурская война и частная инициатива. Рукопись без даты // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 150. Л. 3–4.
- ⁷ *Хетагуров К.* Собрание сочинений. Т. 1. М.: Художественная литература, 1974. С. 246.
- ⁸ *Захарьин (Якушин) И. Н.* Встречи и воспоминания. Из литературного и военного мира. СПб: Издание М. В. Пирожкова, 1903. С. 242.
- ⁹ Эстонские поэты XIX века / Сост. П. Руммо. Л.: Советский писатель, 1961. С. 210.
- ¹⁰ *Мессарош П. И.* «Финляндия и Трансвааль» // Московские ведомости. 1899. № 302, 2 (14) ноября. С. 2.
- ¹¹ Finland och Transvaal // Hufvudstadsbladet. 1899. No. 288. P. 3.
- ¹² Wenäläisten myötätuntoisuus buureja kohtaan // Uusi Suometar. 1899. No. 267. P. 5.
- ¹³ *Хеллман Б. Л. Н.* Толстой и финляндский вопрос 1899 г. // Европа в России. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 229.
- ¹⁴ [Fraser G.] Minä besök hos grefve Leo Tolstoy. Stockholm: Albert Bonniersförlag, 1901. P. 50–52, 63. Текст любезно предоставлен Б. Хеллманом.
- ¹⁵ Россия и независимость Финляндии: 1899–1920 гг. Сборник документов. Т. 1 / Отв. сост. М. В. Зеленов. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 615.
- ¹⁶ *Gebethner J.* Młodość wydawcy. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1977. S. 76.
- ¹⁷ Военный гимн буров // Задушевное слово. 1900. № 2. С. 2.
- ¹⁸ *Zajac P.* Polacy jako Burowie. S. 37–40.
- ¹⁹ Письмо Н. В. Шаховского к Н. А. Малевскому-Малевичу, 15 ноября 1900 г. // АВПРИ. Ф. 155. Оп. 929. Д. 10. Л. 77 – 77 об.
- ²⁰ *Zajac P.* Polacy jako Burowie. S. 45.
- ²¹ Проект письма Н. А. Малевского-Малевича к Н. В. Шаховскому, 25 ноября 1900 г. // АВПРИ. Ф. 155. Оп. 929. Д. 10. Л. 86–87.
- ²² Wojna // Przedświt. 1899. No. 12. S. 1.
- ²³ *Szlanta P.* Opinia publiczna Królestwa Polskiego wobec wojny burskiej (1899–1902). S. 547.
- ²⁴ L'avenir de l'Afrique du Sud. Lettre d'Henryk Sienkiewicz // Le Journal. 1902. No. 3455, 17 mars. P. 1.
- ²⁵ List Sienkiewicza do bar. Suttner // Czas. 1900. No. 54, 1 Marca. S. 1.
- ²⁶ Социал-демократия Польши и Литвы в революции 1905 г. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. С. 47.
- ²⁷ *Плеханов Г.* Из Брюсселя. Письмо в редакцию «Искры» // Искра. 1902. № 15, 15 января. С. 6.
- ²⁸ *McCracken D. P.* Forgotten Protest: Ireland and the Anglo-Boer War. Belfast: Ulster Historical Foundation, 2003. P. 77.

References

- Anglo-burskaya voyna 1899–1902 godov: opyt i perspektivy issledovaniya* [Researching the Anglo-Boer War of 1899–1902: The Practice and the Future. In Russ.]. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, 2023.
- DAVIDSON A. B., FILATOVA I. I. *Rossiya i pervaya voyna XX veka* [Russia and the first war of the 20th century. In Russ.] // Istoricheskie zapiski. 2008. No. 11 (129). P. 291–329.
- Estonskie poety XIX veka* [Estonian Poets of the 19th Century. In Russ.]. Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1961.
- GEGETHNER J. *Młodość wydawcy* [The Youth of a Publisher. In Polish]. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1977.
- HELLMAN B. *L.N. Tolstoy i finlyandskiy vopros 1899 g.* [L.N. Tolstoy and the Finnish Question. In Russ.] // Evropa v Rossii. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. P. 226–232.

KHETAGUROV K. *Sobranie sochineniy* [Collected Works. In Russ.]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1974.

LOWRY D. "The world's no bigger than a kraal": The South African War and international opinion in the first age of "globalization" // Omissi D., Thompson A. S. (eds). *The Impact of the South African War*. Houndsmills; Basingstoke; New York: Palgrave, 2002. P. 268–288.

MCCRACKEN D.P. *Forgotten Protest: Ireland and the Anglo-Boer War*. Belfast: Ulster Historical Foundation, 2003.

Rossiya i nezavisimost' Finlyandii: 1899–1920 gg.: Sbornik dokumentov [Russia and the Independence of Finland, 1899–1920: Collected Documents. In Russ.]. Vol. 1. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2021.

Sotsial-demokratiya Pol'shi i Litvy v revolyutsii 1905 g. [Social Democracy of the Kingdom of Poland and Lithuania in the 1905 Revolution. In Russ.] Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1956.

SZLANTA P. *Opinia publiczna Królestwa Polskiego wobec wojny burskiej (1899–1902)* [Public opinion in the Kingdom of Poland on the Boer War (1899–1902). In Polish] // *Przegląd Historyczny*. 2000. Vol. 91, no. 4. P. 535–550.

ZAJAS P. *Polacy jako Burowie. Imagologia pomiędzy auto- i heterostereotypem* [The Poles and the Boers. Imagology between auto- and hetero-stereotypes. In Polish] // Axer J., Bujnicki T. (eds.). *Wokół "W pustyni i w pustychy"*. W stulecie pierwodruku powieści. Kraków: Universitas, 2012. P. 29–52.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Б. М. Горелик. Дискуссии вокруг англо-бурской войны в национальных движениях Российской империи // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 127–138

Аннотация. Массовая российская кампания в поддержку бурских республик во время англо-бурской войны 1899–1902 гг. обычно ассоциируется с консерваторами. Тем не менее сопротивление Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства империалистической экспансии привлекло внимание и антиавторитарных сил. Национальные движения в Великом княжестве Финляндском, губерниях Царства Польского и других регионах изучали опыт вооруженных действий южноафриканского ополчения, на первых порах одерживавшего победы над регулярной армией великой державы. Выявлению причин такого внимания посвящена эта статья. В качестве материала для исследования использованы публицистические статьи, мемуары и стихи деятелей национальных и социалистических движений; сведения, опубликованные в бесцензурной прессе, которая нелегально распространялась в Российской империи; а также переписка высокопоставленных чиновников, обнаруженная в Архиве внешней политики Российской империи. Установлено, что деятели национальных движений видели много общего между действиями буров и борьбой за самоопределение народов Российской империи. Во время дискуссий в организациях и периодических изданиях, связанных с национальными движениями, затрагивались такие темы, как целесообразность обращения к зарубежной общественности и международному арбитражу, а также эффективность насильственных действий в противостоянии с вооруженными силами. Сочувствие бурам иногда становилось завуалированным способом выражения недовольства политикой самодержца и его правительства в отношении населения окраин империи. Таким образом, обсуждение южноафриканской войны способствовало совершенствованию стратегии национальных движений и позволяло их деятелям преодолевать цензурные ограничения на пути распространения своих идей.

Ключевые слова: англо-бурская война, Южная Африка, Трансвааль, политизация российского общества, национальные движения, Российская империя.

FOR CITATION

B. M. Gorelik. Debates on the South African War by national movements in the Russian Empire // Petersburg historical journal, no. 3, 2024, pp. 127–138

Abstract: The Russian mass campaign in support of the Boer republics during the South African War of 1899–1902 is typically associated with conservative forces. However, the resistance of the Transvaal and Orange Free State to imperialist expansion also attracted the attention of anti-authoritarian forces. National movements in Finland, Congress Poland and other regions studied the military experience of the Boer militias, which initially demonstrated superior capabilities to those of a great power's standing army. The objective of this article is to identify the reasons for such interest. The study is based on the following sources: political commentary, memoirs and poems by figures of national and socialist movements; information published in the uncensored press, which was distributed clandestinely in the Russian Empire; and correspondence of high-ranking officials found in the Foreign Policy Archives of the Russian Empire. It becomes evident that the leaders of national movements perceived a multitude of parallels between the actions of the Boers and the struggle for self-determination of the peoples of the Russian Empire. In the context of discussions held within organisations and periodicals associated with national movements, a number of key questions were addressed, including the potential merits of launching campaigns abroad and appealing to international arbitration, as well as the efficacy of violence in confrontation with armed forces. Sympathy for the Boers occasionally constituted an indirect method of articulating discontent with the policies of the autocrat and his government towards the population of the remote regions of the empire. In this way, the discussion of the South African War contributed to the improvement of the strategy of national movements and enabled their leaders to circumvent censorship restrictions when promoting their ideas.

Key words: South African War, South Africa, Transvaal, politicisation of Russian society, national movements, Russian Empire.

Автор: **Горелик, Борис Моисеевич** — к. и. н., старший научный сотрудник Центра исследований юга Африки Института Африки Российской академии наук (Москва, Россия).

Author: **Gorelik, Boris Moiseyevich** — PhD in History, senior research fellow, Centre for Southern Africa Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: boris.gorelik@inafr.ru
ORCID 0000-0001-8839-3889

М. И. Серова

К вопросу об объемах советской экономической помощи во время освобождения и восстановления Восточного Финнмарка

В ноябре 1944 г. первые группы норвежских войск прибыли в Мурманск в составе Норвежской военной миссии. Приказом командующего Карельского фронта от 8 ноября 1944 г.¹ они были переданы в оперативное подчинение Красной армии с зачислением на все виды довольствия наравне с советскими военнослужащими. Продукты для миссии отпускались по продовольственным нормам личного состава Красной армии, исходя из численного состава, а именно по первой категории в соответствии с приказом народного комиссара обороны СССР № 312². Весь отпуск продфуража, техники и снаряжения фиксировался в ведомостях согласно плану снабжения и на основании составляемых сторонами актов. Кроме продовольствия Советский Союз выделял норвежским отрядам стрелковое оружие, боеприпасы, транспортные средства с горюче-смазочными материалами (далее — ГСМ) и другое имущество.

В историографии экономическая составляющая Петсамо-Киркенесской операции, а также восстановление Восточного Финнмарка силами красноармейцев практически не рассматривались. Например, можно встретить упоминание схожих сведений о советской помощи населению освобожденных районов: о стабильной выдаче нормированных порций продуктов в связи

с начавшимся голодом, о самоотверженной помощи красноармейцев, делившихся с норвежцами своими пайками, об обеспечении медикаментами и организации дополнительных больничных мест по причине начавшихся эпидемий, о предоставлении всех уцелевших зданий на нужды населению³. В большей мере исследователей интересовали сюжеты, связанные с подготовкой и проведением операции, а также проблемы послевоенного устройства региона⁴. Однако ранее не изучался вопрос обеспечения норвежских войск и возмещения средств за это советскому правительству.

Для начала необходимо оговорить, какие же договоры гарантировали предоставление этой помощи Советским Союзом и возмещение ее норвежской стороной. Единственным документом, заключенным между СССР и Норвегией, где упоминался вопрос финансирования, было Соглашение о гражданской администрации и юрисдикции на норвежской территории после ее освобождения союзными экспедиционными силами⁵ от 16 мая 1944 г. Однако в нем речь шла исключительно о норвежской гражданской администрации и необходимости последующих переговоров по вопросу ее обеспечения. Этим соглашением в первую очередь гарантировалась легитимность норвежской власти на уже освобожденной от немцев территории. Состоять администрация должна была из лояльных представителей местных властей, а также из так называемых делегатов связи из состава прибывшей из Шотландии норвежской военной миссии. Таким образом, военный контингент, направленный норвежским правительством в изгнании в СССР для участия в освобождении Северной Норвегии, являлся совершенно иной единицей, представители которой должны были также принять участие в восстановлении гражданской администрации в Восточном Финнмарке.

В ином документе, подготовленном уже непосредственно для военной миссии, говорится о том, что для нее должен был быть открыт отдельный финансовый счет (без указания конкретного государственного банка), информацию об операциях по которому получало Министерство обороны Норвегии⁶.

В остальном же условия предоставления экономической помощи, а также гарантия ее оплаты Норвегией были определены лишь устными договоренностями сторон.

Хорошо известны записи бесед⁷ министра иностранных дел Норвегии Т. Ли с послом СССР при союзных правительствах в Лондоне В. З. Лебедевым⁸ о возможном размещении норвежских войск в СССР, которые состоялись в марте 1944 г. На этих встречах, помимо самой возможности отправки норвежского военного контингента в СССР, также обсуждалась его численность и вопросы обеспечения этих войск. В будущем предполагалось заключить дополнительные соглашения, которые фиксировали бы условия возмещения и оплаты полученного норвежцами советского снабжения.

В Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦА МО РФ) сохранился «Проект соглашения между Королевским Нор-

вежским Правительством и Советским Правительством о сотрудничестве <...> во время операций, имеющих целью освобождение норвежской территории»⁹ от 26 октября 1944 г. Проект был подготовлен в Лондоне и передан советскому командованию 7 ноября главой Норвежской военной миссии¹⁰ через норвежского военного атташе в Москве. Согласно пункту 17 этого соглашения, «снабжение и другие услуги советских властей, оказываемые ими, <...> норвежским вооруженным силам, будут возмещены Норвежским правительством в соответствии с существующими для советских вооруженных сил ценами или согласно ставкам, установленным специальным соглашением». Там же в пунктах 6 и 7 перечисляются конкретные «услуги советских властей», о которых шла речь: «...советские власти представляют необходимые средства транспорта и обеспечивают их горючим», а также питание и «расквартирование норвежских полевых частей». Однако, как станет в дальнейшем известно из актов и ведомостей на переданное имущество Норвежской военной миссии, этим советская помощь не ограничилась.

Инициатором создания проекта соглашения от 26 октября 1944 г. являлась норвежская сторона. Его подписание предполагалось совершить на самом высоком уровне: со стороны норвежского правительства проект подписал кронпринц Улаф. В дальнейшем на всех последующих совещаниях с советским командованием полковник А. Д. Даль апеллировал к этому документу, интересуясь прогрессом его рассмотрения советской стороной. Можно предположить, что полковник также принимал участие в подготовке проекта соглашения, учитывая то, что он имел влияние на кронпринца¹¹, не говоря уже о его особой настойчивости в переговорах с советской стороной. Однако на момент 5 января 1945 г. данное соглашение не было подписано, о чем мы узнаем из его письма советскому командованию¹². Вероятнее всего, ни проект, ни какое-либо другое соглашение так и не были приняты сторонами.

Получается, что норвежцы имели только устные гарантии помощи¹³, которые, однако, соблюдались. Почему данный проект или подобный ему так и не был подписан, или же был, но на данный момент неизвестен, еще предстоит выяснить. Вероятнее всего, советское командование фактически не могло в силу разных причин гарантировать стабильные поставки определенных объемов снабжения в конкретные сроки, что являлось бы нарушением соглашения и могло иметь юридические последствия.

Интересен следующий пример, обнаруженный в одном из документов Архива внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). 19 февраля 1945 г. в ответ на просьбу А. Д. Даля о выделении дополнительного снабжения для норвежских войск заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В. Г. Деканозов направил письмо в Генеральный штаб Красной армии¹⁴. В тексте письма «не имеется возражений против удовлетворения просьбы», однако после этого добавлено замечание, что «Командованию 14-й ОА (Отдельной армии¹⁵. — М. С.) надлежит обратить внимание полковника Даля

на то, что желательно, чтобы норвежцы сами приняли бы меры к активизации снабжения своих войск из имеющихся в распоряжении норвежского правительства ресурсов»¹⁶. В действительности же советские поставки продолжали бесперебойно осуществляться вплоть до конца апреля 1945 г. Однако данный документ показывает, что во внутренней переписке НКВД обсуждалась идея их прекращения по причине недостатка ресурсов для снабжения.

Например, ранее, 15 января 1945 г., заместитель начальника Генерального штаба Красной армии генерал А. И. Антонов¹⁷ писал В. М. Молотову о том, что «14-я отдельная армия лимита продовольствия для снабжения норвежского населения не имеет, а картофеля в армии совершенно нет»¹⁸. Данная информация была направлена А. И. Антоновым в НКВД для подготовки официального ответа советской стороны на иной запрос А. Д. Даля о выдаче продовольствия населению освобожденных регионов.

Таким образом, мы подошли к вопросу о выделении гуманитарной помощи населению. А. Д. Даль неоднократно обращался в НКВД через командование 14-й Отдельной армии с просьбой о направлении поставок продовольствия и строительного материала для жителей освобожденных районов. Однако, как видно из ранее рассмотренного примера, советское командование просто не располагало свободными ресурсами для удовлетворения этих запросов¹⁹. Поэтому, вероятнее всего, они так и остались без ответа.

Вопрос снабжения гражданского населения на протяжении всего периода с ноября 1944 по май 1945 г. может быть реконструирован по документам ЦА МО РФ. В начале ноября 1944 г., когда английские продовольственные поставки еще не были налажены, советское командование разово выделило из фонда снабжения 14-й армии три вагона муки и вагон рыбы для населения. Также было решено выдавать всю сохранившуюся в Киркенесе муку в объеме около 6 т по учетным спискам населения²⁰, чем занимался комендант города (представитель советской комендатуры²¹). Позже, за неимением других возможностей, в распоряжение норвежских властей были переданы уцелевшие трофейные немецкие склады в Вардё и Вадсё. Один из участников событий так вспоминал это тяжелое время в условиях дефицита продовольствия: «Наши солдаты делились своими продуктами с норвежцами, но у нас не было таких больших запасов черного хлеба. Однако мы обнаружили целый склад муки на 800 тонн, уцелевший от немцев. Попытались связаться с правительством в Лондоне²², чтобы этот склад был выкуплен, поскольку он являлся российским трофеем. Но этого сделать не удалось. <...> И он (Лукин-Григэ Павел Григорьевич²³. — М. С.) сказал: “Да, пусть норвежцы его получают”»²⁴.

Позднее в регион стало доставляться морскими конвоями английское продовольствие. Благодаря этому, а также оказанной советской помощи удалось организовать рацион выдачи основных продуктов норвежскому населению. Объемы выдачи производились по следующей норме на одного человека в неделю: хлеб — 1600 г, жиры — 250 г и сахар — 200 г²⁵. Таким образом, несмотря

на то что у советского руководства фактически не было свободных ресурсов для выделения прямых поставок гуманитарной помощи населению, посильная помощь все-таки оказывалась.

Что касается восстановления региона, то в действительности советское руководство не располагало возможностями выделения лесоматериала для строительства бараков для гражданских лиц. Однако на плечи советских солдат полностью легла обязанность по ремонту дорог и постройке мостов, уничтоженных при отступлении немецких войск, а также разминированию норвежских земель, общественных зданий, причалов и предприятий, их восстановлению и содержанию, как это произошло, например, с аэродромом Хебугтен²⁶.

Не следует забывать, что помимо строительных материалов ценность также составлял труд красноармейцев. Например, для ликвидации возгораний на складах угля, подожженных немцами при отступлении, было затрачено 3,5 тыс. человеко-дней²⁷.

Сколько в общей сложности было потрачено средств на оказание помощи норвежцам? Архив Генерального штаба МО РФ опубликовал итоговую сумму, потраченную на норвежский отряд, в размере 27 517 309 рублей²⁸. В нее вошла стоимость оружия, боеприпасов, транспортных средств и другого имущества, однако ознакомиться с документами и узнать, о каких объемах шла речь, на данный момент невозможно.

Еще один возможный вариант указан в записке²⁹ помощника начальника Генерального штаба Красной армии о военно-стратегическом значении Варангер-фьорда, адресованной в НКВД СССР. В ней были приведены следующие данные о задолженности норвежской стороны на 1 апреля 1945 г., что противоречит данным Архива Генерального штаба МО РФ:

- 1 840 037 руб. в качестве затрат на обеспечение норвежской миссии;
- 27 426 836 руб. было израсходовано на обеспечение войск 14-й армии в деле освобождения Восточного Финнмарка и их содержание на территории Норвегии;
- 3 421 919 руб. было потрачено на обслуживание самолетов союзников в интересах Норвегии.

В данном случае учитывалось обеспечение войск 14-й армии и их содержание с начала Петсамо-Киркенесской операции и до момента их вывода с территории Норвегии в сентябре 1945 г. Однако в эту сумму не была включена стоимость материалов и трудовых часов солдат при восстановлении инфраструктуры региона.

В то же время, если провести элементарные арифметические расчеты, используя только акты приема-передачи продовольствия и имущества из ЦА МО РФ, то совокупный долг будет равен примерно 2 473 450,32 руб. Здесь учтена стоимость продуктов, патронов и автоперевозок. Однако эта сумма не является окончательной и в действительности должна быть значительно больше, ведь в ведомостях отсутствовали многие другие статьи расходов, например

вооружение и обмундирование, но это не означает, что их отпуск норвежским частям не осуществлялся³⁰.

Сюда же следует добавить ремонтно-строительные работы, произведенные в регионе солдатами Красной армии, а именно:

- достроенные инженерными частями войск мосты на территории Норвегии — 1 899 200 руб.³¹;
- затраты по восстановлению и строительству аэродромов — 663 733 руб.;
- эксплуатация и обслуживание аэродромов (без учета содержания батальона аэродромной охраны) — 517 200 руб.;
- расход ГСМ для авиации — 33 625,40 руб.;
- сопровождение иностранных самолетов советской истребительной авиацией (учет ГСМ) — 108 188,75 руб.;
- затраты на ГСМ по фонду аэродромно-технической роты — 30 021,89³².

Итого было израсходовано 5 725 419,36 руб. согласно ведомостям и актам приема-передачи без учета стоимости затраченного труда.

И все же почему советское руководство так и не решилось взыскать задолженность с норвежского правительства? Обсуждение необходимости проведения учета взаиморасчетов сторон можно найти в нескольких документах АВП РФ. Например, упоминание «Соглашения о взаимном представлении денежных средств, материалов и обслуживания»³³, которое предполагалось заключить в 1945 г., а также расчеты Генштаба КА³⁴, адресованные в НКВД СССР в записке о военно-стратегическом значении Врангер-фьорда. А была ли такая цель у советской стороны изначально, если они так и не подписали осенью 1944 г. норвежский проект, регламентировавший возмещение всех затрат норвежским правительством?

Вероятнее всего, данное упущение следует рассматривать наоборот — как уступку норвежцам, а именно списание долга в обмен на политическую лояльность и ответные послабления. Успехи СССР на общем театре военных действий в 1944 г., в особенности освобождение Восточного Финнмарка силами Красной армии, значительно укрепили позицию страны в отношениях с Норвегией. Авторитет Советского Союза среди норвежского населения возрос.

¹ Приказ командующего Карельским фронтом от 8 ноября 1944 г. командующему 14-й армией о передаче отряда норвежских солдат и офицеров в оперативное подчинение армии (ЦА МО РФ. Ф. 214. Оп. 1443. Д. 190. Л. 483) // Российское историческое общество. Архивные документы об освобождении Европы от фашистских захватчиков. Документы об освобождении оккупированной фашистами территории Норвегии. URL: https://historyrussia.org/index.php?option=com_content&view=article&layout=edit&id=3138 (дата обращения 10.11.2023).

² Акт. 24–25 января 1945 г. // ЦА МО РФ. Ф. 363. Оп. 6271. Д. 77. Л. 1.

- ³ Семиряга М. И. Вторая мировая война и пролетарский интернационализм. М., 1962. С. 167; Носков А. М. Освобождение северных районов Норвегии в 1944 году // Скандинавский сборник. 1971. Вып. XVI. С. 116; Носков А. М. Норвегия во второй мировой войне. 1940–1945. М., 1973. С. 238; Шинкарев И. Советская помощь норвежскому народу (1944–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1979. Октябрь (10). С. 32; Сутрун М. Н. Освобождение Восточного Финнмарка (по материалам советских военных архивов) // Война в Арктике (1939–1945 гг.). Архангельск, 2001. С. 66.
- ⁴ Следует упомянуть монументальные работы, где освобождение Северной Норвегии было рассмотрено в рамках комплексного исследования по истории Норвегии в период Второй мировой войны: Norge i krig: fremmedåk og frihetskamp 1940–1945 / Hovedredaktør M. Skodvin. Bd. 1–8. Oslo: Aschehoug, 1984–1987; Andre verdenskrig i nord / Hovedredaktør F. Fagertun. Del 1–3. Stamsund: Orkana Akademisk, 2022; Krig og frigjøring i nord / Red. F. Fagertun. Stamsund: Orkana Akademisk, 2015. В отечественной историографии нужно отметить сборники статей, посвященные 75-летию освобождения Советского Заполярья и Восточного Финнмарка: Заполярье. 1944–1945: война, повседневность, память / Ред. кол. А. А. Комаров (отв. ред.), Ю. Л. Михайлова, Л. А. Садова, С. Г. Хольтсмарк. М.: Политическая энциклопедия, 2020; Битва за Север. 1944–1945 / Ред. кол. В. В. Ищенко (отв. ред.), А. А. Комаров, П. Манкова, Ю. Л. Михайлова, Л. А. Садова. М.: Политическая энциклопедия, 2020.
- ⁵ Соглашение о гражданской администрации и юрисдикции на норвежской территории после ее освобождения союзными экспедиционными силами между правительствами СССР и Норвегии. 16.05.1944 // Советско-норвежские отношения. 1917–1955. Сб. документов / Редкол. А. О. Чубарьян, У. Ристе, А. А. Комаров, И. В. Лебедев, С. Г. Хольтсмарк, М. Л. Коробочкин, В. В. Roginskii, О. Эгге. М., 1997. С. 344–347.
- ⁶ Инструкция Верховного командования вооруженными силами Норвегии для военной миссии в России от 24 октября 1944 г. // Советско-норвежские отношения... С. 358.
- ⁷ Записи бесед министра иностранных дел Норвегии Т. Ли с послом СССР при союзных правительствах в Лондоне В. З. Лебедевым о возможном размещении норвежских войск в СССР (8 и 13 марта 1944 г.) // Советско-норвежские отношения... С. 339–342.
- ⁸ Виктор Захарович Лебедев (1900–1968) — в 1943–1945 гг. имел ранг чрезвычайного и полномочного посла Союза Советских Социалистических Республик при союзных правительствах в Лондоне, в функциональные обязанности которого входила связь с правительствами в изгнании, оккупированными странами «оси».
- ⁹ Проект соглашения между королевским норвежским правительством и советским правительством о сотрудничестве между Норвежским и Советскими вооруженными силами во время операций, имеющих целью освобождение норвежской территории. 26.10.1944 // ЦА МО РФ. Ф. 363. Оп. 6230. Д 40. Л. 53–54.
- ¹⁰ Арне Дагфин Даль (1894–1990) — глава Норвежской военной миссии и командующий норвежскими освободительными силами, перебросенными в Финнмарк в ноябре 1944 г.
- ¹¹ Tjelmeland H. Frigjeringspolitikk // Andre verdenskrig i nord. Kampen om frihet / Red. S. Bones. Stamsund: Orkana Akademisk, 2022. P. 32.
- ¹² Письмо А. Д. Даля. 05.01.1945 // ЦА МО РФ. Ф. 363. Оп. 6230. Д 40. Л. 52 — 52 об.
- ¹³ Согласно пунктам 26, 5, 14, 19, 20, 24 и 29 устных соглашений, принятых на совещании 19 ноября 1944 г. на командном пункте генерал-лейтенанта В. И. Щербакова (Запись полковника А. Д. Даля от 21 ноября 1944 г. // ЦА МО РФ. Ф. 363. Оп. 6230. Д 40. Л. 28–32).
- ¹⁴ Инициатива данного указания исходила от двух сотрудников НКВД В. С. Геращенко и А. А. Петрова, которые с разрешения В. Г. Деканозова и подготовили текст письма в Генштаб. Владимир Сергеевич Геращенко (1905–1995) в 1940 г. стал первым заместителем председателя Правления Госбанка СССР. С 1944 г. являлся членом Коллегии НКВД, а с сентября того же года стал занимать пост руководителя Экономического отдела НКВД СССР. Аполлон Александрович Петров (1907–1947) с марта 1944 по апрель 1945 г. занимал пост заведующего Отделом печати НКВД СССР.

- ¹⁵ В связи с расформированием Карельского фронта 15 ноября 1944 г. 14-я армия получила статус отдельной армии.
- ¹⁶ Ответ заместителя наркома иностранных дел СССР В. Г. Деканозова на письмо заместителя начальника Генерального штаба Красной армии генерала армии А. И. Антонова от 19.02.1945 // АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 27. П. 127. Д. 16. Л. 10.
- ¹⁷ Алексей Иннокентьевич Антонов (1896–1962) — с декабря 1944 г. исполнял обязанности заместителя начальника Генерального штаба РККА, возглавив Оперативное управление, а в феврале 1945 г. сменил А. М. Василевского на посту начальника Генерального штаба.
- ¹⁸ Докладная заместителя начальника Генерального штаба Красной армии генерала армии А. И. Антонова народному комиссару иностранных дел союза ССР В. М. Молотову от 27.12.1944 г. // АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 27. П. 127. Д. 16. Л. 5.
- ¹⁹ Подобная ситуация сложилась и со строительным материалом. Официальные просьбы норвежского посольства о покупке леса и стройматериала были отклонены, но, по крайней мере, не проигнорированы (АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 27. П. 127. Д. 16. Л. 4, 11).
- ²⁰ Политдонесение начальнику Главного политического управления Красной армии от 15 ноября 1944 года о положении населения Северной Норвегии в освобожденных селах и городе Киркенесе и взаимоотношениях населения с частями Красной армии // ЦА МО РФ. Ф. 214. Оп. 1510. Д. 519. Л. 306.
- ²¹ После прибытия норвежской миссии в городе была также создана норвежская комендатура.
- ²² Имеется в виду норвежское правительство в изгнании, располагавшееся в Лондоне с 1940 по 1945 г.
- ²³ Лукин-Григэ Павел Григорьевич (1901–?) — полковник, заместитель командира 45-й стрелковой дивизии (II) в составе 131-го стрелкового корпуса 14-й Отдельной армии. С 15 ноября 1944 г. руководил советской комендатурой в Киркенесе.
- ²⁴ Из интервью с Игорем Михайловичем Дьяконовым // Освобождение Северной Норвегии, 1944–1945 = Frigjøringen i Nord-Norge 1944–1945 / А. А. Гортер, В. Т. Гортер, М. Н. Супрун. Архангельск; Вардэ: Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, 2015. С. 158.
- ²⁵ Доклад начальника политотдела 14-й армии полковника Григоровича от 11 февраля 1945 г. о положении в освобожденных районах Норвегии (ЦА МО РФ. Ф. 363. Оп. 6269. Д. 148. Л. 6–7) // Российское историческое общество. Архивные документы об освобождении Европы от фашистских захватчиков. Документы об освобождении оккупированной фашистами территории Норвегии. URL: https://historyrussia.org/index.php?option=com_content&view=article&layout=edit&id=3140 (дата обращения 10.11.2023).
- ²⁶ Там же. Л. 9.
- ²⁷ Там же. Л. 6.
- ²⁸ Перечень несекретных документов Центрального архива МО РФ по теме «Освобождение Норвегии» // Российское историческое общество. Архивные документы об освобождении Европы от фашистских захватчиков. Документы об освобождении оккупированной фашистами территории Норвегии. URL: https://historyrussia.org/images/Arxiv_doki/Norway/Parechen_Norway.pdf (дата обращения 10.11.2023).
- ²⁹ Записка помощника начальника Генерального штаба Красной армии генерал-лейтенанта Н. В. Славина о военно-стратегическом значении Варангер-фиорда. 14.07.1945 // Советско-норвежские отношения... С. 386.
- ³⁰ Например, 1-я рота, сформированная из прибывших из Великобритании норвежских солдат, на 29 декабря 1944 г. была вооружена именно русскими автоматами. В донесении Норвежской военной миссии командующему советскими войсками генерал-лейтенанту Щербакову (Полевое управление 14-й армии) на 29.12.1944 // ЦА МО РФ. Ф. 363. Оп. 6249. Д. 32. Л. 18.
- ³¹ Стоимость построенных инженерными частями мостов за гос. границей. Б/д. // ЦА МО РФ. Ф. 363. Оп. 6230. Д. 40. Л. 22 об.

- ³² Ведомость на произведенные расходы по освобождению северной части Норвегии от противника и связанные с этим затраты по эксплуатации аэродрома Хебугтен (Киркенес) с 20.10 по 01.05.1945. Б/д. // ЦА МО РФ. Ф. 363. Оп. 6230. Д. 40. Л. 139–141.
- ³³ Письмо сотрудников НКВД В. С. Геращенко и А. А. Петрова заместителю народного комиссара иностранных дел СССР В. Г. Деканозову от 07.02.1945 // АВП РФ. Ф. 0116. Оп. 27. П. 127. Д. 16. Л. 8.
- ³⁴ Записка помощника начальника Генерального штаба Красной армии генерал-лейтенанта Н. В. Славина о военно-стратегическом значении Варангер-фиорда. 14.07.1945 // Советско-норвежские отношения... С. 386.

References

- Andre verdenskrig i nord* / Hovedredaktør F. Fagertun. Del 1–3. Stamsund: Orkana Akademisk, 2022.
- Bitva za Sever. 1944–1945* [The Battle for the North. 1944–1945. In Russ.] / Red. kol. V. V. Ishchenko (otv. red.), A. A. Komarov, P. Mankova, Yu. L. Mihajlova, L. A. Sadova. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, 2020.
- Krig og frigjøring i nord* / Red. F. Fagertun. Stamsund: Orkana Akademisk, 2015.
- Norge i krig: fremmedåk og frihetskamp 1940–1945* / Hovedredaktør M. Skodvin. Bd. 1–8. Oslo: Aschehoug, 1984–1987.
- NOSKOV A. M. *Norvegiya vo Vtoroj mirovoj vojne. 1940–1945* [Norway in World War II. 1940–1945. In Russ.]. Moscow: Nauka, 1973.
- NOSKOV A. M. *Osvobozhdenie severnykh rajonov Norvegii v 1944 godu* [Liberation of the northern regions of Norway in 1944. In Russ.] // Skandinavskij sbornik. 1971. Iss. XVI. P. 103–118.
- SEMIRYAGA M. I. *Vtoraya mirovaya vojna i proletarskij internatsionalizm* [World War II and Proletarian internationalism. In Russ.]. Moscow, 1962.
- SHINKAREV I. *Sovetskaya pomoshch' norvezhskomu narodu (1944–1945 gg.)* [Soviet aid to the Norwegian people (1944–1945). In Russ.] // Voенно-istoricheskij zhurnal. 1979. Oktyabr' (10). P. 31–33.
- SUPRUN M. N. *Osvobozhdenie Vostochnogo Finnmarka (po materialam sovetskih voennykh arhivov)* [Liberation of East Finnmark (based on the materials of the Soviet military archives). In Russ.] // Vojna v Arktike (1939–1945 gg.). Arhangel'sk, 2001. P. 45–69.
- Zapolyar'e. 1944–1945: vojna, povsednechnost', pamyat'* [The Arctic region. 1944–1945: war, everyday life, memory. In Russ.] / Red. kol. A. A. Komarov (otv. red.), Yu. L. Mihajlova, L. A. Sadova, S. G. Hol'tsmark. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, 2020.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

М. И. Серова. К вопросу об объемах советской экономической помощи во время освобождения и восстановления Восточного Финнмарка // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 139–148

Аннотация: 6 ноября 1944 г. в Мурманск прибыла Норвежская военная миссия в количестве 260 человек под руководством полковника Арне Дагфина Даля. С первого дня они были поставлены на довольствие с передачей в оперативное подчинение командованию Красной армии. В статье приведены некоторые рассуждения относительно количества средств, выделенных Советским Союзом на обеспечение норвежских войск. Дополнительно анализируется сумма, израсходованная советской стороной на восстановление инфраструктуры Восточного Финнмарка в период дислокации там войск Красной армии с октября 1944 по сентябрь 1945 г.

В результате анализа источников автор приходит к выводу, что обязательство предоставить норвежскому военному континенту все необходимое обмундирование, включая продовольствие и снаряжение,

было гарантировано лишь устными договоренностями. Однако, несмотря на это, все поставки производились вовремя вплоть до окончательного освобождения региона в апреле 1945 г. Отдельно был рассмотрен вопрос оказания гуманитарной помощи населению освобожденных норвежских регионов.

Автор также приходит к заключению, что в период холодной войны факт безвозмездной помощи норвежцам со стороны СССР приобрел политическое значение. Исследование было подготовлено на материалах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации.

Ключевые слова: Петсамо-Киркенесская операция, советско-норвежские отношения, освобождение Восточного Финнмарка, норвежская военная миссия в 1944 г., Красная армия.

FOR CITATION

M. I. Serova. Some comments on the question of Soviet economic aid during the liberation and reconstruction of Eastern Finnmark // Petersburg historical journal, no. 3, 2024, pp. 139–148

Abstract: On 6 November 1944, the Norwegian Military Mission, comprising 260 personnel under the command of Colonel Arne Dagfin Dahl, arrived in Murmansk. From the outset, the troops were provided with allowances and placed under the operational command of the Red Army. The following article presents an analysis of the financial resources allocated by the Soviet Union for the material maintenance of Norwegian troops. Furthermore, the article examines the financial outlay of the USSR on the reconstruction of infrastructure in Eastern Finnmark during the deployment of Red Army troops there from October 1944 to September 1945. The analysis of the available sources revealed that the obligation to provide the necessary supplies for the Norwegian Military Mission, including food and equipment, was merely a verbal agreement. Nevertheless, all supplies were received in a timely manner until the region was fully liberated in April 1945. Furthermore, the issue of providing humanitarian assistance to the civilian population of Norwegian territories that had been liberated was examined. The author concludes that the provision of Soviet voluntary assistance to the Norwegian population acquired political importance during the Cold War. The study was based on materials from the Central Archive of the Ministry of Defence (CAMD).

Key words: Petsamo-Kirkenes offensive, Soviet-Norwegian relations, liberation of East Finnmark, Norwegian Military Mission in 1944, Red Army.

Автор: Серова, Мария Игоревна — младший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

Author: Serova, Maria Igorevna — Junior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences. (Moscow, Russia).

E-mail: ChV26NyX@yandex.ru

ORCID 0000-0001-5268-8925

O. I. Onianwa, U. B. Okpevra

A review of British policy and influence on the external meddling in the peacemaking and conflict resolution of the Nigerian-Biafra War, 1967–1970

Introduction

Post-independence Civil Wars were a defining feature of Africa after independence. Civil conflicts had consequences for the social well-being of people. A major feature of these wars is the frequent external meddling that has blocked the sensibility of devising indigenously oriented peace mechanisms in resolving them. Many scholars have argued that Africa's weak mediation prowess created a loophole for the external forces to become part of the peace conferences held concerning conflicts on the continent¹.

The Nigerian-Biafra war is one of the many cases of civil wars and conflicts that saw the theatre of external interference in the peace negotiations of wars in Africa. The civil war erupted owing to the internal political upheavals that bedevilled the Nigerian State immediately after gaining independence from British colonialism. The causes of the Nigeria-Biafra war hinged on the eruption of several factors ranging from deep-rooted acute disputes between the Northern and Southern regions of Nigeria over colonially inherited conflicts on the equitable distribution of the nation's resources and struggle for political power. This is in addition to demonstrations over electoral and census controversies that brought the leaders of each region against one another². The war resulted in significant loss of life and humanitarian

crises. The conflict attracted the attention of major powers due to Nigeria's strategic importance in the region, and their interventions had profound implications for the peace settlement process.

The most strategic factor was the coming of the military in January 1966, which brought about a military regime under Major-General Johnson Thomas Umunakwe Aguiyi Ironsi and the counter-coup of July 29, 1966, which led to the death of the Head of State and his host Lieutenant Colonel Adekunle Fajuyi, Military Governor of Western Nigeria. These circumstances midwife the General Yakubu Gowon regime as successor (Ekwe Nche Organization, 1972)³. However, the coup that installed Gowon as the leader of Nigeria in Lagos was unpopular in the Eastern region. Consequently, constitutional conferences and talks were held to build trust amongst the various military leaders and establish a roadmap for Nigeria's future⁴.

After the Lagos Ad-hoc Constitutional Conference's initial round of talks ended in September 1966, a second massacre occurred, killing scores of Igbos of the Eastern region in their thousands, especially those who resided in the North⁵, as a result, there were strained relationships, mutual distrust, and hostility across the country. All attempts to bring peace to the nation's mess were deeply tainted with suspicion and persistent resentment⁶.

During this period, peace efforts were initiated towards reconciling the contending factions in the dispute. These peace efforts were not devoid of external influence that saw the Nigerian crises as threats to their fundamental stake in the country. On the January 4 and 5, 1967, the Supreme Military Council (SMC), as the apex legislative and executive authority in Nigeria was invited to a meeting in Aburi Ghana at the instance of Malcolm Macdonald, a British diplomat in Africa. Throughout the war, the British government brought this fact numerous times when it came under fire for failing to reconcile the two warring factions⁷.

Following the disagreement between the Gowon-led administration and Colonel Chukwuemeka Odumegwu Ojukwu, Governor of the Eastern region, it was envisaged that the peace meeting to be held at Aburi would mark a watershed in the ongoing tension in Nigeria. The discussion gave rise to a contentious agreement⁸. The prolonged negotiations from the Aburi Peace Accord and Gowon's bid to break the power base of Ojukwu in the East by creating additional states out of the existing four regions gave Nigeria a twelve-state framework. Done without the Eastern region's agreement, it led to major tensions and the Republic of Biafra proclamation. The civil war finally broke out due to the Nigerian government's refusal to acknowledge Biafra⁹.

External influence and peace mediation in the Nigerian-Biafra War

The military operations of the Nigerian-Biafra War began on July 6, 1967. Some form of external interference played out in the peace process, as neither side was ready for peace negotiations. Gowon was not willing to accept the secession of

Biafra. Ojukwu was not willing to settle for anything less than the sovereign independence of Biafra¹⁰. This intransigence stance complicated the peace process. Other early peace initiatives regarding the Nigeria-Biafra War came from outside the continent. Africa lost the opportunity to be the first to utilise its indigenous knowledge of peace mediation to resolve the conflict.

Britain became the first to initiate diplomatic moves towards peace in collaboration with the Secretariat of the Commonwealth in London. By August 11, 1967, the British government had considered the possibility of encouraging the Commonwealth Secretary-General, Arnold Smith, to take advantage of contacting Gowon and Ojukwu to see whether any basis for peace talks existed in the civil war using the Commonwealth Secretariat¹¹.

Arnold Smith had proposed to appeal to General Gowon designed to bring a ceasefire and diplomatic talks without pre-conditions. He proposed to fly to Lagos to discuss the possibilities with General Gowon. From the known attitude of both sides of the conflict, there was little hope of an early agreement to peace talks. Britain saw the advantage in Smith floating his proposal as soon as possible¹².

The Nigerian government refused to accept any peace moves from the British government. It was recommended that on his return to Lagos, the British High Commissioner should speak to General Gowon on the basis that: "The British Government has all along been distressed at the failure of the Nigerians to settle their disputes peacefully and did their best to urge that there should not be a resort to war. They have recognized that the Federal forces have traditionally relied largely on British equipment and so have allowed outstanding orders to be completed and have continued to supply normal items of military materials in reasonable quantities. This policy has aroused interesting criticisms in the United Kingdom on traditional humanitarian grounds. HMG's position has been made more difficult by the press publicity given to the efforts of the Nigerian authorities in London to purchase and arrange shipment for large quantities of arms which go beyond the undertaking given in the Prime Minister's letter to Gowon on 16th July 1967..."¹³

On April 5, 1968, the British Prime Minister sent a letter to Gowon to accept peace negotiations with the Biafran government. The Prime Minister reminded Gowon of a letter Lord Brockway had from Ojukwu, that he would be ready to take a ceasefire followed by unconditional discussions. He, therefore, informed Gowon that Nigerian friends plan to test the sincerity of the Biafran government in negotiations¹⁴.

On May 6, 1968, Arnold Smith invited the Federal and Biafran representatives in London for preliminary discussions on the venue for peace negotiations. The next meeting was held on May 7, 1968. The agreement reached was that Kampala should be the site for Negotiations and that the Commonwealth Secretariat should provide administrative cover. These points were regarded as part of a package, which included the question of Chairmanship. Biafrans wished Obote as chairman, while the Federal suggested Arnold Smith. The possibility of having no chairman at all was also considered¹⁵.

The diplomatic initiative of Arnold Smith, Secretary-General of the Commonwealth led to the development of Kampala peace negotiations between the FMG and Biafra at the time of War. On May 15, 1968 the Commonwealth Secretariat released a press statement that the two sides with their representative, had a preliminary talk in London under the auspices of Arnold Smith, the Commonwealth Secretary-General. It was agreed that peace talks would be held at Kampala Uganda¹⁶. Meanwhile, the Minister of State at the Commonwealth Office, George Thomson told Arnold Smith that it was a great thing to know that he would be closely associated with the next round of talks in Kampala, from which they were all hoping for so much¹⁷.

Despite any stance that went against her own, Britain was eager to see the war resolved peacefully. That was the vital way through which her trade and investment in the country could be sustained when it was clear that the Commonwealth Secretariat, which supported her peace moves could not restore peace but suggested another peace negotiation in Africa, became the British key priority to rally around her African supporters towards ensuring total sympathy to her position in the conflict.

Britain prioritized a peaceful resolution of the war, maintaining Nigeria's unity, to sustain trade and investment. The Commonwealth Secretariat's support for peace moves did not restore peace but suggested another peace negotiation in Africa.

Britain was not the only country meddling from abroad in the Nigeria-Biafra War's peace settlement, despite her dominant role in the battle. The US, which had obstructed peace talks during the conflict, was eager to see peace returned to Nigeria, especially the peace accords supported by the Organization of African Unity. The United States had kept an eye on the war's peace settlement to hasten the elimination of some forces, which provided military support to both sides because their actions were jeopardizing global peace and security. The Soviet Union, Czechoslovakia, Portugal, and the four African nations of Gabon, Ivory Coast, Tanzania, and Zambia that recognized Biafra are examples of these outside pressures. France also interfered in the war's peace talks by pushing for Biafra's independence to be recognized by the OAU Consultative Committee, despite opposition from the United States, Britain, and certain African nations¹⁸.

African diplomacy and external meddling in peace mediation

African States' initiative to initiate diplomatic and peace negotiations significantly highlighted external intervention in the conflict. The OAU's civil war decisions and resolutions were constructed to serve Anglo-American interests and implement the "One Nigerian" agenda. On September 14, 1967, early in the morning, according to Onianwa¹⁹, the US envoy in Lagos, Albert Mathew, received a note from the envoy in Congo to Yakubu Gowon asking for his written opinion on the proposed documents for the resolution of the Nigerian crisis, which had been given to the US Ambassador. Moreover, Mathew was instructed to let Gowon know which nations

had introduced the resolution draft: Cameroun, Zambia, Uganda, Congo, Niger, Liberia, Ghana, and Ethiopia²⁰.

After the OAU resolution was passed and the news of the Peace Mission to Nigeria announced, a letter was sent by the British High Commissioner in Lagos to the Foreign Office on September 16, 1967. He believed everybody in London was pleased with the OAU resolution. They didn't have to stick their neck out; at least it seemed like there were signals that something was being done.

He welcomed the resolution as letting them off. The language of the resolution gave an excellent cue when pressed for a statement of British attitude in the war. It emphasised OAU's passion to sustain Nigeria's sovereignty and territorial integrity. He suggested the need for the British officialdom to adopt the language of OAU and state that this was the position they maintained all along²¹.

In reaction to the British High Commissioner's letter, the Foreign Office said the High Commissioner was right to assume everybody in London was pleased about the OAU peace initiative and had already discussed the OAU initiative with the United States officials. He agreed that they should be careful to avoid jumping too enthusiastically behind the OAU initiative, in case they gave those not enthusiastic about it any excuse to suggest that it owed something to American and British pressure²². Later, the High Commissioner told the Foreign Office that for the sake of British relations with Africa, they should avoid giving any impression that they disapprove of the wording of the resolution or idea of the OAU Mission.

Britain and the US had developed strong confidence in the OAU as an instrument in revolving the Nigeria-Biafra War and expected to have good working relationship with the regional organization in persuading both sides of the conflict to accept settlement. With this line of argument, it was easy for them to work with Nigerian supporters in Africa to project positions that would go against their peace designs capable of sustaining Nigeria as one country as against the secession policy of Biafra.

Britain and the US through their diplomatic missions in Niger and Ethiopia worked tirelessly to know the outcome of the meeting. Both countries had designed their foreign policies regarding the civil war on the perception that it was an African affair to be resolved by Africans but in a manner suitable to their vested interests in the conflict.

As and when the Niamey conference began there appeared to be communication challenges experienced by the British representatives. This prompted the British *Charge d'Affaires* in Abidjan, Mark McMullen, to inform the Foreign Office on July 27, 1968, about the difficulties in exchanging information with American officials. He said: "The Americans and myself (sic) were handicapped from the start of the conference by deciding to keep very much in the background since Niamey was a small fish pool in which the two delegations were in any case mostly confined to the open-plan ground floor of the Palace in which everybody's movements could be observed and to heavily guarded villas"²³.

The US Ambassador could not have been more helpful. He provided the British *Charge d'Affaires* with a room, secretarial support, and communication facilities, and they studied all telegrams sent regarding the OAU Consultative Committee meeting in Niamey. A great number of these telegrams were results of drafting sessions involving the Ambassador, and at least one other member of staff; a technique the *Charge d'Affaires* found very confusing as the American style and approach to reporting was different from the British method, and the wordage expended thereon extremely extravagant by British standards²⁴. In a letter sent to the Foreign Office on his return to Abidjan, McMullen paid tribute to the help and cooperation he received from the US Ambassador, Ryan. Mark McMullen said: "Ambassador Ryan extended to me facilities and collaboration far beyond what could have been expected even from the representative of a friendly and allied country. Not only was I offered full office and communications facilities, but coverage of the meeting was conceived and carried out as a 'joint operation', <...> in the Mediterranean. Our visits to Diori were synchronized to avoid the impression of more than a minimum British and US presence at the Palace, information was pooled and telegrams reporting developments were drafted in common²⁵.

The Anglo-American joint policy of keeping out of the way except when summoned by Hamani Diori, the first President of the Republic of Niger, meant that information about the conference proceedings had to be gathered from the often-inaccurate gleanings of the press, corrected at regular intervals by accounts given to the US Ambassador and McMullen by Diori. Thus, the only inside information they received was filtered through the personality, changing moods, and sometimes hazy grasp of the finer points of the issue of the President himself²⁶.

Geopolitical motive behind external interference in peace settlement

The Nigerian-Biafra War remains one of the most significant conflicts in African history, characterized by external interference driven by geopolitical motives. As regional and global powers became involved in the conflict, their strategic interests shaped the trajectory of the peace settlement process.

Interference in the Nigerian-Biafra War peace process was meant to achieve certain geopolitical motives, to put in check certain actions that would warrant the two factions in the war to make decisions that would go against the interests of the great powers. The external forces wanted a situation where it would be easy for their ideas in that direction not to be tempered but rather assist in working out a seamless peaceful negotiation. To achieve this, certain things have to give way. For Britain and America, the most important is the downgrading of the French and Soviet Union intervention during the war, which they saw as an obstacle to an early peace settlement or even victory²⁷.

The involvement of international bodies, such as the OAU, the United Nations, and OCAM, was considered to find a suitable mediator for the conflict. The global context of the Cold War also influenced foreign actions in the region. Foreign propaganda played a significant role, with exaggerated death tolls and sensational reporting shaping public opinion and fundraising efforts for Biafra.

The external interference impacted the conflict's duration and the suffering experienced by civilians. It emphasized the complex geopolitics and the struggle to achieve meaningful progress in peace settlement without undermining African-led initiatives. Geopolitical motives often played a significant role in shaping external interference in conflicts and peace settlements around the globe, and the Nigerian-Biafra War was no exception. Conflict arose in 1967 when the southeastern region of Nigeria, known as Biafra, declared independence, leading to a devastating civil war. During this period, external powers became involved due to their strategic interests in the region and their desire to influence the outcome of the conflict²⁸.

Nigeria held strategic importance for Britain and America, due to its oil reserves and position as a potential ally in the Cold War context. Therefore, British interests lay in preserving its territorial integrity and avoiding the dissolution of a nation that they had previously controlled. The United States, on the other hand, saw Nigeria as a potential ally and a valuable economic partner in Africa. Thus, both countries were keen on preventing the breakup of Nigeria and ensuring a peaceful resolution to the conflict²⁹.

France's involvement in supporting Biafra can be understood within its historical ties to certain regions of Africa and its desire to assert its influence in the continent. France's support for Biafra was seen as an opportunity to gain leverage and strengthen its presence in the African international arena. However, France's stance was controversial; it created tensions with other Western powers who supported Nigeria's unity³⁰.

The Soviet Union's involvement in providing military aid to Nigeria can also be seen through a geopolitical lens. The Cold War rivalry between the Soviet Union and the United States led to proxy conflicts in various regions worldwide, and Nigeria became one such battleground. The Soviet Union's support for Nigeria aligned with its aim to expand its influence and counter Western interests in Africa³¹.

External interference was not limited to military aid and diplomatic maneuvering; it also involved extensive propaganda efforts to shape public opinion. Western media outlets portrayed the conflict to arouse sympathy for Biafra, depicting scenes of suffering, malnutrition, and starvation. These sensationalized reports garner support for Biafra's cause, mobilizing public opinion and raising funds for the secessionist state. However, the propagandistic nature of these reports also contributed to misinformation and exaggeration of the scale of the suffering in the region.

Amid this geopolitical maneuvering, African-led efforts to resolve the conflict were affected. The Organization of African Unity (OAU), now the African Union, played a central role in mediating the conflict. However, external interference and

the involvement of major powers complicated the peace process. African leaders were wary of being overshadowed or influenced by external interests, which hindered the effectiveness of regional mediation efforts.

The search for a suitable mediator, proposed by both the United States and Britain, reflects the challenge of finding a neutral actor who could facilitate dialogue between the warring parties. The nomination of an American citizen, Wayne Fredericks of the Ford Foundation, highlighted the delicate balance between foreign involvement and respecting African agencies in peace negotiations³².

Phillip Efiog claims that Ojukwu arranged for what appeared to be French recognition of Biafra to help get recognition from other countries worldwide³³. The French backing of Biafra fell just short of giving Biafra full recognition as a sovereign state. Achebe's observation about the breadth and depth of support from France to Biafra is instructive: "The government of France considers that the bloodshed and suffering endured for over a year by the population of Biafra demonstrate their will to assert themselves as a people. Faithful to its principles, <...> the present conflict should be solved based on the Right of people to self-determination and should include the setting in motion of appropriate international procedures"³⁴.

France continued to meddle in the battle but never considered the price of lives lost and property destroyed. France never imagined that the war could be managed through official negotiations; otherwise, the French administration would have worked arduously to provide a framework for conciliation, where the two sides in the conflict (Nigeria and Biafra) could have convened and laid down their swords.

British publication *The Sun* in 1968 branded the French engagement as naughty. It went on to say that if France had truly felt that self-determination could be a basis for resolving the situation, she would have put forth that idea earlier and saved others the trouble they had suffered. One indication of the impact of French sponsorship is Biafra's reluctance to participate in talks after Mr. Christopher Mojekwu's peace proposals. With support from France, the rebels hardened even further and declined to engage in talks³⁵.

The sincerity of Britain and France in the peacemaking and resolution of the Nigerian-Biafra War left much to be desired in several ways. For instance, the Anglo-French conversation during the Nigerian-Biafra War was a significant cause of concern at the Western European Union meeting of foreign ministers. What France had done for the Biafrans was exposed at that conference, but France was equally ready to accuse Britain of aiding the Federal Government of Nigeria in numerous ways, including by providing mercenaries and weaponry³⁶.

France continued to make the case that her support for Biafra was solely humanitarian and motivated by the suffering of the populace, a case of blatant genocide. The British government countered that although there was an agreement for the British to send weapons to the Nigerian government, France was acting dishonestly³⁷ because a contingent of 800 French soldiers was flown into Biafran territory from Gabon with weapons meant to support Biafra. According to Colonel Benjamin Ade-

kunle, the Third Marine Commander of the Nigerian Army, this not only prolonged the War but also made it possible for Nigerian soldiers to engage in combat with French mercenaries³⁸.

The difficulty in solving the problem at the international level is balancing the competing interests of states with an interest in the Nigerian-Biafra War. France felt confident that Russia and the United Kingdom supported the Nigerian government: given her interest in the regions controlled by Biafra and that the suffering of the Biafra people prevented her from siding with them³⁹. As a result, the French government believed in helping people in need who had the right to self-determination⁴⁰. Because of this, no offence was committed, either in national interest or international law.

At a meeting between the Nigerian High Commissioner to the United Kingdom, Brigadier Babafemi Olatunde Ogundipe, and the British Minister of State for Foreign and Commonwealth Affairs, Lord Shepherd, on August 1, 1968, it was argued that the French decision was regrettable and embarrassing as it was never discussed with any of the major powers, particularly Britain. This called for urgent and strong diplomatic action⁴¹. The following action was taken as a result: to express opposition to France's shift in perspective during the civil war, especially at the OAU⁴².

To cope with the French, the British officialdom advised the Nigerian government to release a statement with facts outlining the weapons and ammunition it had obtained from France from the start of the conflict, particularly on June 12, 1968, when France declared an arms embargo. The Nigerian government needed to arm itself with Documents like the OAU decisions from Algiers because this exercise was intended to provoke thought in the French people and the French government⁴³. Furthermore, a promise was made to the Nigerian government to have some vital official information that could be used to protest against the supply of arms through the French channel to Biafra⁴⁴.

External interference is to help promote the notion that not only an African approach is required to resolve the conflict. This was meant to weaken any other initiative suggested to tackle the conflict. For instance, after his inauguration as the United States President, Richard Nixon, on January 24, 1969, ordered an urgent review of the United States policy on the Nigeria-Biafra War and requested recommendations for additional action. The Chairman of the National Security Council and Foreign Policy Adviser to Nixon, Henry Kissinger, was appointed to head the Presidential Task Force⁴⁵. One possible option opened to the Task Force was the appointment of a suitable person who would play the role of a mediator in the civil war. The nomination of this person would have to be made by some international body like OAU or *L'Organisation Communé Africainé et Malgaché* (OCAM)⁴⁶.

The British Parliamentary Under-Secretary at the Foreign Office, Maurice Foley, was impressed that an individual might be able to carry out a mediation role regarding the war. He realized that there could be no question of an appointment of this kind made by the United Nations. Nor an appointment usefully be made by OAU because anyone appointed by OAU would be unacceptable to Biafrans and might

not be willing to appoint anyone who was not an African⁴⁷. In this circumstance, he proposed that Wayne Fredericks of the Ford Foundation could carry out such an assignment⁴⁸.

Meanwhile, the intention of appointing an unofficial American mediator for OAU was an idea supported by U-Thant⁴⁹. At a meeting with the British Parliamentary Under-Secretary, on March 19, 1969, U-Thant declared that the OAU Consultative Committee on Nigeria was too unwieldy for its task and that he had intended to suggest to the Emperor of Ethiopia before the Committee's meeting in Liberia on April 17, 1969, that the Committee should appoint a Special Representative with a full mandate to act as a mediator on its behalf⁵⁰.

The global realities at the time which coincided with the Cold War politics between the Eastern and Western blocs rekindled the British and the US desire to see peace restored in Nigeria, hence, suggesting the need for a competent individual to be nominated as a peace mediator. However, such action means taking over the responsibility of Africans towards settling the Nigeria-Biafra War, thereby, weakening the African-induced peace ideas, if not disabling its prowess of achieving meaningful progress in conflict resolution.

Foreign propaganda played a vital role in the peacemaking and resolution of the Nigeria-Biafra War. In 1968 foreign press such as the British *Observer* on June 23, The *Guardian* on July 8, and *The Times* of London on August 13 among others quoted outrageous figures of the death toll and unimaginable suffering of civilians especially women and children⁵¹. No doubt, these fantastic figures were most likely based "on wild guessing of unsubstantiated nature and usually accompanied by hallucinatory and sensational articles, a typical example of these being the series of articles in *The Times* of London by Winston Churchill, grandson of the former British Prime Minister, who claimed to have witnessed gigantic bombing raids of inhabitant localities by the Federal air force and depicted the Biafran capital of Umuahia as having been virtually razed to the ground by intense aerial bombardment. When a party of Western European journalists visited the town shortly after its capture by Federal troops soon after Churchill's articles, their surprise at finding it virtually intact led one of them to ask in his article on Umuahia: 'Where DID all those bombs go?'"⁵².

Television viewers, for their part, were spared no details about the suffering of Kwashiokor-stricken children, which no one bothered to explain as a prevalent illness in all underdeveloped countries, caused more by protein deficiency than by actual starvation as such. Night after night, gruesome images that sickened one to the marrow were directed at both adults and children, with predictable effects. The word genocide was freely bandied about, while books and pamphlets were produced in innumerable quantities, each vying to outdo the other in sentimental and sensational prose that is truly amazing to read in retrospect.

The extraordinary propaganda machine of the Western media outlets had the dual effects of preparing Western public opinion for eventual recognition of the Biafran state and guaranteeing the effectiveness of Biafra's fund-raising endeavours,

which ultimately provided millions of pounds in foreign currency for the purchase of weapons and ammunition, making the conflict last longer and the suffering that the misled public was being subjected to.

The Nigeria-Biafra War is a compelling case study of how geopolitical motives drove external interference in the peace settlement. Major powers sought to shape the conflict's outcome to serve their strategic interests and influence the negotiations. African-led mediation efforts were hindered by the involvement of major powers and foreign propaganda, which had a considerable impact on the conflict's settlement. The case of the Nigerian-Biafra War serves as a reminder of the complexities of international involvement in internal conflicts and, emphasises the need for autonomy and effectiveness in regional mediation efforts. Understanding the geopolitical motives behind external interference is crucial in avoiding similar challenges in future conflict resolution processes.

Conclusion

The article provides profound evidence that the British government played a significant role in external meddling during the Nigerian-Biafra War from 1967 to 1970. Through examination of historical documents and policy analysis, it becomes evident that the British government's policies and actions were instrumental in determining the trajectory of the war and its resolution, leading to implications for peace and stability in the region.

The findings of this research underscore the importance of understanding the role of external actors in conflicts and peacemaking processes. It also raises questions about the ethical considerations surrounding foreign interventions in sovereign states' internal affairs. As the Nigerian-Biafra War remains a significant historical event with lasting impacts, this study contributes valuable insights into the complexities of conflict resolution and the responsibility of external powers in shaping the course of conflicts. Further research is warranted to delve deeper into the long-term repercussions of British interference in the Nigerian-Biafran conflict and its implications for international relations and conflict resolution strategies.

¹ *Okpevra U. B.* Historicising Foreign Powers' Intervention in the Nigeria-Biafra War (1967–1970) // *IAFOR Journal of Arts & Humanities*. 2023. Vol. 10, iss. 1. P. 65–80. <https://doi.org/10.22492/ijah.10.1.05>

² *Ibid*; *The Nigerian Civil War, 1967–1970: History and Reminiscences* / B. H. Momoh (ed.). Ibadan: Sam-Bookman Publishers (for Nigerian Army Education Corps and School (NAECS)), Yaba Lagos, 2000; *Amuwo K.* Historical Roots of the Nigerian Civil War: An Explanation //

- Perspectives on the Nigerian Civil War / S. Oyeweso (ed.). Lagos: OAU Humanities Series and Campus Press Limited, 1992. P. 1.
- ³ The Nigerian Civil War.
- ⁴ *Cronje S.* The World and Nigeria: The Diplomatic History of the Nigerian Civil War 1967–1970. London, 1972. P. 17.
- ⁵ *Ibid.* P. 18.
- ⁶ *Audu M. S., Osuala S. U., Baba I. I.* Contextualizing the International Dimensions of the Nigerian Civil War, 1967–1970 // *International Journal of Politics and Good Governance*. 2013. Vol. 4, no. 4.3. P. 5.
- ⁷ *Cronje S.* The World and Nigeria. P. 18.
- ⁸ *Ibid.* P. 18–19.
- ⁹ *Audu M. S., Osuala S. U., Baba I. I.* Contextualizing the International Dimensions of the Nigerian Civil War, 1967–1970. P. 6.
- ¹⁰ The National Archives Kew, London (thereinafter – TNA): Foreign and Commonwealth Office Papers 38/284.
- ¹¹ TNA, PREM, 13/1662, File no. 7177772/4S/7900158/27G/Nigeria: 1967.
- ¹² TNA, PREM, 13/1662, Confidential: Note of Record on Nigerian Situation from A. M. Palliser to A. Macleod, August 23, 1967.
- ¹³ *Ibid.*
- ¹⁴ *Onianwa O. I.* In between the Cold War politics: The OAU Consultative Committee and Anglo-American diplomacy in the Nigerian Civil War, 1967–1970 // Grilli M., Gerits F. (eds.). *Visions of African Unity. African Histories and Modernities*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. https://doi.org/10.1007/978-3-030-52911-6_9
- ¹⁵ TNA, FCO, 38/213, FROM Commonwealth Office to Lagos, May 8, 1968. Cit. in: *Onianwa O. I.* In between the Cold War politics.
- ¹⁶ TNA, FCO, 38/213, Commonwealth Secretariat Press Release on Nigeria Peace Talks, May 15, 1968.
- ¹⁷ TNA, FCO, 38/213, George Thomson to Commonwealth-Secretary General, May 15, 1968.
- ¹⁸ *Stremmlau J. J.* The International Politics of the Nigerian Civil War, 1967–1970. Princeton: Princeton University Press, 1977.
- ¹⁹ *Onianwa O. I.* In between the Cold War politics.
- ²⁰ TNA, FCO, 38/232, Minutes on Nigeria and OAU from Lagos to Commonwealth Office, September 14, 1967.
- ²¹ TNA, FCO, 38/232, Text of A Letter from the British High Commissioner in Lagos to Foreign and Commonwealth Office, Ref no. 1/POL 10/201/7, September 16, 1967.
- ²² TNA, FCO, 38/232, Minute on Reaction to British High Commissioner's Letter from the Commonwealth Office to Lagos, September 21, 1967.
- ²³ TNA, FCO, 38/234, Confidential: Minute one American Help at Niamey from the British Embassy in Abidjan to Foreign Office, July 27, 1968.
- ²⁴ TNA, FCO 38/234, Minute one American Help at Niamey from the British Embassy in Abidjan to Foreign Office, July 27, 1968.
- ²⁵ TNA, FCO, 38/234, Confidential: Minute one American Help at Niamey from the British Embassy in Abidjan to Foreign Office, July 27, 1968.
- ²⁶ TNA, FCO, 38/234, Confidential: Minute on American Help at Niamey from D. C. Tebbit to E. G. Norris, August 1, 1968.
- ²⁷ *Okpevra U. B.* Historicising Foreign Powers' Intervention in the Nigeria-Biafra War (1967–1970). P. 74–75.
- ²⁸ *Ibid.*
- ²⁹ TNA, Confidential: Record of Meeting between the United States Ambassador Robert Moore and British Officials in London, August 23, 1968; FCO, 38/237, File no. TX 3/3/Part B/6C/1066/West and General Africa Dept. / Nigeria: Political Affairs, External, Bilateral, Relations with the United States of America, January 1, 1968 – December 31, 1969.

- ³⁰ *Okpevra U. B.* Historicising Foreign Powers' Intervention in the Nigeria-Biafra War (1967–1970); *Achebe Ch.* Biafra: France and the Nigeria-Biafra War // *African Studies Quarterly*. 2012. Vol. 14, iss. 4. P. 101–120. URL: <https://asq.africa.ufl.edu/files/Achebe-Vol14Iss4.pdf>
- ³¹ *Smith R.* Soviet Involvement in the Nigeria-Biafra War // *Journal of Cold War Studies*. 2018. Vol. 20. Iss. 3. P. 45–62. https://doi.org/10.1162/JCWS_a_00734
- ³² TNA, Confidential: Minute on British Reaction towards United States Reappraisal of the Nigerian Situation and Appointment of US Mediator from D. Tebbit to P. H. Moberly, February 11, 1969; FCO, 65/243, File no. JWN 2/3/Part A/ 5S/368/ West African Dept. / Nigeria: Political Affairs, Bilateral, United Nations Attitude towards the Nigerian Civil War, January 1, 1968 – December 31, 1969.
- ³³ *Eftong P.* Nigeria and Biafra: My story: an authentic story of the Nigerian civil war. Aba: Business Forum Publications, 2000.
- ³⁴ *Achebe Ch.* There was a Country: A Personal History of Biafra. London: Penguin Books, 2012. P. 101.
- ³⁵ *Ibe O. L., Okpalaeke P. C.* International dimensions of the Nigerian civil war (1967–70): A deconstruction of France's involvement // *Africa Update*. 2020. Vol. XXVII, iss. 3. (Summer). URL: <https://sites.ccsu.edu/afstudy/africaupdate/article-492.html>
- ³⁶ *Jorre J. de St.* The Nigerian Civil War. London: Hodder and Stoughton, 1972.
- ³⁷ France's Role in Our Crisis // *Morning Post*. 1970.
- ³⁸ Mercenaries // *Daily Times*. 1968.
- ³⁹ French interest in Biafra // *Africa Confidential*. 1967.
- ⁴⁰ *Achebe Ch.* There was a Country. P. 101.
- ⁴¹ TNA, FCO, 38/245 Confidential: Record of Meeting between the Minister of State at the Commonwealth Office and Nigerian High Commissioner in London, August 1, 1968.
- ⁴² TNA, FCO, 38/245 Confidential: Note on the Meeting of Under-Secretaries of Foreign Office over French Attitude towards Nigerian Civil War from C. L. Booth to D. C. Tebbit, August 5, 1968.
- ⁴³ TNA, FCO, 38/247, File no. TX 3/27/Part D/6C/1066/ Confidential: Minute on French Arms Supply to Nigeria from Foreign Office to Lagos / Telegram no. 1504, September 17, 1968; West and General African Dept. Nigeria: Political Affairs, External, Bilateral, French Attitude in the Nigerian Civil War, January 1, 1968 – December 31, 1969.
- ⁴⁴ TNA, FCO, 65/247 Confidential: Minute on French Arms Supplies to Biafra from Foreign Office to Lagos / Telegram no. 1833, November 18, 1968.
- ⁴⁵ TNA, FCO, 65/257, File no. JWN 3/304/1/Part A/ 5A/ 368/ Confidential: Minute on Presidential Directive on the Nigerian Civil War from British Embassy in Washington to Foreign and Commonwealth Office, January 25, 1969; West African Dept. / Nigeria: Political Affairs, External, Bilateral, United States Activities in the Nigerian Civil War, January 1, 1968 – December 31, 1969.
- ⁴⁶ TNA, FCO, 65/257 Confidential: Minute on Presidential Directive on the Study and Review of United States Role in the Nigerian Civil War from K. M. Wilford to R. H. John Wilson West African Department Foreign and Commonwealth Office, February 5, 1969.
- ⁴⁷ TNA, FCO, 65/243, File no. JWN 2/3/Part A/5S/368/ Confidential: Minute on British Reaction towards United States Reappraisal of the Nigerian Situation and Appointment of US Mediator from D. Tebbit to P. H. Moberly, February 11, 1969; West African Dept. / Nigeria: Political Affairs, Bilateral, United Nations Attitude towards the Nigerian Civil War, January 1, 1968 – December 31, 1969.
- ⁴⁸ *Ibid.*
- ⁴⁹ TNA, FCO, 65/243 Confidential: Minute on the Conversation between the United Kingdom's Representative at the United Nations and the United Nations Secretary-General from the United Kingdom Diplomatic Mission New York to Foreign and Commonwealth Office, February 13, 1969.
- ⁵⁰ TNA, FCO, 65/243 Confidential: Note of Meeting between the United Nations Secretary-General U-Thant and British Parliamentary Under-Secretary on the OAU and the Nigerian

Civil War from United Kingdom Mission in New York to Foreign and Commonwealth Office, March 19, 1968.

⁵¹ Ola B. *The Tragic Years: Nigeria in Crisis 1966–1970*. Benin City: Ethiope Publishing Corporation, 1980. P. 96–97.

⁵² Daily Express (British). 1969. May 8.

References

ACHEBE Ch. *Biafra: France and the Nigeria-Biafra War* // African Studies Quarterly. 2012. Vol. 14, iss. 4. P. 101–120. URL: <https://asq.africa.ufl.edu/files/Achebe-Vol14Iss4.pdf> (date of access 23.05.2023).

ACHEBE Ch. *There was a Country: A Personal History of Biafra*. London: Penguin Books, 2012.

AMUWO K. *Historical roots of the Nigerian civil war: An explanation* // Perspectives on the Nigerian Civil War / S. Oyeweso (ed.). Lagos: OAU Humanities Series and Campus Press Limited, 1992. P. 1–18.

AUDU M. S., OSUALA S. U., BABA I. I. *Contextualizing the international dimensions of the Nigerian civil war, 1967–1970* // International Journal of Politics and Good Governance. 2013. Vol. 4, no. 4.3. URL: <http://www.onlineresearchjournals.com/ijopagg/previousissues.php?jn=31#> (date of access 09.05.2023).

CRONJE S. *The World and Nigeria: the Diplomatic History of the Nigerian Civil War 1967–1970*. London: Sidgwick & Jackson, 1972.

EFIONG P. *Nigeria and Biafra: My story: an authentic story of the Nigerian civil war*. Aba: Business Forum Publications, 2000.

IBE O. L., OKPALAEKE P. C. *International dimensions of the Nigerian civil war (1967–70): A deconstruction of France's involvement* // Africa Update. 2020. Vol. XXVII, iss. 3 (Summer). URL: <https://sites.ccsu.edu/afstudy/africaupdate/article-492.html> (date of access 15.04.2023).

JORRE J. de St. *The Nigerian Civil War*. London: Hodder and Stoughton, 1972.

OKPEVRA U. B. *Historicising Foreign Powers' Intervention in the Nigeria-Biafra War (1967–1970)* // IAFOR Journal of Arts & Humanities. 2023. Vol. 10, iss. 1. P. 65–80. <https://doi.org/10.22492/ijah.10.1.05>

OLA B. *The Tragic Years: Nigeria in Crisis 1966–1970*. Benin City: Ethiope Publishing Corporation, 1980.

ONIANWA O. I. *In between the Cold War politics: The OAU Consultative Committee and Anglo-American diplomacy in the Nigerian civil war, 1967–1970* // Grilli M., Gerits F. (eds.) *Visions of African Unity*. African Histories and Modernities. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. https://doi.org/10.1007/978-3-030-52911-6_9

SMITH R. *Soviet involvement in the Nigeria-Biafra War* // Journal of Cold War Studies. 2018. Vol. 20, iss. 3. P. 45–62. https://doi.org/10.1162/JCWS_a_00734

STREMLAU J. J. *The International Politics of the Nigerian Civil War, 1967–1970*. Princeton: Princeton University Press, 1977. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9781400871285/html> (date of access 17.05.2023).

The Nigerian Civil War, 1967–1970: History and Reminiscences / B.H. Momoh (ed.). Ibadan: Sam-Bookman Publishers (for Nigerian Army Education Corps and School (NAECS)), Yaba Lagos, 2000.

FOR CITATION

O. I. Onianwa, U. B. Okpevra. A review of British policy and influence on the external meddling in the peacemaking and conflict resolution of the Nigerian-Biafra War, 1967–1970 // Petersburg historical journal, no. 3, 2024, pp. 149–163

Abstract. The Nigeria-Biafra War (1967–1970) constituted a pivotal conflict in the history of Africa, characterised by external interference. This study analyses the role of external powers, with a particular focus on Britain, in the context of peacemaking and conflict resolution in the war. This article examines the role of major powers, including Britain, the United States, France, and the Soviet Union, and their influence on the peace settlement process. The historical narrative approach was employed to examine the subject matter in

greater detail. The primary data was obtained from the British National Archives in Kew, London, and from contemporary secondary sources. The article demonstrates how these interventions influenced the outcome of the conflict and affected regional mediation efforts. The paper highlights that external involvement in peacemaking in an internal armed conflict has the potential to undermine the efficacy of internally-driven peace initiatives, and even impede the capacity to make meaningful strides towards conflict resolution. By analysing these historical events, this research offers valuable insights into the complexities of international involvement in internal conflicts and their implications for peace settlement processes.

Key words: external influence, conflict resolution, peacemaking, Nigeria-Biafra War, propaganda, civil war, genocide, mediation, strategic interest.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

О. И. Онианва, У. Б. Окпевра. Обзор британской политики и роль внешнего вмешательства в разрешении конфликтов и миротворческом процессе в ходе нигерийско-биафрской войны 1967–1970 гг. // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 149–163

Аннотация: Нигерийско-биафрская война (1967–1970) была ключевым конфликтом в истории Африки, отмеченным внешним вмешательством. В этом исследовании рассматривается политическая и дипломатическая история, в которой иностранные державы, особенно Великобритания, стремились к разрешению конфликтов и установлению мира в ходе войны. Изучаются действия крупных держав (Великобритании, США, Франции и СССР), их влияние на процесс мирного урегулирования. Исследование опирается на документальные материалы Британского национального архива (Кью, Лондон) и современную историографию. В статье исследуется роль иностранных держав в завершении конфликта и региональные посреднические усилия. В статье подчеркивается, что внешнее вмешательство в урегулирование внутреннего вооруженного противостояния может подрывать эффективность внутренних мирных инициатив и даже помешать достичь значимых результатов в направлении разрешения конфликта. Анализируя эти исторические события, данное исследование дает ценную информацию о сложностях международного участия во внутренних конфликтах и их последствиях для процессов мирного урегулирования.

Ключевые слова: внешнее влияние, разрешение конфликтов, миротворчество, война между Нигерией и Биафрой, пропаганда, гражданская война, геноцид, посредничество, стратегический интерес.

Автор: **Онианва, Олучукву Игнатус** — д-р философии, кафедра истории, стратегических и международных исследований, Университет Денниса Осадебей (Анвай-Асаба, Нигерия).

Author: **Onianwa, Oluchukwu Ignatus** — PhD, Department of History, Strategic and International Studies, Dennis Osadebey University (Anwai-Asaba, Nigeria).

E-mail: tomysn33@gmail.com, oluchukwu.onianwa@edu.ng

Автор: **Окпевра, Увумано Бенджамин** — д-р философии, профессор кафедры истории и международных исследований Государственного университета Дельты (Абрака, Нигерия).

Author: **Okpevra, Uwomano Benjamin** — PhD, Department of History and International Studies, Delta State University. (Abraka, Nigeria).

E-mail: ubokpevra@gmail.com, okpevra@delsu.edu.ng

ORCID 0000-0002-4963-5600

К. А. Зверев

Праздничные и памятные даты как инструмент исторической политики стран Балтии

Память о событиях прошлого всегда была важнейшим фактором национально-государственного строительства. Тем активнее обращение к ней со стороны образовавшихся на постсоветском пространстве государств. В особенности хотелось бы выделить три прибалтийские республики — Латвию, Литву, Эстонию, которые в 1991 г. приняли решение о восстановлении собственной государственности, утраченной в 1940 г. в результате инкорпорации в состав СССР. Таким образом, в странах Балтии возникла необходимость в обосновании и популяризации тезисов о правомерности и справедливости исторической правопреемственности, которая и стала одной из задач местной политики памяти.

Определяющую роль в продвижении идеи об исторической правопреемственности современных Эстонии, Латвии, Литвы по отношению к республикам межвоенного периода оказали националисты и эмигранты¹, покинувшие Прибалтику в период Второй мировой войны и рассчитывавшие таким образом на возвращение гражданства и национализированного в советский период имущества. Дополнительным аргументом сторонников континуитета стала принятая в США 23 июля 1940 г. Декларация Уэллеса², согласно которой американская сторона не признавала законной советскую юрисдикцию над странами Балтии.

Основы исторической политики Прибалтийских республик

В августе 1991 г. три Прибалтийские республики стали единственными странами на постсоветском пространстве, которые провозгласили «восстановление» собственной государственности после полувековой «советской оккупации» и прописали данные утверждения во всех правовых документах. Период существования Эстонской, Латвийской и Литовской ССР с 1940 по 1991 г. стал интерпретироваться как советская оккупация. Для популяризации в обществе и обоснования обозначенных тезисов были открыты музеи оккупации, выпущено значительное количество тенденциозной научной литературы³. Однако, несмотря на общее апеллирование к континуитету, каждая из стран Балтии в реализации данного аспекта политики памяти имела собственную специфику. Так, наиболее последовательно принцип исторической правопреемственности реализовывался в Эстонии и Латвии, где он отразился на появлении института неграждан (местное русскоязычное население было поражено в правах и столкнулось с отказом в автоматическом предоставлении местного гражданства под предлогом прибытия в республики в период «советской оккупации»). Литва объявила о правопреемстве республики не только по отношению к государству 1920–1930-х гг., но и к средневековому Великому княжеству Литовскому⁴. Данным правовым маневром официальный Вильнюс попытался обезопасить себя от возможных территориальных претензий соседних государств на Клайпеду и Вильню, вошедшие в состав Литвы в период Второй мировой войны благодаря Советскому Союзу.

Принцип исторической правопреемственности повлиял на все стороны государственного строительства Прибалтийских республик, став краеугольным камнем местной исторической политики и такого значимого ее аспекта, как праздничный календарь и памятные даты.

Необходимо отметить, что в период существования СССР в Латвии, Литве и Эстонии наряду с официальными праздниками активно отмечались и традиционные памятные даты народного календаря, церковные католические (для Литвы) и лютеранские (для Эстонии и Латвии) праздники. С активизацией политических процессов в период перестройки проявилось и открытое, во многом протестное чествование памятных дат с политическим подтекстом — годовщины провозглашения независимости Латвии, Литвы, Эстонии в 1918 г., 23 августа — день подписания советско-германского пакта о ненападении (пакт Молотова — Риббентропа) и секретных протоколов к нему с констатацией перехода Прибалтики в сферу интересов СССР. Здесь достаточно вспомнить протестную акцию «Балтийская цепь», объединившую живой цепью в 670 км Вильнюс, Ригу и Таллин в пятидесятую годовщину подписания пакта Молотова — Риббентропа.

Праздничная культура Прибалтийских республик

С активизацией движения за независимость в странах Балтии преобразованиям подвергся и праздничный календарь. В Латвии⁵ и Литве⁶ в 1990 г., в Эстонии⁷ позднее — в 1998, были приняты законы о праздниках и праздничных датах, которые официально закрепили изменения в данной сфере. Так, во всех трех республиках потеряли статус официальных такие даты советского календаря, как 23 февраля — День Советской армии и Военно-морского флота, 9 мая — День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., 7 ноября — День Великой Октябрьской социалистической революции и другие праздники, имевшие идеологическое значение. На смену им пришел календарь памятных дат, существовавший до 1940 г. (инкорпорации в состав СССР) с религиозными (католические Пасха, Рождество), национальными (праздники народного календаря), государственно-политическими (день провозглашения независимости в 1918 и восстановления независимости в 1991 г.), и с добавлением современных общеевропейских праздников (День Европы — 8 мая и др.). На каждой из обозначенных категорий мы бы хотели остановиться подробнее.

Религиозные праздники — несмотря на отделение церкви от государства, как и в большинстве стран Европы и Северной Америки, Пасха и Рождество стали официальными торжествами и выходными дням. Наибольшее значение они имеют в самой религиозной из трех республик — в католической Литве. После господствовавшего в советский период атеизма придание Пасхе и Рождеству официального статуса было призвано продемонстрировать возвращение к национально-религиозным традициям, традиционным европейским ценностям и отказу от государственного диктата в религиозных вопросах. Однако следует отметить, что православные Пасха и Рождество не были включены в перечень государственных праздников, притом что в Латвии и Эстонии значительное количество православных верующих (в Латвии таковых 18,5%, или 370 тыс. жителей⁸, в Эстонии — 16%, или 176773⁹; в большинстве своем — русскоязычные). Во всех трех Прибалтийских республиках как в межвоенный период, так и в современный церковный вопрос не терял своей остроты, являясь составной частью национальной политики по отношению к русскоязычному меньшинству и взаимоотношений с СССР/Россией. Часто местная национальная элита воспринимала Русскую Православную Церковь Московского Патриархата как «руку Москвы» и стремилась переподчинить духовенство Константинополю. Данная тенденция возобладала в Латвии и Эстонии, лишь Литве удалось избежать массированного вмешательства политиков в религиозные дела в силу относительной малочисленности православной паствы¹⁰.

Национальные праздники народного календаря, как и в межвоенный период, вновь получили статус официальных выходных дней. Наиболее значимый из них — день летнего солнцестояния — Лиго (Янов день) в Латвии, Йонинес в Литве, Яанипяев (Янов день) в Эстонии, который отмечается в ночь с 23 на 24 июня. Данные торжества имеют дохристианское происхождение и явля-

ются традиционными для многих народов (аналог Ивана Купалы у восточных славян).

Государственно-политические праздники несут на себе основную нагрузку исторической политики. Необходимо выделить главные государственные праздники — день провозглашения независимости — в Латвии это 18 ноября (1918 г.), в Эстонии — 24 февраля (1918 г.), в Литве — День восстановления Литовского государства — 16 февраля (1918 г.). Здесь следует пояснить — официальный Вильнюс, в отличие от северных соседей, заявляет не только о преемственности современной Литвы республике межвоенного периода, но и средневековому Великому княжеству Литовскому, поэтому в современной интерпретации местной историографии¹¹ речь идет именно о восстановлении национальной государственности не только в 1991, но и в 1918 г. В связи с этим литовский национальный праздничный календарь пополнился датой 6 июля (1253 г.) — День государства (коронации короля Литвы Миндаугаса), которая и призвана продемонстрировать преемственность национальной государственности от Миндовга и Великого княжества Литовского к современной Литве.

Кроме того, во всех трех странах Балтии имеются и идентичные праздники в виде дней восстановления независимости, относящиеся к периоду 1990–1991 гг. — это 11 марта (1990 г.) в Литве, 4 мая (1990 г.) в Латвии и 20 августа (1991 г.) в Эстонии — принятие деклараций о восстановлении независимости. Данные торжества призваны заострить внимание общественности именно на факте восстановления национальной государственности и принципе исторической правопреемственности по отношению к республикам межвоенного периода.

Общеввропейские праздники — торжества, пополнившие календарь Прибалтийских республик после евроатлантической интеграции. Наибольший интерес здесь для нас представляет День Европы — 8 мая, который традиционно отмечается в странах Европейского союза как окончание Второй мировой войны в Европе. Рига, Вильнюс, Таллин отказались от официального статуса Дня Победы 9 мая как государственного праздника, так как в современных Эстонии, Латвии, Литве сложилось весьма своеобразное восприятие событий Второй мировой и Великой Отечественной войн, негативно оценивающее роль СССР в освобождении данных территорий. Местной политикой памяти оспаривается сам факт освободительного характера действий Красной армии по отношению к Прибалтийским республикам¹².

Необходимо упомянуть и **памятные даты**, не являющиеся официальными государственными праздниками. Так, к таковым следует отнести день памяти жертв бомбардировки Таллина и других городов Эстонии в ходе Второй мировой войны — 9 марта (1944 г.) — авианалет советской авиации, День памяти коммунистического геноцида в Латвии — 25 марта (1949 г.) — память о жертвах депортации 1949 г. (также отмечается в Литве и Эстонии); 14 июня (1941 г.) —

является днем траура в современных Эстонии, Латвии, Литве по жертвам депортации. 22 сентября 1944 г. День освобождения Таллина от немецко-фашистских захватчиков — в настоящий момент день сопротивления («советской оккупации»).

Таким образом, тематика памятных дат концентрируется вокруг переломных событий XX в. и однозначно негативно интерпретирует роль СССР в истории стран Балтии, как, впрочем, и вся региональная политика памяти.

Восприятие нового праздничного календаря местным населением

Необходимо отметить, что обозначенные изменения в календаре праздничных и памятных дат утвердились в начале 1990-х гг., на заре независимости. О степени восприятия населением отмеченных трендов могут свидетельствовать социологические исследования, проводившиеся в странах Балтии в разное время.

Так, населением Латвии основные постулаты исторической политики, продвигаемой в том числе и посредством праздничной культуры, оказались в целом восприняты. Весьма популярным среди как титульного населения республики, так и русскоязычного стал тезис об исторической преемственности современного Латвийского государства по отношению к республике межвоенного периода (табл. 1).

Таблица 1

Отношение жителей Латвии к основным памятным датам (2012 г.)¹³

Отмечаете ли вы следующие памятные даты?	Латыши, %	Русскоязычные, %
18 ноября 1918 — провозглашение независимости	90	73,2
16 марта — День памяти латышских легионеров СС	55,8	31
9 мая — День Победы в Великой Отечественной войне	38,8	77,1
11 ноября — День Лачплесиса (день памяти героев, павших за освобождение Латвии с древнейших времен до современности)	66,8	30,7
4 мая 1990 г. — Провозглашение Декларации независимости Латвийской Республики	32,1	11,6

В представленной таблице обращают внимание на себя кардинальные расхождения латышей и русскоязычных в оценке Великой Отечественной войны и перестройки — историческая память и памятные даты как ее часть в данном контексте служат не фактором единения, а причиной размежевания латвийского общества по этноязыковому признаку. При этом усилия по популяризации местных исторических интерпретаций в части идеализации Латвийского государства межвоенного периода и героизации латышей-коллорационистов

не прошли бесследно. Из представленных данных видно, что часть местного русскоязычного населения восприняла латвийский вариант исторической памяти — 2/3 местных русских отмечают день независимости Латвии. Но особое беспокойство вызывает тот факт, что до 1/3 русскоязычных Латвии чествуют День памяти латышских легионеров СС — предполагаем, что речь идет о респондентах — представителях молодежи, которые получили образование в независимой Латвии и испытали на себе влияние местной политики памяти и тенденциозного изложения событий Второй мировой войны.

Схожим образом обстоит ситуация и в соседней Эстонии, где также наиболее популярным государственным праздником является день независимости — 24 февраля, памятные же даты с отсылкой к событиям Второй мировой войны и периода существования Эстонской ССР вызывают диаметрально противоположные оценки у титульного населения и неэстонцев¹⁴. В качестве примера мы можем представить данные социологического исследования 2007 г., проводившегося после массовых беспорядков в центре Таллина из-за демонтажа памятника советским воинам, освобождавшим эстонскую столицу. Согласно опросу 2007 г., в оккупацию Эстонии Советским Союзом верили 7% местных русскоязычных, в отличие от 98% эстонцев. Пятью годами ранее — в 2002 г., 43% русскоговорящих были согласны с утверждением о добровольном присоединении Эстонии к СССР. В 2005 г. таковых было уже 56%¹⁵. Очевидна тенденция к росту доли неэстонцев, критически воспринимающих тезис о советской оккупации¹⁶, что оказывает прямое влияние на предпочтения в праздничной культуре в том числе.

Разумеется, подобные диаметрально противоположные оценки оказывают прямое влияние и на праздничную культуру. Так, в конце декабря 2020 г. эстонский политик Кристина Каллас в интервью заявила: «Празднование 9 мая — это первое дело, которое надо поменять. Потому что это то, что в сознании эстонцев автоматически связывает вас с Россией. <...> Мы празднуем 9 мая как российский праздник, политические праздники Российской Федерации, если русские их здесь справляют, то для эстонцев это сразу “пятая колонна”, но если русские празднуют это как семейный праздник, все в порядке»¹⁷. До сих пор политические и общественные деятели предпочитали не высказываться относительно возможности справления памятных дат.

Таким образом, в Латвии и Эстонии календарь памятных дат является не объединяющим, а скорее разделяющим фактором, обозначающим раскол общества не только по этноязыковому признаку, но и по оценкам исторического прошлого.

Что касается Литвы, то здесь в силу более мононационального характера населения республики, высокой интегрированности национальных меньшинств в литовское общество, не наблюдается столь разительных расхождений исторических оценок, как у северных соседей. Однако и официальный Вильнюс посредством памятных дат продвигает основные постулаты собственной исторической политики.

Представляет интерес исследование общественного мнения жителей Литвы, проводившееся в 2012 г. по заказу литовского информационного портала DELFI компанией «Spinter tyrimai» по вопросу отношения к основным праздникам (табл. 2).

Таблица 2

Отношение жителей Литвы к основным памятным датам¹⁸

Какой день для вас в наибольшей степени ассоциируется с государственностью?	%
16 февраля 1918 – День восстановления литовского государства (провозглашение независимости Литвы)	45,6
6 июля 1253 – День Литовского государства (коронация короля Миндаугаса (Миндовга), основание Великого княжества Литовского)	22,2
11 марта 1990 – День восстановления независимости Литвы (принятие Акта о восстановлении независимости Литвы)	20,3
25 октября 1992 – День Конституции (принятие Конституции Литвы)	1,6
Ни один из них	6,7
Не знаю / Не ответили	3,6
Всего	100

По мнению члена Института истории Литвы Альгимантаса Каспаравичюса, большинство литовцев ассоциируют себя с межвоенной Литвой, но не с Великим княжеством Литовским¹⁹. Аналогичного мнения придерживается и философ Арвидас Юозайтис, который считает, что «16 февраля (1918 г.) стало поворотным моментом, показав, что литовцы полны решимости отделить свою культуру от польской и создать собственное государство. В этот день были заложены основы для выживания нации и ее культуры»²⁰.

Заключение

Таким образом, календарь праздничных и памятных дат явил собой один из инструментов популяризации политики памяти Прибалтийских республик. С обретением независимости официальные Рига, Вильнюс и Таллин кардинально пересмотрели советский праздничный календарь, полностью отказавшись от торжеств, даже опосредованно связанных с идеологией социализма. При этом, используя тезис исторической правопреимственности существующих государств по отношению к республикам межвоенного периода, латвийские, литовские, эстонские власти восстановили календарь 1930-х гг., добавив к нему целый ряд памятных дат откровенно антисоветской/антироссийской направленности. Данный акт был призван сформировать негативный образ советизации стран Балтии, а также подкрепить образ жертвы для государств региона в годы Второй мировой войны. Однако общественной консолидации вокруг нового календаря памятных дат (и, как следствие, самой государствен-

ной политики памяти) не произошло. Наоборот, обозначенные тезисы вызвали неприятие большей части русскоязычного населения Латвии и Эстонии, усугубив этноязыковой раскол общества еще и историческим аспектом.

- ¹ *Вербин В.* 20 лет Конгрессу Эстонии, или Темная сторона Луны // rus.DELFI.ee. URL: <https://rus.delfi.ee/projects/opinion/20-let-kongressu-estonii-ili-temnaya-storona-luny?id=29709683> (дата обращения 15.07.2021).
- ² Statement by the Acting Secretary of State, the Honorable Sumner Welles // Wilson Center. Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/144967.pdf> (дата обращения 23.07.2020); Ээсма: 80 лет спустя нам все еще нужна декларация Уэллеса // rus.DELFI.ee. URL: <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/eesma-80-let-spustya-nam-vse-esche-nuzhna-deklaraciya-uellesa?id=90526973> (дата обращения 23.07.2020).
- ³ *Зверев К. А.* История как инструмент пропаганды в политической борьбе Прибалтийских республик в 1990-е — 2000-е гг. // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2019. Т. 25, № 1. С. 79–81.
- ⁴ *Зверев К. А.* Формирование официальной исторической парадигмы независимой Литвы // Всеобщая история. 2020. № 3. С. 3–13.
- ⁵ “Par svētķu un atceres dienām” likumā [Закон «О праздниках и днях памяти»] // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs. 1990. Nr. 42. P. 79.
- ⁶ Lietuvos Respublikos švenčių dienų įstatymas [Закон о государственных праздниках Литовской Республики] // Lietuvos aidas. 1990. 26.10, nr. 111-0. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.824> (дата обращения 25.02.2023).
- ⁷ Pūhade ja tāhtpēvade seadus [Закон о праздниках и праздничных днях] // Riigi Teataja. 1998. No. 13. P. 162. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/74670> (дата обращения 25.02.2023).
- ⁸ Par Tieslietu ministrijā iesniegtajiem reliģisko organizāciju pārskatiem par darbību 2011 [Отчеты религиозных организаций о своей деятельности в 2011 году, представленные в Министерство юстиции] / Министерство юстиции Латвийской Республики. URL: [gadāhttps://www.tm.gov.lv/lv/ministrija/gada-parskati/2011-gada-publikskie-parskati](https://www.tm.gov.lv/lv/ministrija/gada-parskati/2011-gada-publikskie-parskati) (дата обращения 14.03.2020).
- ⁹ *Зверев К. А.* Православная церковь в независимых Прибалтийских республиках // Петербургский исторический журнал. 2020. № 4 (28). С. 227–235.
- ¹⁰ См.: *Зверев К. А.* 1) Православная церковь в независимой Эстонии // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20, № 1. С. 36–39; 2) Православная церковь в независимых Прибалтийских республиках.
- ¹¹ См.: *Зверев К. А.* Историческая политика современной Литвы и Польши: сравнительный анализ // Диалог со временем. 2022. № 81. С. 216–225.
- ¹² *Зверев К. А.* Прибалтика в годы Великой Отечественной войны: современная интерпретация в Эстонии, Латвии, Литве // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 2. С. 195–208.
- ¹³ Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr. 1 / Rediģēja M. Kaprāns, O. Procevska. Rīga, 2013. L. 6–15, 34.
- ¹⁴ Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill – mai 2009. a. // Saar Poll. 2009. September. L. 42. URL: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (дата обращения 08.11.2020).
- ¹⁵ Всего 7 процентов. Эстонские русские верят в оккупацию // DELFI.lt. 2007. 21 мая. URL: <https://www.delfi.lt/news/daily/world/vos-7-proc-estijos-rusu-tiki-jos-okupacija.d?id=13266632> (дата обращения 28.11.2020).

- ¹⁶ Тамм М. Нарва: Эстония добровольно присоединилась к Советскому Союзу // Postimees. 2009. 7 октября. URL: <https://www.postimees.ee/172489/narvakad-estli-liitus-noukogude-liiduga-vabatahtlikult> (дата обращения 28.11.2020).
- ¹⁷ Цит. по: Кристина Каллас: празднование 9 мая — это первое дело, которое надо поменять русским в Эстонии // DELFI.lt. 2020. 26 декабря. URL: <https://m.rus.delfi.ee/estonia/article.php?id=92059713> (дата обращения 29.12.2020).
- ¹⁸ Для жителей Литвы смысл государственности несет 16 февраля, а не 11 марта // rus.DELFI.lv. URL: <https://ru.delfi.lt/news/live/dlya-zhitelej-litvy-smysl-gosudarstvennosti-neset-16-fevralya-a-ne-11-marta.d?id=55573301> (дата обращения 24.10.2020).
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Цит. по: A. Juozaitis: Vasario 16-ojibuvoesminiolūžiotaškasLietuvosistorijoje [А. Юозайтис: 16 февраля стало поворотным моментом в истории Литвы] // Lietuvos rytas. URL: <https://kultura.lrytas.lt/-13288031681327725490-a-juozaitis-vasario-16-oji-buvo-esminio-1%C5%AB%C5%BEio-ta%C5%A1kas-lietuvos-istorijoje.htm> (дата обращения 24.10.2020).

References

Ajalooteadvus eelmise sajandi olulisematest sündmustest Ida-Euroopa aladel. Aprill – mai 2009. a. [Historical awareness of the most important events of the last century in Eastern Europe. April – May 2009. In Estonian] // Saar Poll, 2009. September. URL: http://www.saarpoll.ee/UserFiles/File/Ajalooteadvuse_uuringu_esitlus_23_09_2009.pdf (date of access 08.11.2020).

Eesma: 80 let spustya nam vse eshche nuzhna deklaraciya Uellesa. [80 years later, we still need the Welles Declaration. In Russ.] // rus.DELFI.ee URL: <https://rus.delfi.ee/daily/estonia/eesma-80-let-spustya-nam-vse-esche-nuzhna-deklaraciya-uellesa?id=90526973> (date of access 23.07.2020).

Dlya zhitelej Litvy smysl gosudarstvennosti neset 16 fevralya, a ne 11 marta. [For the inhabitants of Lithuania, the meaning of statehood is carried on February 16, not March 11. In Russ.] // rus.DELFI.lv. URL: <https://ru.delfi.lt/news/live/dlya-zhitelej-litvy-smysl-gosudarstvennosti-neset-16-fevralya-a-ne-11-marta.d?id=55573301> (date of access 24.10.2020).

Juozaitis A.: Vasario 16-oji buvo lūžis Lietuvos istorijoje [Juozaitis A.: February 16 was a turning point in the history of Lithuania. In Lithuanian] // Lietuvos rytas. URL: <https://kultura.lrytas.lt/-13288031681327725490-a-juozaitis-vasario-16-oji-buvo-esminio-1%C5%AB%C5%BEio-ta%C5%A1kas-lietuvos-istorijoje.htm> (date of access 24.10.2020).

Kristina Kallas: prazdnovanie 9 maya — eto pervoe delo, kotoroe nado pomenyat' russkim v Estonii [Kristina Kallas: celebrating May 9 is the first thing that Russians need to change in Estonia. In Russ.] // rus.DELFI.ee. URL: <https://m.rus.delfi.ee/estonia/article.php?id=92059713> (date of access 29.12.2020).

Latvijas sociālās atmiņas monitorings Ziņojums Nr. 1. [Latvian social memory monitoring Report no. 1. In Latvian] / Redģeja M. Kaprāns, O. Procevska. Rīga, 2013. L. 6–15, 34.

Lietuvos Respublikos švenčių dienų įstatymas. [The Law on Public Holidays of the Republic of Lithuania. In Lithuanian]. Lietuvos aidas 1990–10–26, Nr. 111–0. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.824> (date of access 25.02.2023).

“Par svētku un atceres dienām” likumā. [The Law “On holidays and days of remembrance” in the law. In Latvian] // Latvijas Republikas Augstākās Padomes un Valdības Ziņotājs. 1990. Nr. 42. P. 79.

Par Tieslietu ministrijā iesniegtajiem reliģisko organizāciju pārskatiem par darbību 2011. [About reports of religious organizations on their activities in 2011 submitted to the Ministry of Justice. In Latvian] // Ministry of Justice of the Republic of Latvia. URL: <https://www.tm.gov.lv/lv/ministrija/gada-parskati/2011-gada-publikie-parskati> (date of access 14.03.2020).

Pühade ja tähtpäevade seadus. [Law on holidays and public holidays. In Estonian] // Riigi Teataja. 1998. No. 13. P. 162. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/74670> (date of access 25.02.2023).

Statement by the Acting Secretary of State, the Honorable Sumner Welles // Wilson Center. Digital Archive. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/144967.pdf> (date of access 23.07.2020).

TAMM M. *Narva: Estoniya dobrovol'no prisoedinilas' k Sovetskomu Soyuzu* [Narva: Estonia voluntarily joined the Soviet Union. In Russ.]. URL: <https://www.postimees.ee/172489/narvakad-eesi-liitus-noukogude-liiduga-vabatahtlikult> (date of access 28.11.2020).

VERBIN V. *20 let Kongressu Estonii, ili Temnaya storona Luny* [20 years of the Estonian Congress, or the Dark Side of the Moon. In Russ.] // rus.DELFI.ee. URL: <https://rus.delfi.ee/projects/opinion/20-let-kongressu-estonii-ili-temnaya-storona-luny?id=29709683> (date of access 15.07.2021).

Vsego 7 procentov. Estonskie russkie verjat v okkupaciyu [Only 7 percent. Estonian Russians believe in occupation. In Russ.] // rus.DELFI.ee. URL: <https://www.delfi.lt/news/daily/world/vos-7-proc-estijos-rusu-tiki-jos-okupacija.d?id=13266632> (date of access 28.11.2020).

ZVEREV K. A. *Istoricheskaya politika sovremennoy Litvy i Pol'shi: sravnitel'ny analiz* [Historical politics of modern Lithuania and Poland: a comparative analysis. In Russ.] // Dialog so vremenem. 2022. No. 81. P. 216–225.

ZVEREV K. A. *Istoriya kak instrument propagandy v politicheskoy bor'be Pribaltijskikh respublik v 1990-e – 2000-e gg.* [History as a propaganda tool in the political struggle of the Baltic republics in the 1990s – 2000s. In Russ.] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2019. Vol. 25, no. 1. P. 79–81.

ZVEREV K. A. *Pravoslavnaya tserkov' v nezavisimoy Estonii* [Orthodox Church in independent Estonia. In Russ.] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2014. Vol. 20, no. 1. P. 36–39.

ZVEREV K. A. *Pravoslavnaya tserkov' v nezavisimyykh Pribaltijskikh respublikakh* [Orthodox Church in the Independent Baltic Republics. In Russ.] // Peterburgskij istoricheskij zhurnal. 2020. No. 4 (28). P. 227–235.

ZVEREV K. A. *Pribaltika v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: sovremennaya interpretatsiya v Estonii, Latvii, Litve* [The Baltic states during the Great Patriotic War: modern interpretation in Estonia, Latvia, Lithuania. In Russ.] // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki. 2022. Vol. 24, no. 2. P. 195–208.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

К. А. Зверев. Праздничные и памятные даты как инструмент исторической политики стран Балтии // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 164–174

Аннотация: В статье рассматривается вопрос взаимосвязи праздничного календаря Прибалтийских республик с местной политикой памяти. С обретением независимости Латвия, Литва и Эстония кардинально пересмотрели советский праздничный календарь, полностью отказавшись от торжеств, даже опосредованно связанных с идеологией социализма. При этом, используя тезис исторической преемственности существующих государств по отношению к республикам межвоенного периода, латвийские, литовские, эстонские власти восстановили календарь 1930-х гг., добавив к нему целый ряд памятных дат откровенно антисоветской/антироссийской направленности. Данный акт был призван сформировать негативный образ советизации стран Балтии, а также подкрепить образ жертвы для государств региона в годы Второй мировой войны. Однако общественной консолидации вокруг нового календаря памятных дат (и, как следствие, самой государственной политики памяти) не произошло. Наоборот, обозначенные тезисы вызвали неприятие большей части русскоязычного населения Латвии и Эстонии, усугубив этноязыковой раскол общества еще и историческим аспектом.

Ключевые слова: историческая политика, праздничный календарь, памятные даты, Прибалтийские республики.

FOR CITATION

K. A. Zverev. Holidays and memorable dates as an instrument of the historical policy of the Baltic states // Petersburg historical journal, no. 3, 2024, pp. 164–174

Abstract: The article addresses the relationship between the holiday calendar of the Baltic republics and the local politics of memory. Following the attainment of independence, the Baltic states of Latvia, Lithuania and Estonia undertook a comprehensive revision of the Soviet holiday calendar, effectively eliminating all celebrations that were indirectly associated with the ideology of socialism. Concurrently, the Latvian, Lithuanian, and Estonian authorities employed the thesis of historical succession with regard to the interwar republics, restoring the 1930s calendar and incorporating several commemorative dates with an anti-Soviet and anti-Russian orientation. This act was designed to create a negative perception of the Sovietisation of the Baltic countries and to reinforce the image of victimhood for the states of the region during the Second World War. Nevertheless, there was no public consensus on the new calendar of commemorative dates (and consequently, on the state policy of memory itself). Conversely, the aforementioned theses were met with rejection by the majority of the Russian-speaking population of Latvia and Estonia, thereby exacerbating the ethno-linguistic divide within society, a process that was further compounded by historical factors.

Key words: historical politics, holiday calendar, memorable dates, Baltic republics.

Автор: **Зверев, Кирилл Александрович** — к.и.н., доцент кафедры истории Костромского государственного университета (Кострома, Россия).

Author: **Zverev, Kirill Alexandrovich** — PhD in History, associate professor, Department of History of Kostroma State University (Kostroma, Russia).

E-mail: zverew.kir@yandex.ru

ORCID 0000-0002-4747-4970

С. В. Селиверстов

«Все должно прийти, если затрачен труд и есть желание и настойчивость “искать и познавать”»:

Николай Евгеньевич Носов как наставник

Возможно, широта российской науки — это продолжение широты русской природы, самого социокультурного пространства. Именно об этом подумалось в связи со 100-летием Николая Евгеньевича Носова (1924–2024). Частный случай, о котором далее будет сказано, проявляет, полагаем, не только персональную, но и более общую практику бескорыстного наставничества, характерную для отечественной науки.

Будучи во главе ЛОИИ — одного из наиболее авторитетных и обладающих неоспоримыми традициями центров исторической науки, Н.Е. Носов стал наставником для многих (и в исследовательском плане, и в человеческом, и в административном)¹. Автор данного очерка также имеет честь считать себя учеником Николая Евгеньевича. Однако это наставничество-ученичество оказалось по форме несколько нестандартным (по отношению к обычной практике своего времени), так как изначально имело эпистолярную, а не аудиторную основу. Если же смотреть в более широком контексте XIX–XX вв., то оно, как представляется, вполне соответствует духу русской академической культуры.

Вначале следует пояснить ситуацию, которая привела к неформальному наставничеству-ученичеству. Автор этого очерка родился и жил за Уралом, в Казахстане, в индустриальной Караганде. Как тогда говорили — третья угольная

кочегарка Союза (после Донбасса и Кузбасса). Там же выбрал стезю историка и поступил в местный университет — КарГУ. Тогда, на рубеже 1970–1980-х гг., в Казахстане имелось два университета — в Алма-Ате и в Караганде. Кстати, Караганда была весьма специфическим городом, где переплелись рабочая суровость шахтеров и металлургов, пестрота добровольных и принудительных переселенцев и ссыльных (самых разных национальностей и социального происхождения), интеллектуальный постлагерный контингент и национальное казахское своеобразие. Достаточно сказать, что в 1940-е гг. в Карагандинском учительском институте (из которого вырос КарГУ) преподавал историк В. А. Романовский, который после разрешения на переезд (в Ставрополь) стал наставником И. Я. Фроянова.

На 1-м курсе автор данного очерка (далее будем именовать его просто студентом) выбрал темой курсовой работы проблематику XVI в. — опричнина и ее последствия. И это не случайно, так как еще ранее в одной из книг домашней библиотеки им было обнаружено указание на точку зрения Н. Е. Носова о двух путях социально-экономического развития России в XVI в. — крепостном и раннебуржуазном². Подобная дилемма в высшей степени заинтересовала и даже, можно сказать, заинтриговала. Само имя историка было будущему студенту отчасти знакомо, так как к поступлению в университет он готовился не по школьному учебнику, а по «Краткой истории СССР», где редактором и одним из авторов был Н. Е. Носов³.

Погружение в фонд университетской библиотеки позволило познакомиться с персональными трудами ученого. И здесь, бесспорно, выделялась концептуальная статья «О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV–XVI вв. (к постановке вопроса)»⁴, которая будила мысль, заставляла вновь о многом задуматься. Особенно в условиях доминирования по отношению к средневековому периоду тезиса о «феодально-монархической собственности» и вообще линейного восприятия истории.

Вопросов было больше, чем ответов, поэтому в голове студента возникла идея письма Николаю Евгеньевичу Носову. Надо сказать, что отец студента, который привил ему уважение к отечественной истории и был большим книголюбом (а по роду занятий — человеком рабочей профессии), поддержал намерение обратиться к ученому. И был еще один фактор, о котором следует сказать: Николай Евгеньевич Носов и отец студента, Василий Васильевич Селиверстов, были фактически ровесниками (1923 и 1924 гг. рождения), принадлежали к поколению, которое встретило 1941 г. семнадцати-восемнадцатилетними, и оба прошли одной суровой дорогой Великой Отечественной войны — Дон, Харьков, Днепр, Будапешт, Балатон.

Шел октябрь 1980 года... Многостраничное письмо было написано, но затем несколько месяцев выдерживалось в столе и было отправлено в Ленинград весной 1981 г. И вот в начале нового учебного года (это был третий курс) студент обнаружил в почтовом ящике коричневый пакет, обратный адрес на котором

свидетельствовал, что это письмо от Николая Евгеньевича Носова. Без преувеличения, тот момент стал для студента одним из самых запоминающихся в жизни.

Письмо, написанное пером, мелким и аккуратным почерком, было датировано 5 сентября 1981 г. Начиналось оно с извинений («сложившиеся обстоятельства не дали мне возможности сразу написать Вам»). Не мог, однако, знать тогда адресат, что это не просто фигура речи, а отражение непростых обстоятельств, которые сопровождали Н. Е. Носова (не карьериста, а — по свидетельству знающих его коллег — настоящего ученого и порядочного человека, притом изначально обладавшего независимым характером⁵) в 1981 г., когда его статус изменился и после двух десятилетий руководства ленинградским институтом (на этапе становления и укрепления, т. е. на наиболее трудном и значимом) он перешел на должность заведующего сектором периода феодализма. В память об ученом процитируем некоторые фрагменты из этого и иных писем Николая Евгеньевича⁶, ставших для карагандинского студента судьбоносными.

«Меня очень обрадовало, что Вы, как молодой начинающий историк, уже на студенческой скамье заинтересовались такими большими и сложными проблемами, которые в последние годы особенно остро стоят перед исследователями, занимающимися историей XVI в. <...> Тем более, что вопрос о “двух путях” развития России XVI в. (феодальном и раннебуржуазном) пока находит в современной историографии больше противников, чем сторонников. Я продолжаю работать над этой проблемой (применительно к истории русского Севера XV–XVI вв.) и Ваши соображения, особенно вопросы и сомнения, для меня интересны и важны.

<...> Меня крайне обрадовало, что Вы не только попытались осмыслить всю совокупность поднимаемых вопросов, но и высказать свои взгляды по ряду из них. Я имею в виду, в первую очередь, такие вопросы, как самодержавие и крепостничество, централизация и боярство (а равно и судьбы крупной вотчины), черное землевладение и поместная система. Вы совершенно правы, что это целый клубок органически связанных между собой тем и явлений, уходящих своими социальными и политическими корнями еще в удельную Русь, а выходами в Петровскую эпоху и даже в XIX в., когда окончательно падает крепостной строй и утверждаются в России новые буржуазные порядки. По существу, это стержневые вопросы всей истории дореволюционной России <...> Ну, а XVI в., в известном смысле, “заварка” и “новых явлений” и новой крепостнической России, своеобразное распутье русской истории.

Думаю, что одной из главных “бед” нашей историографии является то, что она очень часто стоит на фаталистических позициях, понимая всякую закономерность как неизбежность и ставя своей целью не столько изучение реалий прошлого, а следовательно и реального исторического процесса (во всей конкретности и противоречивости), сколько объяснение достигнутых результатов общественного развития, доказательство, что именно они-то и должны были

утвердиться в любом случае и при любых обстоятельствах и уже в силу одного этого являются продуктом общественных закономерностей и прогресса. Такой подход к изучению истории порождает и схему, и социологическую прямолинейность в определении причин и следствий общественных явлений, а главное, превращает человека в “выразителя” социально-экономических закономерностей, действующих помимо его воли».

Как видно, Николай Евгеньевич еще до интеллектуальных сдвигов второй половины 1980-х гг. стремился осмыслить особенности исторического развития России не фрагментарно, а в широком плане. И при этом делал акцент на реалии прошлого и человеческий фактор, а не на схему, закономерность и «социологическую прямолинейность». Думается, подобный исследовательский подход (который можно обозначить как своего рода исторический реализм) и сегодня, спустя полвека, не потерял своей значимости.

Также в письме была изложена авторская позиция относительно черного крестьянства.

«Очень сложен и в то же время очень важен вопрос о судьбах русской черносошной общины и в связи с ним о “государственном феодализме” в России. Черные крестьяне до XVIII в. были, видимо, в своем большинстве реальными собственниками земли, которую они имели право продать, обменять, купить и т.д. Что касается государственных повинностей, лежащих на черносошном крестьянстве, то это были налоги, а не рента. Нельзя смешивать вотчинные (частно-владельческие) и политические права великих князей на государственную территорию. Иначе мы зайдем в теоретический тупик, объясняя любое феодальное государство (вернее, занимаемую им территорию) собственностью его правителей в лице короля или великого князя. Феодальное право по своей форме (и особенно по своей правовой терминологии) всегда смешивало государственные и частно-владельческие начала, но это по форме, в не в существе. На практике, в реальной жизни эти различия всегда существовали и они признавались самим же феодальными властями».

Таков был реалистичный взгляд Н.Е. Носова, свидетельствующий о его недогматичном подходе к пониманию сложного, многообразного средневекового социума. Вообще ленинградская наука в XX в. не раз была поставщиком альтернативных научных воззрений на общесоюзный уровень.

Примечательно, что на школярский вопрос о том, чем заниматься, Николай Евгеньевич не стал ничего навязывать, оставил выбор за студентом и, уловив его теоретический уклон, сдержанно отметил:

«Я воздержался бы пока от рекомендаций. Тут многое зависит не только от теоретических, но и практических интересов, склонностей и антипатий. Что Вас больше интересует — экономика, политика, культура? Пока же могу Вам посоветовать побольше читать подлинных документов, особенно нарративных источников (например, летопись) и актового материала. Попытайтесь вжиться в эпоху, уловить подлинный пульс жизни того времени. Помните,

что изучить историю человечества только холодным разумом нельзя, надо чувствовать и понимать эпоху, быть в какой-то степени не только ученым, но и художником».

В подобном, несколько неожиданном со стороны академического ученого размышлении о научном и художественном, о понимании и чувстве (что, конечно же, навсегда запало в душу студенту) присутствовало влияние живого восприятия средневековой истории, присущее учителю Николаю Евгеньевича — Борису Александровичу Романову. Поэтому естественно, что среди трех-четырёх книг, которые в конце письма были предложены для того, чтобы их «посмотреть», присутствовала и книга «Люди и нравы Древней Руси»⁷, которую студент к своему стыду на 1-м курсе пропустил. Теперь же он стал смотреть на нее действительно как на «не такую книгу» (по меткому замечанию Николая Евгеньевича — в сопоставлении с типичной научной и популярной литературой)⁸. Примечательно, что в письме также была названа только вышедшая (1980) «Киевская Русь» И. Я. Фроянова⁹ («Книга полемичная, но оригинальная, а главное лишенная навязчивой ортодоксальности. Она увлекает, хотя с ней можно спорить»).

Завершил свое послание Николай Евгеньевич так: «Буду рад получить от Вас письмо. Ваш Н. Носов». Но это было еще не все! К письму прилагался экземпляр автореферата докторской диссертации, на титуле которого тем же аккуратным почерком была сделана надпись, поразившая студента до глубины души: «Уважаемому Сергею Селиверстову — моему четвертому оппоненту. С наилучшими пожеланиями Н. Носов. 5 сентября 1981 г. Ленинград». Ведь, перевернув страницу, можно было прочитать имена действительных официальных оппонентов — В. В. Мавродин, Л. В. Черепнин, А. Л. Шапиро — ученых, известных всему Советскому Союзу!

Надо признаться, что многоплановое, объемное и по-настоящему благорасположенное письмо Николая Евгеньевича, как и прилагаемый автореферат, вселили в адресата из далекой Караганды большой оптимизм. С этого времени между студентом и ученым, несмотря на разницу поколений, завязалась переписка. Воодушевленный студент рассказывал в письмах о прочитанном, о своих делах, размышлениях и сомнениях, а ученый слушал, давал разумные советы и где надо — спокойно остужал.

Ситуация была в том, что в условиях провинциального университета и отсутствия адекватной источниковой базы интерес студента естественным образом стал сдвигаться в сторону историографии. Притом Николай Евгеньевич терпеливо, без нажима корректировал чрезмерное теоретизирование и наукообразные попытки связать теорию и историографию, теорию и источниковедение. В частности, в письме от 12 ноября 1982 г. он писал:

«Тема вашей дипломной работы весьма интересна, но теорию и историографию в ней объединять не следует. Иначе получится ни то, ни се. Советую Вам взять только историографию <...>

Я всегда «остерегаюсь» чисто теоретических тем. Они обычно приводят к абстрактным социологическим схемам, далеко не всегда связанным с конкретным материалом и из него исходящих. В то же время, если Вы попытаетесь как можно более объективно изложить существующие <...> точки зрения (а главное историковедческую аргументацию), то это было бы не только полезно в учебном плане (ввело Вас в научную лабораторию построения тех или иных концепций), но и заставило Вас более конкретно взглянуть на существо проблем, на их соотношение с реальными фактами. <...> И Вы увидите, что главное не в теории, а в разном истолковании фактов и явлений, характеризующих социальный строй и общественное развитие Древней и Московской Руси — Русской Правды, летописей, актов, Судебников и т. д.»

Существенно, что Николай Евгеньевич не отвергал попытки самостоятельного понимания и толкования студентом таких сложных вопросов, как история общины, феодальная рента, собственность на землю («однозначных решений тут нет»), но все же рекомендовал:

«<...> Попробуйте теперь перейти от философии истории к истолкованию реальных фактов, явлений, процесса. Используйте для этого историографию, вернее рассмотрите, как пользуется этими фактами тот или иной исследователь в создании своих общих концепций. Это не простое рассмотрение чужих построений. В этом суть моего совета».

Также было рекомендовано изучить дискуссию, которая тогда развернулась в журналах «Вопросы истории» и «История СССР» по вышеназванной книге И. Я. Фроянова¹⁰. По представлению Н. Е. Носова, «оппоненты зашли слишком далеко в своем нигилизме и отрицании». Поэтому:

«Разберитесь в этой дискуссии. Думаю, что это будет полезно, а главное даст Вам возможность многое еще раз взвесить и продумать. Мне кажется, что Вы не будете разочарованы, если потратите время на изучение выступлений оппонентов Фроянова (сличение их критических замечаний с подлинными характеристиками автора). Кстати, посмотрите мою рецензию на книгу Буганова, Преображенского, Тихонова “Эволюция феодализма в России” <...> и материалы дискуссии о книге в журнале “История СССР”»¹¹.

Следует подчеркнуть — именно переписка и открытый обмен мнениями с Николаем Евгеньевичем создали основания к тому, чтобы начинающий историк смог сделать концептуальный шаг вперед: от «вечного» аграрного сюжета форм крестьянского землепользования / землевладения к проблеме крестьянской собственности (в контексте государство — земля — крестьянин).

Находил время Николай Евгеньевич и для того, чтобы рецензировать студенческие штудии. Так, просмотрев в мае 1984 г. материал потенциальной статьи студента с раскрытием взглядов на черное крестьянство В. О. Ключевского, Н. П. Павлова-Сильванского и М. М. Богословского, он подтвердил, что «их воззрения хорошо увязываются с современными дискуссиями и наглядно видно, что все крутится вокруг общих стержней. Новации современных сторонни-

ков «государственного феодализма» все идут от государственно-юридической школы». По поводу же попыток увязать понимание взглядов историков с некоторыми аспектами «теоретического источниковедения» Николай Евгеньевич высказался просто:

«Философская часть (я об этом не писал в отзыве специально) более искусственна и, как и у ваших ученых предшественников¹², слишком абстрактна. Это уже не источниковедение, а теория познания и т. д. и т. п. Сейчас это модно, но науку вперед не продвигает. Думаю, что если бы удалось статью опубликовать, то именно эту философскую часть следует сократить».

Подобная позиция была проявлением стойкого и последовательного убеждения ученого в неконструктивности обособления теоретического источниковедения от общего потока исторической науки¹³. Но как ненавязчиво, без давления сказано об этом студенту!

Вообще ленинградской (петербургской) исторической школе присуще, как известно, особое, строгое отношение к источнику. Напомним в связи с этим вывод академиков Б. В. Ананьича и А. А. Фурсенко: «Заслуга Н. Е. состояла прежде всего в том, что он не только как исследователь, но и как администратор остался верен этим традициям и в известной мере был их хранителем»¹⁴. Высокая (и заслуженная) оценка.

Карагандинский студент, разумеется, был не в курсе перипетий этой борьбы за источник, но понял, что теоретизирование не всегда уместно. По получении отзыва статья была переработана в собственно историографическом плане. Николай Евгеньевич в июне 1984 г. одобрил трансформацию («после внесенных исправлений работа стала значительно лучше») и отдал статью для прочтения коллегам — Александру Ильичу Копаневу и Юрию Георгиевичу Алексееву. Как отмечено уже в следующем, июльском письме Николая Евгеньевича, «их мнение самое благоприятное». И прибавление: «очень хотелось бы, чтобы Вы смогли поучиться в Ленинграде, в институте».

Предложение о поступлении в аспирантуру было сделано Николаем Евгеньевичем годом раньше, при личной встрече 24 августа 1983 г. Конечно, с самого начала переписки студенту очень хотелось встретиться с известным ученым. Но возможность приехать в Ленинград появилась только после окончания 4-го курса. Первый раз в жизни студент оказался в кабинете ученого-историка. Встреча была теплой. Николай Евгеньевич расспросил об учебе, поинтересовался, откуда родом родители, о планах по дипломной работе и одобрил ее историографический ракурс («для дипломной работы это нормально»). Запомнилось, как во время краткого кофепития Николай Евгеньевич очень естественно, буквально несколькими штрихами раскрыл возможные перспективы научной работы — сначала над кандидатской диссертацией, а потом и над докторской. И в этом еще раз проявился незаурядный масштаб мышления ученого. Познакомился в тот день студент и с сыновьями Николая Евгеньевича, как известно, тоже историками — Евгением Николаевичем и Сергеем Николаевичем.

Летом 1984 г. документы в аспирантуру ЛОИИ были направлены, но приехать на экзамены выпускник КарГУ не смог, так как в сентябре получил повестку из военкомата. Узнав об этом, Николай Евгеньевич сразу ответил: «Очень обидно, но служба есть служба» (в устах человека военного поколения подобные слова звучали по-особенному). И продолжил:

«Сейчас самое важное для Вас — хорошо отслужить в армии и вернуться с настроением на дальнейшую учебу. Главное, не забывайте интереса к науке. Попробуйте, если удастся, заниматься языком, ну, а я буду думать, где бы напечатать Вашу работу. <...> Жду Вашего письма. С наилучшими пожеланиями Н. Носов».

В письме от 11 октября 1984 г. Николай Евгеньевич вновь акцентирует: «Когда Вы уходите в армию? Очень бы хотелось, чтобы Вы не потеряли интереса к науке. Думаю, что так и будет. Ну, а через два года может быть сложится более благоприятная обстановка. У меня один иногородний ученик тоже попал в такое же положение, как и Вы, но сейчас вернулся из армии и занимается в аспирантуре при Педагогическом институте им. Герцена».

Следует сказать, что переписка ученого и теперь уже курсанта уссурийской мотострелковой «учебки» продолжилась и во время воинской службы. Николай Евгеньевич делился научными новостями, рассказывал о научных конференциях, дискуссиях, новых книгах. Последнее письмо было написано 8 февраля 1985 г.

«Дорогой Сережа! Спасибо за Ваше письмо. Рад, что у Вас служба идет нормально. <...> Хорошо, что Вы настроены на продолжение учебы и научной подготовки. Это главное. А все остальное должно прийти, если затрачен труд и есть желание и настойчивость “искать и познавать”».

Эти слова стали, по сути, заветом, наказом учителя и наставника.

Р. С. О скоростижной кончине Николая Евгеньевича 15 марта 1985 г. (ученому шел всего 61-й год) автор очерка узнал в Уссурийске из письма Евгения Николаевича Носова. После окончания службы вернулся в Караганду, в КарГУ. Появилась возможность целевой аспирантуры (в январе 1986 г., благодаря рекомендации Сергея Николаевича Носова, реферат дипломной работы по дореволюционной историографии черносошного землевладения был прочитан и одобрен деканом исторического факультета ЛГУ Игорем Яковлевичем Фрояновым). Однако механизм целевой аспирантуры связывал КарГУ с МГУ. И здесь вновь сыграл существенную роль Сергей Николаевич, отрекомендовавший соискателя профессору Николаю Ивановичу Цимбаеву (кафедра истории России XIX — начала XX в. исторического факультета МГУ), ставшему научным руководителем. Тема кандидатской диссертации (1992) — «Проблема крестьянской собственности в русской исторической мысли второй половины XIX века».

Примечательно, что ведущей организацией был определен ЛОИИ, поэтому в октябре 1992 г. не без внутреннего трепета аспирант приехал (пересаживаясь

с электрички на электричку) в Ленинград и в итоге получил благожелательный отзыв в отделе Алексея Николаевича Цамутали. Крепко запомнились два момента при первоначальном представлении диссертации. Посмотрев автореферат, Алексей Николаевич обратился к коллегам: «Ну, вот, а говорят, сейчас наукой никто не занимается» (старшее поколение, полагаю, помнит ту серую, безрадостную атмосферу 1992 г., когда на первый план вышли не научные перспективы, а прагматичное выживание). И затем передал автореферат Рафаилу Шоломовичу Ганелину. Тот молча стал листать его, местами вчитываясь, и на вопрос заведующего сказал кратко: «Очень интересно». Наконец, позднее, в 1995 г. в КарГУ была выпущена одноименная с диссертацией монография¹⁵, которую автор посвятил памяти Николая Евгеньевича Носова.

Благодарностью — не имеющей срока давности и неподвластной расстояниям — продиктован и этот очерк...

¹ Государство и общество в России XV — начала XX века: сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова / Санкт-Петербургский институт истории РАН. СПб., 2007.

² *Бущик Л. П.* Иллюстрированная история СССР XV—XVII веков. М., 1970. С. 70.

³ Краткая история СССР / Отв. ред. Н. Е. Носов. Л., 1972. Ч. 1.

⁴ *Носов Н. Е.* О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв. (к постановке вопроса) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. Л., 1972. С. 44—71.

⁵ *Ганелин Р. Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х — 1970-х годах. СПб., 2004. С. 140, 141.

⁶ Подлинники цитируемых в данном очерке писем Н. Е. Носова хранятся в рабочем архиве С. В. Селиверстова (Астана, Республика Казахстан).

⁷ *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. М.; Л., 1966.

⁸ *Носов Н. Е.* О книге и ее авторе // Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. М.; Л., 1966. С. 5.

⁹ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.

¹⁰ *Пашуто В. Т.* По поводу книги И. Я. Фроянова «Киевская Русь. Очерки социально-политической истории» // Вопросы истории. 1982. № 9. С. 174—178; *Лимонов Ю. А.* Об одном опыте освещения истории Киевской Руси. Летописи и «исторические построения» в книге И. Я. Фроянова // История СССР. 1982. № 5. С. 173—178; *Свердлов М. Б., Щанов Я. Н.* Последствия неверного подхода к исследованию важной темы // История СССР. 1982. № 5. С. 178—186.

¹¹ *Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* 1) Эволюция феодализма в России. М., 1980; 2) О некоторых вопросах истории феодальной формации в России (по поводу критической статьи-рецензии А. С. Орлова) // История СССР. 1982. № 5. С. 130—140; *Носов Н. Е.* Новый труд по истории феодализма в России // Советское славяноведение. 1982. № 4. С. 52—60;

¹² Имелась в виду, в том числе, работа: *Фарсоби В. В.* Источниковедение и его метод. Опыт анализа понятий и терминологии. М., 1983.

¹³ *Носов Н. Е.* Основные научные направления и проблематика ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины» // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1981. Т. 12. С. 3—12.

- ¹⁴ *Ананьич Б. В., Фурсенко А. А.* Николай Евгеньевич Носов // Государство и общество в России XV — начала XX века: сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 8.
- ¹⁵ *Селиверстов С. В.* Проблема крестьянской собственности в русской исторической мысли второй половины XIX века. Караганда, 1995.

References

- ANAN'ICH B. V., FURSENKO A. A. *Nikolai Evgen'evich Nosov* [Nikolai Evgenievich Nosov. In Russ.] // Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii XV — nachala XX veka: sbornik statei pamyati Nikolaya Evgen'evicha Nosova. Saint Petersburg, 2007. P. 7–9.
- BUGANOV V. I., PREOBRAZHENSKII A. A., TIKHONOV Yu. A. *Evolutsiya feodalizma v Rossii* [The evolution of feudalism in Russia. In Russ.]. Moscow, 1980.
- BUGANOV V. I., PREOBRAZHENSKII A. A., TIKHONOV Yu. A. *O nekotorykh voprosakh istorii feodal'noi formatsii v Rossii (po povodu kriticheskoi stat'i-retsenzii A. S. Orlova)* [On some issues in the history of the feudal formation in Russia (regarding the critical article-review of A. S. Orlov). In Russ.] // Istoriya SSSR. 1982. No. 5. P. 130–140.
- BUSHCHIK L. P. *Illyustrirovannaya istoriya SSSR XV–XVII vekov* [Illustrated history of the USSR 15th–17th centuries. In Russ.]. Moscow, 1970.
- FARSOBIN V. V. *Istochnikovedenie i ego metod. Opyt analiza ponyatii i terminologii* [Source study and its method. Experience in analyzing concepts and terminology. In Russ.]. Moscow, 1983.
- FROYANOV I. Ya. *Kievskaya Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii* [Kievan Rus. Essays on socio-political history. In Russ.]. Leningrad, 1980.
- GANELIN R. Sh. *Sovetskie istoriki: o chem oni govorili mezhdu soboi. Stranitsy vospominanii o 1940-kh — 1970-kh godakh* [Soviet historians: what they talked about among themselves. Pages of memories of the 1940s — 1970s. In Russ.]. Saint Petersburg, 2004.
- Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii XV — nachala XX veka: sbornik statei pamyati Nikolaya Evgen'evicha Nosova* [State and society in Russia of the 15th — early 20th centuries: a collection of articles in memory of Nikolai Evgenievich Nosov. In Russ.]. Saint Petersburg, 2007.
- Kratkaya istoriya SSSR* [Brief history of the USSR. In Russ.] / Otv. red. N. E. Nosov. Leningrad, 1972. Ch. 1.
- LIMONOV Yu. A. *Ob odnom opyte osveshcheniya istorii Kievskoi Rusi. Letopisi i "istoricheskie postroeniya" v knige I. Ya. Froyanova* [About one experience in covering the history of Kievan Rus. Chronicles and "historical constructions" in the book of I. Ya. Froyanov. In Russ.] // Istoriya SSSR. 1982. No. 5. P. 173–178.
- NOSOV N. E. *Novyi trud po istorii feodalizma v Rossii* [New work on the history of feudalism in Russia. In Russ.] // Sovetskoe slavyanovedenie. 1982. No. 4. P. 52–60.
- NOSOV N. E. *O dvukh tendentsiyakh razvitiya feodal'nogo zemlevladeniya v Severo-Vostochnoi Rusi v XV–XVI vv. (k postanovke voprosa)* [On two trends in the development of feudal land ownership in North-Eastern Rus' in the 15th–16th centuries (to pose the question). In Russ.] // Problemy krest'yanskogo zemlevladeniya i vnutrennei politiki Rossii. Dooktyabr'skii period. Leningrad, 1972. P. 44–71.
- NOSOV N. E. *Osnovnye nauchnye napravleniya i problematika ezhegodnika "Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny"* [Main scientific directions and problems of the yearbook "Auxiliary historical disciplines". In Russ.] // Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny. Leningrad, 1981. Vol. 12. P. 3–12.
- PASHUTO V. T. *Po povodu knigi I. Ya. Froyanova "Kievskaya Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii"* [Regarding the book by I. Ya. Froyanov "Kievan Rus. Essays on socio-political history". In Russ.] // Voprosy istorii. 1982. No. 9. P. 174–178.
- ROMANOV B. A. *Lyudi i navy Drevnei Rusi* [People and customs of Ancient Rus'. In Russ.]. Moscow — Leningrad, 1966.
- SELIVERSTOV S. V. *Problema krest'yanskoi sobstvennosti v russkoi istoricheskoi mysli vtoroi poloviny XIX veka* [The problem of peasant property in Russian historical thought of the second half of the 19th century. In Russ.]. Karaganda, 1995.
- SVERDLOV M. B., SHCHAPOV Ya. N. *Posledstviya nevernogo podkhoda k issledovaniyu vazhnoi temy* [Consequences of an incorrect approach to the study of an important topic. In Russ.] // Istoriya SSSR. 1982. No. 5. P. 178–186.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

С. В. Селиверстов. «Все должно прийти, если затрачен труд и есть желание и настойчивость “искать и познавать”»: Николай Евгеньевич Носов как наставник // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 175–186

Аннотация: Данный очерк имеет мемориальный характер и посвящен 100-летию Николая Евгеньевича Носова (1924–2024). В очерке раскрыт малоизвестный факт эпистолярного общения ученого-историка с провинциальным студентом из г. Караганда (Казахстан) в первой половине 1980-х гг. Этот частный случай показывает явление бескорыстного научного наставничества, характерное для российской академической культуры XX в. Источником для очерка послужили письма Н. Е. Носова, хранящиеся в рабочем архиве С. В. Селиверстова (г. Астана). Причиной обращения студента с письмом к ученому стал интерес к средневековой истории, в частности к внутренней политике (опричнине) в XVI в. Особенно студента интересовала точка зрения Н. Е. Носова о двух путях развития России — феодальном и раннебуржуазном. Ученый позитивно воспринял интерес студента к сложной и дискуссионной проблематике. Началась переписка. Письма Н. Е. Носова свидетельствуют, что он стремился осмыслить особенности исторического развития России в широком плане — через реалии, а не через схему и «социологическую прямолинейность». Ученый поддержал желание студента написать дипломную работу по дореволюционной историографии черного крестьянства, но предложил не увлекаться теоретизированием в области историографии и источниковедения. В конечном счете Н. Е. Носов рекомендовал продолжить учебу в аспирантуре. Скоропостижная смерть ученого прервала эпистолярные и человеческие отношения, но когда молодой историк издал монографию по результатам кандидатской диссертации, то посвятил ее памяти своего наставника — Николая Евгеньевича Носова.

Ключевые слова: Николай Евгеньевич Носов, наставник, переписка, два пути развития, черное крестьянство, собственность, государственный феодализм, раннебуржуазная тенденция, историография, источниковедение, академическая культура, память.

FOR CITATION

S. V. Seliverstov. “Everything should come if you put in the work and have the desire and perseverance to ‘search and learn’”: Nikolai Evgenievich Nosov as a mentor // Petersburg historical journal, no. 3, 2024, pp. 175–186

Abstract: This essay is a commemorative piece dedicated to the centenary of the late Nikolai Evgenievich Nosov (1924–2024). The essay reveals a hitherto little-known fact of epistolary communication between a historian and a provincial student from the city of Karaganda (Kazakhstan) in the first half of the 1980s. This particular case illustrates the phenomenon of disinterested scientific mentoring, which was characteristic of Russian academic culture in the 20th century. The source for this essay is a series of letters written by N. E. Nosov and stored in the working archive of S. V. Seliverstova (Astana city). The motivation behind the student’s decision to write to the scientist was his keen interest in medieval history, particularly in the domain of domestic politics (*oprchnina*) during the 16th century. The student expressed a particular interest in N. E. Nosov’s perspective on the two potential paths of development for Russia: feudal and early bourgeois. The scientist was receptive to the student’s interest in complex and controversial issues. The correspondence commenced. The letters of N. E. Nosov indicate that he sought to comprehend the features of the historical development of Russia in a broad sense, through a consideration of the realities themselves, rather than through a schematic and “sociological straightforwardness”. The scientist endorsed the student’s aspiration to undertake a thesis on the pre-revolutionary historiography of the black peasantry, but advised that he refrain from becoming overly preoccupied with theoretical pursuits within the field of historiography and source studies. In conclusion, N. E. Nosov advised that the student continue his studies at the graduate level. The untimely demise of the scientist brought an end to the epistolary and personal relationships that had been established. However, upon the publication of the young historian’s monograph, which was based on the findings of his doctoral thesis, he dedicated it to the memory of his mentor, Nikolai Evgenievich Nosov.

Key words: Nikolai Evgenievich Nosov, mentor, Leningrad, Karaganda, correspondence, two paths of development, black peasantry, property, state feudalism, early bourgeois tendency, historiography, source study, memory.

Автор: **Селиверстов, Сергей Васильевич** — к. и. н., главный научный сотрудник НИЦ «Абай академиясы» Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан).

Author: **Seliverstov, Sergey Vasilyevich** — PhD in History, Chief Researcher of the Scientific Center “Abai Academy” of the Eurasian National University named after L.N. Gumilyov (Astana, Republic of Kazakhstan).

E-mail: seliverst.sv@googlemail.com

ORCID 0000-0002-3558-6238

Е. З. Панченко

Портрет ученого в рабочем кабинете: библиотека академика С. А. Жебелева

Академик Сергей Александрович Жебелев (1867–1941) — выдающийся отечественный антиковед, историк и филолог-классик, занимавшийся также археологией и историей искусства, переводчик и редактор, преподаватель Санкт-Петербургского университета, Бес-тужевских курсов, училища Штиглица, Академии художеств, автор сотен научных работ; с 1939 г. он руководил группой истории древнего мира Ленинградского отделения института истории (ЛОИИ; сейчас — Санкт-Петербургский институт истории РАН, СПбИИ)¹. Деятельность С. А. Жебелева соединила до- и послереволюционные периоды отечественного антиковедения², поскольку многие из ученых его круга погибли в первые годы революции, эмигрировали или стали жертвами репрессий в 1930-е гг. Жизнь С. А. Жебелева связана с Петербургом-Ленинградом, откуда он лишь на время выезжал за границу. Его судьбу во многом определило то, что он дважды *не уехал*: из России в 1917³ и из Ленинграда в начале Великой Отечественной войны. В сентябре 1941 г., после неудачной попытки эвакуации, которая была ему предписана академическим руководством, Жебелев намеренно остался в блокированном городе. Он возглавил Комиссию по делам ленинградских учреждений⁴ — орган Президиума Академии наук СССР, в ведение которого входили вопросы денежного довольствия и питания ученых. Председатель комиссии С. А. Жебелев умер от голода 28 декабря 1941 г.⁵ Было принято решение о сохранении библиотеки умершего академика⁶. Книги перевезли из его квартиры в здание Библиотеки Академии наук и вскоре⁷ они вошли в состав библиотеки ЛОИИ.

Библиотека (около пяти тысяч единиц хранения) была сохранена в мемориальной целостности⁸, что дает возможность описать ее достаточно точно. Одно из лучших, вероятно, антиковедческих собраний в стране, оно представляло большую научную ценность. Отказывавшийся от эвакуации из Ленинграда Жебелев приводил такой главный довод для объяснения своего решения: «...эвакуация неизбежно лишит меня возможности продолжать мои научные занятия, а для других занятий я не пригоден... Мне нужна, по моей специальности, хорошая библиотека. Я занимаюсь изучением античного мира и, пожалуй, даже в Москве не окажется нужных для меня книг, которые имеются только в моей личной библиотеке»⁹. Прежде всего это были издания античных авторов (включая многотомное лейпцигское собрание «*Bibliotheca Teubneriana*»), исследовательская литература, археологические альбомы, собрания древних надписей. Издания источников на классических языках, исследования — на основных европейских, кое-что на славянских, — но больше всего, конечно, на русском и немецком — именно в Германии в начале XX в. жили большинство всемирно известных антиковедов. Нижняя граница книжного собрания — начало XVIII в.¹⁰; хотя в нем обнаружилась, например, книга с экслибрисом знаменитой испанской библиотеки маркиза де Моранте¹¹, нет никаких сомнений, что в подборе книг С. А. Жебелева нет ничего библиофильского, — его интересовало содержание. Оформление библиотеки рационально и скромно: твердые переплеты (которые все-таки были предпочтительнее для регулярной работы с книгой) с коленкоровыми или кожаными корешками и инициалами «С. Ж.»; на брошюрах просто подпись владельца. Жебелев хранил около полутора тысяч оттисков статей, что еще больше подчеркивает профессиональный характер его библиотеки. Часть оттисков и брошюр переплетена в объемные конволюты — своего рода собрания трудов крупных ученых: Н. П. Кондакова, В. В. Латышева, В. К. Мальмберга, Н. Я. Марра, А. В. Никитского, Е. К. Редина, М. И. Ростовцева, Б. А. Тураева, Я. И. Смирнова, Б. В. Фармаковского, В. В. Шкорпила, Э. Р. фон Штерна¹². Важное место в библиотеке отводилось справочным изданиям. Приобретенные С. А. Жебелевым энциклопедии и словари стали основой справочного отдела античной истории в читальном зале библиотеки СПбИИ. Самая, вероятно, ценная книга библиотеки — это машинописный сборник, преподнесенный С. А. Жебелеву к 35-летию его научной деятельности в 1926 г.: 55 статей коллег, друзей и учеников академика с вклеенными вручную фотографиями, вписанными от руки греческими вставками¹³. Среди участников — живущий к тому времени уже Нью-Хейвене М. И. Ростовцев, патриарх отечественного византиноведения Ф. И. Успенский, ученики Жебелева С. Я. Лурье и А. И. Доватур. Ни в одном печатном советском издании эти ученые уже не могли бы собраться вместе. К сожалению, при всем интересе специалистов к этому сборнику, он так и не был пока ни издан, ни оцифрован. Собрание С. А. Жебелева стало важной частью библиотеки ЛОИИ и на протяжении десятков лет было востребовано антиковедами как самого института, так

и всего города. Но годы идут, и библиотека (верхняя граница книг которой — 1941 г.) неминуемо утрачивает научную актуальность. Однако есть еще аспект мемориальный.

Обычно личные библиотеки сохраняют отпечаток личности их владельцев. Классик С. А. Жебелев как человек воспринимается в значительной степени как «человек в футляре». Он, академик, самым умным поступком в своей жизни считал то, что никогда не был женат¹⁴. Об этом он написал в автобиографических заметках, которые назвал «Автонекролог». Не воспоминания, а сухой отчет о прожитой жизни, где отмечает, что даже друзьям не открывал своего «я»¹⁵. Библиотека, на первый взгляд, отражает эту рациональность и бесстрастность. В ней удивляет почти полное (не считая античных авторов) отсутствие художественной литературы. А отчасти сохранившийся при нынешней расстановке порядок книг по алфавиту авторов говорит о дисциплине и педантизме прежнего хозяина. Библиотека состоит в значительной мере из дореволюционных изданий, многочисленные дарственные надписи и в советское время написаны по старой орфографии, обнаружены отпечатки статей, преподнесенные уже в конце двадцатых к Рождеству и Пасхе¹⁶, — все это производит впечатление академической отрешенности от шума времени и, в общем, благополучия. Но, вероятно, личных библиотек, благополучно переживших революцию, просто не существовало. В комментариях к «Автонекрологу» Жебелев пишет, что до революции благодаря жалованью он тратил на книги 500–700 рублей в год, у постоянного поставщика в Лейпциге приобретал иностранные книги и у него составила довольно хорошая научная и отчасти беллетристическая библиотека¹⁷. Однако с 1917 г. он периодически должен был расставаться с ее частями. Так, всю свою иностранную периодику он продал только что основанному Пермскому университету, но книги туда не дошли: они погибли во время Ярославского восстания летом 1918 г. Много книг он продал «Красной газете» в 1931 г. Вынудила его к этому необходимость «самоуплотниться»¹⁸. Значит, сохранившиеся в жебелевской библиотеке тома классиков мировой литературы — Шекспир, Данте, Тассо, Руссо, «Фауст» Гете — это не случайность, а то, без чего он просто не мог жить. Не выглядят случайностью в его профессорской библиотеке и отдельные книги о музыке, если знать, что он с гимназических лет увлекался оперой и ценил церковное пение¹⁹. В тридцатые годы, в последнее десятилетие жизни, Жебелев продолжал приобретать книги и, по-видимому, продавать их уже не было необходимости. Книги этого периода показывают, что интересы академика были намного шире науки о классических древностях и распространялись по крайней мере на историю мировой литературы и философии. В его библиотеке можно обнаружить и что-то достаточно неожиданное — исследование об узбекском языке или том «Путешествий» Н. Н. Миклухо-Маклая²⁰.

В жебелевском собрании остались многочисленные следы работы владельца с книгами: исправления (в основном, в собственных текстах), маргиналии,

записи на форзацах и вложенных листках — обычно ироничного и полемического содержания²¹; встречается и постцензурная авторская правка. Например, в опубликованном в 1932 г. в «Известиях Академии наук СССР» некрологе немецкого филолога-классика и историка античной культуры Ульриха фон Вилламовица-Меллендорфа Жебелевым вписаны шесть изъятых (без согласования с ним) фрагментов его текста, в том числе цитата из «Платона» Вилламовица: «Потрясения, связанные с войною, лишь подняли мои силы; ибо я хотел исполнить свое дело так же хорошо, как его выполняли те, среди которых физически я уже не мог более находиться». Как указано в некрологе, Вилламовиц работал над «Платоном» в 1918 г. Вероятно, редакция убрала цитату, чтобы ослабить ассоциации с 1918 г. в России²².

Экземпляры собственных сочинений С. А. Жебелева выделяются внесенной правкой²³, вписанными примечаниями и библиографическими ссылками — работа ученого с текстом не прекращалась и после его публикации. Магистерская диссертация будущего академика хранилась им в виде экземпляра, подаренного матери, со сдержанной надписью: «Дорогой Елене Егоровне Жебелевой от сердечно любящего автора»²⁴. Около двухсот оттисков и вырезок написанных им статей, некрологов, рецензий стояли, пронумерованные в хронологическом порядке, среди других оттисков в общем алфавитном порядке на букву «Ж».

Жебелева нередко называют Плутархом отечественного антиковедения, потому что он написал десятки биографий-некрологов²⁵. Не надо иметь специальной подготовки, чтобы оценить, как замечательно сочетаются в его некрологах трезвость научных оценок и сохраненные неповторимые черты личности ушедшего. Возможно, именно умение увидеть и оценить своеобразие другого человека делало этого кабинетного ученого хорошим другом²⁶. Статья памяти друга византиниста Якова Смирнова едва не стоила Жебелеву карьеры, а то и жизни: некролог был опубликован в 1928 г. в сборнике «*Seminarium Kondakovianum*» в Праге²⁷. Говоря о безвременной кончине Я. И. Смирнова в Петрограде в 1918 г., Жебелев позволил себе относящееся к этому времени слово «лихолетье». Это вызвало нападки и травлю в советской печати. Жебелев вынужден был покаяться (все-таки сохраняя достоинство) и отречься от другого ближайшего друга — блестящего ученого-эмигранта Михаила Ростовцева²⁸. В «Автонекрологе» Жебелев пишет об этом с удивительной прямоотой: «...я публично отрекся от него, отрекся конечно вынужденно, в силу сложившихся, но нисколько не оправдывающих меня обстоятельств и соображений, не делающих чести моему мужеству и являющихся в моих глазах одним из самых мрачных эпизодов моей жизни»²⁹. К чести Жебелева, он не был настолько осмотрителен, чтобы изъять из своей библиотеки труды друзей-эмигрантов, и более сотни работ М. И. Ростовцева, многие с его дарственными надписями, и сейчас стоят в шкафах библиотеки Санкт-Петербургского института истории³⁰.

Тема дарственных надписей, вероятно, главная применительно к жебелевской библиотеке. Их выявлено около тысячи двухсот³¹. Напомним, что все-

го в собрании около пяти тысяч единиц, т. е. не просто подарена, а надписана была четверть книг библиотеки. Возможно, такая концентрация дарственных надписей связана с тем, что даже в сложных обстоятельствах с подаренными и надписанными книгами Жебелев не расставался. Авторы надписей около трехсот, — значит, для большинства из них подарить Жебелеву вышедшую из печати работу было не делом случая, а скорее правилом. Среди тех, кто дарил Жебелеву труды на протяжении многих лет, — искусствовед Д. В. Айналов, харьковские историки Е. К. Редин и В. П. Бузескул, археологи Э. Р. фон Штерн и Б. В. Фармаковский, болгарский классик Гаврил Кацаров, востоковед И. Ю. Крачковский, основатель грузинской классической филологии Григорий Церетели, ученики Жебелева С. Я. Лурье и филолог-классик И. И. Толстой-младший. В библиотеке сохранились автографы выдающихся современников С. А. Жебелева: лингвистов И. А. Бодуэна де Куртене и Л. В. Щербы, философов А. И. Введенского, Э. Л. Радлова и Л. П. Карсавина, богослова Н. Н. Глубоковского, палеографа О. А. Добиаш-Рождественской, нумизмата А. В. Орешникова, филологов-классиков И. В. Помяловского и Ф. Ф. Зелинского, византиниста Н. П. Кондакова, искусствоведов И. В. Цветаева и М. А. Гуковского, филологов А. А. Шахматова и В. М. Жирмунского, скульптора И. Я. Гинцбурга, критика В. В. Стасова, академика Н. П. Лихачева. Иностранцев корреспондентов значительно меньше, чем русских, но среди них, например, великий немецкий классик Ульрих фон Виламовиц-Меллендорф и выдающийся французский эпиграфист уже XX в. Луи Робер. Дарственные надписи академического круга (в библиотеке Жебелева почти исключительно представлены именно они) обычно корректны и кратки. Интерес представляют не столько тексты надписей, сколько сам факт тех или иных контактов. Библиотека демонстрирует богатство и интенсивность неформального научного общения Жебелева. Он поддерживал отношения не только с петербургскими и московскими коллегами, но и с учеными из Харькова, Варшавы, Гельсингфорса, Одессы, Дерпта, Тифлиса, с археологами, переводчиками, музейными хранителями. Естественно предположить, что многолетнее постоянство этих отношений должно было поддерживаться откликами самого Жебелева, посылаемыми им в ответ собственными работами.

Несмотря на сухость рядовых академических автографов, среди адресованных Жебелеву надписей можно найти довольно много выражений дружбы и благодарности, есть и несколько неповторимых ярких надписей. Например, душевный автограф восьмидесятилетнего В. В. Стасова на подаренном им к Рождеству оттиске: «Старинному товарищу, милому человеку, знатному доке по своей науке, верному помощнику, светлой и доброй головушке Сергею Александровичу Жебелеву В. Стасов 7 янв. 1905»³². Стасова, который в начале 1890-х гг. привлек его для редактирования знаменитого издания «История и памятники Византийской эмали» Н. П. Кондакова, Жебелев считал своим учителем в любимой им редакционной работе³³.

О вдохновленных Жебелевым мечтах о высоком предназначении ученого пишет в 1909 г. его ученик и друг И. И. Толстой-младший: «Полный дерзаний и, быть может, несбыточных надежд, дарю я Вам, дорогой Сергей Александрович, этот ничтожный оттиск, Вам — другу моего сердца и минувших юношеских чаяний. И мне бы так хотелось, чтобы и Вы вместе со мною поверили в мои надежды, тому, что я смогу исполнить работу, мечту о которой Вы давно, давно заронили в душу мою»³⁴.

Автограф Л. П. Карсавина 1919 г.:

«Iste mundus furibundus
falsa praestat gaudia,
quae defluunt et decurrunt
Ceui campi lilia...

Многоуважаемому Сергею Александровичу от автора 27 марта 1919»³⁵. В строках из средневековой Кармины Бураны («Этот мир бешеный ложные дает радости, которые приходят и исчезают, словно полевые лилии») выражено стойческое отношение двух людей старой культуры — Карсавина и Жебелева — к гибели самой этой культуры и привычного уклада жизни.

Среди дарственных надписей есть и оригинальное стихотворение, вложенное в оттиск небольшой статьи «Бронзовый браслет с острова Березани». Это археологическая публикация Веры Штейн, художника и скульптора, которая в 1920-е гг. некоторое время работала в Академии истории материальной культуры. Безыскусные, но искренние стихи, можно сказать, приоткрывают дверь в рабочий кабинет Жебелева и в атмосферу научной жизни Ленинграда второй половины двадцатых:

...Вы, поощрением искусства,
Меня сумели ободрить.
И Вас хочу с глубоким чувством
За все, за все благодарить:
За мудрость Ваших указаний,
За то, что ныне вышел в свет,
Попавший к нам из Березани
Старинный, бронзовый браслет.
Когда, как тяжкие вериги,
Сомнений гнет меня сгибал,
Вы мне указывали книги,
Ваш Паульсён³⁶ меня спасал!
Наветы, черные, как сажа,
Что камнем на сердце легли
И злые козни Эрмитажа

Вы одолеть мне помогли.
С тяжелым чувством я входила
Тогда в Ваш строгий кабинет,
Но что прошло, то стало мило,
И стал мне памятен браслет.
С тех пор, в науке и скульптуре
Так много дать Вы мне могли,
И даже в скромной корректуре
Мне так охотно помогли...³⁷

Вере Штейн не довелось стать известным археологом: она попала на Соловки, после освобождения уехала в Новосибирск. Жебелев переписывался с ней³⁸.

Трудно сказать, что более ценно в мемориальной библиотеке — сохранение памяти о выдающихся деятелях или о тех, кто, с помощью С. А. Жебелева начал путь в науку, но не добился профессиональных высот и признания, так как был репрессирован или погиб во время войны. Для самого С. А. Жебелева долг памяти был очень важен: об этом говорят десятки написанных им некрологов. Есть свидетельства, что в тридцатые годы он навещал и обустроивал могилы коллег и друзей, которых пережил³⁹. Последним прочитанным докладом С. А. Жебелева уже в декабре 1941 г., буквально за две-три недели до смерти, был доклад, посвященный столетию со дня рождения его университетского научного руководителя, выдающегося филолога-классика Ф. Ф. Соколова⁴⁰.

Жебелев прожил немало — 74 года, и дарственные надписи на книгах его библиотеки отражают целую эпоху в гуманитарной науке, вернее даже две: до-революционную и советскую довоенную. Очевидно, что если научное значение библиотеки со временем несколько померкло, то ее мемориальная ценность только возрастает.

¹ Основные вехи биографии и научной работы С. А. Жебелева см.: *Кашеев В. И.* Жебелев Сергей Александрович // *Словарь петербургских аниковедов XIX — начала XX века.* Т. 1. СПб., 2021. С. 255–263; о связи С. А. Жебелева с ЛОИИ-СПБИИ см.: *Гаврилов А. К.* Жебелев Сергей Александрович. URL: <https://spbiiiran.ru/colleague/persons/zhebelyov-sergej-aleksandrovich/> (дата обращения 07.08.2024).

² *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности: историографические очерки. СПб., 1999. С. 263–264.

³ О возможных причинах отказа С. А. Жебелева от эмиграции в 1917 г. см.: Там же. С. 276–277.

⁴ *Жебелев С. А.* Моя «эвакуация» // *Деятели русской науки XIX–XX веков.* Вып. 2. СПб., 2000. С. 366–367; *Баженова Н. М.* Сотрудники ленинградских академических учреждений в первую блокадную зиму: по материалам Санкт-Петербургского филиала архива РАН // *Жизнь и быт блокированного Ленинграда.* СПб., 2010. С. 54.

- ⁵ Там же. С. 55, 66–68.
- ⁶ Там же. С. 71.
- ⁷ Каталогизация и инвентаризация книг библиотеки С. А. Жебелева велась с мая 1943 г. (по записям в инвентарных книгах библиотеки СПбИИ 1940-х гг.).
- ⁸ Книги С. А. Жебелева распределены по шифрам в соответствии с принятой в библиотеке СПбИИ расстановкой, но имеют добавочную к шифру надпись «Жеб.» и хранятся в специально выделенных шкафах.
- ⁹ Жебелев С. А. Моя «эвакуация». С. 359.
- ¹⁰ Самая ранняя книга собрания: *Tertullianus. Apologétique de Tertullien, ou défense des Chretiens contre les accusations des Gentils*. Amsterdam: Chez Thomas Lombrail, 1701. (И 3643Жеб.). Здесь и далее в круглых скобках после описания книги указан ее шифр в библиотеке СПбИИ РАН.
- ¹¹ *Krebs J. Ph. Antibarbarus der lateinischen Sprache*. Frankfurt am Main: H. L. Brönnner, 1843. (К 9298Жеб.). Хоакин Гомес де ла Кортина маркиз де Моранте (1808–1868) — испанский латинист, библиофил.
- ¹² Кроме «именных», в библиотеке С. А. Жебелева есть конволюты, составленные из статей разных авторов.
- ¹³ Сборник статей в честь Сергея Александровича Жебелева. [Л.], 1926. (Л 3991Жеб.). Этот сборник имеется в РНБ и РГБ, но первый экземпляр, конечно, был в библиотеке самого С. А. Жебелева.
- ¹⁴ Жебелев С. А. Автонекролог // Вестник древней истории. 1993. № 2. С. 193.
- ¹⁵ Жебелев С. А. [Предисловие к автонекрологу] // Вестник древней истории. 1993. № 2. С. 175, 177.
- ¹⁶ Старой орфографией в советские годы (до начала 1930-х) пользовались А. Н. Зограф, А. В. Орешников, Ф. А. Петровский, Г. Церетели, М. А. Шангин и др. С Пасхой 1928 г. поздравляет С. А. Жебелева византинист М. А. Шангин. См.: Шангин М. А. Академическая рукопись Григория Назианзина: отд. оттиск из Известий АН СССР. 1927. № 12–14. (IV 12872Жеб.). К Рождеству дарит свою статью В. Ф. Штейн: см. прим. 37.
- ¹⁷ Жебелев С. А. Автонекролог. С. 192.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 193–194; *Картюк С. Г., Кулишова О. В.* Академик С. А. Жебелев, последние годы: стенограмма заседания академических институтов в Ташкенте 31 января 1942 г. // Вестник древней истории. 2018. № 1. С. 109–110 (доклад Л. А. Мацулевича).
- ²⁰ *Ушаров К. А.* Узбекский язык на современном этапе и тенденции его дальнейшего развития. Л.: АН СССР, 1932. (IV 11753Жеб.); *Миклухо-Маклай Н. Н.* Путешествия. Т. 1. Л.: АН СССР, 1940. (К 9229Жеб.).
- ²¹ См., например: *Courtois-Suffit. Les temples d'Esculape: la médecine religieuse dans la Grèce ancienne*. Paris, 1891. (IV 11926Жеб.); *Hoffmann Fr.* Die Traumdeutung in den Asklepien: Ein Beitrag zur Geschichte der Medicin. Zürich, 1882. (IV 12350Жеб.). В брошюрах многочисленные подчеркивания и маргиналии синим и простым карандашами, восклицательные и вопросительные знаки, NB, комментарии «Очень жаль, что без всякого объяснения», «Даже чудесам верит!», «Чушь!» «Это какое-то сумасшествие!» Вложены листки с записями.
- ²² Жебелев С. А. Памяти Виламовица-Меллендорфа: [вырезка из «Известий Академии наук СССР». 1932. Отд-ние обществ. наук. С. 1–13]. (IV 12241Жеб.). В конце печатного текста запись С. А. Жебелева: «N[ota]V[ene]. Все отмеченные изъятия и изменения сделаны были после того, как автором корректура была подписана к печати и без какого-либо уведомления о сделанных изъятиях и изменениях автора. 15 IV 32».
- ²³ Например: Жебелев С. А. История древнего искусства: конспект, составленный по сочинениям Шпрингера-Михалиса «Handbuch der Kunstgeschichte» С. А. Жебелевым. СПб., 1902. (VIIa 150Жеб.). Исправления, добавления, зачеркивания в этом экземпляре встречаются почти на каждой странице.
- ²⁴ Жебелев С. А. Из истории Афин. 229–31 годы до Рождества Христова. СПб., 1898. (VIIд 348Жеб.).

- ²⁵ Фролов Э. Д. Русская наука об античности. С. 274; К 150-летию со дня рождения С. А. Жебелева (1867–1941): выставка в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. URL: <https://ranar.spb.ru/exhibitions/465901319> (дата обращения 07.08.2024); Карток С. Г., Кулишова О. В. Предвоенная древняя история: С. А. Жебелев и советско-германские научные связи в 1939–1941 гг. // Вестник древней истории. 2018. № 2. С. 391–392. «Плутархом русской филологии» называл С. А. Жебелева еще И. В. Цветаев: см.: Варнеке Б. В. Старые филологи // Вестник древней истории. 2014. № 1. С. 169.
- ²⁶ См. также выступление Л. А. Мацулевича на заседании памяти С. А. Жебелева 31 янв. 1942 г.: Карток С. Г., Кулишова О. В. Академик С. А. Жебелев. С. 108.
- ²⁷ Жебелев С. А. Яков Иванович Смирнов: tirage à part. Prague, 1928. (Seminarium Kondakovianum: recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Études Byzantines; II). (IV 12220Жеб.).
- ²⁸ Тулкина И. В., Фролов Э. Д. Историографические этюды С. А. Жебелева: (из неизданного научного наследия) // Вестник древней истории. 1993. № 2. С. 199–200; Кольцов А. В. «Пережитого за истекший месяц я не забуду»: (записка академика С. А. Жебелева о несостоявшейся «эвакуации» из Ленинграда) // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 2. СПб., 2000. С. 351–352. Подлинники писем С. А. Жебелева с объяснениями о превратном толковании его выражений в некрологе Я. И. Смирнова и о характере его участия в сборнике «Seminarium Kondakovianum» см.: К 150-летию со дня рождения С. А. Жебелева (1867–1941).
- ²⁹ Жебелев С. А. [Предисловие к автонекрологу]. С. 177.
- ³⁰ В библиотеке С. А. Жебелева сохранилось более 120 работ М. И. Ростовцева. Большая часть их собрана в два конволюта: Л 3998Жеб. (работы на русском языке) и Л 4025Жеб. (работы на иностранных языках). Дарственная надпись «С. А. Жебелеву amico amicus»: *Rostowzew M. Eine neue Inschrift aus Halikarnass. Wien, 1896. (Archäologisch-epigraphische Mitteilungen aus Österreich-Ungarn; Jg. 19). (Л 4025Жеб., ал. 27).*
- ³¹ Все дарственные надписи на книгах С. А. Жебелева собраны в электронную папку, доступную на рабочем компьютере библиотеки СПбИИ.
- ³² Стасов В. В. Серебряное восточное блюдо Императорского Эрмитажа. СПб., 1904. (К 9318Жеб.).
- ³³ Жебелев С. А. Автонекролог. С. 183–184. Речь идет о кн.: Кондаков Н. П. История и памятники Византийской эмали [Византийские эмали А. В. Звенигородского]. СПб., 1892.
- ³⁴ Толстой И. И. АПАТОРО на памятнике De la Motraue: отд. оттиск из Журнала Министрства народного просвещения. 1909. Ч. 21, май. (IV 11641Жеб.). Автограф опубликован в статье: Панченко Е. Книга как подарок (по материалам русских автографов на книгах из библиотеки Санкт-Петербургского института истории) // «Когда б я был царь...». Пушкинский заповедник, 2014. С. 399. (Михайловская пушкиниана; вып. 63).
- ³⁵ Карсавин Л. П. Культура средних веков. Петроград, 1918. (Круг знания). (К 9092Жеб.). Автограф опубликован в статье: Панченко Е. Книга как подарок. С. 400–401.
- ³⁶ В библиотеке С. А. Жебелева не нашлось книги такого автора. Возможно, В. Ф. Штейн имела в виду монументальную энциклопедию *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft: neue Bearbeitung / Begonnen von G. Wissowa. Stuttgart: J. B. Metzler, тома которой выходили с 1894 г. (VIIд 2213Жеб.).*
- ³⁷ Штейн В. Бронзовый браслет с острова Березани: отд. оттиск из Известий ГАИМК. 1927. Т. 5. (IV 11987Жеб.). Оттиск помещен в самодельную картонную обложку с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому С. А. Жебелеву от благодарного автора». Один вариант стихотворения, написанный от руки на отдельном листе и датированный 6 января 1928 г., вплетен в обложку. Лист с другим вариантом (сокращенным, без строк о «кознях Эрмитажа») с той же датой просто вложен. В тексте данной статьи стихи приведены без начальных и конечных строк. О В. Ф. Штейн см.: Флиге И. Дневник Веры Штейн (в архиве ОГПУ: реконструкция биографии документа // Русский мир: альманах. 2011. № 6. С. 82–83.
- ³⁸ См.: Кулишова О. В., Фролов Э. Д. XVIII Жебелевские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете (19–21 октября 2016 г.) // Вестник древней истории. 2017. № 2. С. 505.

³⁹ Карток С. Г., Кулишова О. В. Академик С. А. Жебелев. С. 108.

⁴⁰ Там же. С. 110 (Л. А. Мацулевич сообщил, что заседание памяти Ф. Ф. Соколова состоялось 11 декабря); Кольцов А. В. «Пережитого за истекший месяц я не забуду». С. 356.

References

BAZHENOVA N. M. *Sotrudniki leningradskikh akademicheskikh uchrezhdeniy v pervuyu blokadnyuyu zimu: po materialam Sankt-Peterburgskogo filiala arkhiva RAN* [Employees of Leningrad academic institutions in the first blockade winter: based on the materials of the St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences. In Russ.] // *Zhizn' i byt blokirovannogo Leningrada: sbornik nauchnykh statey*. St. Petersburg, 2010. S. 52–84.

FLIGE I. *Dnevnik Very Shteyn v arkhive OGPU: rekonstruktsiya biografii dokumenta* [Vera Stein's diary in the OGPU archive: reconstruction of the document's biography. In Russ.] // *Russkiy mir: al'manakh*. 2011. No. 6. P. 82–89.

FROLOV E. D. *Russkaya nauka ob antichnosti: istoriograficheskiye ocherki* [Russian classical studies: historiographic essays. In Russ.]. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 1999.

GAVRILOV A. K. *Zhebelev Sergey Aleksandrovich* [Zhebelev Sergey Alexandrovich. In Russ.] // *Letopis' v litsakh*. Sajt Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN. URL: <https://spbiiran.ru/colleague/persons/zhebelyov-sergej-aleksandrovich/> (date of access 07.08.2024).

K 150-letiyu so dnya rozhdeniya S. A. Zhebeleva (1867–1941): vystavka v Sankt-Peterburgskom filiale Arkhiva RAN [150th anniversary of the birth of S. A. Zhebelev (1867–1941): exhibition in the St. Petersburg branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences. In Russ.] // Website of the St. Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences Archives. URL: <https://ranar.spb.ru/exhibitions/465901319/> (date of access 07.08.2024).

KARPYUK S. G., KULISHOVA O. V. *Akademik S. A. Zhebelev, posledniye gody: stenogramma zasedaniya akademicheskikh institutov v Tashkente 31 yanvarya 1942 g.* [Academician S. A. Zhebelev, last years: transcript of the meeting of academic institutes in Tashkent on January 31, 1942. In Russ.] // *Vestnik drevney istorii*. 2018. No. 1. P. 88–112.

KARPYUK S. G., KULISHOVA O. V. *Predvoynnaya drevnyaya istoriya: S. A. Zhebelev i sovetsko-germanskiye nauchnyye svyazi v 1939–1941 gg.* [Pre-war ancient history: S. A. Zhebelev and Soviet-German scientific relations in 1939–1941. In Russ.] // *Vestnik drevney istorii*. 2018. No. 2. P. 389–404.

KASHCHEYEV V. I. *Zhebelev Sergey Aleksandrovich* [Zhebelev Sergey Alexandrovich. In Russ.] // *Slovar' peterburgskikh antikovedov XIX — nachala XX veka*. Vol. 1. St. Petersburg, 2021. P. 255–263.

KOL'TSOV A. V. “Perezhitogo za istekshiy mesyats ya ne zabudu” (Zapiska akademika S. A. Zhebeleva o nesostoyavsheysya “evakuatsii” iz Leningrada) [“I will not forget what I experienced over the past month” (Note by Academician S. A. Zhebelev on the failed “evacuation” from Leningrad). In Russ.] // *Deyateli russkoy nauki XIX–XX vekov*. Vyp. 2. St. Petersburg, 2000. P. 349–357.

KULISHOVA O. V., FROLOV E. D. *XVIII Zhebelevskkiye chteniya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete (19–21 oktyabrya 2016 g.)* [XVIII Zhebelev readings at St. Petersburg State University (October 19–21, 2016). In Russ.] // *Vestnik drevney istorii*. 2017. No. 2. P. 497–505.

PANCHENKO Ye. *Kniga kak podarok (po materialam russkikh avtografov na knigakh iz biblioteki Sankt-Peterburgskogo instituta istorii)* [A book as a gift (based on Russian autographs on books from the library of the St. Petersburg Institute of History). In Russ.] // “Kogda b ya byl tsar’...”. *Pushkinskiy zapovednik*, 2014. (Mikhaylovskaya pushkiniana; vyp. 63). P. 392–405.

TUNKINA I. V., FROLOV E. D. *Istoriograficheskiye etyudy S. A. Zhebeleva (Iz neizdannogo nauchnogo naslediya)* [S. A. Zhebelev's historiographic essays (From the unpublished scientific heritage). In Russ.] // *Vestnik drevney istorii*. 1993. No. 2. P. 172–201.

VARNEKE B. V. *Staryye filologi* [Old philologists. In Russ.] // *Vestnik drevney istorii*. 2014. No. 1. P. 144–178.

ZHEBELEV S. A. *Avtonekrolog* [Autonecology. In Russ.] // *Vestnik drevney istorii*. 1993. No. 2. P. 177–194.

ZHEBELEV S. A. *Moya “evakuatsiya”* [My “evacuation”. In Russ.] // *Deyateli russkoy nauki XIX–XX vekov*. Vyp. 2. St. Petersburg, 2000. P. 358–368.

ZHEBELEV S.A. *Predisloviye k avtonekrologu* [Preface to the Autonecology. In Russ.] // Vestnik drevney istorii. 1993. No. 2. P. 173–177.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Е. З. Панченко. Портрет ученого в рабочем кабинете: библиотека академика С. А. Жебелева // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 187–197

Аннотация: Впервые описывается библиотека академика С. А. Жебелева, хранящаяся в отделе БАН при Санкт-Петербургском институте истории РАН. Состав книжного собрания, особенности его организации, оформления переплетов, владельческие маргиналии могут добавить несколько новых черт к портрету известного ученого-антиковеда. Наибольшую ценность в наше время представляют около 1200 книг с автографами русских и зарубежных историков, филологов, археологов, философов, искусствоведов, в том числе знаменитых современников С. А. Жебелева. Публикуется несколько наиболее выразительных дарственных надписей: В. В. Стасова, И. И. Толстого-младшего, Л. П. Карсавина и В. Ф. Штейн.

Ключевые слова: С. А. Жебелев, дарственные надписи на книгах, автографы, личная библиотека, петербургские антиковеды, библиотека Санкт-Петербургского института истории РАН.

FOR CITATION

Ye. Z. Panchenko. Portrait of a scholar in his study: academician S. A. Zhebelev's book collection // Petersburg historical journal, no. 3, 2024, pp. 187–197

Abstract: This is the first occasion on which the book collection of the academician S. A. Zhebelev, which is held by the department of the Library of the Russian Academy of Sciences at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, has been described in detail. The composition of the book collection, the peculiarities of its organisation, the design of the bindings, and the marginalia can contribute to a more nuanced understanding of the well-known classical scholar. It is of particular significance that the collection comprises approximately 1,200 books inscribed with the autographs of prominent historians, philologists, archaeologists, philosophers, and art critics, including renowned contemporaries of S. A. Zhebelev. The article also presents several notable dedicatory inscriptions, including those by V. V. Stasov, I. I. Tolstoy Jr., L. P. Karsavin, and V. F. Stein.

Key words: S. A. Zhebelev, dedicatory inscriptions on books, autographs, personal book collection, St. Petersburg classicists, library of the St. Petersburg Institute of History RAS.

Автор: Панченко, Елена Залковна — главный библиограф отдела Библиотеки Российской академии наук при Санкт-Петербургском институте истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Panchenko, Yelena Zalkovna — chief bibliographer, Russian division of the Library of the Academy of Sciences at St. Petersburg Institute of history, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: biblspbii@rambler.ru

Е. С. Кальченко

К вопросу о времени появления коптских апокрифов с темой небесного восхождения и открытия божественных тайн: проблемы и новые наблюдения

Христианская каноническая и апокрифическая литература изобилует сюжетами, повествующими о смертном герое, который совершает небесное путешествие или возносится в духе с целью познания божественных тайн. Появление этих христианских сочинений с апокалиптической тематикой неразрывно связано с иудейской традицией, в частности с текстами Священного Писания, где говорится о вознесении пророка Илии (4 Цар 2: 1–12), а также о «взятии» Богом патриарха Еноха (Быт 5: 21–24; ср. LXX: μετέθηκεν αὐτὸν ὁ Θεός — «Бог переместил его»). При этом в последнем случае нет никаких прямых указаний на то, что Енох был взят, или перемещен, именно на небо, что отразилось уже в последующей апокрифической традиции¹, в которой выделяется так называемая «енохическая» литература, повествующая о восхождении на небеса ветхозаветного патриарха². На коптском языке сохранились отрывки Первой книги Еноха, а также Второй, известной до недавнего времени лишь на славянском языке³.

Среди других текстов, дошедших до нашего времени главным образом на коптском языке, можно выделить группу апокрифов, в которых затронута тема небесного путешествия, совершаемого апостолами или одним из них: «Тайны Иоанна, апостола и святого девственника», «Введение в чин Архангела

Михаила», «Об Иоанне Крестителе» и «О Воскресении». К этой же группе можно отнести сочинение под названием «Введение в чин Архангела Гавриила», тесно связанное на структурно-тематическом и лексико-грамматическом уровне с «Тайнами Иоанна, апостола и святого девственника» и «Введением в чин Архангела Михаила», а также Апокриф из Берлина и Страсбурга, повествующие об открытии небес и божественных тайнах без вознесения апостолов на небеса. Все наиболее полные версии текстов на саидском диалекте коптского языка сохранились в поздних списках IX–XI вв.⁴ Именно в этот период, когда коптский язык окончательно уступает место арабскому как в повседневном обиходе, так и в официальном делопроизводстве, в монастырях Египта продолжается перепись рукописного наследия прошлого, благодаря чему до нас дошли произведения христианской литературы, оригиналы и более ранние списки которых были утрачены⁵.

Стоит отметить, что предложенные к рассмотрению коптские тексты, связанные с получением откровения апостолами, главным образом в ходе их небесного путешествия, относятся к более широкой группе произведений, о которых впервые говорил Т. Орланди⁶, и затем упоминал в своих работах Й. Л. Хаген⁷. В свою очередь, А. Сучиу весьма точно определяет их как «диалоги откровений»⁸, указывая таким образом на форму повествования и его содержательную характеристику. Вместе с тем автор дает и другое определение, называя эту группу текстов «псевдоапостольскими воспоминаниями» (pseudopostolic memoirs)⁹, вероятно, по аналогии с Й. Л. Хагеном, который говорит об этих произведениях как об «апостольских книгах» (Apostelbücher)¹⁰. При этом в рамках данных определений выделяют самостоятельные «псевдоапостольские воспоминания» или же «апостольские книги», написанные от имени апостолов, а также те, которые были включены в проповеди, приписываемые отцам Церкви. К последним, например, относится псевдоэпиграфический текст «Об Иоанне Крестителе», авторство которого приписывается Иоанну Златоусту: во второй части этого произведения повествуется о небесном восхождении апостолов с посещением третьего неба, где пребывает Иоанн Креститель вместе со своими родителями, Захарией и Елисаветой. К этой же подгруппе относится и составленная Псевдо-Кириллом Иерусалимским гомилия «О жизни и страстях Христа», где в одном из эпизодов, сравнимом с Апокрифом из Берлина и Страсбурга и с текстом «О Воскресении», упоминается о Вознесении Христа, за чем наблюдают находящиеся на Масличной горе апостолы¹¹. В свою очередь, и в той, и в другой подгруппе можно выделить те тексты, где откровение, получаемое апостолами, осуществляется посредством их восхождения на небо, и те повествования, в которых отсутствует тема небесного путешествия, а тайны постигаются через видения на земле.

Особый случай представляет Апокриф из Берлина и Страсбурга ввиду фрагментарной сохранности рукописей произведения, начало и конец которого утеряны. После ряда отрывков и лакун с утраченными вопросами апостолов

и ответами Спасителя следует часть, где Иисус предрекает, что Он будет предан, а апостолы покинут Его, и объясняет большое значение жертвенного служения перед лицом Бога Отца. Уже в новом разделе Спаситель находится вместе с учениками на горе — возможно, Масличной, по аналогии с другими текстами, — откуда Он возносится на небо (очевидно, еще до момента своей смерти и Воскресения), а апостолы созерцают божественные тайны вплоть до седьмого неба. При этом, когда Спаситель предстает перед престолом Бога Отца, повествование ведется от лица апостолов, которые, согласно предположению А. Сучиу, могли видеть происходящее на открывшихся им небесах, оставаясь все же на горе¹². Вслед за следующим эпизодом, в котором предвосхищаются события после Воскресения, сохранившаяся часть повествования фактически завершается так называемым «Гимном Кресту», представляющим собой пение и танец Спасителя вокруг Креста¹³.

За последние десятилетия в научной литературе, связанной с изучением этого апокрифического текста, высказывалось несколько предположений относительно того, когда он мог быть составлен. В частности, П. Нагель приводит сравнение одного из отрывков P. Berol. 22220 с гомилией апы Шенуте, где Христос назван Царем и в то же время Сыном Царя, а также сопоставляет фразу из P. Berol. 22220 с изречением Шенуте о божественности Спасителя, который стал человеком, что, по мнению исследователя, может указывать на происходившие в V в. споры относительно природы Христа¹⁴.

Вместе с тем на основании предложенных аргументов не приходится говорить о проявлении как таковой миафизитской доктрины, поставившей Церковь Египта в оппозицию после 451 г. и отразившейся в последующих текстах с антихалкидонской полемикой¹⁵. Приведенное П. Нагелем изречение о божественности Спасителя, ставшего человеком: **тнїтнoуте їпєнсoтнр аѡ хє аѡррoмє**¹⁶, — согласуется с представлениями Александрийской богословской школы в целом, о чем пойдет речь далее. Шенуте, в свою очередь, имел весьма спорное отношение к христологическому расколу середины и второй половины V в.: в отличие от имеющихся свидетельств об участии прославленного апы в Эфесском соборе в 431 г.¹⁷, нет никаких источников, которые указывали бы на его позицию по решениям Халкидонского собора 451 г. Более того, существует мнение, что Шенуте вовсе не углублялся в тонкости отвлеченных вопросов богословия, связанных с христологией¹⁸.

Согласуя свое мнение о датировке Апокрифа из Берлина и Страсбурга с позицией П. Нагеля, А. Сучиу отмечает, что и другие выделенные им «псевдо-апостольские воспоминания» отражают черты христологических споров V в.: в некоторых заведомо поздних текстах (составленных в форме псевдоэпиграфической проповеди) исследователь видит указания на миафизитскую позицию, проявившуюся в полной мере после 451 г.¹⁹ Отсюда делается вывод о том, что данная группа текстов составлялась уже после Четвертого Вселенского собора, который привел к разделению на халкидонские и миафизитские церк-

ви по вопросу о природе Христа. При этом в отношении «Истории Иосифа Плотника» данное наблюдение А. Сучиу можно подвергнуть критике, так как отрывок из этого текста, приведенный в качестве аргумента (см. ниже), не противоречит Халкидонскому оросу, согласно которому две природы Христа (божественная и человеческая), существующие нераздельно и неслитно, сходятся в одно Лицо²⁰ (т. е. разный характер природ сохраняется при их соединении): ср. «Ты — Иисус Христос, воистину Сын Божий и в то же время Сын Человеческий» (Hist. Joseph 17.17)²¹.

Соответственно, миафизитская доктрина предполагает существование одной природы Бога Сына после воплощения²², что подводится под тезис «одна (единая) природа Бога Слова воплощенная» (μία φύσις τοῦ Θεοῦ Λόγου σεσαρκωμένη), неоднократно упоминаемый Кириллом Александрийским, который также писал о едином Христе «из двух природ» (ἐκ δύο φύσεων)²³: так, в первом случае богослов имел в виду единство Лица, двух его составляющих (божественного и человеческого)²⁴, четко не разделяя оформившиеся позже понятия «лицо», «природа», «ипостась» в их христологическом аспекте²⁵. Такая амбивалентная терминология, безусловно, порождала противоречия в понимании слов святителя, однако для него, как и для других представителей Александрийской богословской школы в целом, была характерна так называемая «христология сверху» — подход, согласно которому подчеркивается божественность Христа, ставшего человеком²⁶. Подобные представления, по мнению их наиболее ревностных приверженцев, контрастировали с прописанной впоследствии в Халкидонском оросе формулировкой «в двух природах» (ἐν δύο φύσιν), в которой делается больший акцент на двойственности природы Христа²⁷, и преуменьшается, по мнению миафизитов, его божественная сущность вплоть до того, что это напоминало им несторианское положение о двух разных лицах во Христе.

В отношении некоторых текстов с темой восхождения и открытия божественных тайн примечательна одна деталь. В гимнической части Апокрифа из Берлина и Страсбурга, в тексте «О Воскресении» и во «Введении в чин Архангела Михаила» Христос назван Царем и Сыном Царя, что, очевидно, является аллюзией на Пс 71: 1, как указывает А. Сучиу²⁸. Ссылаясь на П. Нагеля, исследователь полагает, что частую отсылку к «царственности» Спасителя в коптских текстах можно соотнести с происходившими в V в. христологическими спорами и интерпретировать в качестве указания на Христа как на Бога (Царя) и в то же время Сына Бога (Сына Царя)²⁹. При этом исследователь помещает Апокриф из Берлина и Страсбурга и, вероятно, сопоставляемые с ним повествования в контекст событий, происходивших после Халкидонского собора³⁰, устанавливая тем самым *terminus post quem* для составления рассматриваемых текстов.

Вместе с тем данному предположению можно противопоставить ряд контраргументов. Сам А. Сучиу отмечает, что первая, по его словам, интерпретация христологии в Пс 71: 1 принадлежит перу Оригена³¹, что относится ко времени

задолго до догматических споров V в. Таким образом, данное истолкование могло войти в богословскую традицию значительно раньше, в первой половине III в., и затем продолжало бытовать в неканонической литературе, возможно, и после официального осуждения Оригена при императоре Юстиниане в середине VI в.: как известно, в папирусном собрании из Туры были обнаружены списки трудов Оригена VI–VII вв.³² Более того, самое раннее из известных толкований псалма 71 с точки зрения христологии представлено в апологетическом произведении «Диалог с Трифоном Иудеем»³³ Иустина Философа, т. е. примерно еще на полвека раньше Оригена.

Наряду с этим для шести предложенных к рассмотрению текстов характерно отсутствие указаний на миафизитскую доктрину либо, наоборот, терминологии Халкидонского ороса³⁴, что позволило бы установить надежный *terminus post quem*. Фрагмент, который представлен в Апокрифе из Берлина и Страсбурга: «Я не остаюсь один, ибо мой Отец пребывает со мной. Я и мой Отец, Мы — одно», — не противоречит Халкидонской христологической формуле и согласуется со словами Спасителя в Евангелии от Иоанна (Ин 10: 30; 16: 32)³⁵.

Единственное возможное указание на догматику относится к принятому во время первых Вселенских соборов положению о единстве и равноправии трех ипостасей Святой Троицы: в пяти из шести текстов многократно упоминаются Бог Отец, Сын и Святой Дух³⁶. Примечательно также то, что важнейшая характеристика «единосущный» (греч. ὁμοούσιος) связана в одном из текстов (ϩομοοϥσιον во «Введении в чин Архангела Гавриила», f. 50r) со Святым Духом, вопреки ожидаемому отношению между Богом Отцом и Сыном, который назван «единосущным Отцу» в Никео-Константинопольском Символе веры. Вместе с тем это важное наблюдение можно рассмотреть через призму уточнения и утверждения догмата о равноправии Святого Духа Богу Отцу и Сыну на Втором Вселенском соборе (381 г.), на котором были осуждены ереси македониан, отвергавших божественную сущность Святого Духа и термин «единосущие» как таковой, а также Маркелла, не признававшего триипостасного бытия Бога единого, в том числе особой ипостаси Святого Духа³⁷. Этому предшествовали также малые поместные соборы: в Александрии (362 г.) и Иконию (376 г.), осудившие духоборческое лжеучение.

Таким образом, можно предположить, что многократное упоминание о триединой сущности Бога, встречающееся в исследуемых текстах, соответствует духу противоборства арианским идеям, развившимся и получившим широкое распространение в IV в. Такие видные богословы этого времени, как Афанасий Александрийский, Кирилл Иерусалимский и великие каппадокийцы, выступали против арианства в защиту равнозначной по своей божественности трех ипостасей Троицы. Основные положения арианской ереси, как красноречиво пишет о них Григорий Нисский³⁸, заключались в субординационизме, соподчиненности лиц Троицы. Считалось, что Бог Отец занимает главенствующее положение, поскольку является несотворенным и нерожденным. Его Сын

представлялся как сотворенный в определенный момент из небытия (ἐξ οὐκ ὄντων), подобно другим творениям, и, таким образом, получалось, что Он не существовал предвечно, как Отец. Из всего этого следовало, что Сын неравен Отцу, ибо не является подобным Ему по абсолютной божественной сущности. В свою очередь, Святой Дух мыслился как творение Бога Слова, на основании чего стало возможным развитие других еретических идей, согласно которым отвергалась божественность третьей ипостаси Троицы.

В противовес этому особо отмеченную характеристику Святого Духа во «Введении в чин Архангела Гавриила» можно рассматривать как своеобразную реакцию против духоборчества, получившего распространение во второй половине IV в. Вместе с тем нельзя исключать, что термин «единосущный» по отношению к третьей ипостаси Святой Троицы мог являться более поздней вставкой, сделанной предположительно в первой половине V в. в связи с вышеупомянутыми тринитарными спорами IV в.

Так, для близких повествований, следующих друг за другом в кодексе М593 из Библиотеки Пирпонта Моргана — «Введение в чин Архангела Михаила» и «Введение в чин Архангела Гавриила», сюжет которых выстроен в хронологическом порядке³⁹, — в качестве условной датировки гипотетически выступают IV–V вв. Вероятно, примерно так же следует датировать текст «Тайны апостола Иоанна», для которого, с учетом наличия значительного количества отсылок к традиционным представлениям⁴⁰, нельзя исключать и более раннюю датировку: III–IV вв.

Более поздняя датировка — у гомилии (или энкомия, как определяет свое сочинение сам автор) «Об Иоанне Крестителе», написанной от имени Иоанна Златоуста. В этом псевдоэпиграфе история о посещении апостолами третьего неба, дарованного Иоанну Крестителю, не входит в повествовательную структуру основной части сочинения, но представлена как самостоятельный рассказ, дополняющий проповедь, посвященную этому святому. Факт нахождения в библиотеке Иерусалима рукописи с данным текстом, составленной, по словам Псевдо-Иоанна Златоуста, апостолами, представляет собой распространенный прием⁴¹ для подтверждения аутентичности источника, который, в свою очередь, призван придать большую легитимность всему произведению. Сама гомилия, как гласит пролог, произносится как развернутый комментарий на относящиеся к Иоанну Крестителю слова из двух синоптических Евангелий: «что смотреть ходили вы в пустыню?» (Мф 11: 7; Лк 7: 24), — с многочисленными отсылками к евангельским сюжетам⁴² и их толкованиями от имени Псевдо-Иоанна Златоуста. Упоминание о местонахождении текста (в данном случае второй, отличающейся по стилистике и манере изложения части о путешествии апостолов по небесам) характерно и для других поздних апокрифов. Например, в «Похвальном слове Аббатону, ангелу смерти»⁴³ Псевдо-Тимофей Элур указывает, что обнаружил соответствующую рукопись об Аббатоне в библиотеке во время своего паломничества в Иерусалим⁴⁴. Как отмечает Х. Лундхауг⁴⁵,

ранние коптские апокрифы, составление которых приписывается апостолам — в данном случае это «Введение в чин Архангела Гавриила», «Введение в чин Архангела Михаила», «Тайны апостола Иоанна» (последние два связаны с именем Иоанна Богослова), а также текст «О Воскресении», где повествование ведется от имени апостола Варфоломея, который становится хранителем тайн Сына Божия при распределении обязанностей между апостолами на небесах, — сменяется со временем более поздней традицией псевдопатристических проповедей, приписываемых значимым фигурам Церкви IV–VI вв. Если это наблюдение верно, то появление второй группы текстов, к которой относится гомилия «Об Иоанне Крестителе» от имени Псевдо-Иоанна Златоуста, можно условно датировать VII–VIII вв. При этом не следует отрицать вероятность того, что исследуемая часть о восхождении апостолов на небо возникла раньше как самостоятельное повествование и была инкорпорирована в указанный псевдопатристический дискурс позднее.

Однозначно более раннему времени принадлежат тексты «Введений» и «Тайны апостола Иоанна». Более того, относительно «Введения в чин Архангела Михаила» существует определенный *terminus post quem non*, благодаря проповеди Иоанна, епископа Паралосского⁴⁶, «Против еретических книг». В данном источнике критике подвергается ряд апокрифических произведений, включая «Введение в чин Архангела Михаила», которые, по словам архиерея, читаются клириками по всему Египту, однако описывают детали, не упомянутые в канонических книгах⁴⁷. Поэтому епископ порицает распространение этих текстов в церковной среде. Весьма ценное замечание относится к «Введению в чин Архангела Михаила», против которого особенно активно выступает Иоанн, поскольку данный текст использовался при проведении литургии и читался вслух в памятные и праздничные дни, посвященные святому Архангелу⁴⁸. Обличительное слово ревнителя чистоты учения выходит в свет на рубеже VI–VII вв.⁴⁹; соответственно, сам текст «Введения в чин Архангела Михаила», очевидно, был создан и получил широкое распространение до этого времени. Стоит также отметить, что нападки Иоанна не произвели желаемого результата, о чем свидетельствует наличие более поздних списков «Введения», один из которых по иронии происходит из того же Белого монастыря, где хранилась единственно известная рукопись с проповедью епископа⁵⁰. Более того, известно, что взгляды Иоанна не всегда находили отклик даже у самих коптских иерархов⁵¹.

Общее наблюдение относительно датировки «Введения в чин Архангела Михаила» можно экстраполировать и на другие рассматриваемые апокрифы, приписываемые апостолам и, как говорилось, предшествующие по времени создания псевдопатристическим сочинениям в виде проповеди («Об Иоанне Крестителе»). Так, предполагаемый *terminus post quem non* для этих текстов — VII в. Вместе с тем, учитывая упомянутые Иоанном из Паралоса широкие масштабы распространения нежелательных, по его мнению, произведений,

можно де-факто говорить о довольно длительной традиции создания, бытования и укоренения этих и схожих апокрифов в церковной среде христианского Египта, что, очевидно, длилось не одно столетие.

Заключение

В итоге была проведена попытка пересмотреть предложенный А. Сучиу *terminus post quem* для ряда произведений из обширного корпуса текстов, именуемых «псевдоапостольскими воспоминаниями». Попытку исследователя соотнести указания на «царственность» Христа в Апокрифе из Берлина и Страсбурга и связанное с ним христологическое толкование на Пс 71: 1 с представлениями о единой природе Спасителя⁵² и, соответственно, миафизитской доктриной можно подвергнуть определенной критике. Более того, в рассматриваемых произведениях, в частности в Апокрифе из Берлина и Страсбурга, всесторонне изученного А. Сучиу, отсутствуют какие-либо прямые отсылки к миафизитской христологии, на основании чего можно было бы утверждать, что эти тексты были созданы однозначно после Халкидонского собора 451 г. Вместе с тем в источниках, составляющих основу настоящего исследования и образующих единую группу с учетом специфики представленной в них темы, можно обратить внимание на богословские положения, актуальные для более раннего периода церковных споров. Рассмотрение чрезвычайно важного вопроса времени создания произведений будет способствовать пониманию историко-религиозного контекста изучаемых текстов и их значения для духовной жизни Коптской Церкви.

¹ Tabor J. D. Heaven, Ascent to // The Anchor Bible Dictionary / D. N. Freedman. New York, 1992. Vol. III. P. 91.

² Подробнее об этом см.: Nickelsburg G. W. E. Jewish Literature between the Bible and the Mishnah: A Historical and Literary Introduction. Minneapolis, 2005. P. 43–53.

³ Важное открытие, связанное с обнаружением и введением в научный оборот фрагментов Второй книги Еноха на коптском языке, было сделано Й. Л. Хагеном: Hagen J. L. No Longer “Slavonic” Only: 2 Enoch Attested in Coptic // New Perspectives on 2 Enoch: No Longer Slavonic Only / A. A. Orlov, G. Voccaccini, J. M. Zurawski. Leiden; Boston, 2012. P. 7–34.

⁴ «Введения в чин» Архангелов Михаила и Гавриила — М593 (892/893 г.); «Тайны апостола Иоанна» — BL Or. 7026 (1005 г.); «Об Иоанне Крестителе» — BL Or. 7024 (987 г.). Четыре версии текста «О Воскресении», ни одна из которых не сохранилась полностью, датируются временем не ранее X в.: Suci A. The Recovery of the Lost Fragment Preserving the Title of the Coptic Book of Bartholomew. Edition and Translation of Cornell University Library, Misc. Bd. Ms. 682 // Apocrypha. International Journal of Apocryphal Literatures. 2015. Vol. 26. P. 244. Для фрагментов Апокрифа из Берлина и Страсбурга датировка,

основанная на данных палеографии и внешних особенностях двух рукописей, варьируется: P. Berol. 22220, кон. VII — нач. VIII в.; Strasbourg Copte 5–7, V–VI вв. (*Suciu A.* Apocryphon Berolinense / Argentoratense (Previously Known as the Gospel of the Savior). Reedition of P. Berol. 22220, Strasbourg Copte 5–7 and Qasr el-Wizz Codex ff. 12v–17r with Introduction and Commentary: PhD thesis. Québec, 2013. P. 18–19, 29–30. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=9342ab38f8dce5dc4e3988d2c9c1b9d0d28bb893> (дата обращения 23.11.2023).

⁵ *Orlandi T.* Coptic Literature // The Roots of Egyptian Christianity / B. A. Pierson, J. E. Goehring. Philadelphia, 1986. P. 80; *Emmel S.* Coptic Literature in the Byzantine and Early Islamic World // Egypt in the Byzantine World, 300–700 / R. S. Bagnall. Cambridge, 2007. P. 83–84.

⁶ *Orlandi T.* Gli apocriphi copti // Augustinianum. 1983. Vol. 23. P. 57–71.

⁷ Ссылки на публикации приводит А. Сучиу: *Suciu A.* Apocryphon Berolinense / Argentoratense (Previously Known as the Gospel of the Savior). P. 71.

⁸ *Ibid.* P. 71.

⁹ *Ibid.* P. 4–5, 72–73.

¹⁰ *Hagen J. L.* Ein anderer Kontext für die Berliner und Straßburger „Evangelienfragmente“. Das „Evangelium des Erlösers“ und andere „Apostel­evangelien“ in der koptischen Literatur // Jesus in apokryphen Evangelienüberlieferungen / J. Frey, J. Schröter. Tübingen, 2010. S. 348–350.

¹¹ *Suciu A.* Apocryphon Berolinense / Argentoratense (Previously Known as the Gospel of the Savior). P. 76–78.

¹² *Ibid.* P. 38–39.

¹³ Краткая версия этого гимна представлена во фрагментах кодекса Каср эль-Визз. Ср. «Гимн Христа» в «Деяниях Иоанна» (Acta Johannis) — входит в раздел 87–105, происходящий, по мнению многих исследователей, из другого источника (*Elliott J. K.* The Apocryphal New Testament: A Collection of Apocryphal Christian Literature in an English Translation. Oxford, 1993. P. 303–310, 316–322).

¹⁴ *Nagel P.* »Gespräche Jesu mit seinen Jüngern von der Auferstehung« — zur Herkunft und Datierung des »Unbekannten Berliner Evangeliums« // Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft. 2003. Bd. 94. S. 240–243.

¹⁵ *Johnson D. W.* Anti-Chalcedonian Polemics in Coptic Texts, 451–641 // The Roots of Egyptian Christianity / B. A. Pearson, J. E. Goehring. Philadelphia, 1986. P. 220–225.

¹⁶ *Nagel P.* »Gespräche Jesu mit seinen Jüngern von der Auferstehung«. S. 242.

¹⁷ *Kuhn K. H.* Shenute, Saint // The Coptic Encyclopedia / A. S. Atiya. New York; Toronto, 1991. Vol. VII. P. 2131b–2132a.

¹⁸ *Ibid.* P. 2132a, b.

¹⁹ *Suciu A.* Apocryphon Berolinense / Argentoratense (Previously Known as the Gospel of the Savior). P. 121–123.

²⁰ *Denzinger H., Hoping H., Hünermann P.* Kompendium der Glaubensbekenntnisse und kirchlichen Lehrentscheidungen / 42. Auflage. Freiburg; Basel; Wien, 2009. S. 174–175. § 301–302.

²¹ *Suciu A.* Apocryphon Berolinense / Argentoratense (Previously Known as the Gospel of the Savior). P. 123. Эта фраза взята, вероятно, из позднего списка на бохайрском (Vat. copt. 66, 11), который, как и многие рукописи с рассматриваемыми произведениями, относится к IX–XI вв.: **ⲛⲟⲟⲕ ⲡⲉ ⲛⲥⲟⲩⲥ ⲡⲣⲓⲥⲧⲟⲥ ⲡⲞⲩⲣⲓ ⲛⲉⲩⲛⲟⲩⲧ ⲕⲉⲛ ⲟⲩⲙⲉⲛⲛⲓ ⲟⲩⲟⲔ ⲡⲞⲩⲣⲓ ⲛⲉⲩⲛⲟⲩⲧ ⲉⲩⲥⲟⲩⲡ** (*Lagarde P., de.* Aegyptiaca. Göttingen, 1883. P. 18).

²² По сути, особенность заключается в том, как понимается понятие «природа» и соотношение божественного и человеческого: миафизитская доктрина не допускает какой-либо автономии и спонтанности в проявлении человеческой природы Христа (*Price R., Gaddis M.* The Acts of the Council of Chalcedon. Liverpool, 2005. Vol. III. P. 208–209).

²³ См. Защищение «12 глав» против восточных епископов; «О правой вере к царевнам»; Послания к Суккенсу, епископу Диокесарийскому (Ер. 45, 46): АСО I, 1, 5–7. В первых двух работах при упоминании фразы о «единой природе...» Кирилл Александрийский ссылается на Афанасия Великого, в частности на приписываемое ему «Слово о воплощении», что, как известно, является аполинарианским подлогом.

- ²⁴ Так называемая умеренная кириллианская христология согласуется с Халкидонским оросом (*Price R., Gaddis M.* The Acts of the Council of Chalcedon. Vol. I. P. 64–71, 74).
- ²⁵ *Quasten J.* Patrology. Vol. III: The Golden Age of Greek Patristic Literature from the Council of Nicaea to the Council of Chalcedon. Westminster, 1986. P. 139–140.
- ²⁶ *Price R., Gaddis M.* The Acts of the Council of Chalcedon. Vol. I. P. 60–62.
- ²⁷ Данная формулировка и дополнительное пояснение о двух природах появились в заключительной редакции ороса по настоянию представителей императора Маркиана и папских легатов, стремившихся избежать двусмысленности при утверждении о двух естествах во Христе (*Price R., Gaddis M.* The Acts of the Council of Chalcedon. Vol. I. P. 46–47, 69, 74; Vol. II. P. 188–190).
- ²⁸ *Suciu A.* Apocryphon Berolinense / Argentoratense (Previously Known as the Gospel of the Savior). P. 123–125.
- ²⁹ *Ibid.* P. 126–127.
- ³⁰ *Ibid.* P. 128–129.
- ³¹ *Ibid.* P. 127, 209.
- ³² *Martinez D. G.* The Papyri and Early Christianity // The Oxford Handbook of Papyrology / R. S. Bagnall. Oxford, 2009. P. 599.
- ³³ *Dial.* 34, цит. по: Св. Иустин, Философ и мученик. Творения / репр. изд. 1892 г.; пер. прот. П. Преображенского. М., 1995. С. 184–186.
- ³⁴ См.: *Dekker R.* Episcopal Networks and Authority in Late Antique Egypt: Bishops of the Theban Region at Work: PhD thesis. Leiden, 2017. P. 76. URL: <http://hdl.handle.net/1887/58727> (дата обращения: 23.11.2023); *Denzinger H., Hoping H., Hünermann P.* Kompendium der Glaubensbekenntnisse und kirchlichen Lehrentscheidungen. S. 173–175. § 300–303.
- ³⁵ *Suciu A.* Apocryphon Berolinense / Argentoratense (Previously Known as the Gospel of the Savior). P. 182–183.
- ³⁶ Исключение составляет Апокриф из Берлина и Страсбурга, где нет упоминания о Троице: в тексте фигурируют только Бог Отец и Сын.
- ³⁷ *Саввин А. В.* Богословские проблемы II Вселенского собора Константинопольского // Вестник АГТУ. 2006. № 5 (34). С. 26–27.
- ³⁸ Богослов с негодованием отмечает, как простые обыватели активно обсуждали арианские идеи, в сути которых они были малосведущими: «Ты спросишь об оволах, а он любомудрствует тебе о Рожденном и Нерожденном. Хочешь узнать о цене хлеба, а он отвечает тебе, что Отец больше, а Сын у Него под рукою; если скажешь, что пригодна баня, решительно говорит, что Сын из ничего. Не знаю, как надлежит назвать это зло, бредом или сумасшествием и такой повальной болезнью, которая производит помешательство в рассудке» («Слово о Божестве Сына и Духа и похвала праведному Аврааму», цит. по: Творения святого Григория Нисского. Ч. 4. М., 1862. С. 377). При этом следует отметить, что арианская доктрина давала рационалистически более простое объяснение отношений между Богом Отцом и Сыном и их сущностных характеристик, что привлекало многих к этому еретическому учению (*Quasten J.* Patrology. Vol. III. P. 8).
- ³⁹ Действие «Введения в чин Архангела Михаила» разворачивается до момента Вознесения Спасителя, которое совершается лишь в конце «Введения в чин Архангела Гавриила».
- ⁴⁰ *Kalchenko E. S.* “Mysteries of John, the Apostle and Holy Virgin”: Reflection of Ancient Traditions in the Coptic Narrative // Vestnik drevnei istorii. 2021. Т. 81, no. 4. P. 915–920.
- ⁴¹ *Lundhaug H.* The Fluid Transmission of Apocrypha in Egyptian Monasteries // Coptic Literature in Context (4th–13th cent.): Cultural Landscape, Literary Production, and Manuscript Archaeology: Proceedings of the Third Conference of the ERC Project “Tracking Papyrus and Parchment Paths: An Archaeological Atlas of Coptic Literature: Literary Texts in their Geographical Context” (‘PAThs’) / P. Buzi. Rome, 2020. P. 216, 219.
- ⁴² Последовательно рассматриваются следующие эпизоды: наречение имени отцом Крестителя Захарией (Лк 1: 63); история на пире Ирода и казнь Иоанна (Мф 14: 6–12; Мк 6: 21–30); последующее удаление Христа в пустыню, где совершается чудо умножения хлебов и рыбы (Мф 14: 13–21); вопрошание Крестителя об Иисусе Христе и ответ Христа (Мф 11:

- 3–6; Лк 7: 19–20, 22–23); обращение Христа к народу (Мф 11: 7–11; Лк 7: 24–28); рождение Иисуса Христа и бегство Святого Семейства в Египет (Мф 2: 1, 13, 14). Последующий фрагмент о бегстве Елисаветы с маленьким Иоанном в пустыню от преследования Ирода и о пребывании там в скальном убежище согласуется с апокрифическим преданием, изложенным в Протоевангелии Иакова (глава 22: *Elliott J. K. The Apocryphal New Testament*. P. 65–66), а также с литургической традицией Коптской Церкви в целом: в составленном позднее копто-арабском Синаксаре (XIII–XIV вв.) говорится о том, как ангел уносит маленького Иоанна в пустыню, скрывая от воинов Ирода (*Forget J. Synaxarium Alexandrinum. Pars posterior*. Louvain, 1926 (*Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*; vol. 90). P. 195).
- ⁴³ Перевод этого текста на русский язык был выполнен Е. Б. Смагиной: [*Смагина Е. Б.*] Похвальное слово Аббатону, ангелу смерти (перевод с коптского и комментарии) // *Ориенталистика*. 2019. Т. 2, № 4. С. 1038–1060.
- ⁴⁴ *Budge E. A. W. Coptic Matrydoms etc. in the Dialect of Upper Egypt*. London, 1914. P. 226, 475; [*Смагина Е. Б.*] Похвальное слово Аббатону, ангелу смерти. С. 1040.
- ⁴⁵ *Lundhaug H. The Fluid Transmission of Apocrypha in Egyptian Monasteries*. P. 219.
- ⁴⁶ Копт. *παρραλιος*, араб. Эль-Буруллу: *Timm S. Das Christlich-Koptische Ägypten in Arabischer Zeit. Eine Sammlung Christlicher Stätten in Ägypten in Arabischer Zeit, unter Ausschluss von Alexandria, Kairo, des Apa-Mena-Klosters (Dēr Abū Mīna), der Skētis (Wādi N-Naṭrūn) und der Sinai-Region. Teil 1 (A–C)*. Wiesbaden, 1984. S. 450–455.
- ⁴⁷ *Bull C. H., Jenott L. John of Parallos, Homily Against Heretical Books: An Introduction and Translation // New Testament Apocrypha: More Noncanonical Scriptures / T. Burke. Grand Rapids, 2020. Vol. 2. P. 553.*
- ⁴⁸ *Ibid.* P. 553.
- ⁴⁹ *Lundhaug H. The Fluid Transmission of Apocrypha in Egyptian Monasteries*. P. 213–214.
- ⁵⁰ *Ibid.* P. 214.
- ⁵¹ *Müller C. D. G. John of Parallos, Saint // The Coptic Encyclopedia / A. S. Atiya. New York; Toronto, 1991. Vol. V. P. 1368a.*
- ⁵² *Suciu A. Apocryphon Berolinense / Argentoratense (Previously Known as the Gospel of the Savior)*. P. 123–127.

References

- ACO — *Acta Conciliorum Oecumenicorum* / E. Schwartz, J. Straub. Strassburg, Berlin, Leipzig, 1914–1984. T. I–IV.
- BUDGE E. A. W. *Coptic Matrydoms etc. in the Dialect of Upper Egypt*. London, 1914.
- BULL C. H., JENOTT L. *John of Parallos, Homily Against Heretical Books: An Introduction and Translation // New Testament Apocrypha: More Noncanonical Scriptures / T. Burke. Grand Rapids MI, 2020. Vol. 2. P. 553–558.*
- DEKKER R. *Episcopal Networks and Authority in Late Antique Egypt: Bishops of the Theban Region at Work*: PhD thesis. Leiden, 2017. URL: <http://hdl.handle.net/1887/58727> (date of access 23.11.2023).
- DENZINGER H., HOPING H., HÜNERMANN P. *Kompendium der Glaubensbekenntnisse und kirchlichen Lehrentscheidungen* / 42. Auflage. Freiburg; Basel; Wien, 2009.
- ELLIOTT J. K. *The Apocryphal New Testament: A Collection of Apocryphal Christian Literature in an English Translation*. Oxford, 1993.
- EMMEL S. *Coptic Literature in the Byzantine and Early Islamic World // Egypt in the Byzantine World, 300–700 / R. S. Bagnall*. Cambridge, 2007. P. 83–102.
- FORGET J. *Synaxarium Alexandrinum. Pars posterior*. Louvain, 1926. (*Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*; vol. 90).
- HAGEN J. L. *Ein anderer Kontext für die Berliner und Straßburger „Evangelienfragmente“. Das „Evangelium des Erlösers“ und andere „Apostelevangelen“ in der koptischen Literatur // Jesus in apokryphen Evangelienüberlieferungen / J. Frey, J. Schröter. Tübingen, 2010. S. 339–371.*

- HAGEN J. L. *No Longer "Slavonic" Only: 2 Enoch Attested in Coptic* // *New Perspectives on 2 Enoch: No Longer Slavonic Only* / A. A. Orlov, G. Boccaccini, J. M. Zurawski. Leiden; Boston, 2012. P. 7–34.
- JOHNSON D. W. *Anti-Chalcedonian Polemics in Coptic Texts, 451–641* // *The Roots of Egyptian Christianity* / B. A. Pearson, J. E. Goehring. Philadelphia, 1986. P. 216–234.
- KALCHENKO E. S. "Mysteries of John, the Apostle and Holy Virgin": *Reflection of Ancient Traditions in the Coptic Narrative* // *Vestnik drevnei istorii*. 2021. T. 81, no. 4. P. 914–921.
- KUHN K. H. *Shenute, Saint* // *The Coptic Encyclopedia* / A. S. Atiya. New York; Toronto, 1991. Vol. VII. P. 2131a–2133b.
- LAGARDE P., de. *Aegyptiaca*. Göttingen, 1883.
- LUNDHAUG H. *The Fluid Transmission of Apocrypha in Egyptian Monasteries* // *Coptic Literature in Context (4th–13th cent.): Cultural Landscape, Literary Production, and Manuscript Archaeology: Proceedings of the Third Conference of the ERC Project "Tracking Papyrus and Parchment Paths: An Archaeological Atlas of Coptic Literature. Literary Texts in their Geographical Context ('PATHs')"* / P. Buzi. Rome, 2020. P. 213–227.
- MARTINEZ D. G. *The Papyri and Early Christianity* // *The Oxford Handbook of Papyrology* / R. S. Bag-nall. Oxford, 2009. P. 590–622.
- MÜLLER C. D. G. *John of Parallos, Saint* // *The Coptic Encyclopedia* / A. S. Atiya. New York; Toronto, 1991. Vol. V. P. 1367b–1368b.
- NAGEL P. »Gespräche Jesu mit seinen Jüngern von der Auferstehung« – zur Herkunft und Datierung des »Unbekannten Berliner Evangeliums« // *Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft*. 2003. Bd. 94. S. 215–257.
- NICKELSBURG G. W. E. *Jewish Literature between the Bible and the Mishnah: A Historical and Literary Introduction*. Minneapolis, 2005.
- ORLANDI T. *Gli apocrifi copti* // *Augustinianum*. 1983. Vol. 23. P. 57–71.
- ORLANDI T. *Coptic Literature* // *The Roots of Egyptian Christianity* / B. A. Pierson, J. E. Goehring. Philadelphia, 1986. P. 51–81.
- PRICE R., GADDIS M. *The Acts of the Council of Chalcedon*. Liverpool, 2005. Vol. I–III.
- QUASTEN J. *Patrology*. Vol. III: *The Golden Age of Greek Patristic Literature from the Council of Nicaea to the Council of Chalcedon*. Westminster, 1986.
- SAVVIN A. V. *Bogoslovskie problemy II Vselenskogo sobora Konstantinopol'skogo* [Theological problems of the Second Ecumenical Council of Constantinople. In Russ.] // *Vestnik AGTU*. 2006. No. 5 (34). P. 24–33.
- SMAGINA E. B. *Pokhval'noe slovo Abbatonu, angelu smerti (pervod s koptskogo i kommentarii)* [A Eulogy to Abbaton, the Angel of Death (translation from Coptic language and comments). In Russ.] // *Orientalistica*. 2019. Vol. 2; no. 4. P. 1038–1060.
- SUCIU A. *Apocryphon Berolinense / Argentoratense (Previously Known as the Gospel of the Savior). Reedition of P. Berol. 22220, Strasbourg Copte 5–7 and Qasr el-Wizz Codex ff. 12v–17r with Introduction and Commentary*. PhD thesis. Québec, 2013. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=9342ab38f8dce5dc4e3988d2c9c1b9d0d28bb893> (date of access 23.11.2023).
- SUCIU A. *The Recovery of the Lost Fragment Preserving the Title of the Coptic Book of Bartholomew. Edition and Translation of Cornell University Library, Misc. Bd. Ms. 682* // *Apocrypha*. International Journal of Apocryphal Literatures. 2015. Vol. 26. P. 239–259.
- Sv. Iustin, Filosof i muchenik. Tvoreniiia* [St. Justin, the Philosopher and Martyr. The Works. In Russ.] / repr. izd. 1892 g.; per. prot. P. Preobrazhenskogo [reprinted edition of the year 1892; transl. by P. Preobrazhenskii]. Moscow, 1995.
- TABOR J. D. *Heaven, Ascent to* // *The Anchor Bible Dictionary* / D. N. Freedman. New York, 1992. Vol. III. P. 91–94.
- TIMM S. *Das Christlich-Koptische Ägypten in Arabischer Zeit. Eine Sammlung Christlicher Stätten in Ägypten in Arabischer Zeit, unter Ausschluss von Alexandria, Kairo, des Apa-Mena-Klosters (Dēr Abū Mina), der Skētis (Wādī N-Napriān) und der Sinai-Region. Teil 1 (A–C)*. Wiesbaden, 1984.
- Tvoreniiia sviatogo Grigoriiia Nisskogo* [The Works of St. Gregory of Nyssa. In Russ.]. Part 4. Moscow, 1862.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Е. С. Кальченко. К вопросу о времени появления коптских апокрифов с темой небесного восхождения и открытия божественных тайн: проблемы и новые наблюдения // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 198–211

Аннотация: В последние десятилетия наблюдается рост интереса к апокрифическим текстам на коптском языке, которые включают так называемые «псевдоапостольские воспоминания» — псевдоэпиграфические сочинения, повествующие об апостолах и приписываемые им. Среди них, в свою очередь, можно выделить группу текстов, где отразилась тема небесного восхождения и открытия божественных тайн: «Тайны Иоанна, апостола и святого девственника», «Введение в чин Архангела Михаила» и «Введение в чин Архангела Гавриила», Апокриф из Берлина и Страсбурга, «Об Иоанне Крестителе» и «О Воскресении». Все наиболее полные версии этих произведений дошли до настоящего времени в поздних списках IX–XI вв. (датировка фрагментов двух рукописей из Берлина и Страсбурга варьируется на основании данных палеографии и кодикологии: конец VII — начало VIII в. и V–VI вв. соответственно). Среди актуальных исследований по теме весьма заметное место занимает диссертация (и впоследствии монография) А. Сучиу ‘Apocryphon Berolinense / Argentoratense (Previously Known as the Gospel of the Savior)’. В ней автор подробно изучил один из текстов, Апокриф из Берлина и Страсбурга (*Apocryphon Berolinense / Argentoratense*), и предложил отнести его появление ко времени после Халкидонского собора 451 г. Выдвигаемая им гипотеза, согласно которой отсылку в тексте к «царственности» Спасителя и связанное с этим христологическое толкование Пс 71: 1 можно расценивать как указание на миафизитскую доктрину, нуждается в более детальном рассмотрении. В статье предлагается критический взгляд на доводы, приводимые А. Сучиу, и предпринимается попытка предложить новую точку зрения на проблему с учетом свидетельств и источников, освещающих определенные вехи истории раннего христианства.

Ключевые слова: коптские апокрифы, раннее христианство, «псевдоапостольские воспоминания», тринитарные и христологические споры, Халкидонский собор, тема небесного восхождения и открытия божественных тайн.

FOR CITATION

E. S. Kalchenko. Towards the question on the time of appearance of Coptic apocrypha with the theme of heavenly ascent and revelation of divine mysteries: problems and new observations // Petersburg historical journal, no. 3, 2024, pp. 198–211

Abstract: In recent decades, there has been a notable interest in apocryphal texts in Coptic, including the so-called “pseudo-apostolic memoirs”. These are pseudepigraphic works narrating about the apostles and attributed to them. Among these works the following group of texts dealing with the theme of heavenly ascent and divine mysteries can be distinguished: the ‘Mysteries of John, the Apostle and Holy Virgin’, the ‘Investiture of the Archangel Michael’, the ‘Investiture of the Archangel Gabriel’, the Apocryphon from Berlin and Strasbourg (Apocryphon Berolinense / Argentoratense), ‘On John the Baptist’ and ‘On the Resurrection’ (the Book of Bartholomew). The most complete versions of the texts have survived in the late copies of the 9th–11th centuries. The dating of the fragments of two manuscripts from Berlin and Strasbourg is based on palaeography and codicology and thus varies: approximately the end of the 7th to the beginning of the 8th century and the 5th–6th centuries, respectively. One of the most significant studies on the subject is the PhD thesis (subsequently published as a monograph) by Alin Suciuc, entitled “Apocryphon Berolinense / Argentoratense (Previously Known as the Gospel of the Savior)”. In this work, the scholar conducted a detailed research of one of the texts, the Apocryphon Berolinense / Argentoratense, and argued that it could have been composed after the Council of Chalcedon, which was convened in 451. Yet, his hypothesis, according to which the reference in the text to the “kingship” of the Saviour and the related Christological interpretation of Ps. 71. 1 can be regarded as an indication of the miaphysite doctrine, needs to be examined in more detail. The author of this article presents a critical analysis of the arguments put forth by A. Suciuc and offers a new perspective on the issue, considering the evidence and sources that illuminate pivotal moments in the history of Early Christianity.

Key words: Coptic apocrypha, Early Christianity, *pseudo-apostolic memoirs*, Trinitarian and Christological debates, the Council of Chalcedon, theme of heavenly ascent and revelation of divine mysteries.

Автор: **Кальченко, Евгения Сергеевна** — младший научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Kalchenko, Evgenia** — junior research fellow at the Oriental Department of the State Hermitage Museum (St. Petersburg, Russia).

E-mail: evg.kalchenko@mail.ru

ORCID 0000-0003-1100-6590

И. В. Михайлов

Подтверждение версии конфиденциальной тезаврации сокровищ Иерусалимского храма в сопоставлении текста мишнайтот из «Emeq HaMelekh» и текста кумранского манускрипта 3Q15

Версия тезаврации реликвий Иерусалимского Храма получила вещественное подтверждение в 1953 г., когда в третьей пещере у Мертвого моря среди других кумранских манускриптов был найден манускрипт 3Q15. В научной литературе по кумранистике¹ он получил название «Медный Свиток»² (МС). Документ представляет собой ведомость предметов, очевидно, имеющих отношение к храмовому служению. Ведомость разбита на 12 колонок, в каждой из которых названы несколько предметов, всего 64. Г. Вермеш³ считает, что вес всех предметов составляет: золота — 1280 талантов⁴, серебра — 3282 талантов, или от 85 до 114 т серебра и от 33 до 44 т золота.

Помимо храмовой утвари и реликвий из драгоценных металлов в этой, по всей вероятности ревизионной, ведомости упомянуты золотые слитки, серебряные монеты в кувшинах, золотые и серебряные сосуды и другие ценные артефакты. Для сопоставления можно привести исторические данные по золотодобыче в некоторых странах. Например, Римская империя с 50 г. до н. э. до 500 г. н. э. добывала золота в среднем в год по 4,7 т. Российская империя за период с 1719 по 1917 г. добывала в среднем 9,6 т золота в год⁵. Несмотря на значительный вес упомянутых предметов, Иосиф Флавий

допускает возможность накопления в Иерусалимском Храме такого золото-серебряного запаса⁶.

По мнению Н. Голба⁷, перечисленные предметы могли принадлежать только Иерусалимскому храму. Во-первых, в тексте свитка 3Q15 описаны предметы, используемые только в храмовом служении (освященные сосуды и т.п.), во-вторых, во Втором храме в библейские времена действительно, по данным И. Флавия, было накоплено большое богатство от даров, десятины и пожертвований иудеев, живших как в Палестине, так и в диаспоре, за ее пределами.

Методы

На основании утверждений Н. Голба допустима версия происхождения всех свитков, найденных в пещерах Кумрана, и пергаментных рукописей и манускрипта на медном листе, не из района Кумрана, а из Иерусалима, подразумевая их общую принадлежность храмовому служению. Поместив МС в общем хранилище вместе с пергаментными свитками, которые по традиции при первых признаках потертости изымались из еженедельного чтения Торы при отправлении служения и складировались, исполнители тем самым применили метод взаимной верификации всего массива документов. Такой метод перекрестной верификации ветхозаветных документов или библейских текстов⁸ позволяет достаточно убедительно удостоверять подлинность исторических рукописей, их взаимную легитимацию. Кроме того, это еще и способ датировки единого массива артефактов. На основании метода перекрестной верификации 69 г. н.э. — наиболее поздний срок датирования всего массива кумранских манускриптов, в том числе и МС.

Археолог В. Джонс⁹, проводивший полевые изыскания по топонимам, указанным в МС, изучал также устные и письменные раввинские источники. Он считал, что эти сведения основаны на реальном факте утаивания важных реликвий Второго храма, подтверждая тем самым 69 г. н. э. как верхнюю границу датирования массива кумранских артефактов. С версией происхождения манускрипта 3Q15 не из Кумрана, а из Иерусалима согласен еще один исследователь Аркадий Лозовский¹⁰, предложивший свою версию реконструкции событий, связанных с перевозкой храмовых реликвий Второго храма в потаенное место для сохранения.

Следует отметить, что среди раввинов и талмудистов устная традиция имеет давнюю историю хранения, защиты, анализа и передачи информации, основанную на проверке и многократной перепроверке передаваемых сообщений. Поэтому сведения о спрятанных сокровищах Второго храма, транслируемые эстафетой поколений раввинов, скорее всего, реальны, и их можно рассматривать как еще один достоверный источник информации, заслуживающий внимания.

Помимо устной традиции в Мишне¹¹ собраны древние раввинские писания, в том числе в них входит Гемара, или «Краткое изложение». В одном из таких мишнаитских источников «Емеq НаМеlekh»¹² рассказывается о спрятанных

храмовых сокровищах, предположительно Первого храма. Этот письменный источник-книга был найден в 1992 г. раввином Рахнаэлем Штейнбергом и его учеником раввином Менделем Троппером. Книга написана раввином Нафтали бен Эльчананом Герцем и опубликована в Амстердаме, Голландия, в 1648 г. Рав Герц был признанным авторитетом, знатоком письменной и устной Торы. Его родословная происходила от знаменитого раввина Ари Бен Лурии, лидера раввинских мудрецов, из плеяды мудрецов Торы, таких как раввин Йосеф Каро, автор «Шулхан Арух»¹³. Раввин Нафтали Герц ссылаясь на Тосефту (дополнение) к Талмуду — неизвестные оригинальные документы, считавшиеся утраченными.

В книге рассказывается, что до завоевания Иерусалима и вавилонского плена пророк Иеремия спрятал сокровища Храма Соломона с помощью пяти хранителей храма¹⁴, примерно за десять лет до первого вторжения Навуходоносора. Во введении к этой книге Рабби Герц помещает записи, разбитые на двенадцать частей (так же как и двенадцать колонок текста МС), которые он называет «Мишнайт». В общем, и в мишнайт, и в колонках текста МС речь идет о спрятанных сокровищах, на чем было основано предположение об идентичности документов. Однако сравнение их текстов вызывает сомнение в таком допущении, поскольку двенадцать мишнайт из «Eneq HaMelekh» и двенадцать колонок текста 3Q15, имея некоторую общность в структуре строения, стилистически прямо противоположны. Текст мишнайт имеет все признаки литературного, в нем присутствуют эмоциональные вставки, призванные придать повествованию дополнительную значимость и правдивость описываемых событий, в то время как текст 3Q15 построен по образцу ревизионной ведомости или отчетного документа с однообразными трафаретными фразами-клише.

Следовательно, на основании сопоставления документов можно выдвинуть версию о преднамеренной, контрастной антитезе. Антитетическое восприятие текстов открывает новый регламент исследования текста 3Q15, рассматривая его с позиции парафраза, вариативного пересказа двенадцати мишнайт. Собственно, несмотря на лексико-стилистическую противоположность документов, нельзя не заметить их глубокую взаимосвязь, даже более того, эстафету преемственности, особенно учитывая пророчески тождественный событийный ряд катастроф Первого и Второго храма, разрушенных в разные исторические эпохи, но в один и тот же день — 9 Ава¹⁵.

В катастрофических событиях авторы-составители МС смогли усмотреть некое диалектическое развитие: теза — антитеза — синтез. Нетрудно видеть, что в их понимании синтез подводит к более методичной и продуманной стратегии деятельности накануне катастрофы Второго храма. В результате появилась доработанная, модернизированная версия текста МС (антитеза мишнайт). Кроме непосредственно текста МС и защиты информации, содержащейся в нем, большое внимание было уделено самому манускрипту, а именно технологии его изготовления и консервации.

Стратегия всей операции по спасению храмовых реликвий некоей группой храмовых служителей незадолго перед Великим восстанием 69–70 гг. н.э. также подверглась серьезным организационным изменениям из-за опасности быть разоблаченными римской администрацией или непосвященными храмовыми служителями или членами синедриона и, следовательно, — необходимости конспирации деятельности группы. Безусловно, строгий регламент конфиденциальности никоим образом не предусматривал отклонения от скрупулезно заданного прагматично-делового формата, не только при проведении работ, но и при подготовке текста МС, не допускавшей литературных вставок в текст. Именно этим объясняется нарочито казенно-канцелярский технический язык 3Q15. Другими словами, манускрипт 3Q15 появился не на пустом месте, а имеет предысторию, точнее, очень давнюю историю, начатую еще во времена Первого храма, которую авторы-составители МС глубоко переосмыслили. То есть двенадцать мишнайт — ключевые памятные заметки, подающие надежду подобрать ключи к тайне МС. Переосмысление коснулось не только текста МС (применен метод защиты информации о спрятанных реликвиях), но и подготовки самого свитка. В этом убеждает скрупулезность выполнения работ по защите свитка от преждевременного разрушения и обнаружения (наружный слой глины мог выполнять также и роль камуфляжного футляра).

Таким образом, следует признать, что авторы-составители МС были знакомы с текстом двенадцати мишнайт, а раввин Нафтали Герц, поместив их во введении своей книги, дал подсказку исследователям МС и заверил своим авторитетным именем подлинность устных сведений о спрятанных реликвиях. К этому стоит добавить, что сама по себе подсказка или намек — весьма характерная составная часть устной традиции — представлена в Писании в форме притчи.

Итак, подсказка раввина Нафтали Герца, помимо подтверждения подлинности сведений о спрятанных реликвиях, провоцирует постановку вопроса о местонахождении сохранных (спасенных) реликвий, указывает на необходимость разработки методики их поиска. Реликвии не только надо спрятать, но и оставить конфиденциальную информацию о месте их нахождения для посвященных поисковиков, это очевидно. Однако в мишнайт такие сведения отсутствуют, на что исподволь обращает внимание раввин Герц. Тем самым он намекает, дает понять, что это очевидное упущение было исправлено в более поздний период Второго храма.

Вообще притчевая форма иносказания предполагает последующий комментарий, который может быть дан спустя некоторое время, иногда долгое, и это еще один пласт в подсказке раввина Нафтали Герца. Тем самым он напоминает о многопластовой структуре передаваемой информации в устной раввинской традиции, заимствованной из Писания, текст которого имеет четырехслойное строение: простой смысл, иносказание (притчевая форма-намек), комментарий и тайна (приоткрываемая в комментарии).

В рамках такой логики мишнайт следует отнести к тексту с простым содержанием, или тезе, текст МС — к иносказанию в форме притчи, или антитезе, следовательно, должен быть и третий документ — комментарий, или синтез, открывающий тайну МС. Таким образом, текст МС принципиально отличается от текста мишнайт, так как он построен в форме иносказания, т. е. в нем применена защита информации и, может быть, форма шифрования.

Помимо главной цели — передачи эстафеты служения, обращает на себя внимание тот факт, что перспектива возобновления служения при Храме составителям и исполнителям текста МС представлялась явно далекой или очень далекой. В этом убеждает технология подготовки рулона свитка к долгому или даже к сверхдолгую хранению, рассчитанному на несколько столетий! Надо полагать, составители и исполнители манускрипта 3Q15 отнеслись со всей серьезностью к предсказанию Мессии Иисуса Христа о разрушении Второго Храма, тем более, что незадолго до Него разрушение Храма предсказал авторитетный законоучитель и член Синедриона Йоханан Бен Заккай¹⁶. Именно эти предсказания авторитетных людей своего времени убедили авторов и составителей манускрипта 3Q15 подготовить рукопись к сверхдолгую хранению. Иосиф из Аримафеи, так же как и его приятель и соратник Никодим¹⁷, или Накдимон — достойные претенденты на роль первых инициаторов и организаторов группы по спасению храмовых реликвий, поскольку они действительно были тайными учениками Мессии. Никодим, или Накдимон был, в свою очередь, близко знаком с Йохананом Бен Заккаем, который проводил свадебный обряд дочери Никодима. Тем самым круг возможных организаторов и идейных вдохновителей операции по спасению храмовых реликвий замкнулся. К этому стоит добавить, что именно Иосиф и Никодим забрали тело Мессии и похоронили по еврейскому обряду, рискуя не только своей репутацией, но и жизнью, поскольку участие в погребении и прикосновении к телу усопшего в субботные и праздничные дни каралось приговором Синедриона (побитием камнями до смерти). Их спасло заступничество высокопоставленного лица.

Иосиф из Аримафеи, как наиболее преданный и самоотверженный последователь и ученик Мессии, по всей вероятности, был лучше других осведомлен, как следует подготовить документ к длительному хранению, каким образом составить текст, чтобы он был нечитаем для расхитителей, но его могли бы дешифровать и правильно истолковать в будущем посвященные исследователи, а также он, совместно с единомышленниками, наметил и само место захоронения документа и его копии (Серебряного свитка). Именно этот Серебряный свиток и есть синтез (комментарий), ключ к нахождению подлинных реликвий Второго храма. В нем, очевидно, указаны точные топонимы спрятанных реликвий.

Итак, с полным правом подлежит констатации утверждение, что авторы-составители МС предприняли ряд мер для обеспечения нескольких уровней защиты манускрипта как от преждевременного разрушения, так и от несанкционированных, непосвященных поисковиков (расхитителей):

1. Использовали долговечный и удобный для чеканки материал — медь.
2. Чеканщикам был предоставлен нечитаемый вариант текста с обратным изображением букв (в зеркальном, отраженном виде) для выдавливания на медном листе выпуклого читаемого текста.
3. Чеканщики были отобраны из тех, кто не знал иврита, чтобы выдавленный (выпуклый) текст на обратной стороне листа не мог быть ими прочитан.
4. Использовали метод защиты медного листа глиной:
 - 4.1. С целью двухсторонней консервации медного листа слоем глины при сворачивании его в свиток (рулон) для предотвращения контакта свернутых смежных слоев друг с другом и меди с воздухом.
 - 4.2. С целью обеспечения визуальной защиты МС камуфляжным слоем глины, который придавал свитку вид комка грязи.
5. Мягкая глина, уложенная на выдавленный текст и плотно прижатая к нему, представляла практически вечную копию текста свитка в виде его точного оттиска и, в случае порчи, окисления со временем самого материала свитка меди, по оттиску текст мог бы быть в точности восстановлен.

В связи с неординарными мерами по защите МС, предпринятыми авторами-исполнителями, вполне логична гипотеза о защите самого текста МС с помощью шифра (использование секретных кодов или криптотекста). В этом случае полевые исследования топонимов МС должны быть предварены текстологическими исследованиями, поскольку руководствоваться списком топонимов первоначального текста МС нет никакого смысла. При этом критерием оптимизации исследований следует выбрать точность локации района поисков для установления местонахождения артефактов.

В наличии защиты информации в тексте 3Q15 убеждает также запись в основном тексте манускрипта, в двенадцатой колонке, в которой упоминается второй документ, называемый копией. В тексте сказано буквально следующее: «...копия этого документа с объяснением и своими измерениями, и опись каждой вещи, и др[угое]». В научной литературе по кумранистике эта копия МС получила название Серебряного свитка. Новое уточнение — переадресовка документов друг на друга представляет собой разновидность уже упоминаемого метода перекрестной взаимной верификации текстов с той разницей, что первоначальный текст, кроме перечня артефактов и ссылки на другой документ, никакой точной информации не несет. Однако местонахождение второго документа, несомненно, полностью зависит от специальной (скрытой) информации в первом документе.

Подобная логическая цепочка переадресации документов друг на друга вполне объяснима с точки зрения установления исторической правды, поскольку интерпретация находок зачастую зависит от научных предпочтений исследователей. Нахождение копии документа 3Q15 полностью подтвердит всю логическую цепочку подготовки документа авторами-исполнителями

и точную историческую датировку всего массива кумранских свитков периодом до 70 г. н. э., или периодом Второго храма.

Совокупность специфических особенностей исторического документа 3Q15 вкуче с установленными уровнями защиты как самого материального носителя информации — медного свитка, так и непосредственно текста 3Q15, а также идентификация подлинности и статуса манускрипта по двум найденным предметам¹⁸ удостоверяют со всей очевидностью хорошо организованную подготовительную работу. Несомненно, МС как исторический документ был подготовлен к длительному хранению и защищен от неблагоприятных условий внешней среды и от нежелательных непосвященных искателей исторических ценностей. Все это бесспорно свидетельствует о целенаправленной деятельности группы единомышленников, сплоченных благородной идеей спасения уникальных исторических реликвий и передачи священнической эстафеты новым поколениям посвященных служителей.

Выводы

1. Топонимы артефактов, упоминаемые в манускрипте 3Q15, нельзя считать достоверной информацией;
2. Перечень артефактов, приведенный в манускрипте 3Q15, следует принять за достоверную информацию, так как два найденных предмета из перечня артефактов можно рассматривать как вещественные улики достоверности перечня артефактов.
3. Точные топонимы артефактов манускрипта 3Q15 содержит второй документ, копия первого.
4. Текст 3Q15 содержит в зашифрованном виде только топонимы второго документа, поэтому местонахождение реликвий Второго храма можно узнать только после нахождения второго документа (Серебряного свитка).
5. Авторами-составителями 3Q15 применен метод взаимной перекрестной верификации библейских текстов, позволяющий удостоверить исторические документы.

¹ Кумраністика — научная дисциплина, исследующая древние рукописи, найденные в местности Хирбет-Кумран (сев. западное побережье Мертвого моря в Иудейской пустыне).

² מגילת הגושן — «Мегилат Га-Нехешет» — транслитерация (иврит).

³ Vermes G. The Complete Dead Sea Scrolls in English. Cambridge, 1998. P. 513.

⁴ Один библейский талант равен ок. 35 кг по древнееврейской мере веса и ок. 26 кг — по греческой мере веса.

⁵ Золото и технологии. 2013. № 2 (20), июнь. С. 106–124.

- ⁶ *Иосиф Флавий*. Иудейские древности. Кн. 14. 7: 2.
- ⁷ *Golb N. Who wrote the Dead Sea Scrolls?* New York, 1995.
- ⁸ *Михайлов И. В.* Скрытая авторификация отрывков текста Евангелия от Матфея гл. 1–2 // Проблемы науки: филология, культурология, искусствоведение: Материалы XXVII международной научно-практической конференции: Сборник статей. Ч. 3. М., 2019. С. 23–29.
- ⁹ *Robins G. Vendyl Jones and the Ark of Covenant* // Jewish Herald Voice Newspaper. 2000. May. URL: <https://rense.com/general2/ark.htm>
- ¹⁰ *Иеромонах Аркадий (В. В. Лозовский)*. Загадка «Медного свитка» (3Q15): теории и интерпретации // Скрижали. 2016. № 11. С. 123–133.
- ¹¹ *משנה*, — Мишна, — 1. Свод законов иудаизма, первый раздел Талмуда, 2. Учение, теория, система.
- ¹² «Эмек Ха Мелех» — транслитерация иврита; «Долина Короля» — перевод с иврита.
- ¹³ Иосеф бен Эфраим Кáро — испанский раввин, крупный авторитет и законоучитель XVI в., автор основополагающего кодекса предписаний «Шулхан арух» (ивр.: שולחן ארוך, букв.: «Накрытый стол»), в котором заключаются все правила повседневной жизни, которым еврей того времени должен был следовать в соответствии с религиозной практикой иудаизма.
- ¹⁴ *Пинсон Р. Д. Б., Герц Р. Н.* Мистические рассказы Эмека ХаМелеха. Иерусалим, 2015.
- ¹⁵ Конец июля — начало августа по григорианскому календарю.
- ¹⁶ Йоханан Бен Заккай — авторитетный законоучитель, занявший место главы Синедриона после разрушения Иерусалимского храма римлянами в 70 г. н.э. Он один из первых предсказал разрушение Храма за 40 лет до этого события, увидев, как многотонные ворота святилища открываются сами собой.
- ¹⁷ Мф 27: 57; Ин 3: 1.
- ¹⁸ В 1989 г. были обнаружены два предмета из перечисленных в МС сокровищ Храма — ладан и масло для помазания (в маленьких емкостях — кувшинчиках).

References

FLAVIY I. *Iudeiskie drevnosti* [The Jewish Antiquities. In Russ.]. T. 14. Ch. 7. Moscow. AST: Ladomir, 2002.

GOLB N. *Who wrote the Dead Sea Scrolls?* New York, 1995.

IEROMONAKH ARKADIY (V. V. LOZOVSKIY). *Zagadka "Mednogo svitka" (3Q15): teorii i interpretatsii*. [The riddle of the Copper scroll (3Q15): theories and interpretations. In Russ.] // Skrijgali. 2016. № 11. P. 123–133.

MIKHAYLOV I. V. *Skrytaya avtoverifikatsiya otryvkov teksta Evangeliya ot Matfeya gl. 1–2* [Covert auto-verification of Matthew chapter 1–2 passages. In Russ.] // Problemy nauki: filologiya, kulturologiya, iskusstvovedenie. Materialy XXVII megdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: Sbornik statey. Ch. 3. [Problems of science: philology, cultural studies, art criticism. Materials of the 27th international scientific and practical conference. Collection of articles. Part 3. In Russ.]. Moscow, 2019. P. 23–29.

PINSON R. D. B., GERTS R. N. *Misticheskie rasskazy Emeka KhaMelecha* [Mystic Tales from the Emek HaMelech]. Jerusalem: Iyyun Publishing, 2015.

ROBINS G. *Vendyl Jones and the Ark of Covenant* // Jewish Herald Voice Newspaper. 2000. May. URL: <https://rense.com/general2/ark.htm> (дата обращения: 13.09.2018).

VERMES G. *The Complete Dead Sea Scrolls in English*. Cambridge, 1998.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

И. В. Михайлов. Подтверждение версии конфиденциальной тезаврации сокровищ Иерусалимского храма в сопоставлении текста мишнайтот из «Емеq HaMelekh» и текста кумранского манускрипта 3Q15 // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 212–220

Аннотация: В статье сопоставлены тексты кумранского манускрипта 3Q15 и документа из введения к литературному произведению «Емеq HaMelekh» по методологическому принципу теза — антитеза и сделан вывод о наличии третьего документа — синтеза. В качестве документа синтеза предложен известный в литературе Серебряный свиток. Антитетическое рассмотрение текстов открывает новый регламент исследования документа 3Q15.

Ключевые слова: кумранские свитки, Танах, Первый храм, Второй храм, топонимы, палеография, артефакты, взаимная верификация исторических документов, антитетический текст, теза, антитеза, синтез.

FOR CITATION

I. V. Mikhaylov. Confidential thesaurus version justification the Jerusalem Temple treasures in comparison the text of the mishnayots from “Emeq HaMelekh” and the text of Qumran manuscript 3Q15 // Petersburg historical journal, no. 3, 2024, pp. 212–220

Abstract: The article compares the texts of the Qumran manuscript 3Q15 and the document from the introduction to the literary work “Emeq ha-Melekh” in accordance with the methodological principle of thesis-antithesis and reaches the conclusion that there is a third document of synthesis. The “Silver Scroll”, a well-known document in the existing literature, is put forth as a potential document of synthesis. An antithetical examination of the texts in question offers a new regulatory framework for the study of document 3Q15.

Key words: Qumran scrolls, Old Testament, Tanakh, The First Temple, The Second Temple, location, paleography, artifacts, mutual verification of historical documents, antithetical text, thesis, antithesis, synthesis.

Автор: **Михайлов, Игорь Валентинович** — заместитель директора по научно-исследовательским проектам в области истории и эко-социального моделирования, Московский центр непрерывного образования взрослых (Москва, Россия).

Author: **Mikhaylov, Igor Valentinovich** — Deputy Director for the history and eco-social modeling research projects, The Moscow Center for Continuing Adult Education (Moscow, Russia).

E-mail: tetraresh@mail.ru

И. Е. Барыкина

**Письма Н. П. Лихачева
к графу И. И. Толстому
из фонда Отдела рукописей
Российской национальной библиотеки**

Научная деятельность Н. П. Лихачева (1862–1936) и гр. И. И. Толстого (1858–1916) неоднократно становилась предметом исторических исследований и нашла отражение в биографических очерках. Не обошли вниманием историки и их взаимоотношения. Современники и признанные авторитеты в нумизматике, Н. П. Лихачев и И. И. Толстой были близко знакомы и вели переписку. Имя Н. П. Лихачева встречается в первой же записи в дневнике И. И. Толстого, который он начал вести 19 сентября 1906 г.: «Был в Публичной библиотеке, где виделся со Стасовым, Лихачевым и Кобеко»¹. После этого записи о встречах с Н. П. Лихачевым и обсуждении с ним вопросов нумизматики регулярно появляются на страницах дневника И. И. Толстого.

Переписка между ними завязалась в начале 1880-х гг. Шесть писем Н. П. Лихачева сохранилось в фонде И. И. Толстого в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ)². Вместе с письмами в архивном деле находятся четыре конверта, на которых указан адрес получателя (И. И. Толстого) — Захарьевская ул., д. 11. Только в первом письме от 7 января 1883 г. указано место отправления — Казань, и по штемпелю на конвертах можно установить, что еще четыре письма были также отправлены из Казани. Штемпель на конверте позволяет датировать письмо № 4.

Первое письмо из этой архивной коллекции было написано Н. П. Лихачевым 7 января 1883 г. Судя по нему, нумизматы уже состояли в переписке. В 1880 г. Н. П. Лихачев, окончив гимназию, поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. И. И. Толстой был старше его на четыре года и в это время уже заканчивал учебу на юридическом факультете Петербургского университета. Зимой 1881 г. он стал чиновником Министерства иностранных дел, а летом перешел в Министерство внутренних дел. В августе 1881 г. Толстой был направлен на службу в Переселенческую контору в г. Сызрань³. Даже в этой служебной поездке И. И. Толстой не прекращал занятия нумизматикой, встречаясь с местными коллекционерами. Будущая супруга, Людмила Платоновна Грязнова, писала ему 18 сентября 1881 г.: «...впрочем, это на тебя похоже — поехать за 1000 верст знакомиться с нумизматами»⁴.

Одновременно с этой служебной деятельностью И. И. Толстой подготовил к изданию свой первый научный труд «Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. Нумизматический опыт», увидевший свет в 1882 г. и сразу получивший высокую оценку в научных кругах. Так что молодой студент Н. П. Лихачев обращался к признанному ученому. В переписке речь шла об обмене монетами, причем предлагал их Н. П. Лихачев, спрашивая взамен совета по проблемам нумизматики и делаясь своими предположениями. В таком стиле написаны письма в 1883–1885 гг.

Письмо Н. П. Лихачева от 2 октября 1906 г. отличается от предыдущих, оно написано на плотной бумаге мелким почерком. В это время Н. П. Лихачев преподавал в Петербургском археологическом институте, так что, возможно, записка 2 октября 1906 г. была написана им в Петербурге. Он уже получил известность как ученый и общался с И. И. Толстым на равных. За полмесяца до этого письма И. И. Толстой начал вести дневник. Таким образом, письма Н. П. Лихачева дают возможность реконструировать взаимоотношения ученых в то время, когда они еще не были отмечены в дневнике И. И. Толстого.

Письма из фонда И. И. Толстого в РНБ привлекли внимание В. В. Гурулевой, подготовившей статью о научной деятельности Н. П. Лихачева как нумизмата для тома «Вспомогательных исторических дисциплин»⁵. В. В. Гурулева опубликовала одно из писем (20 ноября 1884 г.) и привела цитату из письма 2 октября 1906 г. На основании архивных документов из фондов Санкт-Петербургского филиала Российской академии наук (ф. 246) В. В. Гурулева уточнила детали переписки, касающиеся передачи Н. П. Лихачевым некоторых монет из своей коллекции И. И. Толстому⁶. Публикация всех имеющихся писем Н. П. Лихачева из фонда И. И. Толстого в ОР РНБ существенно расширяет результаты изысканий В. В. Гурулевой.

Приложение

№ 1

Н. П. Лихачев — И. И. Толстому
7 января 1883 г., из Казани в С.-Петербург

Ваше сиятельство, милостивый государь, Иван Иванович!

Реферат, курсовое студенческое сочинение, беспорядки и закрытие нашего Университета⁷, а затем болезнь — все соединилось, чтобы воспрепятствовать мне продолжить занятия нумизматикой. Только теперь могу известить Вас, Ваше Сиятельство, что высылаю 5 коп. 1839 г. СМ⁸ и ½ коп. 1822 ЕМФГ⁹, прося извинить меня за мое непростительно долгое молчание. Присоединяю и полушку 1719 года¹⁰ без букв (?) <sic!>, но она по дурной сохранности едва ли может иметь для Вас какое-либо значение, другой же — лучшей — увы! в моей коллекции не оказалось. Относительно остальных, помеченных в списке, монет — пока не могу сказать, но постараюсь расспросить казанских нумизматов. Полушку 1701 (αΨα)¹¹ года прошу Вас, Ваше сиятельство, передать Его Превосходительству Александру Адамовичу Фишеру¹², в коллекции которого ее не доставало, по крайней мере, в 1881 году, когда я имел честь с ним познакомиться в Воткинском заводе. (Должен и перед ним извиниться за дурную сохранность экземпляра, но «На нет», говорит пословица, «и суда нет».) Осмеливаюсь также предложить Вам полушку, αΨα года, к сожалению, опять-таки слабый экземпляр.

С совершеннейшим почтением и преданностью честь имею остаться всегда готовым к уступкам Николаем Лихачевым.

ОР РНБ. Ф. 781. Оп. 1. Д. 1029. Л. 1 — 1 об.
Автограф. Сохранился конверт^а. Л. 3.

№ 2

Н. П. Лихачев — И. И. Толстому
5 ноября 1883 г., из Казани в С.-Петербург

Ваше сиятельство, милостивый государь, Иван Иванович!

Несказанно тронуло меня Ваше внимание. Я старательно просмотрел почтенный труд Христиана Христиановича¹³ и, в мысли быть Вам чем-нибудь полезным, перебрал половину моей коллекции, но, увы! нашел, что крайне трудно служить для такой превосходной коллекции, как Ваша. Посылаю Вам полушку Петра I — 1711 года — год арабскими цифрами — и опасаясь, что у Вас таких уже не один экземпляр. Дело в том, что эта полушка типа с ВРП¹⁴

^а На конверте адрес: «В С. Петербург. Его Сиятельству графу Ивану Ивановичу Толстому. Захарьевская д. 11»; два почтовых штемпеля: «Казань. 8 янв 1883» и «С. Петербург. 13 янв 1883».

и, вероятно, не попала в таблицы Христиана Христиановича¹⁵, как монета с ошибочным годом.

Находка Петровских золотых¹⁶, о которых я в прошлом году писал Вам, конечно, не оправдалась.

Не хотите ли приобрести коллекцию русских монет, приблизительный список которой мне прислали из Нижнего Новгорода. Каталог составлялся не нумизматами по рисункам Лейпцигского издания Шуберга¹⁷ и потому не могу ручаться за его верность, а привожу в том виде, как получил (монеты все в отличном состоянии — по отзыву владельцев).

Золото^b:

- Петр I. 1) 1716. Дукат № 133.
 2) 1718. Дв. руб. № 136 (3 экз.) и 137–1 экз. = 4 экз.
 3) 1720. Дв. руб. № 140 (1 экз.), № 142 (2 экз.), № 143 (1 экз.)
 4) 1721. Дв. руб. № 144 (4 экз.)
 5) 1722. Дв. руб. № 145^a (1 экз.)
 6) 1723 ————— № 146 (2 экз.) № 147 (2 экз.)
 7) 1724 ————— № 148 (2 экз.)
 8) 1725 ————— № 149 (1 экз.)
 Екатер. I 9) 1726 Дв. руб. № 458 (1 экз.)
 Петр II 10) 1727 Дв. руб. № 519 (1 экз.). 1728 № 520 (1 экз.)
 Анна. Дукат — 1738 № 547 (1 экз.)
 Анны две медали (каких?) 1730 и 1739 г.
 Елиз. № 586 (1 экз.) № 599^a (1 экз.) № 611 (1 экз.) № 612 (1 экз.) № 613 (1 экз.)
 № 613^a (1 экз.) № 613^c (4 экз.) № 619 (2 экз.) № 619^b (2 экз.) № 619^c (2 экз.) № 620 (2 экз.)
 Екатер. II. № 721^a (1 экз.) № 721^d (1 экз.) № 724^c (1 экз.)
 № 725^c (1 экз.) № 731 (4 экз.) № 732 (2 экз.)
 Павла I
 № 831^b (1 экз.) № 832 (1 экз.) № 833 (1 экз.)

Серебро

- Рубли: №№ 171 (2), 153 (1), 161 (2), 164 (2), 154 (1), 165 (1), 170 (1), 174 (1),
 175 (5), 178 (4), 179 (6), 181 (2), 181 (1), 183 (2) — 1719 еще 2 к рис. не подошли.
 186 (1), 191 (5), 192 (1), 194 (4) — еще 9 — 1720 г. к рис. не подошли
 № 196 (4), 197 (6), 198 (3), 199 (2), 200 (2), 201 (2)
 и еще 2 ч б. К.¹⁸
 № 205 (3) № 209 (5) № 210 (1)
 № 212 (3) № 213 (2) № 215 (7)
 № 461 (1) № 462 (2) № 464 (1) № 465 (1) и 1725 еще 4 экз.
 № 461^a (1), № 461^t (1). № 468 (1) № 469 (3) № 470 (2)

^b Далее до конца списка монет все латинские буквенные индексы проставлены Н. П. Лихачевым (очевидно, по каталогу Ф. Ф. Шуберга), сохранены авторские знаки препинания и подчеркивания.

№ 471 (1) 472 (1) и еще 2 э. / № 476 (6) № 477 (1)
 № 524 (6) № 526 (1) № 525 (10) № 527 (1), 528 (3), 529 (6)
 № 550 (1) 555 (1), 557 (1) 574 (4) № 621 (2) № 625 (2) № 626 (3) и 1742 —
 ммд¹⁹ — 3 э.
 № 628 (2), 629 (1), 625^a (1), 625 (2), 625^c (2)
 628^a (1), 625^c (1) 628^d (1) 625^h (2) 628^g (1)
 625ⁱ (3), 625^m (3), 628^e (1) 628ⁿ (1) б 1725 еще 6 э.
 625^p (1) Под № 629 (1) и еще 1.
 625^q (1) № 630^a (1), 630^e (1) 630 (1) 630^f (1)
 630^t (1) 630^g (2), 630ⁿ (1) 631 (1) 632 (1)
 под 629 еще 1—1757 г.
 633^a (2) 1758 еще 1 633^t (1)? 633^f (1)
 633^g (1) 1761—1
 710 — (2), 711 (2), 838^l (1) Итого 222 руб?

Полтины

260 (1), 263 (1) 267 (1), 268 (2) 269 (2), 270 (1) 271 (1)
 и еще 1719 (2) № 272 (1) 274 (2) 275 (1), 276 (1) и 1720 еще 3.
 № 278 (2), 278^t (1) 278^c (1)
 № 282 (1) 282^a (3) 283 (2) 283^a (1) 284 (5) и еще 1724—1 э.
 № 285 (3) № 480 (1) 482 (1) 483 (3), 487 (1) 531 (1)
 № 532 (1) и еще 1727 1 || 534 (1)? 535 (1); 568^c (1)
 559 (4) 559^a (1) 560^a (2); 560 (1), 560^t (1) 560^c (1)
 № 561 (1) 562^a (1) 561^t (1) 561^c (1) 562^t (1)

Гривенники 565d (1) и 581s (1)

№ 578^a (1)

О цене — если пожелаете — справлюсь (одна из владелиц живет здесь), самые же монеты находятся у Павла Павловича Стеблова — инспектора Нижегородской гимназии²⁰.

Сообщите, пожалуйста, с какими буквами имеются в Вашей коллекции медные копейки Алексея Михайловича? У меня в руках несколько сот штук таких копеечек и этот вопрос меня интересует.

Вы, как первостепенный русский нумизмат, наверное, и знаток в библиографии русской нумизматической литературы — поэтому позвольте прибегнуть к Вашей опытности с двумя вопросами:

1) Имеете ли Вы сведения о таблицах монет коллекции нашего Казанского нумизмата Неплова, гравированных в Казани Леоном Калтмером? Это издание предупредило бы сочинение Черткова²¹, но не знаю, было ли выпущено в свет. Не случилось ли Вам видеть первой таблицы этих рисунков?

2) Попадается или нет в Петербурге и у кого из Ваших знакомых находится в руках — сочинение Френа: «Numo philacium Pototianum». Cas. 1813²².

Простите великодушно за мои надоедливые вопросы и примите уверения в совершенном почтении и преданности всегда готового к услугам Н. Лихачева.

*ОР РНБ. Ф. 781. Оп. 1. Д. 1029. Л. 4 – 6 об.
Автограф. Сохранился конверт^c. Л. 7.*

№ 3

Н. П. Лихачев — И. И. Толстому
20 ноября 1884 г., из Казани в С.-Петербург

Ваше сиятельство, милостивый государь, Иван Иванович!

С большим удовольствием получил я Ваш подарок и не знаю — за что это Вы меня благодарите. Не Вам меня, а мне Вас приходится благодарить за Вашу постоянную изысканную любезность. Меня очень порадовало Ваше громадное предприятие, первая часть которого выполнена с замечательным блеском²³. В котором-нибудь из следующих писем надеюсь написать к Вам относительно Новгородки²⁴, а пока, желая хоть чем-нибудь помочь Вам, спешу выслать Вам 14 неопределенных монет и 2 псковки²⁵ — все, что нашлось в настоящую минуту в моей маленькой коллекции по этому роду монет (я не могу пристально заняться нумизматикой, потому что в настоящее время занят приготовлением к магистерскому экзамену). Так как было бы совершенно непрактично увеличивать балласт Ваших дублетов, уничтожая без толку свою коллекцию, то я буду высылать Вам все, что мне покажется стоящим этого, с покорнейшей просьбой выбирать все нужное, а остальное отсылать обратно. Мне было бы очень приятно хоть пустым вариантом пополнить Вашу коллекцию. Посылаю Вам брошюрку с описанием Казанского клада 1878 года²⁶, где были и Новгородки. Надеюсь послать Вам и весь первый том «Известий»²⁷, которого по-видимому у Вас не имеется. Не могу выслать сейчас же, потому что он из продажи вышел, а у меня нет, кроме собственного.

В сентябре месяце я был в Петербурге и хотел лично поблагодарить Вас за любезное ко мне отношение, но стороной узнал, что Вы еще не приезжали из деревни и решил не тратить времени на пустую попытку.

С искренним уважением и преданностью честь имею остаться всегда готовым к услугам Н. Лихачевым.

*ОР РНБ. Ф. 781. Оп. 1. Д. 1029. Л. 8–9.
Автограф. Сохранился конверт с адресом и надписью: Заказное^d. Л. 10.*

^c На конверте адреса: на лицевой стороне «В С. Петербург. Его Сиятельству графу Ивану Ивановичу Толстому. Захарьевская д. 11»; на обратной стороне «Ник. Петр. Георги. ул. д. Лихачевых»; два почтовых штемпеля: «Казань. 5 ноя 1883» и «С. Петербург. 11 ноя 1883».

^d На конверте адрес: «В С. Петербург. Его Сиятельству графу Ивану Ивановичу Толстому. Захарьевская д. 11 (от Н. Лихачева из Казани)»; три почтовых штемпеля: «Казань. 22 ноя 1884», «Казань. 23 ноя 1884» и «С. Петербург. 28 ноя 1884». На обратной стороне две марки.

№ 4

Н. П. Лихачев — И. И. Толстому
23 января 1885 г., из Казани в С.-Петербурге^е

Ваше сиятельство! Милостивый государь, Иван Иванович!

Ваше письмо от 14го декабря 1884го г. застало меня в деревне, почему я и не мог отвечать Вам вовремя. Я был у Александра Титовича Соловьева²⁸, и он мне пояснил, что сочинение брата его Евпла Тит[овича] Сол[овьева] «Знаки собственности в России»²⁹ издано быть не может за малочисленностью подписчиков. Автор несколько лет уже хлопочет об издании, но никак это ему не удастся за неимением денежных средств. Алекс[андр] Титов[ич] предложил мне написать Вам (что я и исполняю по его просьбе^ф), что если бы Вам благоугодно было издать книгу на собственный Ваш кошт, то автор удовольствовался бы вознаграждением из 16 экзempl[яров] книги — 15^{ти} на простой бумаге и 1^м на наилучшей для поднесения Государю Императору, на что уже выхлопотано право. Я думаю, что Соловьевы могли бы выслать Вам рукопись труда на просмотр, хотя им обещано отпечатание юридической части сочинения в Учен[ых] Зап[исках] Каз[анского] Унив[ерситета]. Обещание и исполнение — между этим может пройти несколько лет. Записки (Известия) нашего Археолог[ического] Общества я Вам приобрету, так как успел найти и первую, вышедшую из продажи часть; вот их стоимость. Ч. I — 50 к.

Ч. II — 1 р.

Ч. III — 2 р. 50 к.

итого 4 р.

Из присланных Вами 12 р. удерживаю 4 — на покупку «Известий», а остальные восемь шесть имею возвратить при настоящем письме.

С совершенным почтением и преданностью остаюсь готовым к услугам Н. Лихачев

Р. S. У нас здесь держится упорный слух, что ко дню столетия Жалованной дворянской грамоты³⁰ все древнейшие не титулованные фамилии будут возведены одни в княжеское, другие в графское достоинство. Насколько это верно, и что говорят в Петербурге относительно того, чем будут руководствоваться при выборе? Мне, как человеку специально занимающемуся текстом древнейших разрядных, — последний вопрос очень интересен.

NL

ОР РНБ. Ф. 781. Оп. 1. Д. 1029. Л. 11 — 12 об.

Автограф. Сохранился конверт с адресом и надписью: Денежное. Со вложением 8 (восьми) рублей (от Н. Лихачева из Казани)^г. Л. 15.

^е Письмо датировано по почтовому штемпелю на конверте.

^ф Все подчеркивания в тексте письма сделаны Н. П. Лихачевым.

^г На конверте адрес: «В С. Петербург. Его Сиятельству графу Ивану Ивановичу Толстому. Захарьевская д. 11 (от Н. Лихачева из Казани)»; два почтовых штемпеля: «Казань. 23 янв 1885» и «С. Петербург. 28 янв 1885». На обратной стороне пять сургучных печатей.

№ 5

Н. П. Лихачев — И. И. Толстому

14 июня 1885 г., место отправления не указано — в С. Петербург

Ваше сиятельство, милостивый государь, Иван Иванович!

На днях имел я случай просмотреть коллекцию медных монет Дм. Ларича Образцова и нашел там копейку 1839 г. С. М. (стар. чек.), отмеченную Вами в списке — недостающих у Вас — монет. Хозяин монеты просил меня передать ее Вам, что я и исполняю при этом письме, прося извинения за дурную сохранность посылаемого экземпляра. Что делать! Чем богаты, тем и рады.

С чувством глубокого уважения остаюсь всегда готовым к услугам
Н. Лихачевым

ОР РНБ. Ф. 781. Оп. 1. Д. 1029. Л. 13. Автограф.

№ 6

Н. П. Лихачев — И. И. Толстому

2 октября 1906 г., в Санкт-Петербурге^h

Глубокоуважаемый граф Иван Иванович!

Позвольте подкрепить письмом вчерашнюю мою просьбу, на которую Вы ответили вчера же принципиальным согласием.

Намереваясь прочесть курсы лекций по византийской и русской сфрагистике, я нуждаюсь в следующих слепках с оригиналов Ваших собраний:

1) имеющейся у Вас золотой буллы, единственной в своем роде и старейшейⁱ из известных

2) с солида³¹ Артавазда³²

3) с солидов Никифора³³ и Ставракия³⁴

Можно предположить, что Артавазд чеканил и серебряную монету по образцу, установившемуся при предшественниках. Для моих целей очень важно, если бы отыскалась подобная монета. Нет ли у Вас в Вашем собрании, богатом, говорят, неизданными типами?³⁵

С истинным почтением и преданностью

Н. Лихачев

ОР РНБ. Ф. 781. Оп. 1. Д. 1029. Л. 16 – 16 об. Автограф.

¹ Толстой И. И. Дневник: в 2 т. Т. I. 1906–1909. СПб., 2010. С. 43.

² ОР РНБ. Ф. 781. Оп. 1. Д. 1029.

³ Барыкина И. Е. 1) Дневник графа И. И. Толстого. 11–31 августа 1881 г. // Исторический архив. 2020. № 5. С. 180–197; 2) Деятельность Переселенческой конторы в Сызрани в августе — декабре 1881 г. (по материалам фонда гр. И. И. Толстого в ОР РНБ) // Вопросы истории. 2020. № 8. С. 37–51.

⁴ ОР РНБ. Ф. 781. Оп. 1. Д. 1312. Л. 27.

^h Место отправления письма установлено предположительно.

ⁱ Подчеркнуто Н. П. Лихачевым.

- ⁵ *Гурулева В. В.* Нумизматика в жизни и трудах Н. П. Лихачева // *Вспомогательные исторические дисциплины.* 1998. Т. 26. С. 19–38.
- ⁶ Там же. С. 25, 32.
- ⁷ Казань являлась крупным центром студенческих волнений в конце XIX в. Сходка студентов в Казанском университете 30 октября (11 ноября) 1882 г. была подавлена полицией. В результате студенты прекратили занятия и подали петицию о защите своих прав. Дело получило огласку и попало на страницы столичной печати. Из университета были исключены около тридцати студентов. Также проректор и попечитель учебного округа были вынуждены уйти в отставку.
- ⁸ Медная монета, выпускавшаяся с 1830 по 1839 г. На аверсе монеты изображен герб Российской империи, несколько отличающийся от герба образца 1825 г. Изображен двуглавый орел с расставленными в стороны крыльями, коронованный двумя императорскими коронами, выше находится такая же корона, но значительно большего размера. В лапах орел держит атрибуты императорской власти, среди которых громовые стрелы и венки из лавровых листьев. Под орлом расположена вьющаяся лента Андреевского ордена, растянутая на всю ширину герба. На груди помещен большой ромбовидный щит с московским гербом: Святой Георгий на коне, поражающий копьём змеевидного дракона с крыльями. Внизу полукругом вдоль канта указан год чеканки: «1839». На реверсе монеты крупно указан номинал в две строки: «5 КОПЕЕКЪ». Под номиналом горизонтально расположена черта, состоящая из двух сужающихся в стороны линий с точкой посередине. Ниже буквы «С. М.» (Сузунская монета).
- ⁹ 2 копейки 1822 г. выпускались на двух монетных дворах — Екатеринбургском (ЕМ) со знаками минцмейстера (чиновника монетного двора, поверяющего указную пробу и вес золота и серебра) Франца Германа (ФГ) и Кольванском (КМ) со знаками минцмейстера Андрея Мевиуса (АМ). Аверс: вдоль края монеты ободок из точек, в середине двуглавый орел с поднятыми крыльями, увенчанный тремя коронами, на груди орла герб Москвы, окруженный цепью ордена Святого Андрея Первозванного, в левой лапе скипетр, в правой держава, слева и справа под хвостом инициалы минцмейстера «ФГ» (Франц Герман), ниже год выпуска «1822». Реверс: вдоль края монеты ободок из точек, в середине сверху императорская корона, под ней номинал «2», ниже надпись «КОПЕЙКИ». Слева лавровая ветвь, справа дубовая, внизу ветви соединяются и перевиты лентой, над ней обозначение монетного двора «ЕМ», выше прямая черта.
- ¹⁰ Медная монета номиналом $\frac{1}{4}$ копейки производилась в 1718–1722 гг. На аверсе монеты изображен герб России начала XVIII в. — двуглавый орел с расправленными крыльями, на головах царские короны, над которыми находится такая же, но большего размера. В лапах орел держит символы власти — скипетр и державу. Под лапами буквы «Н Д» (Набережный двор). На реверсе монеты сверху указан титул царя — ВРП (Всея России Повелитель), ниже номинал в две строки — «ПОЛУШКА», еще ниже год чеканки — 1719 — старославянскими буквами (ѠАѢѠ).
- ¹¹ ѠѢѠ — обозначение года чеканки старославянскими буквами.
- ¹² Фишер Александр Адамович (1834–1908) — член конференции Михайловской артиллерийской академии, заслуженный профессор Михайловской артиллерийской академии (Биографический словарь. Высшие чины Российской Империи (22.10.1721–2.03.1917). Т. 3. М., 2017. С. 375).
- ¹³ Гиль Христиан Христианович (1837–1908) — воспитатель гр. И. И. Толстого, нумизмат. Н. П. Лихачев был знаком с Х. Х. Гилем, переписывался с ним (*Гурулева В. В.* Нумизматика в жизни и трудах Н. П. Лихачева. С. 26–27). О вкладе Х. Х. Гила в российскую нумизматику см.: *Спасский Г. И.* К истории создания корпуса русских монет XVIII и XIX вв. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* 1989. Т. 20. С. 28–49.
- ¹⁴ ВРП — указание титула царя на реверсе монеты: Всея России Повелитель.
- ¹⁵ *Гиль Х.* Таблицы русских монет двух последних веков. СПб., 1883.
- ¹⁶ В царствование Петра I были выпущены два номинала монеты, отчеканенные из золота: червонец и два рубля.

- ¹⁷ Шуберт Федор Федорович (1789–1865) — генерал от инфантерии, астроном и геодезист, член военного совета, директор военно-ученого комитета, почетный член морского учебного комитета. Занимался нумизматикой, написал несколько работ о русских монетах. В статье В. В. Гурулевой говорится, что Н. П. Лихачев законспектировал его редкое сочинение и крестиками отмечал экземпляры своей коллекции. F. F. Schubert. *Monnaies russes des dernieres trois siecles depuis le czar Ioann Wasilieviz Groznyi, jusgu'a l'empereur Alexandre II, 1547–1855. Avec une atlas. Leipzig, 1857.*
- ¹⁸ Б. К. — без клейма.
- ¹⁹ мнд — Московский монетный двор, так в царствование Петра I обозначался на монетах Кадашевский монетный двор.
- ²⁰ Стеблов Павел Павлович (1850–1915) — преподаватель истории, географии и древних языков Нижегородской мужской гимназии в 1873–1880 гг., инспектор Нижегородской мужской гимназии в 1880–1884 гг.
- ²¹ Чертков Александр Дмитриевич (1789–1858) — археолог, библиофил, нумизмат. *Чертков А. Д. Описание древних русских монет. М., 1834.*
- ²² Френ Христиан Данилович (1782–1851) — востоковед, нумизмат, академик. В письме Н. П. Лихачева речь идет о сочинении Френа: *Numophylacium Orientale Pototianum. Riga: Hartmann, 1813.*
- ²³ Речь идет о серии «Русская допетровская нумизматика», работу над которой начал И. И. Толстой. Он предполагал издать 12 или 11 книг. В 1884 г. был опубликован первый выпуск, в 1886 г. — второй, остальные выпуски не были подготовлены. Н. П. Лихачев благодарит И. И. Толстого за первый выпуск: *Толстой И. И. Русская допетровская нумизматика. Вып. I: Монеты Великого Новгорода. СПб., 1884 (Гайдуков П. Г. Иван Иванович Толстой как нумизмат и коллекционер // Толстой И. И. Дневник: в 2 т. Т. I. 1906–1909. СПб., 2010. С. 24–25).*
- ²⁴ Новгородка — новгородские серебряные деньги, которые выпускались в Великом Новгороде с 1420 г. На аверсе изображен великий князь московский, принимающий дары от новгородца. На реверсе надпись: великого Новгорода.
- ²⁵ Псковка — псковские деньги, выпускавшиеся с сентября 1425 по 1510 г. На аверсе изображался патрон Пскова князь Довмонт, на реверсе — четвероногий зверь.
- ²⁶ *Савельев В. К. Описание русских монет клада 4 сентября 1878 года // Известия общества археологии, истории и этнографии. 1878. Т. 1. Вып. 3. С. 66–68. В. В. Гурулева в своей статье отмечает влияние, которое казанский нумизмат Виктор Константинович Савельев (1810–1882) оказал на выбор Н. П. Лихачевым направления будущей научной деятельности.*
- ²⁷ Речь идет об «Известиях общества археологии, истории и этнографии».
- ²⁸ Соловьев Александр Титович (1853–1918 (1919)?) — сотрудник Казанского университета, коллекционер, член Общества археологии, истории и этнографии.
- ²⁹ Соловьев Евпл Титович (?–1890) — член Общества археологии, истории и этнографии. Его сочинение было издано: *Соловьев Е. Т. О тамгах или знаках собственности на некоторых предметах древнего мира: [Ист.]-археол. очерк. Казань, 1885.*
- ³⁰ Жалованная грамота дворянству была издана Екатериной II в 1785 г. В документе были закреплены все привилегии дворянства. Слухи, о которых писал Н. П. Лихачев, не подтвердились. Александр III издал Высочайший манифест по поводу столетия Жалованной грамоты, был учрежден Дворянский банк. В связи с юбилеем в печати оживилась дискуссия о роли дворянства. Подробнее об этом см.: *Кайль А. В. «Гражданин» и «Вестник Европы» о судьбе дворянского сословия в годы правления Александра III // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009. № 2 (26). С. 143–146).*
- ³¹ Солид — римская золотая монета, с 324 г. — основная монета Римской империи.
- ³² Артавазд — византийский император (741–743).
- ³³ Никифор II Фока — византийский император (963–969).
- ³⁴ Ставракий — сын и соправитель византийского императора Никифора I (803–811).
- ³⁵ В статье В. В. Гурулевой отмечается, что эта монета отсутствовала в коллекции И. И. Толстого.

References

- BARIKINA I. E. *Dnevnik grafa I. I. Tolstogo. 11–31 avgusta 1881 g.* [Diary of Count I. I. Tolstoy. August 11–31, 1881. In Russ.] // Istoricheskiy arhiv. 2020. No. 5. P. 180–197.
- BARIKINA I. E. *Deyatel'nost' Pereselencheskoi kontori v Syzrani v avguste – dekabre 1881 g. (po materialam fonda gr. I. I. Tolstogo v OR RNB)* [Activities of the Migration Office in Syzran in August – December 1881 (based on materials from the collection of Count I. I. Tolstoy in the Department of Manuscripts of the Russian National Library). In Russ.] // Voprosi istorii. 2020. No. 8. P. 37–51.
- GAIDUKOV P. G. *Ivan Ivanovich Tolstoy kak numizmat i kollektzioner* [Ivan Ivanovich Tolstoy as a numismatist and collector. In Russ.] // Tolstoy I. I. *Dnevnik: v 2 t.* T. I. 1906–1909. St. Petersburg, 2010. S. 24–25.
- GURULEVA V. V. *Numizmatika v zhizni i trudah N. P. Likhacheva* [Numismatics in the life and works of N. P. Likhachev. In Russ.] // Vspomogatel'nie istoricheskie disciplini. 1998. T. 26. P. 19–38.
- KAIL A. V. *“Grazhdanin” i “Vestnik Evropy” o sudbe dvoryanskogo sosloviya v godi pravleniya Aleksandra III* [“Grazhdanin” and “Vestnik Evropy” on the fate of the nobility during the reign of Alexander III. In Russ.] // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta. 2009. No. 2 (26). P. 143–146.
- SPASSKII G. I. *K istorii sozdaniya korpusa russkikh monet XVIII i XIX vv.* [On the history of the creation of the corpus of Russian coins of the 17th and 20th centuries. In Russ.] // Vspomogatel'nie istoricheskie disciplini. 1989. T. 20. P. 28–49.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

И. Е. Барыкина. Письма Н. П. Лихачева к графу И. И. Толстому из фонда Отдела рукописей Российской национальной библиотеки // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 221–231

Аннотация: В фонде И. И. Толстого Отдела рукописей Российской национальной библиотеки находятся шесть писем Н. П. Лихачева к гр. И. И. Толстому. Письма Н. П. Лихачева дают возможность реконструировать взаимоотношения ученых в конце XIX — начале XX в. В переписке Н. П. Лихачев предлагал И. И. Толстому редкие экземпляры из своей коллекции, делился гипотезами по атрибуции монет. В письмах упоминаются коллекционеры, с которыми был знаком Н. П. Лихачев, и научные труды, которые он изучал.

Ключевые слова: Российская империя, частная переписка, нумизматика, коллекционирование, архивные фонды, Российская национальная библиотека, Н. П. Лихачев, Х. Х. Гиль, И. И. Толстой, дневник, Казанский университет.

FOR CITATION

I. E. Barykina. Letters of N. P. Likhachev to Count I. I. Tolstoy from the collection of the Department of Manuscripts of the Russian National Library // Petersburg historical journal, no. 3, 2024, pp. 221–231

Abstract: The I. I. Tolstoy collection of the Manuscript Department of the Russian National Library comprises six letters from N. P. Likhachev to Count I. I. Tolstoy. The letters of N. P. Likhachev provide a valuable insight into the relationships between scientists in the late 19th and early 20th centuries. In the correspondence, N. P. Likhachev offered I. I. Tolstoy a selection of rare items from his collection and shared his hypotheses on the attribution of coins. The letters make reference to the collectors with whom N. P. Likhachev was acquainted and to the scientific works he studied.

Key words: Russian Empire, private correspondence, numismatics, collecting, archival funds, National Library of Russia, N. P. Likhachev, H. H. Gil, I. I. Tolstoy, diary, Kazan University.

Автор: Барыкина, Инна Евгеньевна — д. и. н., доцент, профессор кафедры истории России с древнейших времен до начала XIX в. РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Barykina, Inna Evgenievna — Dr of Sciences in History, assistant professor, Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

E-mail: ibarykina@mail.ru

В. Е. Бередникова

«Со стороны рабочих имеется большое количество жалоб...»: к вопросу об организации труда молодежи в промышленности блокадного Ленинграда (1941–1942 гг.)*

В Ленинграде впервые вопрос о привлечении подростков к выполнению трудовой повинности обсуждался летом 1941 г. Одной из самых распространенных форм являлась их мобилизация, а также добровольно выраженное желание пройти обучение в ремесленных и железнодорожных училищах, а также школах фабрично-заводского обучения. После окончания подобных учебных заведений учащиеся направлялись для работы по специальности по распределению Управления трудовых резервов. По мнению ленинградского руководства, подобная форма трудовых мобилизаций позволяла бороться с детской беспризорностью, поскольку безнадзорные подростки в возрасте от 14 до 17 лет подлежали приему в ремесленные и железнодорожные училища и школы ФЗО¹.

Эта форма мобилизации использовалась советским руководством еще до начала Великой Отечественной войны. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах» под-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01783 «Трудовые мобилизации населения в годы блокады Ленинграда (1941–1944 гг.)». URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01783/>

черкивалась важность создания централизованной системы подготовки новых рабочих как из городской среды, так и из колхозов. Согласно данному указу, предполагалось, что ежегодно в ремесленные и железнодорожные училища и школы ФЗО будут мобилизованы от 800 тыс. до 1 млн молодых людей в возрасте от 14 до 15 лет и 16–17 лет (для ФЗО)².

После начала Великой Отечественной войны в Ленинграде была создана специализированная городская комиссия по проведению призыва городской молодежи в ремесленные и железнодорожные училища во главе с председателем Ленгорисполкома П. С. Попковым с секретарем Н. И. Пономаревым. В состав комиссии вошли также зам. председателя Ленгорисполкома Е. Т. Федорова, секретарь Ленинградского ГК ВЛКСМ А. М. Гольдин, начальник Управления трудовых резервов С. В. Двойников и др.³

В июле 1941 г. было принято одно из первых постановлений Ленинградского ГК ВКП(б) по данному вопросу. Мобилизации в ремесленные и железнодорожные училища подлежали 10 тыс. человек — девушки в возрасте 15–17 лет и юноши в возрасте 14–17 лет⁴. В дальнейшем подобные решения руководством города будут приниматься регулярно. Необходимость привлечения молодежи к работе на промышленных предприятиях была вызвана нехваткой квалифицированных кадров, связанной с уходом на фронт прежних заводских рабочих. К 1942 г. потребность в наличии новых кадров значительно возросла, поскольку дееспособные профессиональные рабочие оказались на фронте или же погибли в смертную зиму 1941–1942 гг.

Работа по обеспечению и улучшению условий труда молодых рабочих была возложена на Ленинградский городской комитет ВЛКСМ. Одним из важнейших документов, принятых в 1942 г., стало постановление «Об ответственности комсомольских организаций за улучшение быта трудящихся» от 25 июля 1942 г., согласно которому районные комитеты ВЛКСМ и первичные комсомольские организации обязывались заниматься дальнейшим улучшением условий быта трудящихся⁵. Особой задачей являлось вовлечение комсомольцев и молодежи в трудовой процесс и создание для них приемлемых условий работы.

Однако принимаемые меры не могли полностью обеспечить необходимые условия труда и проживания молодых людей, трудившихся на промышленных предприятиях. Согласно данным, публикуемым в документах, на заводах и фабриках не было организовано теоретического обучения, регулярно нарушался режим труда, молодые рабочие не были обеспечены в достаточной степени жильем, пропитанием и одеждой. Отложившиеся в архивах документы не позволяют полноценно оценить обстановку, сложившуюся на предприятиях в 1941–1942 гг. Комсомольские организации предприятий стали предоставлять подробные отчеты значительно позднее. Однако в фондах Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб) сохранились материалы, собранные в декабре 1942 г. по Московскому району Ленинграда, который являлся одним из крупных

промышленных районов города. Публикуемые документы по-разному отражают ситуацию с условиями труда на различных предприятиях.

Документы публикуются по подлинникам, хранящимся в ЦГАИПД СПб (Ф. 7^к (Московский районный комитет ВЛКСМ). Оп. 2. Д. 120. Л. 5–7, 82–88), в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Ошибки и опiski в некоторых словах исправлены без дополнительных оговорок. Используемые в документе сокращения (кроме общепринятых) раскрыты без дополнительных комментариев.

**Докладная записка о результатах проверки выполнения решения
Ленинградского горкома ВЛКСМ от 12 октября 1942 г. и постановления
Пленума РК ВЛКСМ от 17 ноября 1942 г. «Об ответственности
комсомольских организаций за состояние труда, быта и воспитания
молодых рабочих» на заводе «Электросила»⁶**

Проверив работу комсомольской организации завода «Электросила» по выполнению решения Ленгоркома ВЛКСМ от 12/X-42 года и постановления Пленума РК ВЛКСМ от 17/XI-42 «Об ответственности комсомольских организаций за состояние труда, быта и воспитания молодых рабочих», необходимо отметить, что комсомольская организация завода последнее время значительно улучшила работу по организации труда, быта и воспитания молодых рабочих: заведен точный учет всей молодежи, комитет комсомола руководит техническим обучением молодежи и добился, что вся молодежь, вновь пришедшая на предприятие, охвачена техническим обучением. Ликвидированы и случаи неправильного использования молодых рабочих. Комитет комсомола взял на особый учет молодежь в возрасте до 18 лет и выявил все нужды этой молодежи и остро нуждающимся оказал помощь в починке обуви и приобретении новой обуви, в организации усиленного питания для всех подростков. Нуждающимся дано общежитие.

Но оба решения выполняются крайне медленно. Только 10 декабря 1942 года была создана при комитете ВЛКСМ оперативная группа по экономбытовой работе, которая и до сих пор существует только формально, а со всеми нуждами молодежь и комсомольцы завода обращаются непосредственно к секретарю комитета ВЛКСМ т. Веселкову, который решает эти вопросы один, без привлечения к работе оперативных групп по быту и широкого комсомольского актива. Поэтому имеет место ряд недоделок и очень существенных.

На заводе работает 133 человек молодых рабочих в возрасте до 26 лет, из них до 16 лет — 29 человек, до 14 лет — 3 человека. Непосредственно на производстве работает 96 человек. Вся молодежь, вновь пришедшая на предприятие, охвачена техническим обучением. Обучаются в декабре 40 человек. Обучение на заводе только индивидуальное, прямо у станков.

В результате этого обучения ребята умеют выполнять ту или иную узкую операцию, но дальнейшее повышение квалификации на заводе не носит массовый характер. Только на следующий месяц планируется введение теоретического обучения и попутно, по мере надобности, общеобразовательного.

Общеобразовательной школы до сих пор нет, хотя большинство молодых рабочих имеет образование 5–6 классов. Кончают работу подростки в 12:30 и в 14 часов и есть все возможности для занятий.

В основном все молодые рабочие используются на производстве правильно, т[ак] к[ак] вопросом технического обучения комитет комсомола стал заниматься только в этом месяце, то полного учета производственной работы молодежи за последний месяц нет и поэтому данных о повышении квалификации молодыми рабочими в комитете не было.

На руководящую работу за 3 месяца выдвинуто 7 человек. <...>⁷ Все молодые рабочие охвачены соцсоревнованием, но соцобязательства проверяются нерегулярно.

Как положительное надо отметить хорошо поставленную наглядную агитацию: в цехах показатели по выполнению норм выработки, книга подарков фронту, в которую вносится каждая деталь, выработанная сверх нормы. Вопросом быта и воспитания молодежи комитет начал заниматься только в декабре.

С декабря месяца вся молодежь, особенно подростки до 16 лет, взята на специальный учет секретаря комитета ВЛКСМ т. Веселковым, который следит за обучением и бытом каждого персонально. Выявлено, что из 33 подростков в возрасте до 16 лет 6 человек не имеют родителей. <...> Веселков ведет учет по обеспечению ребят обувью, бельем, одеждой. Остронуждающимся оказана помощь (подростку из 9-го цеха бесплатно починили обувь, 8 молодым рабочим оказали помощь в починке обуви и выдана новая).

Особенную заботу комитет комсомола и дирекция предприятия проявляют о подростках: 26/ХІІ-42 года провели совещание подростков. Всем подросткам дополнительно дают 200 г хлеба, а трех подростков ослабленного здоровья (судя по результатам медкомиссии) перевели на усиленное питание.

До сих пор на рационном питании были не все подростки. Со следующего месяца переводят всех подростков на рационное питание. Выявлено 6 подростков, нуждающихся в общежитии, для них на днях организуют комнату. А вообще в заводском общежитии всего живет около 8 человек молодых рабочих.

В общежитии чисто, уютно, светло, инвентаря хватает, тепло, постельные принадлежности есть и регулярно меняются. Красного уголка при общежитии нет. Но есть хороший красный уголок при заводе. В нем тепло, уютно, светло. При красном уголке есть библиотека, но молодежь читает недостаточно. В красном уголке организован просмотр кинокартин. За последнее время состоялся просмотр следующих картин: «Как закалялась сталь» и «Концерт фронту»⁸. В красном уголке проводят и лекции, которые молодежь посещает хорошо. Отдельно для молодежи проводились следующие беседы:

В цеху № 15 на тему «Нашим трудом поможем Красной армии» проводил т. Веселков. Ребята обязались во внеурочное время давать один фонарик и свое обязательство сдержали. Тов. Степанова (комсорг) проводила читки молодежных статей «Девушка в серой шинели» и др. Комсомольцы ежедневно читают по цехам сводки информбюро и «В последний час». Обслуживание нужд рабочих на заводе поставлено неплохо. При заводе есть сапожная и пошивочная мастерская, но последние еще мало обслужили молодых рабочих. За месяц работы мастерской починили обувь троим подросткам из 15 цеха, одному из 9 цеха, 5 бойцам команд и т. д. Ремонта же и починки одежды не производили никому. Это объясняется тем, что молодежь не получает льгот в обслуживании по сравнению со взрослыми рабочими, а подчас очевидно при выдаче ордеров обходится вовсе.

Заводская столовая за последнее время работает удовлетворительно. В столовой чисто, тепло, уютно. Есть умывальники с водой, полотенце (можно вымыть руки), посуды достаточно, официантки обслуживают хорошо, но на раздаче иногда бывает очередь, и рабочие опаздывают на работу после обеденного перерыва, а комсомольская организация никаких мер к устранению очередей не принимает. Заводской контроль, где есть, и комсомольцы в последнее время работу наладили и по заявлению рабочих столовая за последнее время стала работать значительно лучше.

Факторов нарушения трудовой дисциплины среди комсомольцев и молодежи за последние дни не было. На днях был случай нарушения дисциплины, но он не выяснен. Комитету комсомола необходимо в ближайшие же дни устранить отмеченные недостатки по организации труда, быта и воспитания молодых рабочих.

**Докладная записка о результатах проверки выполнения решения
Ленинградского горкома ВЛКСМ от 12 октября 1942 г. и постановления
Пленума РК ВЛКСМ от 17 ноября 1942 г. «Об ответственности
комсомольских организаций за состояние труда, быта и воспитания
молодых рабочих» на фабрике «Скороход»⁹**

Всего молодежи на фабрике в возрасте до 26 лет 133 человека, из них до 16 лет — 23 человека.

Все 23 подростка работают непосредственно на производстве у станков. Из 23 чел. подростков не имеют родителей совершенно — 5 человек, у 7 человек имеются только матери. Техническое обучение молодежи проводится путем прикрепления учеников к старым рабочим, которые помогают ученикам практически, теоретических же занятий с учениками не проводится.

Техминимум с учениками не проводится совсем. Директор фабрики т. Бельский считает нецелесообразным проводить техминимум, мотивируя тем, что все подростки работают по различным специальностям.

В ноябре и декабре месяцах техминимум подростками не проводился совсем.

Стахановские школы¹⁰ с подростками ведут мастера и старые производственники путем индивидуального прикрепления по вопросам практической работы.

Поощрения имеются приказом директора как учеников, так и прикрепленных преподавателей. В ноябре месяце были премированы ряд рабочих за хорошую подготовку учеников, а также были премированы ученики т. т. Надеждин и Рассказов за хорошую работу.

Техническая пропаганда на фабрике отсутствует. Технического кабинета не имеются, плакатов и лозунгов, призывающих учеников еще лучше работать на производстве, в цехах нет.

Повышено в разрядах: за октябрь — нет, ноябрь — 4 чел., декабрь — 3 чел. <...>¹¹ За последние 3 месяца на руководящую работу не выдвинуто ни единого ученика.

На фабрике молодежного общепита нет. Имеется общежитие от фабрики на Киевской улице. По словам директора, там может иногда ночевать молодежь, но молодежь об общежитии не знает.

Администрация обеспечила остро нуждающихся подростков: обувью — 11 чел., бельем — 1 чел. <...> Из 23 подростков на рациональном питании находятся 16 чел., остальные из них питаются дома.

На фабрике имеются пункты по ремонту обуви и белья, молодежь может туда сдавать обувь на общих основаниях со взрослыми рабочими. О пункте по ремонту белья молодежь не знает.

На фабрике имеется парикмахерская, но работает она нерегулярно из-за частной смены парикмахеров. Недавно открылась прачечная, но молодежь о ней не знает, объявлений об открытии этой прачечной в цехах нет.

Все рабочие подростки используются по специальности. Случаев неправильного их использования на фабрике нет.

Режим рабочего дня подростками не соблюдается, есть случаи, когда ребята работают по 8 часов, а также работают в ночную смену. Так, например, ученик Рассказов на фабрике работает с мая месяца, все время работает по 8 часов при том, что он должен работать только 6 часов, ему никто не говорил.

Ученица Черевко работает в ночные смены. Мастер т. Волчек знал, что она не имеет права работать в ночь, однако мер никаких не принял. Мною предложено т. Волчек немедленно перевести ученицу Черевко работать в дневную смену.

За последний месяц на работу принят 1 человек в возрасте 15 лет. <...> Массово-политическая работа с подростками отдельно не проводится, о чем заявляет и секретарь ВЛКСМ т. Седова. Хотя к этому есть все возможности. На общие мероприятия массового характера молодежь привлекается.

Работа столовой. Санитарное состояние столовой неудовлетворительное. В столовой холодно, с потолка капает вода, официанток нет (самообслуживание), ложек нет совершенно (рабочие приносят с собой), тарелки имеются, но в недостаточном количестве, из-за чего часто создаются очереди.

С начала месяца меню было однообразное. Так, например, со 2 декабря по 7 декабря на 1-е и 2-е был только горох, за последнее время питание значительно улучшилось, меню разнообразное. Со стороны рабочих имеется большое количество жалоб на вырезку лишних талонов (кассой). Так, например, 9 декабря 1942 г. у подростка <...> вырезали полкило хлеба. За время 15 минут моей беседы с руководящим поваром к ней приходило 4 чел. с жалобой на неправильную вырезку талонов.

В столовой имеется рабочий контроль от профсоюзной организации, комсомольского контроля в столовой нет.

На фабрике имеется красный уголок, который оборудован (есть шашки, шахматы, бильярд, и др.). Подростки часто заходят туда, особенно увлекаются бильярдом.

Общеобразовательной школы на фабрике нет, и подростки нигде не занимаются.

Ответственного за состояние труда, быта и воспитания подростков нет. Директор фабрики т. Бельский дал слово, что такой человек на фабрике будет в ближайшие дни.

В течение ноября — декабря месяцев имеется 12 случаев заболеваний подростков. Травматических заболеваний среди подростков нет.

В ноябре и декабре месяцах имеется 8 случаев нарушения трудовой дисциплины среди подростков <...>¹².

На фабрике работают 3 подростка до 14 лет. <...> Работают они по 6 часов. Директор фабрики т. Бельский знает об этом и объясняет это тем, что ребята имеют очень большое желание работать.

В ноябре месяце директор фабрики собирал всех подростков вместе с мастерами цехов по вопросу: о работе подростков на производстве и о их запросах к администрации фабрики. 20 декабря 1942 г. собирал фабком всех подростков по этим же вопросам. Считаю, что руководство фабрики «Скороход» не выполнило полностью решения ГК ВКП(б) и решения ГК ВЛКСМ о работе с подростками.

¹ Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг.: Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Ч. 1. Июнь 1941 г. — март 1942 г. С. 615.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 37.

- ³ Постановление исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся № 47-38 от 15 июля 1941 г. «О призыве городской молодежи в ремесленные и железнодорожные училища города Ленинграда в 1941 году» // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1421. Л. 203–204.
- ⁴ Блокада в решениях.... Ч. 1. С. 146.
- ⁵ Постановление Ленинградского горкома ВЛКСМ «Об ответственности комсомольских организаций города за улучшение быта трудящихся» от 25 июля 1942 г. // РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 16. Д. 666. Л. 70.
- ⁶ Публикуется по: ЦГАИПД СПб. Ф. 7к. Оп. 2. Д. 120. Л. 5–7.
- ⁷ Здесь и далее персональные данные, содержащиеся в тексте документа, не публикуются.
- ⁸ Художественный фильм «Как закалялась сталь», вышедший на экраны в 1942 г., стал первой экранизацией одноименного романа Н. А. Островского. «Концерт фронту» — фильм-концерт, премьера которого состоялась 6 ноября 1942 г. Фильм представляет собой экранизацию эстрадных номеров в исполнении ведущих артистов.
- ⁹ Публикуется по: ЦГАИПД СПб. Ф. 7к. Оп. 2. Д. 120. Л. 82–88.
- ¹⁰ Стахановские школы — одна из форм распространения передовых методов труда, а также организации помощи другим рабочим со стороны передовых.
- ¹¹ Персональные данные, содержащиеся в тексте документа, не публикуются. В тексте идет речь о переводе учеников на другие разряды.
- ¹² Среди приведенных нарушений — опоздание на работу и кража.

References

Blokada v reshenijah rukovodjashchih partijnyh organov Leningrada. 1941–1944 gg.: Sb. dokumentov. Postanovlenija bjuro leningradskih gorkoma i obkoma VKP(b), stenogrammy zasedanij / Otv. sost. K. A. Boldovskij. Chast' I. Ijun' 1941 g. — mart 1942 g. [The Siege in the decisions of the leading party organs of Leningrad. 1941–1944. Collection of documents. Resolutions of Leningrad city and regional party bureau, meetings transcripts. Vol. 1. June 1941 — March 1942. In Russ.]. Saint Petersburg, 2019.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

В. Е. Бередникова. «Со стороны рабочих имеется большое количество жалоб...»: к вопросу об организации труда молодежи в промышленности блокадного Ленинграда (1941–1942 гг.) // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 232–240

Аннотация: Публикуемые документы являются уникальным источником по истории повседневности блокадного Ленинграда. Труд подростков, получивший широкое применение с началом Великой Отечественной войны, является одним из малоизученных аспектов жизни города. В представленных материалах отражены не только количественные показатели и положительные отзывы об организации труда на промышленных предприятиях, но и реальные проблемы, с которыми столкнулись подростки: недостаточное питание, отсутствие общежитий, практическая подготовка у станка без предварительных теоретических занятий, отсутствие общеобразовательного обучения. В данных документах получило отражение нарушение трудовой дисциплины, приводившее к переработкам и ухудшению состояния здоровья трудящихся.

Ключевые слова: трудовые мобилизации, блокада Ленинграда, Ленинград, подростковый труд, Великая Отечественная война.

FOR CITATION

V. E. Berednikova. “There are a large number of complaints from workers...”: on the issue of organizing youth labor in the industry of besieged Leningrad (1941–1942) // Petersburg historical journal, no. 3, 2024, pp. 232–240

Abstract: The published documents constitute a unique source of information on the history of everyday life in Leningrad during the siege. The work of teenagers, which became widely used since the beginning of the Great Patriotic War, is one of the relatively understudied aspects of city life. The presented materials reflect not only quantitative indicators and positive reviews concerning the organisation of work in industrial enterprises, but also the actual issues encountered by adolescents, including inadequate nutrition, a lack of dormitories, practical training “at the machine” without preliminary theoretical classes, and a lack of general education. The documents evidenced violations of labour discipline, which resulted in excessive workloads and deterioration in the health of the workers.

Key words: labor mobilisations, the siege of Leningrad, Leningrad, teenage labor, The Great Patriotic War.

Автор: **Бередникова, Виктория Евгеньевна** — младший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, младший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета.

Author: **Berednikova, Viktorija Evgenevna** — Junior Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences; Junior Researcher, Saint Petersburg State University.

E-mail: berednikova3@bk.ru

И. К. Богомолов

Рецензия на книгу:

***Carradice Ph. Keeping the Home Fires Burning: Entertaining the Troops at Home and Abroad During the Great War.* Barnsley: Pen & Sword History, 2022. 224 p.**

Исследования поддержки морального духа армий, досуга солдат и офицеров в годы Первой мировой войны начались уже в первое десятилетие после ее окончания. В этом ряду традиционно видное место занимают работы по истории «внутреннего фронта» в Англии и повседневности британской армии в 1914–1918 гг. Рецензируемая монография Фила Кэррадайса изначально задумывалась как продолжение этих исследований. Хотя, судя по названию, речь в книге должна была идти о повседневности и досуге английских войск на Западном фронте, из содержания видно, что автор стремился охватить также «внутренний фронт» в широком смысле: общественные настроения, формы досуга в тылу и в армии, а также культурные и отчасти политические тенденции в Великобритании начала XX в. В целом такой подход нельзя назвать ошибочным: изучая военную повседневность общества, невозможно избежать исследований или, по крайней мере, беглых упоминаний об организации и работе государственной пропаганды, развитии рынка печати, тенденциях в культуре и искусстве накануне и в годы войны. Однако даже в этом смысле Кэррадайс, как представляется, предпринял слишком широкое исследование.

Шестнадцать глав книги разделены на шесть тематических частей. Главы первой части (1 и 2) посвящены организации и работе британской пропаганды в 1914–1918 гг. Кэррадайс верно отмечает, что создание Бюро военной пропаганды (более известного как Веллингтон хаус, по дому на улице Букингем-гейт в Лондоне) поначалу виделось неочевидным шагом. Убежденность многих современников в том, что война будет скоротечной, породила сомнения в необходимости каким-либо образом воздействовать на граждан своей страны, а также на граждан государств-союзников и противников. Однако создание в Германии уже в августе 1914 г. Агентства пропаганды стало первым серьезным толчком для активизации подобной работы в Великобритании. Автор верно отмечает большую роль в организации английской пропаганды лорда Китченера, который уже в сентябре — октябре 1914 г. предвидел долгую и изнурительную войну, в которой поддержание «правильного» настроения в обществе и войсках являлось первоочередной задачей. Значительное влияние на этом направлении оказал также Д. Ллойд Джордж, будущий премьер-министр, а в 1914 г. — канцлер казначейства. Именно по его инициативе было создано Бюро военной пропаганды, во главе которого был поставлен Чарльз Мастерман — третья и ключевая фигура в британской пропаганде. Работа Веллингтон хауса была, по верному замечанию автора, «чрезвычайно успешной», обеспечив поддержание морального духа войск и населения страны в течение более чем четырех лет Великой войны. Кэррадайс повествует не только о приемах работы Бюро, но и о социально-экономических, культурных предпосылках этого успеха, в частности — быстрого развития периодической печати, фотографии, почтового сообщения, кино.

В двух главах второй части затронуты вопросы культурного досуга в тылу, а также деятельности Англиканской церкви в годы войны. Здесь автор также углубился в историю развития культуры в викторианскую и эдвардианскую эпохи. В частности, показано быстрое развитие до войны мюзик-холлов и варьете — наиболее популярных мест отдыха большей части населения Англии. В годы войны их значимость только возросла благодаря активному вовлечению концертных площадок в праздничные, поминальные и благотворительные мероприятия, патриотические концерты, театральные представления. Именно в мюзик-холлах исполнялись наиболее известные военные песни, прежде всего «Your King and Country Want You» («Твой король и твоя страна нуждаются в тебе»). Важной была и роль Англиканской церкви. На внутреннем фронте религия, несомненно, оказала помощь большому числу семей. Для таких людей церковь была центром притяжения, не просто эмоциональной или духовной опорой, но и местом, где «надежда, вера и утешительное плечо, на котором можно поплакать, могли объединиться, чтобы помочь любому, кого переполняют тревога и страх» (с. 59). В армии, где угроза смерти была неизмеримо ближе, все было по-другому. Посещение церкви было обязательным, и это не нравилось большинству военнослужащих, видевших в этом, как правило, бессмысленную трату времени.

Главы третьей части посвящены наиболее известным людям, оказавшим большое влияние на английское общество времен Первой мировой войны. В частности, Кэррадайс подробно останавливается на биографии голландского художника и карикатуриста Луи Ремакерса. За годы войны он создал более 2 тыс. карикатур и рисунков, внося огромный вклад в дело антигерманской пропаганды, демонизацию образов немца, германской армии и кайзера Вильгельма II в общественном сознании союзников по Антанте. В отдельной главе описывается жизнь валлийского музыканта, актера и импресарио Айвора Новелло — создателя самой известной и популярной британской военной песни того времени, «Keep the Home Fires Burning» («Пусть горит домашний очаг»). Песня в итоге вышла за рамки военной тематики, став живой альтернативой «бравурным солдатским песням» и рисуя «идиллическую картину, к которой мог относиться каждый мужчина в окопах или каждая женщина у кухонной плиты» (с. 79). Подробно рассказывается также о жизни Джеффри Стаддerta-Кеннеди — англиканского священника и поэта, капеллана британской армии в годы Первой мировой войны. Среди фронтовиков популярным было его прозвище «Вудбайн Вилли», полученному из-за того, что Стаддерт-Кеннеди, находясь на передовой, часто раздавал солдатам и офицерам сигареты марки «Woodbine». Среди англиканских капелланов Кеннеди выделялся близостью к солдатам, большую популярность обрели его речи и стихи, которые он публиковал и после войны.

Четыре главы четвертой части объединяет повествование о роли карикатуры для британского общества времен Великой войны. Помимо упоминавшегося выше Ремакерса известность получили карикатуристы и художники, работавшие на выпуск массовых почтовых карточек, патриотических плакатов, малоформатных картин и в целом печатной продукции, которую могли себе позволить все классы общества и в особенности солдаты на фронте. Глава 9 посвящена известному английскому карикатуристу начала XX в. Брюсу Бернсфезеру, создателю карикатур о «старине Билле» (Old Bill) — солдате, образ которого обрел большую популярность в британской армии. «Старина Билл» был «не из тех, кого высшее командование рассматривало как представителя армии. Он был неряшлив, желчен и скуп в своих суждениях и как раз принадлежал к тому типу старых солдат, которых генералы и штабные офицеры ненавидели с первого взгляда». Однако успех карикатур с солдатами превзошел любую критику, которая была направлена в адрес Бернсфезера. «Старина Билл» стал неотъемлемой частью военных усилий Великобритании, символизируя «стойкость и врожденную доблесть британского Томми» (с. 118).

По популярности с Бернсфезером соперничал канадский художник Фергюс Маккейн. Если Бернсфезер создавал карикатурные, сатирические сюжеты, то Маккейн — узнаваемые широкой публикой образы солдата, мужа, брата, отца, уходивших на фронт. На его карточках не было чрезмерной жестокости

или изувеченных тел, но были «тонко раскрашенные и проработанные рисунки, изображающие вещи, с которыми солдаты могли быть связаны — удовольствие от ежедневной порции рома, тяжкий труд по доставке припасов на линию фронта ночью». Открытки с рисунками Маккейна показывали фронттовую повседневность, но «таким образом, чтобы привлечь, а не оттолкнуть или расстроить того, кто смотрит на рисунок» (с. 121). Изображение неприглядных сторон войны вообще нередко пропускалось английской цензурой, хотя разрешалось лишь отдельным журналам и в основном сатирическим. В главе 11 Каррадайс привел наиболее яркий пример — окопную газету *The Wipers Times*, воспроизводившую специфический фронтовой юмор и обретшую большую популярность в войсках. Ее главной целью было «заставить людей смеяться над их собственными несчастьями и над глупостью ситуации, в которой они оказались», что нашло отклик в солдатской массе и понимание цензуры (с. 131).

В пятой части повествуется о развитии пропагандистских образов в годы войны и о так называемой народной поэзии. Образы героев, злодеев и жертв играли важную роль в поддержании морального духа населения и армии, и Веллингтон хаус активно использовал этот источник. Кэррадайс приводит примеры вознесения пропагандой Лифа Робертсона, впервые сбившего цеппеллин в небе над Британией, и других летчиков-асов. Высокая вероятность их гибели (или пленения, как в случае с Робертсоном) привела к тому, что Веллингтон хаус перестал сообщать имена героев, из-за чего, например, асы Джеймс Маккаден и Эдвард Манок остались практически неизвестными широкой публике. Часть отличившихся намеренно отодвигали на второй план, как было с австралийским снайпером Билли Сингом, убившим в общей сложности около 150 турок во время Галлиполийского сражения. В сравнении с другими фронтовиками снайпер (прозванный Убийцей) воспринимался как ведущий войну «не поджентельменски». В качестве злодеев фигурировали не только Вильгельм II, но и успешные немецкие летчики, яркий пример — Манфред фон Рихтгофен. Жертвы — медсестра Эдин Кэвелл или пассажиры затонувшего лайнера «Лузитания» — составляли основу антигерманской «черной пропаганды» в годы войны.

Отдельную главу автор посвятил народной поэзии, широко распространившейся в 1914–1918 гг. Огромное количество стихов на военную тему стало отличительной чертой Первой мировой, причем это была в основном инициатива снизу, в которой мало участвовал Веллингтон хаус. В стихотворениях, порой незамысловатых, обычные жители городов и деревень, а также фронтовики выражали свои эмоции и переживания. Цензура редко препятствовала этому стихотворному потоку в письмах с фронта, активно эти стихи публиковали британские газеты.

Особое внимание Кэррадайс обратил на роль Чарли Чаплина в культуре и досуге военной Британии. Хотя обычно его работы не ассоциируются с Первой мировой войной, они пользовались огромной популярностью как у солдат

в окопах, так и у их семей в тылу. К 1917 г. имя Чаплина стало нарицательным для обозначения развлечений, в частности комедийных пафоса и юмора. Работы Чаплина считались «чем-то вроде чудодейственного средства для раненых солдат на Западном фронте. Киномеханикам даже удавалось показывать его фильмы на потолках больничных палат, чтобы мужчины, прикованные к постели или из-за своих ран лежащие на спине, могли смотреть их с комфортом». Веря, что смех — лучшее лекарство, врачи и медсестры использовали фильмы Чаплина как способ «помочь пациентам забыть свою боль и травмы» (с. 174).

В заключительной части Кэррадайс обращается к эмоциям британцев по поводу подписания Компьенского перемирия, повествует о развитии памяти о войне в британском обществе в межвоенный период. Подробно описаны обстоятельства проведения победного парада союзных войск в июле 1919 г., создание мемориала на могиле Неизвестного солдата в Лондоне и традиции ношения маковых цветков в память о жертвах войны. Последняя глава книги посвящена 11 ноября 1918 г. и погибшим в этот день фронтовикам.

Монография Ф. Кэррадайса оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, в книге подробно и увлекательно повествуется о британском обществе в годы Великой войны, его настроениях, увлечениях, досуге, а также о фронтовой повседневности. С другой стороны, исследование снабжено малым количеством источников, скромен и список использованной литературы, что вызывает удивление, учитывая обширную историографию участия Великобритании в Первой мировой войне. Значительная часть приведенных фактов не сопровождается ссылками. Главной проблемой можно назвать попытку автора охватить темы, зачастую требующие отдельного монографического исследования. Остались вопросы и к структуре монографии, тематическому разделению на части, последовательности глав. Несмотря на это, книга представляет немалый интерес для исследователей Первой мировой войны и, в частности, истории Англии начала XX в.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

И. К. Богомолов. Рецензия на книгу: *Carradice Ph. Keeping the Home Fires Burning: Entertaining the Troops at Home and Abroad During the Great War*. Barnsley: Pen & Sword History, 2022. 224 p. // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3. С. 241–246

Аннотация. Исследования общественных настроений и досуга в годы Первой мировой войны имеют давнюю историю и ныне продолжают развиваться. Рецензируемая монография Фила Кэррадайса — продолжение изучения британского общества в 1914–1918 гг. Автор освещает такие темы, как пропаганда, фронтовая повседневность, развитие военной литературы, кино и печати в Англии начала XX в. Значительная часть книги посвящена людям, которые не являлись политиками, но повлияли на настроения англичан, на искусство и культуру не только в годы Великой войны, но и в последующие десятилетия. Упомянута деятельность в военные годы Чарли Чаплина, художников Луи Ремакерса и Фергюса Маккейна, англиканского капеллана Джеффри Стаддерта-Кеннеди, главы Веллингтон хауса Чарльза Мастермана. Интерес представляет также описание структуры и методов работы британской пропаганды, способов ее распространения на фронте и в тылу. Показано, как пропаганда создавала образы

героев, врагов, жертв войны — летчиков, медсестер, государственных деятелей. Отдельного упоминания автора удостоилась народная поэзия — весьма распространенное явление, ставшее одной из особенностей Первой мировой войны. Широта поднятых тем предопределила излишнюю калейдоскопичность монографии: упомянуто много сюжетов, заслуживающих, как правило, отдельного монографического исследования. Из-за того же разнообразия тем возникают вопросы относительно структуры книги и последовательности изложения. Тем не менее монография Кэррадайса заслуживает внимания как весьма информативный источник по истории британской пропаганды и общественного мнения и в целом участия Великобритании в Первой мировой войне.

Ключевые слова: Первая мировая война, Великобритания, эдвардианская эпоха, пропаганда, Веллингтон хаус, Чарли Чаплин, Луи Ремакерс.

FOR CITATION

I. K. Bogomolov. Book Review: *Carradice Ph. Keeping the Home Fires Burning: Entertaining the Troops at Home and Abroad During the Great War.* Barnsley: Pen & Sword History, 2022. 224 p. // Petersburg historical journal, no. 3, 2024, pp. 241–246

Abstract: The study of public attitudes and leisure during the First World War has a long and distinguished history, and continues to evolve and expand in the present era. Phil Carradice's monograph represents a continuation of the study of British society during the period 1914–1918. The author addresses a range of subjects, including propaganda, the reality of life on the frontline, the evolution of military literature, the emergence of cinema and the role of print in England at the outset of the 20th century. A substantial portion of the book is dedicated to individuals who were not politicians but nonetheless exerted a considerable influence on the prevailing mood of the British public with regard to art and culture, not only during the Great War but also in the subsequent decades. The activities of Charlie Chaplin, artists Louis Remakers and Fergus McKain, Anglican chaplain Jeffrey Studdert-Kennedy, and the head of Wellington House, Charles Masterman, were referenced during the wartime period. It is similarly of interest to describe the structure and methods of work of British propaganda, as well as the ways in which it was disseminated at the front and in the rear. The text illustrates how propaganda constructed representations of heroes, adversaries, and victims of war, including pilots, nurses, and statesmen. It is worthy of note that the author makes particular reference to the phenomenon of 'people's poetry', which became a prominent feature of the Great War. The extensive scope of the subject matter inevitably resulted in a highly multifaceted and diverse monograph. Many of the topics addressed could have warranted a dedicated monograph in themselves. Given the extensive range of topics covered, questions are raised regarding the structure and sequence of the book. Nevertheless, Carradice's monograph is a valuable source of information on the history of British propaganda and public opinion, as well as on Britain's participation in the First World War.

Key words: World War I, Great Britain, Edwardian era, propaganda, Wellington House, Charlie Chaplin, Louis Remakers.

Автор: **Богомолов, Игорь Константинович** — к. и. н., старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

Автор: **Bogomolov, Igor Konstantinovich** — PhD in History, senior researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: bogomolov@inion.ru
ORCID 0000-0001-8381-0284

Требования к публикации статей и материалов

- Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 0,75 а.л. (30 тыс. знаков с пробелами). Объем публикуемых документов (с комментариями) и рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном и распечатанном виде (шрифт текста Times New Roman, 14-м кеглем, сноски — 10-м кеглем).
- Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или нахождения в докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона. Кроме того, обязательно указание индекса УДК и желательно персонального кода в ORCID.
- Текст должен быть снабжен аннотацией на русском и английском языках (не менее 200–300 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной классификации), который приводится над фамилией автора слева, а также переводом заглавия статьи на английский язык.
- Сноски к тексту — концевые, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов. В конце текста должен быть представлен транслитерированный (в латинице) список использованной литературы с полным переводом ссылки на английский язык, данным в квадратных скобках.
- Иллюстрации принимаются только черно-белые, в форматах tif и jpg, с разрешением не менее 300 dpi.
- Ответственность за точность цитат, приводимых фактов, имен собственных, географических названий лежит на авторах материалов, как и за то, что в них отсутствует упоминание сведений, не подлежащих открытой публикации.
- Статьи, поступившие в редакцию, регистрируются. Решение о публикации/отказе в публикации/направлении рукописи на доработку принимается ответственным редактором и сообщается автору в срок до 60 дней.
- Все поступившие в редакцию материалы подлежат предварительной оценке редакционной коллегией или ответственным редактором на предмет соответствия установленным формальным требованиям, а также на предмет отсутствия в рукописи неправомерного заимствования текста, иллюстраций, таблиц и пр.
- Все материалы, не отклоненные в результате предварительной проверки, подлежат обязательному независимому научному рецензированию, без указания фамилии автора. Научное рецензирование может осуществляться любыми специалистами, в том числе и членами редакционной коллегии.
- До публикации материалов рецензенты и члены редакционной коллегии не вправе использовать рецензируемые материалы или ссылаться на них.
- Авторы должны подписать с редакцией журнала лицензионный договор на право использования научного произведения в «Петербургском историческом журнале».

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НЕСТОР-ИСТОРИЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ БЕЗ НАЦЕНКИ В ОФИСЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

- Санкт–Петербург
Петрозаводская ул., д. 7, оф. 8
(150 м от станции метро «Чкаловская»)
- Телефон +7 (965) 757 23 13
E–mail: nestorbook.ru@yandex.ru

КУПИТЬ
БУМАЖНЫЙ
ИЛИ
ЭЛЕКТРОННЫЙ
ВАРИАНТ
НАШИХ КНИГ
МОЖНО
НА САЙТЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
NESTORBOOK.RU

- На нашем сайте Вы можете оплатить книги и приобрести их с доставкой удобным для Вас способом. Подробнее на нашем сайте www.nestorbook.ru
- В другие города мы доставляем книги «Почтой России», «Боксберри» или курьером
- Электронные книги (в формате pdf) можно оплатить на сайте и получить по электронной почте
- По всем вопросам, связанным с заказами через сайт, обращайтесь по телефону +7 (965) 757 23 13 или пишите на e-mail: nestorbook.ru@yandex.ru

КАК МОЖНО
ПРИОБРЕСТИ
КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
«НЕСТОР-
ИСТОРИЯ»
В КНИЖНЫХ
МАГАЗИНАХ

- Заказать на сайте магазина с доставкой на дом
- Заказать на сайте магазина и забрать из пункта самовывоза
- Не хотите ждать доставку? Забронируйте книгу в любом удобном для вас магазине: рядом с домом, работой или учебой. Ваш резерв будет ждать Вас!
- Не нашли книгу в любимом магазине? Оставьте заявку, и мы доставим туда книги!

ЗАКАЗАТЬ
И ПРИОБРЕСТИ
КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
«НЕСТОР-
ИСТОРИЯ»
ВЫ МОЖЕТЕ
НА САЙТАХ
КНИЖНЫХ
МАГАЗИНОВ

МЫ СОТРУДНИЧАЕМ С ВЕДУЩИМИ КНИЖНЫМИ МАГАЗИНАМИ МОСКВЫ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

- Интернет–магазин Wildberries
- Интернет–магазин «Лабиринт»
- Интернет–магазин «Озон»
- Интернет–магазин «Москва»
- Интернет–магазин Esterum
- «Читай–город»
- «Библио–Глобус»
- «Буквояд»
- Московский Дом книги
- «Подписные издания на Литейном»
- «Книжная лавка писателей»
- Дом книги в СПб
- «Книжная лавка историка»
- «У Кентавра» (РГГУ)
- «Циолковский»
- «Фаланстер»
- «Дом университетской книги»
- «Листва»

По вопросам оптовых поставок: тел. +7 (960) 243 32 82, pr@nestorbook.ru